

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

Богданова-Бегларян Н. В. ПРАГМАТЕМЫ В УСТНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЯ.....	7
Ермолова О. Б. «ОДИН РЕЧЕВОЙ ДЕНЬ» ГОВОРЯЩЕГО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАГМАТИКИ.....	21
Савченко Д. С. ПРЕДЛОГ <i>ВРОДЕ</i> КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА УСТНОЙ РЕЧИ.....	31
Данилевская Н. В., Ху Сяосюэ РУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ «УСПЕШНАЯ ЖЕНЩИНА»: ВОСПРИЯТИЕ И ТОЛКОВАНИЕ СОВРЕМЕННОКАМИ.....	42
Костомарова Н. А. ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КИТАЙСКИХ И РУССКИХ СТУДЕНТОВ....	54
Нойман А., Малер И. ИЗУЧЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ УСТНОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ.....	67
Мякотникова С. Ю. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТИПОВ СЛОВА В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (на материале корпусов АНК и БНК).....	77
Вершинина М. Г. ЭКСПЛИКАЦИЯ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКИХ В ПОЛИЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ.....	86
Боброва М. В. О ФАНТОМАХ В ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА.....	94
Пантелеева Л. М. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ НАУКИ И ЗАДАЧИ НА БУДУЩЕЕ.....	104
Кузьмина Т. В. ФОРМЫ ИМПЛИЦИТНОГО (СИНТАКСИЧЕСКОГО) ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Б. А. АХМАДУЛИНОЙ.....	113

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Титова А. В. САТИР ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» РОЧЕСТЕРА: ОРИГИНАЛЬНОСТЬ НА ФОНЕ АЛЛЮЗИЙ.....	121
Лошакова Г. А. ИСТОРИЯ КАК «ОСТАНОВЛЕННОЕ» ВРЕМЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. СИЛСФИЛДА / К. ПОСТЛЯ И А. ШТИФТЕРА.....	129
Гурова Е. П. ЮРОДИВЫЕ В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.....	136
Петрова Н. А., Подавылова И. А. КОНЦЛАГЕРНАЯ ПРОЗА: ОТ ДОКУМЕНТА К РОМАНУ	146
Андреюшкина Т. Н. СТИХОТВОРЕНИЕ-ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ В ПОЭЗИИ Ж. ПРЕВЕРА, М. КАЛЕКО, Г. АЙХА И Р. ГЕРНХАРДТА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	154
Мокрушина О. А. ТОПОС ШКОЛЫ В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ 2000-Х ГОДОВ	161

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY

Natalia V. Bogdanova-Beglarian
 PRAGMATIC ITEMS IN EVERYDAY SPEECH:
 DEFINITION OF THE CONCEPT AND GENERAL TYPOLOGY.....7

Olga B. Ermolova
 «ONE SPEAKER’S DAY» IN TERMS OF PRAGMATICS.....21

Darya S. Savchenko
 THE PREPOSITION *ВРОДЕ (VRODE)* AS A FUNCTIONAL SPEECH UNIT31

Nataliya V. Danilevskaya, Hu Xiaoxue
 RUSSIAN AND CHINESE «SUCCESSFUL WOMAN»:
 CONTEMPORARIES’ PERCEPTION AND INTERPRETATION.....42

Natalia A. Kostomarova
 CONCEPTION OF A HUMAN IN CHINESE
 AND RUSSIAN STUDENTS’ LINGUISTIC WORLD-IMAGE.....54

Astrid Neumann, Isabelle Mahler
 ORAL COMMUNICATION COMPETENCE
 OF NATIVE AND FOREIGN LANGUAGE TEACHERS.....67

Svetlana Y. Myakotnikova
 SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF THE PHONETIC TYPES OF WORDS
 IN THE BRITISH AND AMERICAN VARIANTS OF THE ENGLISH LANGUAGE
 (on the material of the American National Corpus and the British National Corpus).....77

Mariya G. Vershinina
 EXPLICATION OF THE SOUND PICTURE OF THE WORLD
 OF RUSSIAN PEOPLE IN MULTILINGUAL ENVIRONMENT.....86

Mariya V. Bobrova
 ON PHANTOMS IN DIALECTAL PHRASEOGRAPHY:
 STATEMENT OF THE QUESTION.....94

Liliya M. Panteleeva
 LINGUISTIC SOURCE STUDY: PERIODIZATION AND AIMS FOR THE FUTURE.....104

Tatiana V. Kuzmina
 FORMS OF IMPLICIT (SYNTACTIC) EXPRESSION OF TENSE
 IN B. A. AKHMADULINA’S POETRY.....113

LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT

Anna V. Titova

ROCHESTER'S «A SATYR AGAINST AND MANKIND»:
ORIGINALITY AGAINST ALLUSIONS..... 121

Galina A. Loshakova

HISTORY AS “STOPPED” TIME
IN WORKS OF CH. SEALSFIELD / C. POSTL AND A. STIFTER.....129

Elena P. Gurova

HOLY FOOLS IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVELS..... 136

Nataliya A. Petrova, Irina A. Podavylova

THE CONCENTRATION CAMP PROSE: FROM A DOCUMENT TO A NOVEL 146

Tatiana N. Andreyushkina

THE POEM-INVENTORY IN THE POETRY OF J. PRÉVERT, M. KALÉKO,
G. EICH AND R. GERNHARDT: COMPARATIVE ANALYSIS 154

Olga A. Mokrushina

THE TOPOS OF SCHOOL IN WOMEN'S PROSE OF 2000s 161

Международный редакционный совет

- Александрова О. В.*, д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Брузгене Р., д-р, доц. (Литва, Университет Миколаса Ромериса, Институт литовской литературы и фольклористики)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Виноградов В. А., д. филол. н., член-корр. РАН (Россия, Москва, Институт языкознания РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Георгиевская-Яковлева Л., д-р, проф. (Македония, Скопье, Институт македонской литературы)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Левицкий Ю. А., д. филол. н., проф. (Россия, ШГПУ)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Павлова А. В., д-р, проф. (Германия, Вальдорфский ун-т)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Ристовский Б., д-р, проф., акад. Македонской академии наук и искусств (Македония, Скопье)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрГУ)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Спивак Р. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэр-Дюпэгр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)

Редакционная коллегия

<i>Бочкарёва Н. С.</i> (гл. ред.), д. филол. н., проф.	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц.	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Шутёмова Н. В.</i> , (зам. гл. ред.) к. филол. н., доц.	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц.
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф.	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф.	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф.	<i>Мышкина Н. Л.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц.	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц.	<i>Овчинникова И. Г.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц.	<i>Петрова Н. А.</i> , д. филол. н., доц.
<i>Братухин А. Ю.</i> , к. филол. н., доц.	<i>Подюков И. А.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц.	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц.	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф.
<i>Дускаева Л. Р.</i> , д. филол. н., доц.	<i>Фоминых Т. Н.</i> , д. филол. н., проф.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. E-mail: langlit2009@mail.ru

Сайт журнала: <http://www.rfp.psu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ №ФС77-35029 от 20 января 2009 г.

Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя в 2013 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС77-53181 от 14 марта 2013.

Founder: Perm State University

International Editorial Board

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Rūta Brūzgienė (Lithuania, Mykolas Romeris University, Institute of Lithuanian Literature and Folklore)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Science, Moscow, Institute of Slavonic Studies)
Victor Vinogradov (Russian Academy of Science, Moscow, Institute of Linguistics)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Loreta Georgievskaja-Jakovleva (Macedonia, Skopje, Institute of Macedonian Literature, University St. Cyril and Methodius)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute of Slavonic Studies)
Yurij Levitzkij (Russia, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
Sergej Myznikov (Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Institute of Linguistics Studies)
Anna Pavlova (Germany, Walldorf University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Blaze Ristovski (Macedonian Academy of Science and Art, Skopje)
Mary Rut (Russia, Ural State University)
Ranjana Sxaena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Rita Spivak (Russia, Perm State University)
Olga Ushakova (Russia, Tumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, Université de Poitiers)

Perm Editorial Board

<i>Nina Bochkareva</i> – Editor-in-Chief	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor	<i>Valerij Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor	<i>Nelly Myshkina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Irina Ovchinnikova</i> (Perm State University)
<i>Larisa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Elena Bazenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexander Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	
<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)	
<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)	

ПРАГМАТЕМЫ В УСТНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЯ¹

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. nvbogdanova_2005@mail.ru

Настоящая статья посвящена описанию и классификации особых единиц устного дискурса. Эти единицы, восходящие к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, переходят из разряда речевых в разряд условно-речевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц русской речи. С учетом такой их *прагматикализации* для них вводится термин *прагматема*. В работе дается обзор некоторых близких к прагматеме понятий, таких как *дискурсивное слово*, *дискурсивная единица*, *логическая* или *модальная частица*, *коннектор*, *речевой автоматизм*, *вербальный хезитатив*, *прагмалексема*, и обосновывается необходимость нового термина. Предлагаемая типология прагматем включает более десятка различных разрядов: *междометные прагматы*, *хезитативные*, *дискурсивные* и *ритмообразующие маркеры*, *маркеры поиска* и *самокоррекции*, *маркеры-ксенопоказатели*, *маркеры-рефлексивы* и *маркеры-аппроксиматоры*, а также ряд др. Весь анализируемый материал рассматривается на фоне других специфических особенностей русской устной речи, обнаруживаемых на лексическом и дискурсивном уровнях анализа. Во всех случаях отмечается полифункциональность выявленных прагматем, дискурсивный анализ проводится на корпусном материале: используются устный подкорпус Национального корпуса русского языка и Звуковой корпус русского языка (модули «Один речевой день» и Сбалансированная аннотированная текстотека).

Ключевые слова: устная спонтанная речь; повседневное общение; прагматикализация; прагматема; маркеры устного дискурса; звуковой корпус.

1. Специфика устной повседневной речи

Вокруг проблем обыденной жизни объединяются сегодня самые разнообразные исследования, поэтому вполне можно говорить «о глубинном интересе к повседневности» в современной науке [Вальденфельс 1991: 40]. Ср., например: «Тема повседневности в XX веке прочно вошла в сферу современного исследовательского интереса и уже успела образить собственной традицией. Парадоксальным образом мысль начинает испытывать интерес к повседневности. Ажиотаж вокруг нее в последние десятилетия так велик, что можно констатировать своего рода “поворот к повседневности”, которая превратилась в предмет различных социальных наук и междисциплинарных исследований. <...> Именно повседневная жизнь во всем ее многообразии представляет подлинный интерес для представителей “человековедческих” дисциплин. Со времен Сократа нет для человека более интересного объекта изучения, чем он сам» [Полякова 2014]; «...закономерно возникший во второй половине

XX века интерес ученых разных специальностей к повседневной жизни людей не случаен, от науки потребовалась определенная систематизация чрезвычайно разнообразных составляющих современного образа жизни и поведенческих стереотипов» [Тимофеева 2014]. Так, «философия повседневности нашла свое отражение в трудах ученых “Серебряного века” В. В. Розанова, И. А. Ильина, а позднее в работах М. М. Бахтина и Г. Г. Шпета. Проблемы психологии обыденного сознания исследовались Л. С. Выготским, вопросы частной жизни людей в историко-культурном и этнографическом аспектах рассматривали в своих трудах М. Г. Рабинович, О. М. Фрейденберг, Л. С. Семенова и мн. др. Таким образом, важно отметить, что антропоцентрическая направленность современных гуманитарных исследований обусловлена не только влиянием ряда западных концепций, акцентирующих внимание на изучении обыденного сознания и повседневных практик людей, но и оте-

чественной научной традицией» [Китайгородская, Розанова 2010: 11].

Язык является «ключевым объектом при анализе повседневности во всей ее полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь. Всякий исследователь обыденной реальности и сознания вынужден быть отчасти лингвистом» [Касавин, Щавелев 2004: 410]. Не удивительно поэтому, что лингвисты обратились к изучению повседневной речи носителей языка. Именно такую речь фиксирует *Звуковой корпус русского языка*, создаваемый на филологическом факультете СПбГУ, особенно его блок «Один речевой день» (ОРД) (см. подробнее: [Звуковой корпус... 2013]); именно такая речь соответствует всем признакам, установленным исследователями в принципе для повседневности как «высшей реальности» (см.: [Шюц 1988]):

1) *самоочевидность* обыденной жизни и нашего знания о ней. Воспринимаемые нами объекты окружающего мира (в том числе язык) образуют «поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта» [там же: 130]; ср. также: «Повседневность представляет собой структурный компонент человеческого опыта, есть то, от чего нельзя уйти никому» [Полякова 2014];

2) *интерсубъективность*: необходимое обыденное знание приобретает индивидом не обособленно, а во взаимодействии с другими индивидами (в том числе в процессе коммуникации) [Шюц 1988: 130];

3) *стереотипность* восприятия окружающей действительности и себя в ней [там же: 134].

По мнению П. Томпсона, «устное повествование <...> примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического, часто используются одни и те же слова и образные выражения» [Томпсон 2003: 277]. Однако подобная «непричесанность» такого повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полусознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [там же]. Именно этим интересна для лингвистического исследования живая повседневная устная речь, анализ которой позволяет исследователям не только описать ее специфику и заложить основы построения *грамматики речи*, или *антропоцентрической грамматики* (см. о ней: [Русакова 2012]), но и увидеть перспективы развития языка, что еще больше повышает значимость всех таких исследований.

Устная речь повседневного общения характеризуется многими особенностями, заслуживаю-

щими отдельного исследовательского внимания. Вот лишь некоторые из них, обнаруживающиеся на дискурсивном и лексическом уровнях анализа материала.

1.1. Расширение круга значений единиц

Глагол *уговорить/уговаривать*, имеющий в качестве основного значение ‘убеждая, склонить к чему-л., заставить согласиться с кем-, чем-л.’ [Словарь русского языка... 1984: 458], способен употребляться в повседневной речи как синоним глаголов *выпить/выпивать*, *съесть/есть* в значении: ‘шутл., разг. Съесть или выпить все, обычно значительное количество (чаще о спиртном)’ [Химик 2004: 630]:

- [Абрамыч, nick] *Ха-ха поймала, по ходу, но – философски. Тож поди абсент уговариваешь иногда?* [коллективный. Спекулянты за работой (2011)]²;

- [Ю. К., жен, 19] *Для нас // Вот // А я потом вот почти не пила они всю эту бутылку одни уговорили / баклажку даже не допили / ну вот водки наверно столько осталось [показывает] / и в баклажке вот столько [показывает] / [Разговор о поездке в лес // Из коллекции Саратовского университета, 2002].*

Видно, что круг значений глагола *уговорить/уговаривать* в устной речи существенно расширяется за счет подобных контекстов, и зафиксировано это пока только рядом словарей неформальной лексики.

В первом из приведенных контекстов присутствует и еще одна единица подобного типа: *по ходу* в значении ‘кажется, похоже’, что также можно рассматривать как некоторую речевую семантическую новацию. Множество примеров такого типа см. также: [Богданова-Бегларян 2014a].

1.2. Появление новых («несловарных») единиц

Приведем лишь один пример такого типа, поскольку их количество в нашей речи поистине огромно.

Лексема *бабец/бабца*, хорошо знакомая всем носителям русского языка, с трудом поддается даже лемматизации (приведению к исходной форме), ср.:

- *ну я думаю не раз уже подворачивался / с другой стороны // смотри они сколько уже / лет шесть вместе // нда // хотя тоже там / бабцу какую-то / залапал (ОРД);*

- *долго ли взирать / такие бабцы ? (ОРД);*

- *ну там такие бабцы / конечно призы... / я в шоке // откуда у них грудь? неужели у них всех силикон? я не понимаю (ОРД).*

Анализ самого разнообразного материала, а

также ряд психолингвистических экспериментов с обращением к ментальному лексикону носителей языка позволили сделать в отношении данной единицы следующий вывод: в современной устной повседневной речи существуют два варианта этой лексемы, с небольшими различиями в значении:

1) *бабец* (м. р.) – ‘грубое и вульгарное наименование женщины, малообразованной, маргинального происхождения, потерявшей свою женственность’;

2) *бабец* (ж. р.) или *бабца* (ж. р.) – ‘привлекательная женщина, обладающая специфическим психологическим складом: инициативностью, самостоятельностью, способностью за себя постоять’.

Подробнее об этой единице и о ряде других подобных см.: [Звуковой корпус... 2014].

1.3. Изменение соотношения значений единицы (мена приоритетов)

Данную особенность устной повседневной речи удобно проиллюстрировать на примере употреблений одной из форм глагола *сказать* – *скажем*, в том числе в составе различных конструкций: *так скажем*, *скажем там*, *ну скажем* и под.

В толковых словарях русского языка форма *скажем* упоминается лишь как одна из возможностей употребления глагола *сказать* (мелким шрифтом в конце соответствующей словарной статьи): «1 л. мн. ч. буд. вр. *скажем* в знач. вводн. сл. Например, к примеру. *Разговор зашел об этом самом трагизме, – когда человек сознает, что, скажем, счастье любви есть высшее счастье, но он не способен отделиться ему.* Вересаев. “Да здравствует весь мир!”» [Словарь русского языка... 1984: 101]. Конструкции *скажем так*, *так скажем* и проч. возможные варианты данной единицы не зафиксированы нигде, существуют только еще *Прямо сказать/сказать прямо* – вводные словосочетания со значением ‘откровенно, нелицемерно, открыто, явно, не скрывая’ [там же].

Анализ функционирования исследуемой единицы в разных видах русской речи позволил сделать довольно интересные наблюдения. Оказалось, что предикативные употребления *скажем* (поставленные словарем на первое место) единичны (от 0 до 7,5%) во всех видах речи. При этом словарные единицы (*скажем*, *ну скажем*, *прямо скажем*) (в значении ‘например, к примеру’) встретились преимущественно в письменной речи. Зато в разных типах устной речи (научной, публичной, бытовой) выявляется до 7-10 разновидностей этой конструкции, вклю-

чающей данную форму (наиболее часто – *так скажем* и *скажем так*), причем в значениях (функциях), далеких от словарных:

- *вот есть / вещи такие / вот / ну / у людей хобби например / да ? *П *В ну(:) / там скажем / *П ну / не знаю / паяет что-то* (ОРД)³ (хезитация + поиск; найденная в ходе поиска конструкция подчеркнута);

- *у меня такой личный вопрос / в общем (м-м) скажем так ... *П разрешите / я сяду* (ОРД) (хезитация + дискурсивный направляющий маркер).

Анализ материала позволяет говорить не только о вариативности конструкции, включающей форму *скажем*, но и о необходимости отдельного ее лексикографического описания. Подробнее об этой единице и о ряде других подобных см.: [Звуковой корпус... 2014].

1.4. Ослабление семантической составляющей

Уже на предыдущем примере можно видеть, что в устной повседневной речи происходит не только изменение соотношения различных значений конкретной лексической единицы (мена семантических приоритетов), но и общее ослабление семантической составляющей одной из ее форм, что фактически отрывает эту форму от исходной и превращает в самостоятельную единицу, требующую отдельного лингвистического анализа и отдельного описания в соответствующем словаре.

Другим примером подобного типа могут служить многие употребления форм *знаешь/знаете*, в том числе и в составе различных конструкций, ср.:

- *как он называется? *П господи! *П прошитый пуфик такой / знаете(:) / модная / @ угу // @ табуреточка / а она оказывается очень нестойкая* (ОРД) (поиск + метакоммуникация – удержание говорящим речевой инициативы в момент хезитационного колебания);

- *вот ты знаешь / я короче уже один раз завалила как будто // содаю второй раз / и второй раз завалила* (ОРД) (дискурсивный стартовый маркер + метакоммуникация – привлечение внимания собеседника).

Видно, что в обоих контекстах глагольное значение форм *знаешь/знаете* максимально ослаблено. Подробнее об этих единицах и о ряде других подобных см.: [Звуковой корпус... 2014].

1.5. Утрата единицей лексического значения и приобретение прагматического

Логическим продолжением предыдущего процесса, протекающего в устной повседневной речи, является полная утрата единицей своего лексического значения и приобретение прагматического, т. е. той или иной функции, которую

эта единица выполняет в потоке речи. Именно это и стало главным объектом внимания в настоящей статье.

2. Прагматикализация и прагматема в устной повседневной речи

О прагматикализации говорят, когда в естественной речи определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний [Graf 2011: 288-289]; см. также: [Günther, Mutz 2004]. Обычная лексема превращается при этом в прагмалексему (*Pragmalexeme*; см., например: [Rathmayr 1975]), или прагматему. Последний термин для описания исследуемого класса единиц, на наш взгляд, предпочтительнее, поскольку зачастую эти единицы представляют собой не отдельные лексемы, а целые конструкции, которые могут иметь несколько вариантов употребления: *это самое, как сказать, (ну) (ты) знаешь, вот (этот) вот, туда-сюда, как его (ее, их), как это, (я) не знаю* и под.

В лингвистике не раз предпринимались попытки найти подходящий термин и описать подобные единицы устного дискурса. Так, близкими к прагматеме понятиями можно считать, например, *Discourse markers* [Schiffrin 1988], что было переведено на русский как *дискурсивные слова*. Пожалуй, именно этот термин является сейчас наиболее распространенным. Как отмечает Е. Г. Борисова, он пришел на смену понятию *частица* (*Modalpartikeln, Modal particles*), когда оказалось, что частицы обладают «слишком различными функциями» [Борисова 2014: 97]. В «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» А. Н. Баранова, В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной, одной из первых отечественных работ, специально посвященных дискурсивным словам, дается следующее толкование данного понятия: «По сути дела имеются в виду единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Баранов и др. 1993: 7].

Фундаментальным исследованием дискурсивных слов можно считать работу, выполненную под руководством К. Л. Киселевой и Д. Пайара [Дискурсивные слова... 1998; 2003]. В концепции авторов дискурсивные слова определяются прежде всего на основании функциональных критериев, главный из которых – установление

отношения между двумя (или более) составляющими дискурса. Таким образом, значение дискурсивных слов, не имеющих денотата, можно изучать только через их употребление. Класс дискурсивных слов является открытым, и по функциональным критериям туда входят служебные или неполнозначные слова, модальные слова, а также частицы и некоторые наречия. В этих же работах подобные единицы называются *логическими частицами, модальными частицами* или *коннекторами*.

На определенном этапе исследований для описания единиц устного дискурса были предложены также термины *речевой автоматизм* [Верхолетова 2010], *дискурсивная единица* и *вербальный хезитатив*, под которыми понимались, в частности, полифункциональные единицы (часто – развернутые конструкции) (см., например, [Звуковой корпус... 2014]), являющиеся вербальными заполнителями пауз хезитации. В работе С. Бризер [Brizer 2012] подобные единицы относятся к «образующим дискурс элементам» – *discourse structuring elements*.

Избирая в качестве основного термин прагматема, мы исходим из того, что в процессе прагматикализации происходят изменения в семантике лексических единиц, повышается роль прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов. Данный процесс может сопровождаться изменениями в употреблении (например, нереализованная валентность, нестандартный порядок слов и т. п.). В результате единица в значительной степени утрачивает (или изменяет) свое лексическое, а зачастую и грамматическое значение и главным для нее становится та функция, которую она реализует в структуре устного текста (дискурса) и которую можно назвать *прагматическим значением* данной единицы.

На следующем этапе происходит лексикализация прагматем в повседневном общении, которая связана с общим автоматизмом спонтанной речи и закреплением прагматической функции за конструкцией в целом в определенной коммуникативной ситуации. Это ставит задачу создания своеобразной типологии и дальнейшего лексикографического описания прагматем нашей повседневной речи.

3. Разновидности прагматем в устной повседневной речи

Проведенный анализ материала (прежде всего – Звукового корпуса русского языка) показал, что прагматемы, функционирующие в нашей речи, достаточно разнообразны. Попробуем представить основные их разновидности.

3.1. Междометные прагматы

Междометные прагматы отличаются от своих производящих (чаще всего этикетных) форм тем, что приобретают новую семантику, прагматику и просодику, а также синтаксическую независимость [Graf 2011]:

(1) *вы не хотите ин... оформить инвалидность ? *П так а(:) / кто / а кто мне её (...) даст ? # **здрасьте!** *П тут по... по вашим болячкам / я тут почитала / у вас куча болячек (ОРД);*

(2) *так / заставка // вот заставка // а что ж это у меня получилось-то ? *П чистый лист / **драсьте пожалста!** (ОРД);*

(3) [Мари, А. Клюка, жен, 29, 1970] *И ты будешь то самое целый час? [Лямкин, В.Ильин, муж, 52, 1947] Ага. **Щас** / всё брошу. Размечталась / дамочка. [А. Сурикова, В. Еремин. Хочу в тюрьму!, к/ф (1999)];*

(4) [Марина, жен] *Я? Ха! **Щас** прям! Недостойны они этого! [Разговор двух подруг (2006)];*

(5) *ну ну / **будет тебе @** держи (ОРД);*

(6) [Знакомый Александра Ивановича, муж] *Назад. [Митя, О. Долин, муж, 27, 1981] Ты это брось. Сорок дней пил / а тут... помирает [М. Калатозишвили и др. Дикое поле, к/ф (2008)];*

(7) [Парень2, муж] *Да ну ты брось / все нормально будет [Разговор молодых людей в автобусе о последних событиях в жизни // Дальневосточный федеральный университет, База данных «Речь дальневосточников», 2008];*

(8) *ну **давайте** / ага // *П хорошо / всё (ОРД);*

(9) *спроси пожалуйста / угу // ну **давай!** *П пока! (ОРД);*

(10) *Дыма / Дыма Дыма / ты не сюда залез // ну-ка **давай!** *П **давай!** (ОРД);*

(11) *так // *П допустим девятьсот четыре / # вот здесь напиши мне / # **давай!** (ОРД).*

Из последних примеров видно, что формы *давай/давайте* употребляются в нашей повседневной речи в двух прагматических значениях: как этикетная форма прощания, синонимичная *пока* (8–9), и как императив, обозначающий любое действие, к которому говорящий стимулирует собеседника (10–11).

3.2. Зависимость формы слова от намерений говорящего

С известными допущениями к классу прагматем могут быть отнесены и употребления слова *тысяча*, которое реализуется, в зависимости от намерений говорящего, то в полной, то в редуцированной форме, ср.:

1) с намерением сгладить, преуменьшить сумму:

• *такую ставку маленькую / он девять **тыщ** получал / что-то в таком духе (ОРД);*

• *по двенадцать-то **тыщ** я бы и сам платил / даже за однокомнатную (ОРД);*

2) с намерением выделить, преувеличить сумму:

• *вот (э-э) эта самая девушка как раз (...) говорит / что... / вот оказывается она очень дорого стоит где-то там (э-э) больше двух **тысяч** один (...) сеанс (ОРД);*

• *но у Барчукова-то как бы / но и машину *Н / и сама заработала восемьдесят **тысяч** (ОРД).*

Иногда подобную дифференциацию форм можно наблюдать в одном и том же контексте, в диалоге говорящих, по-разному относящихся к конкретной сумме:

• [Олег, С. Астахов, муж, 34, 1969] *Где триста **тысяч**? [Кирыч, муж] Какие... какие триста **тыщ** / товарищ? [Олег, С. Астахов, муж, 34, 1969] Я вам щас объясню [В. Бутурлин, В. Еремин. Есть идея, к/ф (2003)];*

• [Мужчина2, муж] *Восемьсот **тыщ** за каждого. [Юля, жен] Восемьсот? [Оля, жен] **Тысяч**? [Юля, жен] За каждого? [Мужчина2, муж] Да / за каждого [Разговоры за игрой в карты (2009)].*

Подробнее о редуцированных формах русской речи см.: [Звуковой корпус... 2014].

3.3. Дискурсивные единицы в разных функциях

Утратив (полностью или частично) свое лексическое значение, многие единицы дискурса (дискурсивные единицы в широком смысле слова) начинают выполнять в нашей речи довольно большое количество разнообразных функций, что дает основания включить их в класс прагматем.

3.3.1. Хезитативные маркеры

Наиболее универсальной такой функцией является хезитативная: вербальное заполнение паузы хезитации (речевого колебания). Именно такие единицы уместно называть также *вербальными хезитативами*. В потоке речи они употребляются либо самостоятельно, либо выстраиваются в более или менее протяженные хезитационные конструкции:

• *раньше приезжаешь там (м...м) как раз // # раньше надо (э...э) вставать / а сейчас (э...э) в семь часов / *П темно бл[...]дь⁴ (ОРД);*

• *будет / (э-э) вот знаешь что / какой нам бабке-то дать? (ОРД);*

• *да там какие-то / эти самые / и (ещё вот) / что-то по-моему / она какие-то протоколы разногласия пишет // я не знаю (ОРД).*

Подробнее о вербальных хезитативах см.: [Звуковой корпус... 2014].

3.3.2. Маркеры поиска

Такие маркеры часто являются полифункциональными и выполняют, наряду с поисковой (найденная единица всюду в примерах подчеркнута, хотя поиск может быть и неудачным), еще некоторые дополнительные функции, ср.:

- *в общем / *В *П какой-то маразм / такое впечатление создаётся // *П и старушка эта / *П вот так знаете (э...э) *П взяла / разорвала рецепт / и бросила там ей (ОРД) (+ хезитация + дейксис + метакоммуникация);*

- *ой / ха-ха я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец // как они коты накормили / это самое // он начал / это самое / э-э ну это / как его // э-э ну з... / ж... / ну жареной свиной // значит / окунями // и он начал кататься валять по полу // кататься и валяться по полу (САТ; пересказ) (+ хезитация);*

- *похоже на картины Шишкина мне почему-то сразу вспомнилось «Утро в сосновом лесу» самая моя / не знаю самая примитивная хранящаяся у меня в голове картина из детства / вот (САТ; описание) (+ хезитация + метакоммуникация);*

- *а вот с этими / *П что? с кровью? (ОРД);*

- *ну у неё врал / (...) этот (...) прибор наверное (ОРД).*

Подробнее о поисковой функции вербальных хезитативов см.: [Богданова-Бегларян 2013].

3.3.3. Маркеры-рефлексивы

Особый класс прагматем образуют конструкции, появляющиеся в речи как своего рода реакция говорящего на произведенный поиск, оценка им степени адекватности найденной единицы изначальному намерению; условно они пока названы *рефлексом поиска*, или *рефлексивами*:

- *ничего не давала // *П главное у неё сегодня этот () как его / (...) лабораторный день / или как сказать? (ОРД);*

- *какая-то (...) ну этот (...) врач терапевт Людмила Андреевна / (...) Перегоршинева или что? (ОРД);*

- *были (э) как-то вот / (э) (...) вот эти / как их? лямблии? или как это? (ОРД);*

- *с другими // *П ну (...) неспециалистами так скажем // *П в той области / в которой я работаю (ОРД).*

Предложенное понимание рефлексива находит соответствие и в других лингвистических исследованиях, ср.: «многие рефлексивы отражают раздумья автора над точностью и адекватностью номинаций, используемых для обозначения положения дел» [Кормилицына 2000: 21]⁵. В спонтанной речи, используя подобные маркеры, говорящий словно бы отстраняется от того, что уже сказал или собирается произнести, снимая с себя ответственность за точность номинации. В

ходе спонтанного речепорождения, в условиях временного дефицита, такие ситуации возникают довольно часто (см., например: [Подлеская 2013]).

Подробнее о рефлексиве *скажем так / так скажем* в разных позициях по отношению к искомой единице, от чего зависит и его конкретная прагматическая функция, см.: [Звуковой корпус... 2014].

3.3.4. Дискурсивные маркеры

Довольно обширный класс дискурсивных прагматем, структурирующих устный текст, включает стартовые, направляющие (навигационные) и финальные маркеры, которые тоже часто оказываются полифункциональными:

- *знаешь / вот тоже слабое место бл[...]дь а? так стало быть я там / вот за кордоном / они ж не привыкли ремонтировать // они к этому не привыкли как у нас (ОРД) (старт + метакоммуникация);*

- *далее / *П значит мы (э...э) *П (э...э) спис... берём / триста второй счёт / *П триста второй двадцать два соответственно материалы // *П должен быть / *П триста второй / *П двадцать три // *П как (э...э) денежные документы (ОРД) (навигация + старт нового фрагмента речи + хезитация);*

- *и она просто / у неё там на на уровне подсознания срабатывает / нет / не хочу / потому что // я не знаю почему / думаю что (ОРД) (финал).*

3.3.5. Дейктические маркеры

Дейктическая функция в классе прагматем связана по преимуществу с дискурсивной единицей *вот*. На статус более или менее лексикализованной прагматемы претендует, как представляется, конструкция *вот (...) вот*, включающая и другие усилительные или указательные слова (*именно, только, этот, такой* и под.) или местоименные наречия разного типа (*так, там, туда*). Следует отметить, что слово *вот* в составе таких конструкций и в таких значениях словарями не зафиксировано, в то время как в материале исследования подобных примеров великое множество. В ряде случаев и здесь наблюдается полифункциональность выявленной прагматемы:

- *обалдеть! *П вот этот вот знаешь / альбуцид / *П (э) закапать в глаза? (ОРД) (+ хезитация + поиск);*

- *а вот это вот я не успел // *П раза три наверное пытался это самое у... *Н // # но если семь с половиной / то страховая наверное (ОРД);*

- *да юрист-то подписала / и эта бы / # бухгалтер подписала? # она бы подписала / это вот здесь вот видишь это / (...) допущены вот ошибки*

ки // СПб (...) ГАМН надо / а вот здесь НАМН // # протокол разногласия надо написать / она подпишут (ОРД);

• это довольно смешно выглядит со стороны // ну / наверно всё // **вот так вот** (САТ; опускание) (+ финал).

3.3.6. Метакоммуникативные маркеры

Прагматемы, выполняющие в устной речи метакоммуникативную функцию, в наибольшей степени сохраняют связь с семантикой исходной формы и также зачастую бывают полифункциональными, ср.:

• а сейчас / а сейчас они вот / (э...э) страховую да [а] сперва? *П (э...э) / ну у кого какая страховая / **понимаешь [б]**? у кого большая / тому выгодно // а у кого (...) она не повышалась* *П вот (ОРД) (+ навигация [б]);

• так / а где здесь эт ну / не новым / а (...) фи... физическое состояние его увеличилось на проценты // # **вы знаете что [а]**? *П вот / я думаю что / (...) это не совсем правильный подход / потому что вот что касается компьютера / да [б]? *П # угу // # вот если мы в него как бы дополнительно вкл... вкладываем / и меняем его в лучшую сторону / да [в]? то да // это увеличивает стоимость основных средств // *П а если мы его просто ремонтируем / то ничего этого не происходит // *П **понимаете? да? [г]** (ОРД) (+ навигация [а], [б], [в] + финал [г]);

• да там какие-то / эти самые / и (ещё вот) / что-то по-моему / она какие-то протоколы разногласия пишет // **я не знаю** (ОРД) (+ финал).

3.3.7. Маркеры самокоррекции

В функции самокоррекции чаще всего выступает прагматема *это самое* (или ее варианты), хотя возможны и другие единицы. Часто с ними соседствует в речи и физическая (ничем не заполненная) пауза хезитации (J) (фрагменты текста, подвергшиеся коррекции, в примерах подчеркнуты), иногда присутствуют и другие (сопровождающие коррекцию) хезитационные явления – повторы (был ярк... [**это самое**] был] июльский день) или метакоммуникативные вставки (фу ты):

• яркая солнечная погода // говорить можно? так был ярк... [**это самое**] был] июльский день / вот / небо было чистым / безоблачным / солнце] светило (САТ; пересказ);

• мой хороший! позвонить мне / и узнать у меня ! *П ты мне звонишь и спрашиваешь о чем угодно / но об этом *В спросила бы / я бы тебе объяснила бы / *В и ты бы () уже давно бы сделала / и мне бы / в полдесятого / нервы не трепала бы / с этой ерундой / дурацкой! с гектарами! *П что они из вас / животноводов хотят ()

этих (...) фу ты () пахарей (...) чертовых вырастить / что ли? (ОРД).

3.3.8. Маркеры-ксенопоказатели (вводящие в повествование чужую речь)

Функция ксенопоказателя традиционно приписывается частицам. К давно описанным *мол, де, дескать* исследователи устной речи добавили в последнее время еще несколько единиц: *грит/гыт, ах, вот* и некот. др. – см., например: [Левонтина 2010]. Думается, что в число прагматем целесообразно включать лишь те из ксенопоказателей, которые способны выступать в устном дискурсе и в других функциях (обнаруживают полифункциональность), ср.:

• она говорит / ну как там вообще изменилось там что-нибудь? я говорю **ты знаешь** говорю / просто я сама сама говорю изменилась (ОРД) (+ старт чужой (в данном случае – передаваемой своей) речи + метакоммуникация);

• пришел домой мама мне сказала господи чё ты такой пьяный иди спи **вот** (САТ; рассказ) (+ финал чужой речи);

• я говорю мама / которая всю / весь спектакль сидит в кресле инвалидном / *В заходит в платье вечернем **такая / типа того** что же она / она уже ходит (ОРД) (+ элемент сравнения, изобразительности);

• ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П **типа того что блин** / *П *Х *П давайте общаться! (ОРД);

• он так ласково разговаривает / **такой** / *В ну вы успокойтесь / у вас все будет нормально // все получится // всё хорошо (ОРД) (+ изобразительность);

• Где-то около часа ночи попался на фен⁶... **Тосим-босим** – Вы нарушили – 97 км/ч. (Интернет);

• Сторож, Г.Светлани, муж, 82, 1895] *А сперва пождут хозяина или звонят в союз охотников. Так и так / мол / разберитесь. Одна там такая есть* [С. Ростокский, Г. Троепольский. Белый Бим, Черное ухо, к/ф (1977)].

Из последнего примера видно, что «старые» ксенопоказатели вполне могут соседствовать в устной речи с «новыми», подтверждая и усиливая эту их прагматическую функцию, ср. также:

• [Мать, жен, 54] *К Надьке подхожу и говорю / Надь / почему так произошло? / молчит / вот так / знаешь / типа / мол / не твоё дело* [Рассказ о работе // Из коллекции НКРЯ, 2006].

3.3.9. Ритмообразующие маркеры

Давно замечено, что ритм в естественной речи создается прежде всего просодическими средствами (темп, паузация, чередование ударных и безударных гласных, вся система ударений) (см., например: [Черемисина-Ениколопова 1999:

38]), однако «не последнюю роль в создании “гармонии речевого потока” играют и дискурсивные единицы как функциональные элементы звуковой цепи. Работа с корпусом звучащего материала позволяет проверить эту гипотезу и найти реальные экспериментальные данные в ее пользу» [Богданова-Бегларян и др. 2013: 10]. Это и дает основания выделить еще один класс прагматем нашей повседневной речи — *ритмообразующие маркеры*. Следующие примеры размечены с учетом относительной изохронности определенных фрагментов устного текста:

- *слушай / где-то (...) | берут эти (...) | взрывные | вещества* (ОРД);
- *девять тысяч там | с копейками* (ОРД);
- *там чтобы | не воровали | ничего* (ОРД);
- *вот мне там в этом | () пенсионном отделе | / одна вот женщина | говорит* (ОРД);
- *а чего они так придумали эти (...) | что закрепить действительно никак?!* (ОРД).

Видно, что во всех приведенных контекстах изохронность создается, в числе прочего, и с помощью специальных маркеров, выполняющих ритмообразующую функцию, что не исключает наличия у них и других – поисковой, например, или хезитационной (снова налицо полифункциональность исследуемых прагматем).

3.3.10. Маркеры-аппроксиматоры

(заменители всего перечисления или его части)

Известно, что одной из главных движущих сил языковой эволюции является закон экономики, проявляющийся, в частности, в компрессии устного текста, которая достигается разными средствами. Среди этих способов можно отметить и такое явление, как замена говорящим одной единицей части начатого перечисления или всего перечисления полностью. Для этой цели используются разнообразные заменители, *маркеры-аппроксиматоры*, выступающие в речи как знаки того, что перечисление возможно (полная замена, результат действия «стратегии замещения») или может быть продолжено (частичная замена, «стратегия совмещения») (о двух типах стратегий см.: [Подлеская 2013]). Стандартный (литературный), в первую очередь письменный, язык предоставляет для этого некоторые возможности, такие как *и так далее*, *и тому подобное*, *и другие*, *и прочее*, однако средства, используемые для этой цели в устной речи, гораздо богаче и разнообразнее. Можно говорить о целом классе дискурсивных единиц (прагматем), способных выступать в роли таких заменителей, ср.:

(1) *да / печать и так далее // ну(:) (у...у) у вас там это про... с... сро... строчки-то совпадают? (м...м)* (ОРД);

(2) *знаешь там / и так далее / вот человеку надо ставить конкретную задачу* (ОРД);

(3) *у неё ... # а я и то и другое (э-э) то есть ... # вы с ней очень осторожно* (ОРД);

(4) *Студент / значит? И ко мне / на практику? Эт хорошо. А то туда-сюда / а я один* [Женя, А. Градов, муж, 27, 1954] [В. Макаров и др. Берегите женщин, к/ф (1981)];

(5) *Одни мои знакомые решили завести второго ребенка. Так сказать и удовольствие получить, и денег заработать. Ну, тыры тыры, тосим босим. Чериз три месяца потыкали на УЗИ. Парадавали их* (Интернет) (орфография источника сохранена);

(6) [№ 3, жен, 18] *Гончарный круг / колесо / обожженный кирпич / бла-бла-бла* [Об учебе // Из материалов Ульяновского университета, 2007];

(7) *А я ей всё приготовила / пятое десятое тридцать пятое* (из разговоров);

(8) [№ 2, муж, 22] *Ну, у неё сначала любовь-морковь была ко мне, все дела* [Разговор на улице между мужчиной и женщиной // практиканты, 2005];

(9) [Ирина, жен] *У нас там картингов нет / своя корочка / там / шапочка и пятое / и десятое* [Тренинг туристической фирмы (2007)];

(10) *снайперка причём прилично стреляет // *П с этим / с оптикой / со всеми делами // *П а(:) / п... против кого они воевали* (ОРД);

(11) *У него ни денег, ничего...* (из разговоров);

(12) [Мать Галины, жен] *Да что же вы надедали с моей доченькой! [Мужик11, муж] Чай там / то-сё / горячей воды. Скоро стемнеет / и хворать начнёт...* [М. Калатозишвили и др. Дикое поле, к/ф (2008)];

(13) *а бочки / по 200 литров / они всё равно потом там / про... проржавеют / и прочее и прочее потом* (ОРД);

(14) *говорят (а э) овал / и(:) эллипсоидный // *П ы-ы // () и то / и другое* (ОРД);

(15) [Антон, муж, 20] *Говорит / в субботу. Ему пока магнит делают / тоси-боси...* [О дне рождения // Из материалов Ульяновского университета, 2007];

(16) [Космос, Д. Дюжев, муж, 24, 1978] *Этому десятка светит / а он всё / ля-ля / тополя / концерты / скрипочки / Шопен / Мопен...* [А. Сидоров, И. Порублев. Бригада, к/ф (2002)].

Начатое перечисление (там, где оно вообще есть) во всех контекстах подчеркнуто. В ряде примеров этот названный член выступает как обобщающее слово, и тогда маркер-аппроксиматор фактически заменяет собой весь возможный в данном случае перечислительный ряд (7–

8). В других контекстах этот маркер встраивается в середину ряда перечислений (12) или предвзвешивает его, беря уже на себя роль обобщающего слова (16).

Примеры показывают, насколько обширен и разнообразен данный класс прагматем, что позволяет даже поставить вопрос о создании специального словаря подобных единиц, который может быть полезен во многих теоретических и практических исследовательских целях.

3.3.11. Маркеры-аппроксиматоры (заменители чужой речи)

Особый класс прагматем, также *маркеро-аппроксиматоров*, способен заменять в устной речи не перечисление или его часть, а полностью чужую речь:

- [Юлия, жен, 18] *А / мы с тобой же были / помнишь / Настя и Катя. Аааа... Катю я видела пару раз в университете / ну / мы с ней поскольку не общались / постояли / «привет-привет» там / бла-бла-бла* [Разговор подруг // Из материалов Ульяновского университета, 2007];

- *А чаще я сама сажусь на телефон и ля-ля-тополя с его секретаршей...* [О. Некрасова. Платит последний (2000)];

- *Вы на то хозяйин... – та-та, та-та... и пошла схватка! Обе барыни сцепились между собою и кричали обе вместе* [Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839)].

Очевидно, что во всех случаях использования подобных маркеров говорящий прибегает к стратегии замещения (подробнее о маркерах-аппроксиматорах см.: [Богданова-Бегларян 2014б]).

3.3.12. БЛИН как орнаментальная клитика

Еще один эволюционный процесс, протекающий в устной речи буквально на наших глазах, демонстрирует слово *блин*, прошедшее за весьма короткое время путь от «детского ругательства», эвфемистического заменителя грубой инвективы, к просторечному, но уже привычному и очень распространенному междометию, зафиксированному целым рядом словарей, и далее — к вполне нейтральной орнаментальной клитике, ср.:

- *не / просто уже так привыкли блин* (ОРД);

- *те выходные / соцпакет / эти выходные / дебилы блин приехали* (ОРД);

- *нет / просто / *П мне очень интересно / *П кто () ху из ху / какого происхождения потому что / *П какой-нибудь там не знаю немец / у него плохая погода блин / ну везде плохая погода* (ОРД).

Именно утрата всякого значения, в том числе междометного, и переход к функции чисто кли-

тической (может быть, где-то и ритмообразующей) дает основания и эту единицу причислить к классу прагматем русской устной повседневной речи. Анализ материала показал, что даже ее эвфемистичность постепенно утрачивается: говорящий в одном контексте легко может употребить и слово *блин*, и его прототип (равно как и любые другие непечатные выражения):

- *чего открыл ты блин(?) свою бл[...]/дь?* (ОРД);

- *я вот вообще бл[...]/дь машину не хочу / вот серьёзно тебе говорю // после... после той... той аварии блин / я понял блин / что рано мне ещё на машине ездить* (ОРД);

- *на х[...]/й в цвет стен! *П белый / (...) # ну я с... сразу подумал / белый я говорю / ему с... его спрашиваю / белый блин красить?* (ОРД).

Как бы ни относиться к явной экспансии этой единицы в нашей повседневной устной речи, ее функционирование однозначно заслуживает более пристального внимания (подробнее о ней см.: [Богданова-Бегларян 2014в]).

4. Некоторые выводы

В качестве исходной посылки к проведенному исследованию можно процитировать следующее авторитетное мнение: «В свете корпусной идеологии совершенно по-новому предстают приоритеты лингвистической теории. Теоретическая лингвистика последних десятилетий затратила огромные усилия на анализ сложных синтаксических явлений. Однако с точки зрения корпусного подхода эта работа не всегда полезна, поскольку многие такие явления в речевой реальности не обнаруживаются или обнаруживаются крайне редко. В то же время исключительно частотные явления устной речи, такие как гезитации, речевые сбои, регуляторные дискурсивные маркеры, парцелляции и т. д., практически не замечены лингвистической теорией» [Рассказы о сновидениях 2009: 27]. Предпринятое описание прагматем русской устной повседневной речи можно считать некоторой попыткой «исправить этот крен и расширить эмпирическую базу лингвистического анализа» [там же].

К классу прагматем, как показал анализ корпусного материала, относятся по преимуществу «лексикализованные конструкции с местоименным компонентом» [Подлеская 2013]; это дискурсивные единицы, подвергшиеся *прагматикализации*: их лексическое значение в реальных употреблениях оказалось в значительной степени ослабленным или вовсе утраченным и на смену ему пришло прагматическое значение, или функция в речи.

Нужен, как представляется, еще один «Путеводитель по дискурсивным словам», но не тем, что у А. Н. Баранова с соавторами, а что-то вроде *Словаря прагматем русской разговорной речи*: дискурсивные единицы, сгруппированные по их функциям, и их подробное описание. Структура словарной статьи такого словаря должна включать несколько лексикографических зон:

- *семантическая зона* – толкование исходной единицы или компонентов прагматемы в обычных словарях, своего рода семантический фон для описания функционирования данной единицы в речи;

- *функциональная зона* – все возможные функции данной прагматемы в повседневной устной речи;

- богатые иллюстрации, сопровождающие описание функций прагматемы;

- количественные соотношения выделенных функций;

- корреляции с типом речи (*монолог/диалог, науч./публ./быт.*) и характеристиками говорящего (если есть) – через систему помет (*муж./жен./дет., млад./стар.* и проч.).

Думается, что такой словарь может найти своего читателя и пользователя, среди которых могут быть специалисты-лингвисты, исследователи повседневной русской речи, создатели грамматики русской речи (антропоцентрической грамматики), переводчики спонтанных текстов на другие языки (хотя бы в рамках художественного произведения при передаче речи персонажей), преподаватели русского языка как иностранного, поскольку носители других языков вынуждены учиться воспринимать и правильно понимать русскую спонтанную речь как устно, так и письменно, при чтении русскоязычных текстов, а также все те, кому интересна наша повседневная речь.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

² Все примеры в статье атрибутированы в соответствии с их источником: прежде всего это контексты из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка либо – из двух блоков Звукового корпуса русского языка: сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ) и «Один речевой день» (ОРД). Для контекстов из САТ указан жанр монолога: чтение, пересказ, описание изображения или рассказ на заданную тему.

³ О специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [Шерстинова и др. 2009].

⁴ В отличие от обычных в спонтанной речи запинок или обрывов слов, обозначаемых с помощью многоточия, таким образом ([...]) оформляются в примерах нецензурные выражения, в которых сознательно опущены некоторые буквы.

⁵ Существует, впрочем, и другое понимание рефлексива, во многом противоположное тому, которое предлагается в настоящей статье, ср.: рефлексив – это «метаязыковое комментирование актуальной для современного словоупотребления лексической единицы» [Вепрева 1999: 51]; целью такого рефлексива является «снятие информационной энтропии, коррекция сообщения в сторону уточнения, приближения к истине» [Шейгал 2002: 133]. Маркер-рефлексив в спонтанной речи не снимает, а лишь подчеркивает наличие информационной энтропии, никак не «приближая к истине» ни говорящего, ни слушающего.

⁶ В данном примере стоит обратить внимание еще на одну явную семантическую новацию разговорной речи: *фен* в значении ‘авторадар’ или ‘видеорегистратор’. Материал Звукового корпуса открывает богатейшие возможности для лексического анализа.

Список литературы

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12(19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 125–136.

Богданова-Бегларян Н. В. Лингвистические этюды (о некоторых особенностях русской разговорной речи) // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. 2014а. №1 (Январь – Март). С. 50–66.

Богданова-Бегларян Н. В. Еще о законе экономики в повседневной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. Омск, 2014б. №1 (в печати).

Богданова-Бегларян Н. В. Об одной из самых частых единиц русской спонтанной речи: *блин* с лингвистической и социолингвистической точек зрения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 13(20). По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог»

(2014) (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.) / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2014в. С. 76–82.

Богданова-Бегларян Н. В., Кислючок А. И., Шерстинова Т. Ю. О ритмообразующей функции дискурсивных единиц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 7–17.

Борисова Е. Г. Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 13(20). По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2014) (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.) / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2014. С. 96–106.

Вальденфельс Б. Повседневность как плавающий тигль рациональности // Социо-Логос: Социология, антропология, метафизика. Вып. 1: Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.

Вепрева И. Т. О социально-оценочной функции метаязыкового комментария в публичной речи // Политический дискурс в России – 3: материалы рабочего совещания. М.: Диалог – МГУ, 1999. С. 51–55.

Верхолетова Е. Ю. Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 19 с.

Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 280 с.

Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сб. ст. / под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Азбуковник, 2003. 206 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 532 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа (Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов) / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014 (в печати).

Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М.: РАН, Ин-т философии, Канон+, 2004. 430 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы. М.: Языки слав. культур, 2010. 496 с.

Кормилицына М. А. Рефлективы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 20–25.

Левонтина И. Б. Пересказываемость в русском языке. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog/2010/materials/html/44.htm>. (дата обращения: 10.06.14).

Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.

Полякова И. П. Дом как пространство повседневности. Роль Дома в философии В. В. Розанова. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/715> (2014). (дата обращения: 10.06.14).

Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлеская. М.: Языки слав. культур, 2009. 736 с.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка / ред.: М. Д. Воейкова, Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков, С. С. Сай. М.: Языки слав. культуры, 2012. 568 с.

Словарь русского языка: в 4 т. Т. IV. С-Я. Изд. 2-е, испр. и доп. / ред. А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова. М.: Рус. язык, 1984. 792 с.

Тимофеева Т. Ю. Повседневность и ее история в научном познании: сосуществование в противоборстве. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernHist/sites/default/files/TimofeevaTY.pdf> (2014). (дата обращения: 10.06.14).

Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

Черемисина-Ениколопова Н. В. Законы и правила русской интонации: учеб. пособие. М.: Флинта-Наука, 1999. 520 с.

Шейгал Е. И. Рефлективы в политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. С. 133–141.

Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16-20 марта 2009 г.). СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 66–75.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2. С. 129–137.

Brizer S. From Subject to Subjectivity: Russian Discourse Structuring Elements Based on the Adverbial Participle Govorya «Speaking» // *Russian Linguistics*. 2012. 36. P. 221–249.

Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 S.

Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // *W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.)*. What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77–107.

Rathmayr R. Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. München: Sagner, 1985. 352 S.

Schiffrin D. Discourse Markers. Studies in International Sociolinguistics 5. New York: Cambridge University Press, 1988.

References

Baranov A. N., Plungian V. A., Rakhilina E. V. Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo jazyka [The Guidebook on Discourse Words of Russian]. Moscow: Pomovskij i partn'ory Publ., 1993. 208 p.

Bogdanova-Beglarian N. V. Kto ishchet – vseгда li najd'ot? (o poiskovoj funkcii verbal'nykh khezitativov russkoj spontannoj rechi) [Those Who Seek, will They Find? (Search Function of Verbal Hesitations in Russian Spontaneous Speech)]. *Kompjuter-naia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2013»* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog 2013»]. Iss. 12/19. V. P. Selegej (ed.). Moscow: RSHU Publ., 2013. P. 125–136.

Bogdanova-Beglarian N. V. Lingvisticheskie etjudy (o nekotorykh osobennostjakh razgovornoj rechi) [Linguistic Etudes (Some Features of the Russian Colloquial Speech)]. *Vestnik Permskogo nauchnogo centra URO RAN* [Perm Scientific Center Herald of Ural Branch of Russian Academy of Sciences]. 2014a. No 1 (January-March). P. 50–66.

Bogdanova-Beglarian N. V. Jeshho o zakone ehkonomii v povsednevnoj spontannoj rechi [More about Linguistic Economy in Everyday Spontaneous Speech]. *Kommunikativnye issledovanija* [Communicative studies]. No 1. Omsk. 2014b (In Print).

Bogdanova-Beglarian N. V. Ob odnoj iz samykh chastykh jedinich russkoj spontannoj rechi: BLIN s lingvisticheskoj i sociolingvisticheskoj toček zrenija [One of the Most Frequent Items in Russian Spontaneous Speech: BLIN from Linguistic and Sociolinguistic Points of View]. *Kompjuter-naia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2014»* [Com-

putational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog 2014»]. Iss. 13/20. V. P. Selegej (ed.). Moscow: RSHU Publ., 2014c. P. 76–82.

Bogdanova-Beglarian N. V., Kisloshchuk A. I., Sherstinova T. Iu. O ritmoobrazujushhej funkcii diskursivnykh jedinich [On Rhythm-Forming Function of Discourse Markers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 2(22). P. 7–17.

Borisova E. G. Diskursivnye slova i referencii v processe ponimania soobshhenija [The Discourse Words and Reference in the Process of Understanding]. *Kompjuter-naia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2014»* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog 2014»]. Iss. 13/20. V. P. Selegej (ed.). Moscow: RSHU Publ., 2014. P. 96–106.

Valdenfels B. Povsednevnost' kak plavil'nyj tigl' racyonal'nosti [Daily Routine as a Crucible of Rationality]. *Socio-Logos: Sociologija, antropologija, metafizika* [Sociology, Anthropology, Metaphysics]. Iss. 1: Obshhestvo i sfery smysla [Society and Spheres of Meaning]. Moscow: Progress Publ., 1991. P. 39–50.

Vepreva I. T. O social'no-ocenochnoj funkcii metajazykovogo kommentaria v publichnoj rechi [On Social and Evaluation Function of Metalinguistic Comments in Public Speech]. *Politicheskij diskurs v Rossii-3: Materialy rabocheho soveshhanija* [Political Discourse in Russia-3: Proceedings of Work Meeting]. Ed. by Ju. A. Sorokin, V. N. Bazylev. Moscow: Dialogue – MSU Publ., 1999. P. 51–55.

Verkholetova E. Ju. Strukturno-dinamicheskij podkhod k social'noj stratifikacii ustnoj rechi. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Dynamic Structure Approach to the Social Stratification of Speech. Thesis synopsis of PhD philol. sci. diss.]. Perm, 2010. 319 p.

Diskursivnye slova russkoro jazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisanija [Discourse Words of Russian: Experience of the Contextually-Semantic Description]. K. Kiseleva, D. Paillard (eds). Moscow: Metatext Publ., 1998. 280 p.

Diskursivnye slova russkoro jazyka: kontekstnoe varjirovanie i semanticheskoe jedinstvo [Discourse Words of Russian: Context Variation and Semantic Unity]. K. Kiseleva, D. Paillard (eds). Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. 206 p.

Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russkoj rechi. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech Corpus as a Base for Analysis. Collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description].

N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2013. 532 p.

Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russkoj rechi. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza (Tom 2. Zvukovoj korpus kak material dl'a novyx leksikograficheskix proektov) [Speech Corpus as a Base for Analysis. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis (Vol. 2. Speech Corpus as a Base for a New Lexicographic projects)]. N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). St Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2014 (In Print).

Kasavin I. T., Shchhavelev S. P. Analiz povsednevnosti [Analysis of Everyday Life]. Moscow: Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Kanon+ Publ., 2004. 430 p.

Kitajgorodskaja M. V., Rozanova N. N. Jazykovo sushhestvovanie sovremennogo gorozhanina. Na materiale jazyka Moskvy [Language Existence of Modern Citizens (Based on Data of Moscow Language)]. Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2010. 496 p.

Kormilicyna M. A. Refleksivy v rechevoj komunikacii [Reflexives in Speech Communication]. Problemy rechevoj komunikacii [Problems of Speech Communication]. Saratov: Saratov Univ. Publ., 2000. P. 20–25.

Levontina I. B. Pereskazyvatel'nost' v russkom jazyke [Quotation and Rendering Markers in Russian] Available at: <http://www.dialog-21.ru/dialog/2010/materials/html/44.htm> (accessed 10.06.14).

Podlesskaja V. I. Nechotkaja nominacija v russkoj razgovornoj rechi: opyt korpusnogo issledovanija [Vague Reference in Russian: Evidence from Spoken Corpora] *Kompjuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog–2013»*. Tom 1. Osnovnaja programma konferencii [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog–2013». Vol. 1. The Main Program of the Conference]. Iss. 12/19. V. P. Selegej (ed.). Moscow: RSUH Publ., 2013. P. 631–643.

Poljakova I. P. Dom kak prostranstvo povsednevnosti. Rol' doma v filosofii V. V. Rozanova [Home as a Space of the Everyday Life. The Role of Home in Philosophy of V. V. Rozanov] Available at: www.culturalnet.ru/main/getfile/715 (2014) (accessed 10.06.14).

Rasskazy o snovidenijakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo diskursa [Stories about Dreams. Corpora Studies of Russian Speech]. A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaja (eds). Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2009. 736 p.

Rusakova M. V. Elementy antropocentricheskoj grammatiki russkogo jazyka [Elements of Anthropo-

centric Grammar of the Russian Language]. M. D. Vojejkova, N. N. Kazanskij, A. Ju. Rusakov, S. S. Saj (eds). Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2012. 568 p.

Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Russian Dictionary: in 4 vol.] (IV, S – Ia). A. P. Evgenjeva, G. A. Razumnikova (eds). Moscow: Russkij jazyk Publ., 1984. 792 p.

Timofeeva T. Ju. Povsednevnost' i jejo istorija v nauchnom poznanii: sosushhestvovanie v protivoborstve [Everyday Life and its History in Scientific Cognition: Coexistence in Confrontation] Available at: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernHist/sites/default/files/TimofeevaTY.pdf> (2014) (accessed 10.06.14).

Tompson P. Golos proshlogo. Ustnaja istorija [The Voice of the Past. Oral History]. Moscow: Ves' mir Publ., 2003. 368 p.

Chimik V. V. Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ehkspressivnoj rechi [Great dictionary of expressive Russian speech]. St-Peterburg: Norint Publ., 2004. 768 p.

Cheremisina-Jenikolopova N. V. Zakony i pravila russkoj intonacii [Laws and Rules of the Russian Intonation. Textbook]. Moscow: Flinta-Nauka Publ., 1999. 520 p.

Shejgal E. I. Refleksivy v politicheskoj komunikacii [Reflexives in Political Communication]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. Vyp. 3. Aspekty metakommunikativnoj dejatel'nosti* [Theoretical and Applied Linguistics. Iss. 3. Aspects of Metacommunicative Activities.]. Voronezh: VSTU Publ., 2002. P. 133–141.

Sherstinova T. Ju., Ryko A. I., Stepanova S. B. Sistema annotirovanija v zvukovom korpusse russkogo jazyka «Odin rechevoj den'» [The Annotate System in the Speech Corpora of Russian Everyday Communication]. *Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII mezhdunarodnoj filologicheskaj konferencii* [Formal Methods for a Speech Analysis. Proceedings of the XXXVII International Philological Conference]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ Publ., 2009. P. 66–75.

Sh'uc A. Struktura povsednevnoho myshlenija [Structure of Everyday Thinking]. *Sociologicheskie issledovanja* [Sociological Studies]. 1988. No 2. P. 129–137.

Brizer S. From Subject to Subjectivity: Russian Discourse Structuring Elements Based on the Adverbial Participle Govorya «Speaking». *Russian Linguistics*. 2012. No 36. P. 221–249.

Graf E. Interjections in Russian as Interactive units. Frankfurt on Main, 2011. 328 p.

Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. W. Bisang,

N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77–107.

Rathmayr R. The Russian Particles as Pragmalexeme. Munich: Sagner, 1985. 352 p.

Schiffrin D. Discourse Markers. Studies in International Sociolinguistics 5. N.Y.: Cambridge University Press, 1988.

PRAGMATIC ITEMS IN EVERYDAY SPEECH: DEFINITION OF THE CONCEPT AND GENERAL TYPOLOGY

Natalia V. Bogdanova-Beglarian
Professor in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University

This article is dedicated to description and classification of specific units of spoken discourse. In some cases of their usage in everyday speech these units, which originate from both full and functional words, lose their lexical and / or grammatical meaning (in whole or in part) and get pragmatic meaning. Therefore such units change their class from the speech units to the relatively-speech (communicative-pragmatical) functional units of the Russian speech. Taking into account such *pragmaticalization* it is proposed to call these units *pragmatemes*. The article represents a survey of such items close to the pragmateme as *discourse word, discourse unit, logical or modal particle, connector, speech automatism, verbal hesitation unit, pragmalexeme*. The necessity for the new term is also explained. Suggested typology of the pragmatemes includes more than a dozen different classes such as *interjectional pragmatemes, hesitative, discourse and rhythm-forming markers, search and self-correction markers, xenomarkers, reflexive markers, markers-approximators* etc. The material being analysed is considered against a background of other specific features of the Russian speech, which can be elicited at lexical and discourse levels of the analysis. In all the cases multifunctionality of pragmatemes is stated. Discourse analysis is based on corpora material: a Section of Spoken Russian of the Russian National Corpus and the Speech Corpus of Russian Everyday Communication (ORD and SAT modules).

Key words: spontaneous speech; everyday communication; pragmaticalization; pragmatic item; discourse markers; speech corpus.

УДК 811.161.1: 801.1

«ОДИН РЕЧЕВОЙ ДЕНЬ» ГОВОРЯЩЕГО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАГМАТИКИ¹

Ольга Борисовна Ермолова

к. филол. н., зав. филиалом

служба обеспечения дополнительных образовательных программ

Учебного отдела по направлениям востоковедение, искусство и филология

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. o-ermolova@mail.ru

Настоящее исследование посвящено анализу прагматики в звучащей речи и выполнено на материале Звукового корпуса русского языка. Корпус состоит из двух модулей: первый – «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) и второй – «Один речевой день» (ОРД). Главной задачей разработчиков при создании второго модуля было изучение речевого поведения носителя языка в течение дня с использованием методики 24-часовой звуковой записи. Такого рода записи представляют собой богатый материал для наблюдения над всеми особенностями устной спонтанной речи, в том числе над прагматикой разговорного языка. В качестве конкретного объекта исследования выбрана запись одного из информантов. Поскольку обязательным условием эксперимента была полная анонимность всех участников, он обозначен как И35. Различные эпизоды его речевого дня дают возможность проследить, как изменяются языковые средства, используемые говорящим, в зависимости от ситуации, в которой он находится; какие особенности речевой тактики проявляются в многообразных коммуникативных сценариях дня; как влияют на речь информанта те цели, которые он ставит перед собой в общении с разными людьми; какое речевое поведение в принципе характерно для него как для носителя языка. Общение информанта с различными адресатами дает возможность наблюдать, как проявляется на языковом уровне свойственное данному лицу отношение к собеседникам; каково его представление о том, что и как они воспринимают и понимают, какими фоновыми знаниями обладают; какие средства чаще употребляются им для воздействия на адресата с целью добиться желаемого. Предполагается, что приведённые в статье сведения окажутся полезными для дальнейшего изучения прагматики разговорной речи и языковых средств как отражения образа говорящего и отношений между участниками коммуникации.

Ключевые слова: прагматика; звуковой корпус; разговорная речь; цели высказывания; речевая тактика; языковые средства; коммуникативный сценарий.

Введение

Проект «Один речевой день»² направлен на то, чтобы использовать методы и принципы *левой лингвистики* для изучения живой русской речи. Материалом для анализа послужила звучащая спонтанная повседневная речь носителей языка. В ходе эксперимента спонтанность не была ограничена какими-либо установками, т. е. не предъявлялось никаких особых требований ни к месту или времени разговора, ни к стилю общения коммуникантов, ни к качеству записи. Коммуникативные сценарии, которые фиксируются в ОРД, не были предопределены, в результате чего был получен огромный объем речевого материала, заранее не вписанный в предсказуемые сценарии для лингвистической интерпретации³.

Материал ОРД представляет собой богатое поле для исследования русской разговорной речи. Проведённые на этом материале исследования в области современной фонетики, лексики, грамматики уже дали интересные результаты (см., например: [Звуковой корпус... 2013, 2014 а, б]).

В настоящей статье делается попытка анализа с прагматической точки зрения одного конкретного речевого дня во всем многообразии задействованных коммуникативных сценариев.

О прагматическом аспекте исследования речи

Прагматика как лингвистическая дисциплина изучает связь между намерениями говорящего и тем, какими средствами он эти намерения осу-

ществляет (см.: [Арутюнова 1990а: 389–390]). С прагматической точки зрения важно, каким образом то или иное высказывание понимается слушающим, как это зависит от контекста, а также почему в данной ситуации используется то, а не иное выражение.

Запись одного речевого дня русскоязычного информанта предоставляет богатый материал для исследования всех этих проявлений речевой деятельности в современном русском разговорном языке.

Традиционно принято изучать речевой материал с позиции прагматики в четырёх аспектах:

- 1) в связи с субъектом речи;
- 2) в связи с адресатом речи;
- 3) в связи с взаимоотношениями коммуникантов;
- 4) в связи с ситуацией общения [там же].

В настоящей статье остановимся только на первом аспекте прагматического исследования речи. В связи с субъектом речи так же традиционно изучаются:

- 1) явные и скрытые цели высказывания;
- 2) речевая тактика и типы речевого поведения;
- 3) правила разговора, подчинённые принципу сотрудничества;
- 4) установка говорящего, или прагматическое значение высказывания;
- 5) референция говорящего;
- 6) прагматические пресуппозиции;
- 7) отношение говорящего к тому, что он общается [там же].

Рассмотрим подробно составляющие прагматического описания одного речевого дня конкретного говорящего.

Материал исследования

В нашем случае субъектом речи стал информант, участвовавший в проекте ОРД. Информант (ИЗ5) – мужчина 70 лет, имеющий высшее образование, по социальному статусу – руководитель, работает в сфере строительства.

Адресатами его речи в течение дня являются его жена, коллеги, соседка, работники сферы здравоохранения, сотрудники сервиса и кот.

Общая продолжительность записи 13 час. 50 мин., из них насыщенных речью 6,56 час. (394 мин.).

Материал насчитывает 24 эпизода, из которых на момент написания статьи полностью расшифровано 8: ordS35-01 – **бытовые разговоры** (адресаты: жена, кот); ordS35-04 – **на работе** (адресаты: коллеги); ordS35-06 – **на работе** (адресаты: коллеги); ordS35-10 – **на работе** (адресат: главбух); ordS35-15 – **на работе** (адресаты: коллеги); ordS35-19 – **приобретение лекарств и посещение**

врача (адресаты: медперсонал); ordS35-20 – **бытовые разговоры** (адресаты: жена, кот); ordS35-23 – **телефонный разговор** (адресат: соседка).

Результаты исследования

1. Явные и скрытые цели высказывания

Утром перед работой ИЗ5 общается дома с женой и котом. Почти все это время он говорит с котом. Производя то или иное действие, информант комментирует его, обращаясь к своему питомцу, играет с ним, ласкает его. Эти речевые эпизоды наполнены разнообразными ласковыми словами:

- эпитетами при обращении к коту: *ты мой сладкий, ты мой хороший, ты мой хорошенький, красавчик мой маленький, красавчик мой сладкий, ты моя умница, мой мальчик, зайчик мой, молодец, вот ты мордаха такая, бодайчик;*

- варьированием имени кота: *Дымочка, Дыма, Дымулька моя;*

- уменьшительными формами существительных при обозначении окружающих предметов: *телефончик заряжаю, животик подставляет* (о коте).

Интонация говорящего здесь специфическая, «воркующая». Происходит замена некоторых звуков на другие и изменение качества звуков. Например, в словах *хороший, хорошенький* вместо звука [г] слышится [л]. Палатализуются согласные на месте букв *Т, Л* и даже *Ж* в словах *ты, сладкий, мужики*:

- *ну привет / *П привет // *П ты мой сладкий-то⁴;*

- *ух ты мой хороший / *П ты мой хорошенький;*

- *и мы же мужики / друг друга понимаем.*

Информант употребляет местоимение 2 л., мн. ч. *мы* в тех случаях, когда в обычной речи следовало бы использовать форму 3 л., ед. ч.:

- *о / как мы умеем!; мы вот / вот как можем.*

Эти особенности характерны для речи, обращённой к ребёнку. Такую речь принято называть *baby talk* – стиль, распространённый в общении с детьми и животными.

Можно сказать, что целью говорящего в этом утреннем эпизоде является получение и доставление удовольствия себе и коту. Наблюдается и вербальное подтверждение этого, звучащее из уст жены информанта:

- *за ушами гладишь; видимо ты ему делаешь приятное.*

В другом эпизоде мы наблюдаем информанта ИЗ5 на работе. Здесь тон общения меняется с сюсюкающего и ласкового на бодрый и шутили-

вый. В общении с коллегами И35 наполняет свою речь шутками:

- *Опять куришь? – кто тебе разрешил?!*
- *Твоя первая сигарета будет моим последним вдохом.*

Кроме того, на работе И35 читает анекдоты из газеты и комментирует их:

- *Вчера признался невесте во всех своих грехах – Ну и что? – Не помогло! Свадьба через три недели – Он ей во всех грехах признался, а это не помогло.*

Эти языковые средства служат, как представляется, цели поднять настроение собеседникам, улучшить эмоциональную атмосферу в коллективе.

В диалогах на рабочем месте видно, что И35 в курсе семейных и домашних дел своих коллег, он проявляет равнодушие к событиям, происходящим в их жизни:

- *Станислав Борисович / как у метро вышел?*
- (И35) *ты кого поздравил с днём рождения?* (М2) # *внука* // (И35) # *большого / или маленького?* (М2) *большого* (И35) *Саику?*

То есть И35 знает, как его сотрудники добиваются до работы, как зовут их родственников.

И35 в курсе многих проблем близких ему людей и демонстрирует свою заботу о них в своей речи:

- *у Вики у нашего спина болит / ему надо будет / (...) в обед как бы так полежать / растянуться / *П у него радикулит.*

Небезразличны ему и незнакомые люди, о чем свидетельствует его взволнованный рассказ о некой старушке в аптеке. И35 долго рассказывает о ней врачу (эпизод ordS35-19), а затем повторяет свой рассказ жене (эпизод ordS35-20):

- *сейчас старушка там одна / чуть концы не отдала // восемьдесят лет / с костылём* (эпизод ordS35-19);
- *ой / там старуха одна пришла / на костылях / *П восемьдесят лет // *П два раза ходила исправляла / *П так у ней* этот терапевт ещё хуже чем наша // *П какая-то / Про... де... (...)*Н (вылечила одну)* (эпизод ordS35-20).

Сопереживание и проявление внимания – одна из явных целей многих высказываний И35.

В свою очередь он и сам делится с собеседниками теми проблемами, которые его беспокоят:

- *еле включил // *П диктофон / мам⁵ (о попытке начать запись);*
- *мам! сто восемьдесят два* (про измерение давления);
- *буквально (э) ну (...) в прошлом году по моему я его покупал где-то / *П двенадцать / тринадцать рублей // *П потом осенью семна-*

*дцать рублей // *П потом / *П сейчас уже / (...) двадцать семь рублей* (про покупку лекарств);

- *мама / (н...н) лекарства-то нету(:) / () од... одного лекарства нету / а второго не было / дозировки написано* (о неудавшейся попытке купить лекарство).

Прагматическим назначением многих высказываний И35 является получение от собеседников того, что ему в данный момент нужно: либо какой-то информации, либо выполнения ими какого-то действия. Добивается этого говорящий различными способами:

➤ **вопрос:**

- *а это / а (э...э) оборудование покупали?*
- *мне важно / здания / увеличивается стоимость здания?*

➤ **указание:**

- *сама не понимаешь / значит спроси у кого-то!*

➤ **просьба:**

- *можешь мне помочь одного человека найти?*
- в том числе **косвенная просьба:**
- *так неохота писать её эту (= *можно не писать?)*

Видно, что цели высказываний И35 могут быть разнообразными: от личных (поднять настроение, проявить внимание) до деловых (получить информацию) – в зависимости от ситуации, и он пользуется довольно широким спектром языковых возможностей, чтобы их выразить – явно или скрыто.

2. Речевая тактика и типы речевого поведения

Подшучивание

Выше уже говорилось о том, что часто целью высказываний И35 является желание поднять настроение себе и окружающим. Этим целям соответствует и его речевое поведение – постоянное подшучивание, в том числе употребление повторов, шуток, шутливых словечек:

- *у тебя женихи-то там вон ходят / (э-э) (...) волосатики;*
- *вот курилка так курилка;*
- *эта твоя первая сигарета / будет моим последним вдохом;*
- *опять куришь? кто тебе разрешил?!*
- *здравствуйте / молодые / интересные!*

В большой степени речь И35 соответствует понятию *балагурить*: ‘шуточно, весело разговаривать’ (см.: [Даль 1880: 41]).

Песни

Интересна и еще одна характерная особенность И35: он часто напевает отрывки из песен, причём обычно эти песенные фрагменты выполняют разные функции:

- дополняют его реплики:

• *сейчас замеряем сахар / что у нас / (...) ребята в рюкзаках?*

Речь идёт об измерении сахара в крови. И35 ожидает результата и подбирает слова из песни подходящие по смыслу. *Что у нас ... в рюкзаках* (или на экране прибора).

➤ иллюстрируют ситуацию:

• *сто пятьдесят шесть рублей / ой (...) Стасик куда деньги девать? не везёт мне в смерти / повезёт в любви.*

В разговоре о пенсии просматривается намёк на то, что повышение пенсии очень незначительно. Сама цитата из песни не содержит ничего имеющего отношения к деньгам. Тут главные слова – *не везёт*. Нет везения в деньгах.

➤ выражают отношение к ситуации:

• *блин / эта статистика / она никому не нужна / а вот давай и всё // кому это надо? кто это выдумал? прощай *Н / прощай рассвет.*

Возникает сложная ситуация на работе, связанная со статистикой. И35 напевает часть фразы из песни, которая полностью звучит так: *прощай рассвет, прощай закат, ничего больше нет, и я этому рад*. Пессимистическая нота подчёркивает негативное отношение информанта к навязанному занятию.

Тактичность

Свою позицию в разговорах с собеседниками И35 облакает, как правило, в мягкую, некатегоричную речевую форму:

• *вы (...) туда придёте / или сюда принести?*
• *вот / я думаю что / (...) это не совсем правильный подход;*

• *ну это наверное неправильно делаем?*
• **П ой женщины эти вечно! вечно уговарят.*

В приведённых примерах И35 смягчает свои высказывания разными способами. Задавая вопрос, он демократично предлагает собеседнику принять решение: *туда или сюда*; употребляя фразу *не совсем (правильный подход)* или добавляя вводное слово *наверное*, он тактично и деликатно указывает на ошибки.

Обращение к собеседнику

Отношения между собеседниками отражаются в вариантах обращений, которые использует в разговоре И35. К самым близким, а также к младшим по социальному положению или по возрасту он обращается по имени и на *ты*:

• *Машенька / *П это () сосед / (э...э) В.А. [называет свое полное имя, что опускается из соображений анонимности – здесь и везде далее в подобных ситуациях] тебя беспокоит;*

• *Юра / у тебя ничего не проходило за первый квартал?*

К коллегам по работе, с которыми И35 связывают личные отношения, он использует обращение по имени и отчеству, но все так же на *ты*:

• *привет / Юрий Григорьевич!... ты что? ночевал здесь / что ли?*

С коллегами, с которыми отношения у И35 только официальные, он обращается по имени и отчеству и на *Вы*:

• *это Татьяна Александровна? *П это В.А.А. / (э...э) ветеринарная академия // *В вы знаете / у нас ничего нету(:) / за первый квартал.*

Интересно заметить, что, когда И35 чего-то нужно добиться от человека, или ему хочется подчеркнуть свою расположенность, не изменяя при этом социальной дистанции, И35 изменяет имя собеседника на уменьшительное, оставляя при этом отчество неизменным:

• *с ума сойти / Галиночка () Владимировна / никого нет / это же (...) первый раз в жизни наверное такое!*

Местоимение при этом остается официальным – *Вы*, что видно в следующей реплике, обращенной к тому же собеседнику:

• *а вы карточку взяли? /.../ ой / спасибо вам.*

Помимо этих распределений обращений, в нашем материале прослеживается, что обращение по имени и отчеству к собеседникам, с которыми информанта связывают личные отношения, является в некоторой мере искусственным. Иногда схема обращений нестабильна, и И35 называет одного и того же коммуниканта по-разному в разных репликах.

Обращения к собеседнику М1:

• *привет / Юрий Григорьевич!... ты что? ночевал здесь / что ли?*

• *ты что делаешь с цветком / Юра?*

Обращения к собеседнику М2:

• *Станислав Борисович / как у метро вышел?*

• *ой (...) Стасик куда деньги девать?*

Характерно, что когда разговор переходит на чисто деловые темы, И35 отбрасывает отчества и использует обращение к М1 и М2 исключительно по имени:

• *Стасик / а что такое у нас / (...) за первый квартал прошло сто девяносто восемь тысяч / *П шестьсот двадцать девять рублей / текущий ремонт // *П это (...) что это такое? *П не знаешь?*

• *Юра / у тебя ничего не проходило за первый квартал?*

Стоит отметить, что определённая речевая тактика привязывается у И35 к ситуации. Он по-разному говорит с коллегами-мужчинами в своём отделе, с коллегами-женщинами в бухгалтерии, с женой, с врачом, с котом. Он не балагурит с врачом и не «сюсюкает» с коллегами. Это сви-

детельствует о высоком уровне его речевой компетенции и о гибкости его речевого поведения.

3. Правила разговора,

подчинённые принципу сотрудничества

Принцип сотрудничества, или кооперации, по Г. П. Грайсу (см.: [Грайс 1985, 2004]), рекомендует строить речевое общение в соответствии с принятой целью и направлением разговора. Исследование записи речевого дня И35 в рамках постулатов ведения разговора обнаруживает в речи информанта постоянную включённость в общение, способность поддерживать различные темы разговора (про транспорт, про зарплату, про бытовую технику и т. д.).

Манера речи И35 характеризуется воздержанием от грубости и мата, а также отрицательной реакцией на грубые выражения коллег. Речь некоторых его собеседников изобилует нецензурными выражениями. Интересно наблюдать, как И35 различными способами меняет заданную собеседником стилистику разговора.

Так, например, он журит собеседника:

- *ой / Юрий Григорьевич / Юрий Григорьевич / так что же это такое получается то а? (...) мальчик ты мой;*

- *я говорю ему почитай / а он (...) *В про отца с матерью.*

В своей речи И35 иногда делает паузу вместо нецензурного выражения: (предполагаемого, учитывая интонацию и заминку говорящего, а также соответствующего общей картине речи собеседников):

- *сейчас второй такой же / дочка принесла / новый купили / а (...) а тоже с такого же выпуска / (...) пашет как (...) ни в чём не бывало.*

В другой раз И35 заменяет грубое выражение своего собеседника более мягким:

- (M1) *вот / (...) как ты вчера? слушай я так возмущался! # да ну на х[...]/й / судья бл[...]/дь м[...]/дак! (И35) судья / это вообще идиот какой-то / дебил // *П блин / столько / *П (э...э) *П было фолов // могли бы / (...) хоть два ноль сделать.*

Ругательство, которое И35 употребляет чаще всего, это *чёрт*. Оно во всём материале встретилось только 3 раза:

- *чёрт побрал бы эту / (...) на российские команды / на российских спортсменов;*

- *его чёрт те знает / грязными руками делают // чистыми руками делают этот;*

- *чёрт с ним.*

Уменьшительное *чертёнок* в следующем примере трудно отнести к грубым выражениям, к ругательствам:

- *вот чертёнок / утащил ручку! *П ой / Дымка / Дымка!*

Широко употребляемое в современной разговорной речи слово *блин* (см. о нём подробнее: [Богданова-Бегларян 2014а, б]), конечно, встречается и у И35, но во всей записи только 5 раз.

Возможно, если бы И35 не знал, что включён диктофон, он говорил бы иначе. Он употребляет крепкие выражения, но крайне редко и в состоянии стресса, т. е. именно как ругательства – в прямом значении этого слова, а не как слова-паразиты. Его речь не засорена такого рода словами. И35 явно не относится к разряду людей, которые не могут обходиться без мата.

4. Установка говорящего,

или прагматическое значение высказывания

В речи И35 присутствует большое количество фраз, заключающих в себе скрытый смысл, подтекст, иронию. Ниже приводятся примеры некоторых таких высказываний.

Так, часто информант использует не прямые способы воздействия на адресата. Из контекста легко достраиваются реальные значения нижеприведённых высказываний:

- *ой / ну (...) так неохота писать её эту.*

Здесь И35 говорит о своём отношении к действию, вместо того чтобы прямо сказать: *можно не писать?*

- (ЖВ⁶) *посидите В.А.!*

(И35) *там до пяти часов аптека.*

Связь между этими репликами и смысл фразы *там до пяти часов аптека* могут быть интерпретированы двояко. Один вариант: нет возможности *сидеть*, аптека скоро закроется. Другой – наоборот: торопиться некуда, т. к. до закрытия аптеки ещё много времени. Правильный вариант может быть выбран только исходя из контекстного знания того, в какое время происходит диалог.

- *ой / вот наступлю тебе на лапу / будешь знать!*

Это говорится коту, чтобы тот не крутился под ногами. Конечно же, И35 не собирается *наступить на лапу* своему любимцу в назидательных целях, как может показаться, если видеть здесь только прямой смысл.

Информант иносказательно обращается в третьем лице к сидящей перед ним женщине-врачу:

- *я хоть (...) до работы дойду да обратно / (и...и) и то богу спасибо говорю //... и Галине Владимировне!*

Он не напрямую благодарит врача за состояние своего здоровья, избегая при этом грубой лести.

Риторические вопросы задаются, в частности, коту:

- Дымочка / *П кто все цветы покусал? *П кто все цветы разрыл? (вот тебе наказание за это / не будешь / (...)) в эту комнату большие ходить).

Цель вопроса – отчасти упомянуть о происшествии с цветами, отчасти пожуричь кота и предупредить о возможном последующем наказании.

Приведённые выше примеры подтверждают важность знания широкого контекста для правильного понимания смысла сообщения. Анализ чисто словесной стороны высказывания, его фонетических, морфологических или семантических характеристик не даёт полного представления о смысле. Чтобы правильно понять, что хочет сообщить информант, какова прагматика его высказываний и как может интерпретировать его речь коммуникант, необходимо привлечь еще и несловесный контекст. Чем полнее знания о ситуации общения, тем больше предпосылок для качественного анализа речи.

5. Референция говорящего

«Референция – отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [Арутюнова 1990б: 411]. Важно понимать, что смыслом имя (имя существительное или именные группы) обладает уже в языке, в то время как референтом оно может обладать, лишь будучи употребленным в речи. «Способностью значить имя обладает независимо от своего употребления, а способность обозначать проявляется только для актуализованного имени, т. е. употребленного в реальном тексте» [Кронгауз 2005: 269]. Различают три вида конкретной референции: *интродуктивная, идентифицирующая и неопределённая*.

В речи И35 встречаются примеры всех трех видов референции. Приведем соответствующие примеры.

Интродуктивная референция (объекты известны говорящему, но неизвестны адресату):

- можешь мне помочь **одного** человека найти?
- я тебе **кое-какие** данные дам.

И35 знает, о ком он говорит и что именно он собирается сообщить своей собеседнице, она же этого пока не знает.

Идентифицирующая референция (объекты референции предварительно известны и говорящему, и адресату):

- короче говоря / вот в реквизитах / на последней странице / у меня уже / *П и (э) **этот юрист** подписал / пошёл к главному бухгалтеру / она говорит / ну что это такое!

- у тебя **кто-то** есть / с (ы-ы) кто в ком... компьютерах понимает?

Под неопределённым местоимением *кто-то* информант подразумевает однокурсников своей соседки, как дальше он говорит: *мальчишек, волосатиков*.

Неопределённая референция (объекты референции неизвестны ни говорящему, ни адресату):

- он **где-то** живёт на Сахалине;
- я прихожу / там ни одного человека нет // **парень какой-то** у ней* сидит / а в коридоре вообще никого нет.

Тема беседы в первом случае – как найти с помощью Интернета, где живет давний знакомый информанта. Место пребывания этого человека неизвестно обоим участникам разговора. Во втором И35 описывает посещение кабинета врача, перед которым сидел *какой-то парень*, неизвестный ни И35, ни его собеседнику.

Во всех приведённых примерах средствами выражения референции являются неопределённые местоимения. Использование информантом других языковых средств для выражения референции может стать предметом дальнейшего исследования.

6. Прагматические пресуппозиции

Под *пресуппозицией* понимают «компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте» [Падучева 1990: 396]. Иначе и проще говоря, *пресуппозиция* – «это компонент смысла текста, который не выражен словесно, это предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст. Такое предварительное знание принято называть **ф о н о в ы м и з н а н и я м и** (рядка автора. – О. Е.)» [Валгина 2014].

В речевом материале, который рассматривается в настоящей работе, встречается ссылка на некие известные собеседникам события. Так, нижеприведенное высказывание И35 непонятно без предварительного знания:

- вот / (...) как ты вчера? слушай я так возмутился!

Предполагается, что коллеги, к которым обращается И35, являются футбольными болельщиками или, по крайней мере, следили за ходом футбольного матча по телевизору.

Иногда И35 апеллирует к гипотетической среде, считая, что его собеседники владеют некими знаниями, которыми не владеет он:

- **мама-то** тоже в компьютере же понимает чего-то;
- **людей находят же** / по Интернету.

Шуточное обращение к коллеге *Кулибин* понятно большинству людей среднего возраста, говорящих на русском языке как на родном:

- *что опять сломал телефон? /.../ ты всё собираешься / *П Кулибин!*

Ясно, что имеется в виду способность или склонность человека к изобретательству. Имя Ивана Петровича Кулибина, механика-изобретателя, жившего на границе XVIII–XIX вв., давно стало нарицательным, но не распространенным слишком широко. Прекрасно владеющие русским языком иностранцы, как оказалось, не понимают этой метафоры, равно как и русскоязычная молодежь.

Когда И35 называет сослуживца *Бармалеем*, он также вправе рассчитывать на понимание в своём окружении. Все дети, выросшие в России, знакомы со сказкой К. Чуковского «Доктор Айболит»:

- *бормочешь как этот (...) Бармалей.*

Однако в речи И35 *Бармалей* возникает не для того, чтобы отождествить приятеля со злодеем и разбойником, а по звуковой ассоциации.

7. Отношение говорящего к тому, что он сообщает

В материале исследования прослеживается разнообразное отношение информанта к собственным высказываниям – иногда огорчение, иногда ирония.

Так, И35 выказывает огорчение по поводу результатов измерения сахара в крови и артериального давления. После озвучивания медицинских показателей информант комментирует их следующими репликами:

- *семь и девять // вот это да //... что (ж это) же такое?... никак / нет / *П не понизить сахар;*

- *оп-на!... сто / *П восемьдесят два / *П на восемьдесят шесть / *П на пятьдесят два // *П ни фига себе!... да / плохи дела!... худо дела / худо.*

В разговоре с М2 о повышении пенсии информант иронизирует по поводу незначительности этого повышения:

- *сто пятьдесят шесть рублей / ой (...)* Стасик куда деньги девать?

Контраст видимого и скрытого смыслов высказывания создаёт эффект насмешки.

Анализ рассматриваемых фрагментов записи одного дня И35 составляет речевой портрет этого человека как мягкого и бесконфликтного, веселого и шутливового – в общем, позитивно настроенного. И35 обладает достаточно широким набором языковых средств, используемых им в разных коммуникативных ситуациях.

Речевой материал даже одного дня информанта даёт богатый материал для наблюдений над

различными проявлениями языковой выразительности. Ситуации, в которых оказывается И35, определяют цели его коммуникации и, соответственно, влияют на выбор используемых языковых средств. Интересно в дальнейшем продолжить изучение такого рода закономерностей и проследить обратную зависимость: например, в случае неопределённости целей говорящего – прояснить их по используемым им языковым средствам.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Информационная система коммуникативных сценариев спонтанной русской речи» №12-04-12017.

² См. о нем подробнее: [Степанова и др. 2008; Богданова и др. 2009, 2010]. Исследование было начато при финансовой поддержке гранта РГНФ «Звуковой корпус русского языка повседневного общения “Один речевой день”» №07-04-94515е/Я.

³ Подробнее о коммуникативных сценариях см.: [Асиновский 2007].

⁴ О специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [Шерстинова и др. 2009].

⁵ *Мама, мам* – так информант обращается в разговоре к своей жене.

⁶ ЖВ – женщина-врач.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990а. С. 389–390.

Арутюнова Н. Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990б. С. 411–412.

Асиновский А. С. Коммуникативный сценарий в интегральном моделировании звучащей речи // Материалы XXXVI Междунар. филол. конф. Вып. 20: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 12–17 марта 2007 г. / отв. ред. А. С. Асиновский, Н. В. Богданова. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2007. С. 9–21.

Богданова Н. В., Асиновский А. С., Русакова М. В., Рыко А. И., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус как способ мониторинга и фиксации разных форм естественного языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8(15). По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (2009) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: РГГУ, 2009. С. 38–44.

Богданова Н. В., Асиновский А. С., Маркасова Е. В., Степанова С. Б., Супрунова А. В., Шер-

стинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка «Один речевой день»: пути пополнения и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9(16). По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (2010) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: РГГУ, 2010. С. 41–46.

Богданова-Бегларян Н. В. Об одной из самых частых единиц русской спонтанной речи: блин с лингвистической и социолингвистической точек зрения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 13(20). По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (2014) (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.) / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2014а. С. 76–82.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014б. Вып. 3(27) (в печати).

Валгина Н. С. Теория текста. Текст и его восприятие. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/04.htm> (2014) (дата обращения: 13.08.2014).

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

Грайс Г. П. Значение говорящего, значение предложения и значение слова // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Сёрль; пер. с англ. 2-е изд. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 75–98.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З. СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. 723 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2013. 532 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа (Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2014а. 396 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа (Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов) / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2014б (в печати).

Кронгауз М. А. Семантика: учебник для студ. лингв. факультетов вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. центр «Академия», 2005. С. 268–281.

Падучева Е. В. Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред.

В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 396.

Степанова С. Б., Асиновский А. С., Богданова Н. В., Русакова М. В., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: Концепция и состояние формирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7(14). По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (2008) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 488–494.

Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16–20 марта 2009 г.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 66–75.

References

Arutjunova N. D. Pragmatika [Pragmatics]. *Lingvističeskij ehncyclopedičeskij slovar'* [Linguistics Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaja Ehncyclopedija Publ., 1990a. P. 389–390.

Arutjunova N. D. Referencija [Reference]. *Lingvističeskij ehncyclopedičeskij slovar'* [Linguistics Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaja Ehncyklopedia Publ., 1990b. P. 411–412.

Asinovskij A. S. Kommunikativnyj scenarij v integral'nom modelirovanii zvuchashhej reči [Communicative Scenario in Integral Modeling of Spoken Speech]. *Materialy XXXVI mezhdunarodnoj filologičeskoj konferencii. Polevaja lingvistika. Integral'noe modelirovanie zvukovoj formy estestvennykh jazykov* [Field Linguistics. Integral Modeling of the Spoken Form of Natural Languages. Proceedings of the XXXV International Philological Conference]. Iss. 20. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2007. P. 9–21.

Bogdanova N. V., Asinovskij A. S., Rusakova M. V., Ryko A. I., Stepanova S. B., Sherstynova T. Yu. Zvukovoj korpus kak sposob monitoringa i fiksacii raznykh form estestvennogo jazyka [Speech Corpus as a Means of Monitoring and Noting Various Forms of Natural Language]. *Komputernaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog» (2009)* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog» (2009)]. Iss. 8/15. Moscow: RSUH Publ., 2009. P. 38–44.

Bogdanova N. V., Asinovskij A. S., Markasova E. V., Stepanova S. B., Suprunova A. ., Sherstynova T. Yu. Zvukovoj korpus russkogo jazyka «Odin rechevoj den'»: puti popolnenija i pervye rezul'taty issledovania [Speech Corpus of Russian Language «One Speaker's Day»: Ways of Enlarging and the

First Results of the Research]. *Kompjuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* (2010) [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog» (2010)]. Iss. 9/16. Moscow: RSUH Publ., 2010. P. 41–46.

Bogdanova-Beglarian N. V. Ob odnoj iz samykh chastykh edinic russkoj spontannoju rechi: BLIN s lingvisticheskoj i sociolingvisticheskoj toček zrenija [One of the Most Frequent Items in Russian Spontaneous Speech: BLIN from Linguistic and Sociolinguistic Points of View]. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* (2014) [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog 2014»]. Iss. 13/20. Moscow: RSUH Publ., 2014a. P. 76–82.

Bogdanova-Beglarian N. V. Pragmatemy v ustnoj povsednevnoj rechi: opredelenie ponjatija i obshhaja tipologija [Pragmaphemes in Everyday Spoken Speech: the Definition and Basic Typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014b. Iss. 3(27) (In print).

Valgina N. S. Teorija teksta. Tekst i ego vosprijatie [Text Theory. Text and its Perception]. Available at: <http://evartist.narod.ru/text14/04.htm> (2014) (accessed 13.08.2014).

Grajs G. P. Logika i rechevoe obshhenie [Logics and Spoken Behavior]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [News of Foreign Linguistics]. Iss. XVI. Moscow: Progress Publ., 1985. P. 217–237.

Grajs G. P. Znachenie govornjashhego, znachenie predlozhenija i znachenie slova [The Meaning of a Speaker, the Meaning of a Sentence and the Meaning of a Word]. *Filosofija jazyka* [The Philosophy of Language]. Moscow: Progress-Tradicija Publ., 2004. P. 75–98.

Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskogo jazyka [The Defining Dictionary of the Living Russian Language]. Vol. 1. St. Petersburg, 1880. 723 p.

Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russkoj rechi. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech Corpus as a Base for Analysis. Collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2013. 532 p.

Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russkoj rechi. Chast' 2. Teoreticheskie i praktičeskie

aspekty analiza. Tom 1. O nekotorykh osobennost'akh ustnoj spontannoju rechi raznogo tipa. *Zvukovoj korpus* kak material dlja prepodavanija russkogo jazyka v inostrannoju auditorii [Speech Corpus as a Base for Analysis. Collective monograph. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis. Vol. 1. On Some Particularities of Spoken Spontaneous Speech of Various Kinds. Speech Corpus as a Base of Teaching Russian as a Foreign Language]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2014a. 396 p.

Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russkoj rechi. Chast' 2. Teoreticheskie i praktičeskie aspekty analiza (Tom 2. *Zvukovoj korpus* kak material dlja novykh leksikograficheskikh proektov) [Speech Corpus as a Base for Analysis. Collective monograph. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Base for a New Lexicographic Projects]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2014b (In Print).

Krongauz M. A. Semantika: uchebnik dlja studentov lingvisticheskikh fakul'tetov vysshykh uchebnykh zavedenij [Semantics: Textbook for Students of Linguistic Faculties of Universities]. Moscow: Academia Publ., 2005. P. 268–281.

Paducheva E. V. Presuppozicija [Presupposition]. *Lingvisticheskij ehncyclopedicheskij slovar'* [Linguistics Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaja Ehncyklopedia Publ., 1990. P. 396.

Stepanova S. B., Asinovskij A. S., Bogdanova N. V., Rusakova M. V., Sherstinova T. Yu. *Zvukovoj korpus* russkogo jazyka povsednevnogo obshhenija «Odin rechevoj den'»: koncepcija i sostojanie formirovanija [Speech Corpus of Russian Language of Everyday Communication: Conception and a Status of a Forming]. *Kompjuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* (2008) [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog 2008»]. Iss. 7/14. Moscow: RSUH Publ., 2008. P. 488–494.

Sherstinova T. Ju., Ryko A. I., Stepanova S. B. Sistema annotirovanija v zvukovom korpusе russkogo jazyka «Odin rechevoj den'» [The Annotate System in the Speech Corpora of Russian Everyday Communication]. *Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII mezhdunarodnoj filologicheskogo konferencii* [Formal Methods for a Speech Analysis. Proceedings of the XXXVII International Philological Conference]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2009. P. 66–75.

«ONE SPEAKER'S DAY» IN TERMS OF PRAGMATICS

Olga B. Ermolova

Head of Branch Office

Department of Extended Studying Programs in Oriental Studies, Arts and Philology

Saint Petersburg State University

The research is dedicated to pragmatic analysis of spoken language and is based on the material of the Speech Corpus of Russian Everyday Communication. The corpus consists of two parts called the Balanced Annotated Textbase and One Speaker's Day (ORD, from Russian "Oдин Rechevoy Den"). The main task of the researchers creating the second part of the corpus was to study one day's speech behaviour of a native speaker using a method of 24-hour recording. This method provides rich material for studying all peculiarities of spontaneous speech as well as its pragmatics. As the object of this research one of the recordings was chosen. It represents a day of an informant called I35 (complete anonymity was a compulsory condition of the experiment). Different episodes of the speaker's day allow to follow how linguistic means used by the speaker change depending on the situation, what kind of speech tactics is used for different communicative scenarios, how communicative goals influence speech, what speech behaviour is typical of the informant as a native speaker. Communication with different addressees at the linguistic level reveals the informant's attitude to them, demonstrates the informant's understanding of their perception, understanding and background knowledge, shows the means of communication used to attain the desired effect. The information provided is supposed to be of use in further studying pragmatics of speech and linguistics means as those representing the speakers themselves as well as relations between participants of communication.

Key words: pragmatics; speech corpus; speech; speech goals; speech tactics; linguistic means; communicative scenario.

ПРЕДЛОГ *ВРОДЕ* КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА УСТНОЙ РЕЧИ¹

Дарья Сергеевна Савченко

магистрант филологического факультета (направление «Русский язык»)

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. gilea777@gmail.com

Настоящая статья посвящена анализу функционирования предлога *вроде* в русской устной речи. Обосновывается возможность различения двух семантических подтипов этого предлога: 'похожий на' (значение схожести) и 'например' (приведение характерного примера). Рассматриваются конструкции, содержащие предлог *вроде*, их состав, значение и некоторые аспекты прагматики. Конструкции с данным предлогом, как правило, трехчленны: *то, что сопоставляется* + предлог + *то, с чем сопоставляется*. Правый элемент является общим для всех конструкций, варианты левого составляют разницу между типами. На основе анализа материала устной речи в работе выделены следующие конструкции: А *вроде* В (*пройдохи вроде моей соседки*), Х *вроде* В (*что-то вроде куклы*), А (это) V_f (Х) *вроде* В («простой объект» – *это нечто вроде элементарной частицы*), Praed *вроде* В (*звучит вроде набатного колокола*). Отдельно анализируются некоторые специфически речевые употребления описанных конструкций, показано, как они могут служить средствами хезитации и поиска.

В работе описываются возможные варианты заполнения позиций А, В и Х различными единицами с учетом особых условий заполнения этих позиций: например, единицы персонального дейсиса в позиции В – что или кого можно сравнивать с я или ты и в каких ситуациях. В заключение исследуется конструкция *что-то вроде того/этого*, формально принадлежащая типу Х *вроде* В, но претендующая на статус отдельной единицы.

Ключевые слова: устная спонтанная речь; предлог; грамматическая конструкция; дискурсивный анализ; хезитация; хезитационный поиск.

1. Вводные замечания

В последние десятилетия исследования устной речи отличаются заметной активизацией. Хотя еще в первой половине XX в. лингвисты заявляли о приоритете устной формы языка над письменной, тем не менее часто можно встретить «с имплицитной практикой, в соответствии с которой лингвисты обращают внимание только на письменную форму языка и полагают, что, изучая письменные предложения, они изучают язык вообще» [Кибрик 2009: 5]. Масштабные исследования устной формы языка начались только в 1960-х гг. В работах этого периода [Русская разговорная речь 1973; Сиротинина 1974; Шведова 2003] предпочитали изучать разговорную речь (или разговорный язык), т. е. «непринужденную речь носителей русского литературного языка» [Русская разговорная речь 1973: 7]. Это накладывало большие ограничения на материал (только образованные информанты, только неофициальная обстановка). В последнее время внимание исследователей переключается на любые звучащие тексты; устная речь понима-

ется как основная, фундаментальная и исходная форма языка.

В настоящей статье рассматривается функционирование предлога *вроде* в русской устной речи. Предлоги – одна из бесспорных, если можно так выразиться, частей речи, описанная с древнейших времен. В современной лингвистике обычно говорится о следующих свойствах предлогов: они относятся к служебным частям речи, соединяют слова и сочетания слов, употребляются с определенными падежами (составляя с именем *предложно-падежную форму*). Характер связи в словосочетании с предлогом двусторонний: например, *состоять из частиц* → *состоять из* + *из частиц* [Русская грамматика 1980]. Предлоги служат для связи между именами и именными группами [Щерба 2007], иногда это возможно и для подвергшихся субстантивации наречий: *отложить на завтра* [Репина 2014]. Однако в устной речи для предлога *вроде* существует более богатая палитра сочетаемости.

Предлог *вроде* в словарях обычно толкуется через синонимическую замену: *как кто-л., что-*

л., *наподобие, в виде кого-л., чего-л.* [БАС 2005: 241; МАС 2014; Ефремова 2014]. Такое толкование просто заменяет одно многозначное слово другим, но не проясняет его. Объяснительное толкование находим в словаре Д. Н. Ушакова: «**Вроде**, предлог с род. п. употр. для обозначения подобия, сходства с кем-чем-н. *Он вроде тебя: не любит работать. Я встретил собаку вроде моей*» [Ушаков 1938]. Все словари отмечают, что предлог *вроде* употребляется с Р. п.

Функционированию единицы *вроде* в системе русского языка посвящена работа О. В. Семенович [Семенова 2000]. Автор отмечает, что конструкции с *вроде*, как правило, трехчленны; основание сравнения в таких конструкциях эксплицитно не выражено, что может быть связано с установкой говорящего скрыть некий смысл, внести долю сомнения в сравнение.

2. Семантика предлога ВРОДЕ

В контексте полисемии предлог *вроде* до сих пор практически не рассматривался. Однако его лексическое значение явно неоднородно, ср.:

(1) **Самые такие новаторские биологические теории / вроде теории Митчелла / это всё было полностью открыто / этим занимались.** [Р. Ш. Ганелин и др. Профессиональные историки на частной кухне: Беседа И. Толстого с историком Р. Ш. Ганелиным, Передача «Мифы и репутации» // Передача «Мифы и репутации» на Радио Свобода. 7.01.2007];

(2) [Рогожин, В. Машков, муж, 40, 1963] *Эк ведь вас.* [Князь Мышкин, Е. Миронов, муж, 37, 1966] *Угу... Я лечился там.* [Рогожин, В. Машков, муж, 40, 1963] *От чего-с?* [Князь Мышкин, Е. Миронов, муж, 37, 1966] **От нервной болезни / вроде падучей. От дрожания и судорог.** [В. Бортко, Ф. Достоевский. Идиот, к/ф (2003)].

В контексте (2) предлог *вроде* служит для выражения сравнения (**болезнь вроде падучей, *похожая на падучую*). Акцент делается на том,

что болезнь имела некоторые качества (вероятно, симптомы) падучей.

Отношения между частями в контексте (1) имеют иной характер. *Новаторским биологическим теориям* не приписываются какие бы то ни было признаки *теории Митчелла*, а, скорее, *теория Митчелла* входит во множество *новаторских теорий* и является его характерным представителем, т. е. налицо отношение множества и его части, а не двух независимых единиц.

Проиллюстрируем это при помощи принципа равенства: $A=C, B=D, \text{ но } C \neq D \Rightarrow A \neq B$. Пусть А и В – разные значения предлога *вроде*, а С (*например*) и D (*похожий на*) – это наши «лакмусовые бумажки», своего рода диагностические замены, ср.:

- (*лечился*) *от нервной болезни вроде падучей* = (*лечился*) *от нервной болезни, похожей на падучую*;

- *новаторские биологические теории, вроде теории Митчелла (были полностью открыты)* = *новаторские биологические теории, например, теория Митчелла (были полностью открыты)*;

- (*лечился*) *от нервной болезни вроде падучей* ≠ *(*лечился*) *от нервной болезни, например, падучей* (искажение смысла);

- *новаторские биологические теории, вроде теории Митчелла (были полностью открыты)* ≠ *новаторские биологические теории, похожие на теорию Митчелла (были полностью открыты)* (были открыты все теории, а не только те, что по какому-то признаку похожи на теорию Митчелла).

Видно, что предлог *вроде* способен передавать два разных значения. Интересно, что в «перечне значений предлогов», составленном в рамках проекта The Preposition Project (TPP) [The Preposition Project 2014], близкий по значению английский предлог *like* имеет сходные значения: Example (‘пример’) в группе значений Membership (‘принадлежность группе’) и Thing-Similar (‘предмет – похожий’) в группе значений Tandem (‘соположенные’) (см. рисунок).

like	
• preposition	
1. having the same characteristics or qualities as; similar to: <i>he used to have a car like mine they were like brothers she looked nothing like Audrey Hepburn.</i>	Tandem
• in the manner of; in the same way or to the same degree as: <i>he was screaming like a banshee.</i>	Tandem
• in a way appropriate to: <i>students were angry at being treated like children.</i>	Tandem
• such as one might expect from; characteristic of: <i>just like you to put a damper on people's enjoyment.</i>	Tandem
• used in questions to ask about the characteristics or nature of someone or something: <i>what is it like to be a tuna fisherman? what's she like?</i>	Tandem
2. used to draw attention to the nature of an action or event: <i>I apologize for coming over unannounced like this why are you talking about me like that?</i>	Tandem
3. such as; for example: <i>the cautionary vision of works like Animal Farm and 1984.</i>	Membership

Карточка предлога like в TPP

3. Структура конструкций с предлогом ВРОДЕ

Конструкции с предлогом *вроде* обыкновенно состоят из трех частей. Правая часть (В) формально одинакова во всех конструкциях, а левая изменяется. Левая часть (вершина конструкции) может содержать некое понятие (А: *номер вроде цирка*) или неопределенное местоимение, своего рода переменную (Х: *что-то вроде куклы*). Таким образом, первые две конструкции, выявленные для предлога *вроде*, – это *А вроде В* и *Х вроде В*. Последняя из них может входить в более сложную конструкцию *А (это) V_f(X) вроде В*: «простой объект» – *это нечто вроде элементарной частицы*. Эта конструкция по своему строению напоминает определение, а *Х вроде В* является «телом» этого определения. Встречаются контексты, в которых «определяемым» выступает не конкретный объект, а ситуация в целом:

(3) [говорит по телефону] [Трошкин, Е. Леонов, муж, 46, 1926] *Спасибо. Да / Елена Николаев-*

на / о том / что вы меня видели в Москве / пока никому ни слова. Почему в таком виде был? Ну / это что-то вроде конкурса на звание лучшего Бармаля. [А. Серый и др. Джентльмены удачи, к/ф (1972)].

Обозначим эту разновидность *S (это) V_f(X) вроде В* (*S* – от англ. *situation*).

Наконец, правая часть конструкции может относиться к предикату: *звучит вроде колокола*. Обозначим эту конструкцию *Praed вроде В*.

Устный подкорпус Национального корпуса русского языка содержит 255 контекстов с предлогом *вроде* (нужно оговориться, что мы рассматривали только контексты, в которых *вроде* бесспорно выступает как предлог, т. е. те, где имеется хотя бы правая или левая часть конструкции). В табл. 1 показано количественное соотношение различных типов конструкций с данным предлогом.

Таблица 1

Количественное соотношение разных типов конструкции с предлогом *вроде* в материале исследования

Тип конструкции	Абсолютное количество	Относительное количество (в %)	
<i>А вроде В</i>	78	31,0	
<i>Х вроде В</i>	55	22,0	
<i>А (это) V_f(X) вроде В / S (это) V_f(X) вроде В</i>	67	34,0	27,0
	18		7,0
<i>Praed вроде В</i>	14	6,0	
Особые случаи	18	7,0	
Всего	255		

Рассмотрим подробнее все выявленные конструкции.

4. Особенности функционирования конструкций с предлогом ВРОДЕ

• *А вроде В*

Это базовая конструкция с предлогом *вроде*, когда в отношения сопоставления вступают две полнозначные единицы. В основу дифференциации семантических разновидностей предлога *вроде* легли примеры (1)–(2) из материала исследования: *от нервной болезни вроде падучей и самые новаторские биологические теории вроде теории Митчелла*. Практически все рассмотренные контексты с *А вроде В* делятся на эти два семантических типа (хотя граница между ними, конечно, не непроходима: «характерный пример» всегда обладает схожестью с членами своей группы по признаку, по которому, собственно, он к ней отнесен).

В сопоставлении семантических типов конструкции *А вроде В* важны несколько факторов. Первый и главный – это фактор симметрии либо

асимметрии сравнения, поскольку сопоставление одной единицы с другой или единицы с неким множеством единиц может иметь существенные различия.

Под *симметричными* понимаются такие сопоставления, в которых ни один из элементов не входит в множество, задаваемое вторым из них. Первоначальная гипотеза была такова: предлог в значении ‘похожий на’ соединяет «равновесные» понятия (как, например, *та птичка* и *снегирь*), а предлог в значении примера – «разновесные», причем понятие В обязательно «младшее» и входит в множество, задаваемое элементом А (как *птица* и *снегирь*).

Анализ материала показал, что это не совсем так: в данном типе встречаются как симметричные, так и несимметричные соотношения, например:

(4) [Вера, Н. Меньшикова, жен, 33, 1928] *Встретил он одну / ну вот вроде нашей Анфиски.* Ну / и я уехала. [Ю. Чулюкин и др. Девчата, к/ф (1961)];

(5) [О. А. Державина, жен) *Автомобиль / это там такой местный поезд ходил / вроде нашей электрички.* [О. А. Державина, В. Д. Дувакин. Беседа с О. А. Державиной // Собрание фонодокументов имени В. Д. Дувакина (Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова), 1977];

(6) [Иомдин Л., муж, 66, 1947] *Можно ли использовать эту базу как / ну / прообраз активного словаря / чтобы например понять / что можно по-русски сказать «тонкий стебель» / или ещё какой-нибудь такой / какой-нибудь / такой цилиндрический объект вроде тонкого кабеля или тонкой трубочки / но это нельзя отнести например к столбу.* [Т. И. Резникова, Д. Рыжова. Ответы на вопросы после доклада на конференции «Диалог 2012» // Из коллекции НКРЯ, 2013].

В примерах (4) и (5) представлены симметричные сопоставления, в примере (6) – несимметричные, и они имеют разные функции. Если функция симметричного сопоставления – это сравнение одного объекта (или группы объектов, как в (6)) с другим (другой) по какому-либо признаку, то функция несимметричного сопоставления – лимитирующая (из круга объектов, означаемых А, выбираются те, которые еще по какому-то признаку похожи на В). Множество объектов может задаваться различными способами. Поиск общего понятия потребовал от говорящего значительных усилий, о чем говорит серия хезитативов (*или ещё какой-нибудь такой / какой-нибудь / такой*). Этот пример очень хорошо иллюстрирует лимитирующую функцию сравнения: *столб*, как *тонкий кабель* и *тонкая трубочка*, относится к классу *цилиндрических объектов*, однако говорящий подчеркивает, что *столб* лишен релевантного признака (способности сочетаться с прилагательным *тонкий*).

Прагматика конструкции не всегда одинакова, ср.:

(7) [Попов А., муж, 1973] *...в эпоху / когда современные трассы вытесняют даже традиционные европейские автодромы / эта трасса / не похожая ни на что / слишком опасная / как говорят некоторые / вроде Ральфа Шумахера / слишком непригодная для «Эф-один» / это уже слова Рона Дениса ...* [А. Попов. Спортивный репортаж: Формула-1. Гран-при Монако. Монте-Карло (25.05.2006) // REN-TV, прямой эфир, 2006].

В контексте (7) очевидно, что слова о слишком опасной трассе принадлежат Ральфу Шумахеру (вторая «цитата», из речи Рона Дениса, вводится при участии слова *уже*, которое говорит о том, что предыдущая фраза тоже была словами конкретного человека), но, тем не менее, введена конструкция *А вроде В* со словом *некоторые* – очевидно, в функции эвфемизма.

• *Х вроде В*

Главное предназначение этой конструкции – служить приблизительным обозначением объекта (через значение подобия). Назовем её *конструкцией нечеткой номинации*. В предложении конструкция функционирует как существительное, чаще всего – подлежащее (*со всеми происходило нечто вроде истерики*) или дополнение в В. п. (*они взялись под руки и сделали / из четырех человек / вроде небольшого заграждения*) (в материале исследования: по 17 из 35, по 48,6 %).

Характеристика дополнения умышленно проведена не по линии прямое/косвенное. И. п. и В. п. – самые частотные в устной речи², и, возможно, потому, что они самые удобные при построении устного текста; в этом смысле дополнение в В. п. хоть с предлогом, хоть без него оказывается более «выгодным» для спонтанной речи, чем дополнение в любом другом падеже. Такое (другой падеж) в материале исследования встретилось единственный раз (*науку можно сравнить с чем-то вроде дерева с гигантской кроной / стволом и огромными корнями*).

Другая функция конструкции *Х вроде В* – выражение приблизительности данных. Это «работает», например, с числами (*страна / получающая / ну / по официальным данным / что-то вроде 50 млрд долларов*) или с цитатами, как в (8):

(8) [№ 0] <...> *я буквально перед Вашим приходом услышал песню Орбакайте / и она (за точность я не отвечаю) пела что-то вроде «ля-ля-ля... и в меня / как в широкое окно / заглянул».* [М. Задорнов. Беседа на радио с М. Задорновым // Интернет, 2001].

В примере (8) говорящий даже сделал оговорку о точности цитаты (*за точность я не отвечаю*).

• *Praed вроде В*

В данной конструкции *вроде В* служит атрибутом при сказуемом с различным значением. Возможное значение конструкции зависит от того, чем представлен предикат. Если это составное именное сказуемое с прилагательным в именной части, то конструкция имеет значение «похожий на»:

(9) [Шура, З. Буряк, жен, 21, 1966] *Потом Ванька-матрос был. Чернявый такой / вроде цыгана.* (А. Прошкин, Э. Дубровский. Холодное лето пятьдесят третьего, к/ф (1987)).

Наибольшее разнообразие значений эта конструкция показывает при глагольном предикате:

1) «образ действия»

(10) [Голос за кадром, муж] *Слово «Сибирь» давно уже звучит вроде набатного колокола / возвещающая что-то неопределённо могучее и предстоящее.* [Иркутск. Д/ф из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2008];

(11) [Князь Мышкин, Е. Миронов, муж, 37, 1966] *Я / брат Парфён / чувствую себя вроде того / как лет пять назад / когда ещё припадки приходили.* [В. Бортко, Ф. Достоевский. Идиот, к/ф (2003)].

2) 'в качестве'

(12) [Режиссер, А. Гай, муж, 51, 1914] *Чей это сигнал? [Моряк, муж] Пограничный. Видно / этот паренёк нашёл что-то здесь. Вот нас вроде буйка и используют.* [Е. Шерстобитов. Акваланги на дне, к/ф (1965)].

3) 'в виде'

(13) [Матросы, муж] *Тише! Давай. Валя! Попробуй ему завязать вроде намордника.* [В. Фетин и др. Полосатый рейс, к/ф (1961)];

(14) [№ 1, жен, 30] Это в Колонном зале было. И так *выгорожено было вроде ширмы* понимаешь / и вот она с телефоном. *Вся опера в этом.* [Разговор двух женщин, Москва // Русская разговорная речь: Тексты / Академия наук СССР, Институт русского языка / отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капаназе. М.: Наука, 1978, 1971–1977].

В примерах (13)–(14) конструкция обозначает характеристику именно действия, а не некоего опущенного «нулевого объекта» (**повяжи что-то вроде намордника, *выгорожено что-то вроде ширмы*). Существительные в позиции В обозначают не инструмент (**возьми что-то вроде намордника и повяжи*), а результат действия (**повяжи так, чтобы получился намордник*).

4) признак для сопоставления выражен в самом предикате

Некоторые контексты представляют особые случаи для конструкции *Praed* *вроде В*, но можно

предположить, что это справедливо не только для них):

(15) [Волшебник, О. Янковский, муж, 34, 1944] *Они теперь всё делают сами. Приходят без спроса / вроде тебя. И хозяйничают тут как дома. Вот!* (М. Захаров, Е. Шварц. Обыкновенное чудо, к/ф (1978)].

Особенность таких случаев состоит в том, что признак для сравнения ограничивается самим предикатом: (*они*) *приходят без спроса* не каким-то особенным способом, характерным для *тебя*, а просто вы оба совершаете одно и то же действие – *приходите без спроса*. Можно предположить, что в этом случае объектом характеристики оказывается не сопоставляемое, а то, с чем сопоставляют.

- *А (это) V_f (X) вроде В*

У данной конструкции есть несколько особенностей по сравнению с предыдущими. Первая – это наличие нерегулярных элементов *это* и *X*, которые могут быть свободно опущены. В кратчайшей своей форме конструкция неотличима от *А вроде В*:

(16) [Барышев, С. Плотников, муж, 59, 1909] [капитану] *Спасибо. Пусть обследуют. А то наша медицина простая. Тело вроде тары. Раз держит / ну и порядок.* [В. Басов, В. Кожевников. Щит и меч, к/ф (1968)].

Однако, в отличие от *А вроде В*, в этом случае можно достроить конструкцию до самого полного варианта (**Тело – это (есть ↔ было, будет) что-то вроде тары*). В материале встретились все варианты такой конструкции (см. табл. 2).

Таблица 2

Примеры возможных модификаций конструкции *А это X вроде В*

<i>А вроде В</i>	[Шофер, М. Кокшенов, муж, 39, 1936] <i>Ты шо ж / выходит / ты вроде летуна / да?</i> [И. Хейфиц, П. Нилин. Единственная, к/ф (1975)]
<i>А это вроде В</i>	[Хозяйка гостиницы, Л. Гурченко, жен, 37, 1935] <i>Что такое старый хрыч? А?</i> [Плющихин, Н. Трофимов, муж, 52, 1920] <i>э... хрыч?</i> [Хозяйка гостиницы, Л. Гурченко, жен, 37, 1935] <i>Ага.</i> [Плющихин, Н. Трофимов, муж, 52, 1920] <i>Ну... это... вроде вашего барона.</i> [И. Усов и др. Табачный капитан, к/ф (1972)]
<i>А X вроде В</i>	[Н. Д. Эфрос, жен, 1889] <i>А она пишет / значит / так: «Однажды Мандельштама зазвал к себе Абрам Эфрос (я была с ним) и предложил союз / нечто вроде неоклассиков».</i> [Н. Д. Эфрос. Первая беседа В. Д. Дувакина с Н. Д. Эфрос // Собрание фонодокументов имени В. Д. Дувакина (Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова), 1980]
<i>А это X вроде В</i>	[В. Руднев, муж, 45, 1958] <i>И у меня такая гипотеза / что «простой объект» — это нечто вроде элементарной частицы / вот которой тоже как бы не видно/ не слышно/ у которой тоже как бы нет ничего.</i> [Витгенштейн и современная философия. Программа «Гордон» (НТВ) (2003)]

Вторая важная особенность – это центральное место конструкции во фразе. Конструкция составляет основу сообщения; она изменяется по временам, где и проявляется V_f ; причем иногда глагол *быть* может быть заменен другим глаго-

лом бытия (*он представляется чем-то вроде неудачного Аверченко*), фазы (*я стала для тебя чем-то вроде предмета домашнего обихода*) или даже модальным (*он [президент] должен быть что-то вроде монарха*). В одном экзотическом

случае позицию V_f занимает целая конструкция со звучать как:

(17) [М. Чегодаев, муж] *То есть / строго говоря / вот это название / если уж его переводить по возможности адекватно на европейские языки / должно было звучать как что-то вроде текста воскресенья...* [Древнеегипетская книга мертвых. Программа «Гордон» (НТВ) (2001)].

В некоторых контекстах *это* функционально заменяется словом *он/она/оно/они* (*Душа моя зас... она вроде вот этого баяна*):

Другая особенность анализируемой конструкции – возможный разрыв между вершиной А и последующими элементами конструкции. В (18), например, она не только разорвана, но и инверсирована:

(18) [Ведущий, муж] *Это что-то вроде детской мечты или сознательно продуманный коммерческий шаг / создание такого рода представления?* [А. Иващенко, Л. Чебоксарова. Радиоинтервью с А. Иващенко и Л. Чебоксаровой, Радио «Ретро» // Интернет, 2002].

В общих чертах рассматриваемая единица повторяет строение определения, но при этом «тело» определения занято конструкцией нечеткой номинации *X* *вроде* *B*. Рассматриваемую конструкцию можно условно назвать «определением по подобию» (условно, потому что она не выполняет канонов жанра определения, но пользуется его формой).

S (*это*) (*X*) *вроде* *B* – подтип конструкции *A* (*это*) (*X*) *вроде* *B*, в котором в качестве вершины выступает вся ситуация в целом, все, что описано выше. Таким образом, *это* приобретает дополнительное значение – указание на эту ситуацию. Например:

(19) [Ефрейтор Святкин, Л. Быков, муж, 48, 1928)] *Тут в каждой хате по палате / раненые / раненые / раненые / санитарки / ну что-то вроде эвакуанта.* [Л. Быков и др. Аты-баты, шли солдаты, к/ф (1976)].

5. Специфические функции конструкций с предлогом ВРОДЕ

В условиях устной речи конструкции могут использоваться в специфических функциях. Например, зафиксировано несколько случаев, когда (*X*) *вроде* *B* участвует в хезитационном поиске, который осуществляет говорящий в проблемных точках речепорождения:

(20) [А., жен, 50] *И показывают какой-то же... **вроде детского сада** / женщину в небольшой комнате / у ней там штук десять / пятнадцать / этих самых младенцев.* [Разговоры на работе // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999, 1977].

В примере (20) произошла онлайн-коррекция фразы (термин В. И. Подлесской [Подлесская 2014]), при этом варианты разделены незаполненной паузой хезитации. Судя по всему, в этой паузе происходил поиск слова, и в итоге говорящий обошелся конструкцией с *вроде*. В данном случае поиск был обречен на неудачу, поскольку отдельного слова для нужного понятия не существует. Но в примере (21) *вроде* *B* оказалось не последней точкой поиска, а своеобразным «перевалочным пунктом», вербализованным подбором слова, включенным в целую цепочку поисковых конструкций, одновременно наводящих на забытое слово (в поиске участвует и собеседник) и заполняющих паузу хезитации:

(21) [Надежда Ивановна, жен, 77] *Ну / так же бывало шо это / так он с ним / а в Архануовке у них там / было / ну / курень / как говорили тоуда /ну с ветвей сделано / **вроде палатки** / тока не палатка / а такой / ну из ссс... / всего... / [Надежда Ивановна, жен, 77] *Шалаи* *вроде* [Наталья Ивановна, жен, 81] *Шалаи* // *Ауа* (коллективный. Рассказ о китайском мальчике // Дальневосточный федеральный университет, База данных «Речь дальневосточников», 2009).*

Нужно заметить, что во всех такого рода «поисковых» контекстах рассматриваемая конструкция использовалась в форме (*X*) *вроде* *B*.

Другую группу образуют примеры, в которых *X* *вроде* *B* или *вроде* *B* употребляются без прямой формальной связи с окружающим контекстом или эта связь неоднозначна; при этом, вполне вероятно, конструкция или её часть *вроде* *B* составляют отдельную дискурсивную единицу. Таких случаев в материале исследования обнаружилось 18 из 255 (7 %). Например:

(22) [В. Д. Дувакин, муж, 1909] *А Эренбург жил с Альтманом / **вроде одной комнаты** / знаете / так это... драпировка была одно время / и были очень дружны.* [А. В. Азарх-Грановская, В. Д. Дувакин. Беседы с А. В. Азарх-Грановской: Беседы 1–3 // Собрание фонодокументов имени В. Д. Дувакина (Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова), 1968].

В (22) невозможно однозначно отнести *вроде* *B* ни к одной из конструкций: *У нас было что-то вроде одной комнаты / это было что-то вроде одной комнаты?* *Вроде* *B* имеет вставочный, пояснительный характер. В контексте (23) опущен большой фрагмент фразы и объект характеристики (*стены*) – тема – соединен с характеризующими его словами непосредственной склейкой:

(23) [Кутейщикова, О. Битюкова, жен, 16, 1958] *Стены / **что-то вроде нашего пенопласта или асбеста.** Воздух в помещении не имеет*

никакого запаха. [Р. Викторов и др. Отроки во вселенной, к/ф (1974)].

Единственный формальный показатель данной смысловой связи – соотношенность во времени, соположение во фразе.

Такое употребление тесно связано со спецификой разговорной речи: в устном дискурсе производные единицы обладают большей автономией, чем в письменном, а требование момента, поскольку речь разворачивается здесь и сейчас, может оказаться важнее текстовой цельности. Поэтому в устной речи возможны разнообразные перебивы, самоисправления, дополнения и вставки. Предлог *вроде* может служить для оформления такого рода речевых действий.

6. Способы заполнения позиций А, Х и В

Последний вопрос, который необходимо рассмотреть, говоря о конструкциях с предлогом *вроде*, – это заполнение ключевых позиций А, Х и В.

Х бывает представлен словами *что-то* (77 %), *нечто* (11 %), *что-нибудь* (7 %), в 5 % контекстов Х в материале исследования не выражен никак. В последнем случае часть *вроде В* остается встроенной в предложение и выполняет функцию одного из его членов:

(24) [Андрей Тимченко, Г. Жженов, муж, 64, 1915] *Терпи. Откроется вроде второго дыхания. Легче станет.* [А. Митта и др. Экипаж, к/ф (1979)].

Все лексемы в позиции Х восходят к местоимению *что*, представляющему, по словам Н. Ю. Шведовой, «любую сущность, данность, не являющуюся существом одушевленным» [Шведова 1998: 67]. «Спектр сущностей, означаемых местоимением *что*, весьма широк; это может быть все, что непосредственно воспринимается физически или осмысливается умственно либо духовно, – все, что оказывается в поле зрения человека как существа воспринимающего, мыслящего и чувствующего» [*там же*]. Однако анализ материала показал, что в конструкциях с *вроде* местоимения *что-то*, *что-нибудь*, *нечто* употребляются независимо от одушевленности/неодушевленности слов в позициях А и В (например, *он представляется чем-то* (не кем-то!) *вроде неудачного Аверченко*).

Элемент А чаще всего в материале исследования оказался представлен именем или именной группой (100 из 145 контекстов с вершиной А; 69 %), обычно в И. п. (65%). Кроме того, А может быть представлен местоимением или местоименным сочетанием (22 из 145; 15 %), действительным словом, отсылающим к видимому объекту ([Покупатель, муж] *Э-э! Що це за сарпинка?* [Фокин, Е. Шутов, муж, 31, 1926] *Это вроде*

ситца... [Ю. Райзман, Е. Габрилович. Коммунист, к/ф (1957)]; 2 из 145; 1,4 %), соотносительной конструкцией (типа *тот, кто/который*; 2 из 145; 1,4 %). В ряде случаев невозможно однозначно решить, относить конструкцию к типу с А или к типу *Praed вроде В*. Формально *вроде В* присоединяется к предикату, однако означает не характер действия, а круг предметов, обозначенных признаком этого предиката:

(25) [№ 16, муж] *Академия наук / это ведомство / в подчинении которого 460 институтов / половина из которых абсолютно и вполне прикладные. Часть из них давно стали наукоемкими фирмами / вроде института катализа в сибирском отделении / который продает лицензии на миллионы долларов и так далее.* [Круглый стол на тему «Нормативное правовое обеспечение инновационной деятельности» // Из коллекции НКРЯ, 2004].

Элемент В входит, в отличие от А и Х, во все конструкции. Так же как и элемент А, чаще всего он представлен существительным (около 80 %).

Ожидаемый падеж в случае В – Р. п., однако это правило может быть нарушено в силу нескольких причин; в материале встретились 3 случая И. п. (2,9 %), 2 случая Т. п. (2,0 %) и 1 – П. п. (0,9 %). Рассмотрим эти причины.

6.1. «Конфликт требований»

(26) [№ 10, муж, 16] ... *я имею хороший доступ к Интернету и довольно-таки часто и тщательно читаю ленты новостей / как наши / так и американские / так и англоязычные / и преступлений / совершаемых в России / намного больше и / как правило / они намного более зверские / чем те / которые совершаются в Штатах. Почему бы не считать это нечто вроде признаком цивилизованности преступности в стране?* [Беседа П. Крашенинникова со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003–2004].

В контексте (26) в конфликт вступили глагол *считать* (требующий Т. п.) и предлог *вроде*, нормально употребляющийся с Р. п. Можно предположить следующее развитие событий: глагол *считать* (в значении ‘расценивать каким-л. образом, воспринимать как-л.’ (МАС 2014) имеет две обязательных валентности (*считать что-л. чем-л.*). Первая валентность в рассматриваемом примере заполнена словом *это*, а вторая могла быть заполнена сочетанием *признаком цивилизованности преступности*, но, возможно, говорящий рассудил, что это прозвучит слишком жестко, и решил прибегнуть к эвфемистическому средству (*нечто вроде*). Однако, поскольку решение о построении фразы должно было быть принято очень быстро (а сочетание слов, которое предстояло на ходу «обработать», – сложное, с

рядом управлений длинных существительных), он, вероятно, просто «перескочил» через свой эвфемизм, проигнорировав ожидаемый падеж предлога как более слабое требование. Этого можно было избежать, выбери говорящий другое заполнение позиции X: у *нечто* не выражается падежное изменение, поэтому оно недостаточно «крепко сидит» на месте второго актанта. Например, слово *что-то* позволило бы избежать сложностей: **Почему бы не считать это чем-то вроде признака цивилизованности преступности в стране?*

6.2. Речевая инерция

В некоторых случаях под действием речевой инерции падежная форма предыдущего компонента фразы (находящегося в сильной конечной позиции) проецируется на следующий элемент X, грамматически связанный с ним, и это оказывается сильнее грамматического требования предлога:

(27) [Протоиерей Д. Смирнов, муж, 55, 1951] *Поэтому / если этот человек хотя бы каким-то краем / хотя бы каким-то одним поступком / вроде принятием святого крещения много лет назад / принадлежал церкви / то церковь нисходит до того / что принимает жертву за него.* [Протоиерей Д. Смирнов. Ответы слушателям радио «Радонеж» в прямом эфире на вопросы о вере и спасении. Ч. 1 // <http://tv.radonezh.ru/audioarhiv01/smirnov/>, 2005–2006].

В некоторых случаях эти факторы могут «работать» одновременно (*он был потом таким человеком / вроде консультантом по искусству при Бубнове*).

Хотелось бы заметить, что несоблюдение падежной формы во всех этих контекстах следует считать *закономерной ошибкой*, происходящей по тем или иным механическим речевым причинам и, таким образом, выявляющей особенности речи вообще.

Элемент В может быть представлен также прилагательным или местоимением-прилагательным (в результате закономерного эллипсиса существительного: *какая-то башня вроде прибалтийской [башни]*; 8 контекстов из 255; 3,14%), цитатой (*Подозреваю / что когда ученики уходили от Сократа / говорилось что-нибудь вроде / «Сегодня старик / по-моему / был в полном маразме»*), дейктическим словом, обозначающим видимый объект (*ищу что-то вроде такого* (о юбке собеседницы)), или даже другой конструкцией (например, с *вместо*: *он обязательно внесёт какую-нибудь поправку, вроде вместо «выражает пожелание» — «выражает настойчивое пожелание»*).

Отличительная черта элемента В – тот факт, что он может быть представлен не одной едини-

цей, а цепочкой единиц, соединенных сочинительной или бессоюзной связью. Цепочки могут быть как сравнительно короткими и однородными (*он представляет собою ну нечто вроде подковы или чехла*), так и длинными и неоднородными (28):

(28) *Просто бегство оттуда и лишних людей / и далеко не лишних / вроде там тех / кто обслуживает Севморпуть / или метеорологов / или тех / кто вот... тех специалистов / которые / в общем / там нужны и которых коэффициент уже не спасает / бюджетной особенно сферы* (соотносительная конструкция + существительное + соотносительная конструкция) [Экономическое пространство будущего. Программа «Гордон» (НТВ) (2003)].

Среди единиц, которые стоят в позиции В, обращают на себя внимание две: единицы так называемого *персонального дейксиса*, т. е. отсылающие к участникам диалога, и указательные единицы (*это/то*), которые обозначают только что произнесенное ([А, жен, 46] *Кречмера я ведь знаю... Где его читать-то?* [В, муж, 73] *Речь и конституция... Что-то вроде этого*).

Случаи, когда в позиции В стоит дейктическое местоимение, сравнительно редки (14 контекстов, 5,5%). Эти контексты интересны по нескольким причинам. Во-первых, сама ситуация (сравнение, в котором «мерилом» выступает участник диалога) не вполне обычна и с точки зрения логической (какой признак, *мой* или *твой*, *ваши*, может быть взят за основу сравнения?), и с точки зрения нормы поведения (всегда ли и все ли можно сравнивать с собой или с собеседником?).

Наших примеров недостаточно, чтобы делать основательные выводы, однако некоторые наблюдения предложить все-таки можно. Во-первых, все контексты естественно делятся на две части: *я*-контексты и *ты*-контексты.

Среди *я*-контекстов встречаются относительно нейтральные (*военные помладше / вроде меня* – их 3 из 7; 43%). В других сравнение служит определенной цели, становится приемом самовосхваления или самоуничижения:

(29) [Попандопуло, М. Водяной, муж, 43, 1924] *Хлопцы у нас абсолютно мировые! Форменные звери! Вроде меня.* [Назар, В. Самойлов, муж, 43, 1924] *Нет / не. Нет.* [Попандопуло, М. Водяной, муж, 43, 1924] *Дивизия / во!* (А. Тутьшкин и др. Свадьба в Малиновке, к/ф (1967));

(30) [Анна Борисовна, А. Фрейндлих, жен, 70, 1934] *Наверное / иным сволочам / вроде меня / память перед смертью дана / чтобы опомниться и понять* (К. Худяков, Д. Рубина. На Верхней Масловке, к/ф (2004)].

Ты-контексты (их в материале исследования оказалось тоже 7) показывают в целом сходную картину. Сравнение с собеседником – прием неформального общения, при этом часто такое сравнение используется в «ругательных» контекстах:

(31) [Мишка, Я. Турылева, жен, 41, 1932] *Твой отец велел. Почему он велел?* [Борька Жила, муж] *Чтоб мертвецы не убежали. Да такие дурни вроде тебя / по подвалам не шатались.* [Н. Калинин, А. Рыбаков. Кортик, к/ф (1973)].

Можно предположить, что в решении вопроса об уместности или неуместности такого приема большую роль играет соотношение социальных ролей говорящих: это нормально в речи, обращенной от «старшего» к «младшему» (сверху вниз), возможно в ситуации равенства, но непроизвольно при обращении от «младшего» к «старшему» (снизу вверх). Другой важный фактор – нейтральная или не нейтральная окраска вершины конструкции.

Обращает на себя внимание сходство стратегий в примерах (30) и (31): в обоих случаях предлог *вроде* используется для не прямой характеристики объекта. То есть, в сущности, сухой информационный остаток обоих сообщений – это «я – сволочь» и «ты – дурень», но выражение этого – дипломатичное, эвфемистическое.

7. Конструкция ЧТО-ТО ВРОДЕ ЭТОГО

Конструкция *что-то вроде этого* (и её вариант – *вроде того*), на наш взгляд, может претендовать на статус отдельной единицы. Все контексты с ней обладают структурным сходством: конструкция *что-то вроде этого* стоит в постпозиции к фрагменту речи, подразумеваемому под *это* (кроме (32), ниже), во всех случаях она выполняет сходные функции – хезитативную (единицы такого типа в [Богданова-Бегларян, Кутруева 2013: 8] предлагается называть *хезитационными конструкциями*) и аппроксимативную.

Если в приведенном выше примере (*Речь и конституция... Что-то вроде этого*) выражено сомнение в точности названия книги, то в контексте (32) на первый план выходит хезитативная и эвфемистическая функции конструкции *что-то вроде того*:

(32) [Беглов, Е. Евстигнеев, муж, 59, 1926] *Выписывай диван. Ну? Чего уставился.* [Продавец Сергей, Н. Аверюшкин, муж, 29, 1956] *Так сказали что-то вроде того. Умер.* [Беглов, Е. Евстигнеев, муж, 59, 1926] *А / ерунда. Выписывай диван.* [К. Шахназаров, А. Бородянский. Зимний вечер в Гаграх, к/ф (1985)].

Пока мы не располагаем достаточным количеством контекстов, чтобы делать серьезные выводы, но из имеющихся примеров видно, что

что-то вроде того имеет фиксированное место во фразе (в постпозиции) и может выполнять хезитативную и аппроксимативную функции, а также реализовывать эвфемистическую речевую стратегию.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-04-12022 «Информационная словарная система “Язык мегаполиса”».

² Точнее, наиболее распространен в устной речи И. п. (51,0 %), В. п. же несколько выделяется только на фоне остальных косвенных падежей (15,0 %) – см. о распределении падежей имен существительных в устной спонтанной речи: [Звуковой корпус... 2014].

Список литературы

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 3: Во – Вящий / под ред. Л. И. Балахоновой и Н. В. Соловьева. М.: Наука, 2005. 664 с.

Богданова-Бегларян Н. В., Кутруева Н. Г. Об одном из вербальных хезитативов русской устной речи: как его (ее, их) в различных функциональных разновидностях // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4(24). С. 7–18.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: http://www.efremova.info/word/vrode.html#.U76EcJR_v8k (2014) (дата обращения: 17.05.14).

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. *Звуковой корпус* как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 396 с.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.

МАС – Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (2014). (дата обращения: 17.05.14).

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 20.06.14).

Подлесская В. И. «То есть, не убили, а зарезали саблей»: самоисправления говорящего в устных рассказах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам

ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М.: РГГУ, 2014. Вып. 13(20). С. 547–561.

Репина Т. А. Предлог // Лингвистический энциклопедический словарь. 1990. URL: <http://www.tapemark.narod.ru/les/394a.html> (2014). (дата обращения: 20.06.14).

Русская грамматика, 1980 URL: <http://www.rusgram.narod.ru/index1.html>. (дата обращения: 18.05.2014).

Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1973. 485 с.

Семенова О. В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «вроде»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 16 с.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и её особенности. М.: Просвещение, 1974. 143 с.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. 1938. URL: <http://ushakov-online.ru/about> (дата обращения: 17.05.14).

Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Изд. стереотип. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. М.: URSS КомКнига, 2007. С. 77–99.

The Preposition Project. URL: <http://www.clres.com/prepositions.html> (2014). (дата обращения: 25.04.2014).

References

BAS – Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka T. 3: Vo – V'ashchij [Great Academic Dictionary of Russian Language. Vol. 3]. Moscow: Nauka Publ., 2005. 664 p.

Bogdanova-Beglarian N. V., Kurtueva N. G. Ob odnom iz verbal'nykh khezitativov russkoj ustnoj rechi: как ego (ee, ux) v razlichnykh funkcional'nykh raznovidnost'akh [On a Hesitation Marker of Russian Speech: Various Functional Types of как ego (ee, ux)] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 4(24). P. 7–18.

Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New Dictionary of Russian Language. Defining and Derivational]. Available at: <http://www.efremova.info/word/vrode.html#U76> EcJR_v8k (2014) (accessed: 17.05.2014).

Kibrik A. A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikacii diskursov [Modus, Genre and Other Parameters of Discourse Classification]. Voprosy

jazykoznanija [Problems of Linguistics]. 2009. Iss. 2. P. 3–21.

MAS – Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian Language]. Fundamental'naja biblioteka «Russkaja literatura i fol'klor» [Main Library «Russian literature and folklore»]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (2014). (accessed: 17.05.2014).

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed: 20.06.2014).

Podlesskaja V. I. «To est' ne ubili, a zarezali sablej»: samoispravlenija govorjashchego v ustnykh rasskazakh [«They killed him, no, they cut him with a sabre»: Self-repair in Speech]. Kompjuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog». [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog 2013»]. Iss. 13(20). Moscow: Russian State Univ. for Humanities Publ., 2014. P. 547–561.

Repina T. A. Predlog [Preposition]. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopaedia]. Moscow: Sovetskaja ehnciklopedija Publ., 1990. Available at: <http://www.tapemark.narod.ru/les/394a.html> (2014). (accessed: 17.05.2014).

Russkaja grammatika [Russian grammar], 1980 // Available at: <http://www.rusgram.narod.ru/index1.html> (2014). (accessed: 20.06.2014).

Russkaja razgovornaja rech [Russian Speech]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 485 p.

Semjonova O. V. Morfologicheskij status i sintaksicheskie funkcii slova «вроде». Avtoref. diss. kand. fil. nauk [Morphological Status and Syntactic Functions of the Word «вроде». Thesis synopsis of PhD philol. sci. diss.]. Moscow, 2000. 16 p.

Shcherba L. V. O chastjakh rechi v russkom jazyke [On the Parts of Speech in Russian Language]. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' [Language and Speech]. Moscow: URSS KomKniga Publ., 2007. P. 77–99.

Shvedova N. Ju. Mestoimenije i smysl. Klass russkijkh mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovyje prostranstva [Pronoun and Sense. A Class of Russian Pronouns and their Semantic Space]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1998. 176 p.

Shvedova N. Ju. Oчерки по синтаксису русской разговорной речи [Studies of Russian Speech Syntax]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. 378 p.

Sirotinina O. B. Sovremennaja razgovornaja rech i ejo osobennosti [Modern Speech and its Peculiarities]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1974. 143 p.

The Preposition Project. Available at: <http://www.clres.com/prepositions.html> (2014). (accessed: 25.04.2014).

Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Defining Dictionary of Russian Language]. 1938.

Available at: <http://ushakov-online.ru/about> (2014). (accessed: 17.05.2014).

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Kollektivnaja monografija [Speech Corpus as a Base for Analysis. Collective monograph]. Part 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza [Theoretical and Practical Aspects of Analysis]. Vol. 1. O nekotorykh osobennostjakh ustnoj spontannoj rechi raznogo tipa. Zvukovoj korpus kak ma-

terial dlja prepodavania russkogo jazyka v inostranoj auditorii) [On Some Peculiarities of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Material for the Teaching of the Russian Language in a Foreign Audience] / N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2014. 396 p.

THE PREPOSITION *ВРОДЕ (VRODE)* AS A FUNCTIONAL SPEECH UNIT

Darya S. Savchenko

Master Student at the Faculty of Philology
Saint Petersburg State University

The paper deals with functioning of the preposition “вроде” (“vrode”) in Russian speech. A reasoning for distinction between two meanings of the preposition (similarity and giving examples) is provided. Constructions with the preposition, their structure, meaning and some pragmatic aspects are considered. As a rule, the constructions consist of three elements (*something/someone that is compared + the preposition + something/someone that is the element on the left is compared with*). The element on the right is constant, the element on the left varies from one type of the construction to another. The following types of the constructions are distinguished: 1) А вроде (vrode) В (*приходи вроде моей соседки*), 2) X вроде (vrode) В (*что-то вроде куклы*), 3) А (это (eto)) V_f (X) вроде (vrode) В (*«простой объект» – это нечто вроде элементарной частицы*), 4) Praed вроде (vrode) В (*звучит вроде набатного колокола*). Some cases of specific speech usage of the constructions are analysed (namely as means of hesitation and search for the right words). Variants of units that can potentially fill A, B and X positions, as well as special conditions for filling the positions are presented. Finally, the construction *что-то вроде того/этого (что-то vrode togo/etogo)* is discussed. It belongs to the “X вроде (vrode) В” type, however, having its own distinguishing features it may be considered as an independent structure.

Key words: spontaneous speech; preposition; grammatical construction; discourse analysis; hesitation markers.

УДК 81'27:[811.161.1+811.58]

РУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ «УСПЕШНАЯ ЖЕНЩИНА»: ВОСПРИЯТИЕ И ТОЛКОВАНИЕ СОВРЕМЕННОКАМИ¹

Наталья Васильевна Данилевская

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. danil6@mail.ru

Ху Сяосюэ

к. филол. н., ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. xiaoxue-perm@mail.ru

В статье рассматривается концепт «успешная женщина» как формирующийся в настоящее время в русском и китайском языках. Освещается вопрос об отражении представлений о «женщине» и «успехе» в разных словарях русского и китайского языков. Анализируются результаты социолингвистического исследования. Описываются общие и частные семы, составляющие этот концепт в русской и китайской картинах мира; концепт представляется в виде смыслового поля, в котором выделяются центральные и периферийные смыслы. Концепт «успешная женщина» рассматривается через понятие когнитивного стереотипа. Выявляются традиционные и новые (современные) смысловые компоненты концепта. Проводится сопоставительный анализ концептов на материале русского и китайского языков. Делается вывод о том, что в настоящее время 1) концепт «успешная женщина» формируется в русском и китайском языках; 2) он формируется, с одной стороны, под влиянием традиционной культуры и национальных стереотипов, с другой – под влиянием новых реалий жизни и массовой литературы; 3) русский и китайский концепты обнаруживают совпадение и несовпадение как в ядерной, так и в периферийной зонах их смысловых структур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; концептосфера; концепт; картина мира; особенности мировосприятия; когнитивный стереотип; языковые особенности; успех; успешный; успешная женщина.

Экономика в сознании среднестатистического гражданина предстает в виде как минимум трёх своих разновидностей: 1) как область научного знания; 2) как тип взаимоотношений между государствами, государством и предприятиями, одними предприятиями и другими предприятиями, предприятиями и его работниками и т.п.; 3) как материальная жизнь отдельного человека или его семьи (так называемый экономический микромир). Последняя разновидность представлений об экономике, или «личная экономика», отражается в сознании носителей языка посредством целого арсенала слов и выражений типа *деньги, зарплата, доход, имущество, недвижимость, богатый, бедный, денег куры не клюют, денег кот наплакал, гол как сокол, как сыр в масле катается, деньги карман жгут, вся / весь в шоколаде* (современный фразеологизм), *голь перекатная* и т. п.

Определяя цели и задачи лингвокультурологии, Ю. А. Сорокин в международном журнале «Стил» пишет: «Принято считать, что основной целью лингвокультурологии является фиксация / знаковое опредмечивание тем или иным языком антропогенного / неотприродного ландшафта / рельефа (в самом широком понимании этих слов). Такая точка зрения вполне удобна, ибо позволяет сосредоточиться “на подсчете” и группировке языковых / речевых единиц, в которых “находят” те или иные культурные ценности / “видят” те или иные культурные метки» [Сорокин 2012: 99–100]. Именно с такой точки зрения – лингвокультурологической – мы рассмотрим формирование в языке нового понятия об *успешности*, а именно той семы этого понятия, которая развивается в условиях меняющегося экономического мира.

В последние годы в русском языке активно формируется концепт *успешность*, являясь одним из средств выражения в сознании говорящих экономического микромира. Этот же процесс наблюдается в китайском языке, где также растёт значимость этого понятия. Заметная активизация лексемы *успешный* в современной коммуникации (по сравнению, в частности, с «социалистическими эпохами развития» России и Китая) объясняется, конечно, изменившимися экономическими условиями жизни двух стран, где у человека появились реальные возможности для профессионального и материального роста. Тем интереснее проанализировать, как происходит становление и развитие концепта «успешность» в этих двух языках, отражающих, как в зеркале, все изменения объективного мира.

Сегодня в литературе нет окончательно сформировавшейся дефиниции концепта. Так, по мнению Ю. Н. Караулова, концепт – один из элементов, образующих концептуальную картину (модель) мира. Концепты – это группы сверхпонятий, представляющие собой «константы сознания», т.е. обобщения элементов языковой картины мира, имена объединений семантических полей [Караулов 1989: 274].

Ю. С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов 1997: 43].

Н. Д. Арутюнова рассматривает концепт как философское понятие, а именно как результат взаимодействия национальной традиции, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, образа искусства, ощущения и системы ценностей [Арутюнова 1993: 3].

Д. С. Лихачёв считает, что концепт является многомерным смысловым центром, включающим в себя и определяющим собой феномен культуры, который непосредственно связан с языком. Концепт существует для каждого основного значения слова, он не непосредственно возникает из значения слова, а является «результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев 1993: 3].

Ю. А. Сорокин предлагает считать концепт результатом / суммой «предельно рациональных усилий (веера рационализаций)», т.е. результатом интеллектуальной деятельности человека [Сорокин 2012: 104].

Таким образом, учёные интерпретируют понятие концепта с разных позиций: когнитивной,

культурологической, лингвокогнитивной и др. Здесь важно, что концепт возникает не из значения того или иного слова, а является результатом «столкновения» лексической семантики с личным и народным опытом человека.

Что касается китайской науки, то нам не известны какие-либо лингвистические или культурологические работы, посвящённые исследованию концепта. Однако и китайские лингвисты пишут об изменениях, активно происходящих в языке (см.: Юй Синь 1995; Шэнь Мэнин 2000; Юй Миньлэ 2000), особенно сильно эти изменения затрагивают сферу массовой коммуникации (см.: Чэ Гоань 2000; Хун Тао 2004 и др.).

Что же представляет собой концепт «успешность» в современном русском и китайском языках? Попытаемся рассмотреть развитие и становление представлений об успешности сквозь призму более частной разновидности этого концепта, а именно сквозь призму видového концепта *успешная женщина*.

Наше исследование динамики концепта *успешная женщина* показало, что он как элемент знания о жизни начал формироваться только в настоящее время, поскольку лексема «женщина» ни в одной из словарных статей не даётся в качестве конкретизирующей единицы применительно к прилагательному «успешный» (см. перечень использованных словарей в библиографическом списке).

Сочетание *успешная женщина* как устойчивая единица отсутствует и в современных идиоматических словарях [см.: Словарь современного... 2004; Комплексный словарь... 2005; Словарь-тезаурус... 2007; Современный фразеологический... 2009; Фразеологический словарь... 2011 и др.]. Несмотря на свое более раннее и, возможно, древнее происхождение, понятия «успех» и «успешный» начинают фиксироваться словарями как самостоятельные единицы лексической системы языка только в первой половине XX в. Причём и в русском, и в китайском языках примерно в одно время. Конечно, закрепленные в словарях представления русских и китайцев об успехе и успешности не являются идентичными.

Так, русские словари лексеме *успех* описывают в целом посредством следующих значений: 1) положительный результат какой-либо деятельности; 2) удача в достижении чего-либо; 3) общественное признание, одобрение; 4) хорошие результаты в учебных занятиях, достижения в освоении, изучении чего-либо. Лексеме же *успешный* соответствуют в целом такие значения, как: 1) заключающий в себе успех, представляющий собой успех; 2) делающий что-нибудь с успехом; 3) сопровождающийся успехом [Сло-

варь русского... 1981: 522; Словарь современно-го... 1964: 1610; Комплексный словарь... 2005: 683; Толковый словарь... 2001: 672 и др.].

Как видно из анализа лексем *успех* и *успешный*, в смысловом поле этих явлений лежат такие понятия, как: 1) удача и её общественное признание; 2) понятие о достижении успеха, т.е. признание необходимости определенного физического / интеллектуального напряжения, рабочих затрат, направленных на достижение успеха, приближения к нему; 3) понятие о целенаправленной деятельности, посвящённой достижению успеха. Иначе говоря, в системе языка представление об успехе связано с длительностью, последовательностью этапов деятельности, направленной на достижение того, что определяется как *успех*, что, очевидно, отражает закрепившееся в картине мира носителей русского языка представление о сложности движения к успеху и успешности, о временных затратах на пути к ним.

Несколько иная картина рассматриваемых понятий выявляется в китайских словарях.

Во-первых, в китайском языке нет прилагательного *успешный*, а есть только лексема *успех* [成功], которая в зависимости от контекста может выполнять функцию и существительного, и прилагательного, и глагола. Во-вторых, *успех* [成功] означает здесь: 1) достижения в деле или карьере; 2) завершить, закончить дело; 3) планированный (задуманный) результат; 4) эффект; 5) подвиг; 6) успех; 7) победа; 8) урожай; 9) создать, учредить, основать; 10) быть убедительным; 11) воспитывать, готовить, растить; 12) быть достойным, надёжным человеком [см.: Большой русско-китайский... 1985: 2398; Словарь китайского... 2009: 89; Словарь современного стандартного... 2004: 164; Словарь современного китайского... 2002: 245; Большой толковый словарь... 1986: 197; Истоки слов... 1915: 1185 и др.].

Легко заметить, что смысловое поле успеха, закреплённое в китайских словарях, является более широким и одновременно более сложным, чем оно представлено в русских словарях: представление об успехе в китайских словарях раскрывается, кроме прочих, через значения 'урожай', 'создать, учредить, основать', 'быть убедительным', 'воспитывать, готовить, растить', 'быть достойным, надёжным человеком', которые не входят ни в одну из словарных статей лексемы *успех* в русских словарях². Все «китайские» значения так же, как и в русском языке, связаны с представлением о длительности и сложности в достижении успеха как результата

продуманной, целенаправленной деятельности. Ср., например, сему 'урожай', входящую в смысловое поле «успех», очевидно, на основе вековых народных представлений о том, с каким трудом он (урожай) выращивался крестьянами в результате долгих сезонных работ.

Однако особенно интересны здесь семы 'быть убедительным', 'воспитывать, готовить, растить' и 'быть достойным, надёжным человеком', которых нет в семантической структуре русского *успеха* и *успешности*. Именно эти три семы лежат в основе различий в понимании *успешной женщины* в русской и китайской картинах мира.

Итак, лексемы *успех* и *успешность* активно функционируют и в русском, и в китайском языке. Понятие же *успешная женщина* не зафиксировано ни одним словарём. Вместе с тем в сознании рядовых носителей обоих языков такое явление, как *успешная женщина*, есть, и существует оно независимо от противоположного явления – *успешного мужчины*. Такой вывод позволяет сделать проведённый нами социолингвистический опрос, в результате которого были получены весьма интересные и во многом неожиданные результаты.

Рассмотрим результаты нашего исследования.

Нами было опрошено 200 респондентов: по 100 чел. с русской и китайской сторон. При этом мы придерживались гендерного паритета, поэтому в каждую сотню вошли по 50 мужчин и 50 женщин. Средний возраст опрошенных составил 25–35 лет (в целом в опросе участвовали люди от 17 до 50 лет); социальное положение респондентов разное – это студенты, рабочие, служащие, предприниматели, домохозяйки.

Респондентам были предложены анкеты с четырьмя одинаковыми вопросами:

1. Как вы понимаете словосочетание «успешная женщина»?
2. Что значит быть успешной женщиной?
3. Как, по вашему мнению, выглядит / должна выглядеть успешная женщина?
4. Какие качества внутреннего мира успешной женщины вы назвали бы в качестве главных?

Эти вопросы выявили зоны совпадения и зоны несовпадения в оценке успешной женщины русскими и китайцами. Рассмотрим полученные результаты. Начнём анализ с носителей русской картины мира.

Приступая к нашему исследованию, мы предполагали, что в сознании среднестатистического носителя русского языка представление об успешности того или иного человека напрямую связано с достаточно высокой степенью его материальной состоятельности, т.е. с его личным экономическим положением в рамках того соци-

ально-экономического контекста, в котором он живет и работает. Ср. толкование лексемы *экономический* в электронной версии «Толкового словаря русского языка»: «Материальный, денежный; связанный с материальным благосостоянием» [Толковый словарь русского языка].

Иными словами, в языковой картине мира среднего носителя русского языка успешность человека как будто бы должна, кроме прочего,

отождествляться с его материальной независимостью (экономической самостоятельностью). Однако материал анкет выявил несколько иное представление об успешности в русской языковой картине мира (см. табл. 1, содержащую обобщённые результаты анализа. Ответы приводятся по степени убывания количества их выбора респондентами).

Таблица 1

Результаты опроса русских респондентов	
1. Как вы понимаете словосочетание «успешная женщина»?	
1) «добивается поставленных целей».....	43
2) «замужем, есть семья, дети / счастливая».....	32
3) «хороший карьерный рост».....	15
4) «успешно справляется со всеми делами».....	14
5) «имеет хорошую работу».....	12
6) «сильная духом, решительная, целеустремлённая».....	10
7) «хорошо зарабатывает».....	9
8) «независима от мужчины».....	9
9) затруднились с ответом.....	2
2. Что значит быть успешной женщиной?	
1) «быть замужем, иметь семью, детей».....	43
2) «добиваться поставленных целей».....	22
3) «иметь хорошую работу».....	17
4) «быть образованной, воспитанной, с хорошими манерами».....	17
5) «иметь успешную карьеру».....	16
6) «уметь совмещать работу и семью».....	14
7) «иметь статус в обществе, авторитет».....	10
8) «иметь автомобиль».....	7
9) «во всем успевать / преуспевать».....	6
10) «иметь хороший заработок».....	6
11) затруднились с ответом.....	4
3. Как, по вашему мнению, должна выглядеть успешная женщина?	
1) «стройная, красивая, ухоженная».....	50
2) «строгий (классический) вид, дорого / элегантно / по моде одетая».....	37
3) «серьёзная, умная, уверенная в себе».....	22
4) «счастливая, улыбающаяся, огонёк в глазах».....	20
5) «может выглядеть по-разному».....	11
6) «женщина среднего возраста».....	3
7) затруднились с ответом.....	7
4. Какие качества успешной женщины вы назвали бы главными?	
1) качества внутреннего мира.....	95
2) качества внешнего вида.....	36
3) гармония внутреннего мира и внешнего вида.....	6
4) затруднились с ответом.....	5

Важно отметить, что во время эксперимента мы не ограничивали отвечающих во времени и в объёме ответов, поэтому в ответе на один вопрос чаще всего называлось несколько качеств, характеристик, выражалось несколько суждений. Всё, что указывалось респондентами, учитывалось нами при анализе.

Как видно из ответов на первый вопрос, самое главное качество, ассоциирующееся у респондентов со словосочетанием «успешная женщина», – это её (женщины) способность добиваться поставленных целей (43 ответа из 98 [2 чел. затруднились ответить]). Следующим по значимости идёт утверждение о том, что успешная жен-

щина обязательно должна быть замужем, иметь детей и быть – очевидно, поэтому – счастливой (32 ответа из 98). Третью позицию, но уже с большим количественным отрывом от первых двух, занимает утверждение о «хорошем карьерном росте» успешной женщины (15 из 98). Все остальные ответы на первый вопрос (см. ответы 4–8) ещё менее значительны в количественном отношении.

Итак, подчеркнём, что по данным русских анкет *успешная* – это целеустремлённая и добивающаяся решения поставленных перед собою проблем замужняя (желательно с детьми) женщина, у которой возможны к тому же (по данным анкет это далеко не обязательно!) успехи в карьере. Важно также, что только 9 чел. соотнесли с женской успешностью экономическую самостоятельность / хороший заработок и столько же человек назвали важным признаком независимость от мужчины. (Можно было бы объединить ответы 7 и 8 под общей номинацией «независимость», если бы под «независимостью от мужчины» имелась в виду именно материальная независимость. Но характер вопросов не позволил получить ответы, в которых бы этот тип независимости чётко отграничивался от других типов, например, духовной, материальной или какой-либо ещё независимости. Поэтому ответы о «независимости от мужчин» мы всё-таки не включаем в группу ответов о «хорошем заработке»).

Важно и то, что в русском сознании *успешной* может быть только женщина, которая обладает статусами жены и матери, т.е. только счастливая. Очевидно, без этих статусов (хотя бы одного) женщина не может восприниматься окружающими как успешная, даже при наличии хорошей карьеры.

Точно такой же расклад дают ответы на второй вопрос (см. табл. 1), где среди представлений о том, что значит быть успешной женщиной, наибольшая частотность зафиксирована за ответом «быть замужем, иметь семью, детей» (43 ответа из 96 [4 чел. затруднились ответить]). Следующим по частотности является утверждение «добивается поставленных целей» (22 ответа). На третьем месте оказались ответы «иметь хорошую работу» и «быть образованной, воспитанной, с хорошими манерами» (оба были названы отвечающими 17 раз). Таким образом, и в ответах на второй вопрос представление о хорошей зарплате не оказалось среди приоритетных: его назвали в своих анкетах только 6 чел. Более того, судя по данным опроса, такие качества успешной женщины, как «быть образованной, воспитан-

ной, с хорошими манерами», «иметь успешную карьеру», «уметь совмещать работу и семью», «иметь статус в обществе, авторитет», «иметь автомобиль», «во всем успевать / преуспевать», считаются более важными для успешности, чем высокий заработок.

Что касается ответов на остальные два вопроса, то они, формируя периферию концепта *успешная женщина*, выявляют не статусные и не социальные характеристики этого феномена, а особенности его восприятия современными людьми. Не случайно в подавляющем большинстве случаев были отмечены *красота* успешной женщины («стройная, красивая, ухоженная», «дорого / элегантно / по моде одетая»), её *строгий (классический) вид, серьёзность, ум, уверенность в себе* и отражение *счастья на лице* (ср.: «счастливая, улыбающаяся, огонёк в глазах») – эти качества в целом встретились в анкетах 129 раз (!). Этот пиетет перед внешней красотой, однако, не зачёркивает в сознании носителей русского языка представлений о важности внутреннего мира успешной женщины. Так, в ответах на четвёртый вопрос (Какие качества успешной женщины вы назвали бы главными?) подавляющее большинство респондентов указали на важность качеств *внутреннего мира* по сравнению с качествами *внешнего мира* (95 ответов против 36 [5 чел. из 100 затруднились с ответом]): для русского сознания и мироощущения всегда было характерно признание первостепенной значимости духовности, богатого внутреннего мира в человеке и вторичности материальных, внешних для человека ценностей. При этом среди качеств внутреннего (эмоционально-психического) мира указывались такие, как *целеустремлённость, спокойствие, уравновешенность, интеллект, рассудительность, эрудированность, коммуникабельность, ответственность, самодисциплина, решительность, смелость* и др. Внешний мир успешной женщины определили такие качества, как *семья и материнство, образованность, хороший заработок (богатство), друзья, наличие автомобиля* и др.

Итак, для русских респондентов *успешная женщина* – это целеустремлённая, семейная, мать, имеющая хорошую работу (сделавшая карьеру), внешне красивая и обязательно интеллектуально, духовно и эмоционально развитая.

Посмотрим, какое представление об успешной женщине складывается в настоящее время у носителей **китайского языка** (см. табл. 2).

Таблица 2

Результаты опроса китайских респондентов	
1. Как вы понимаете словосочетание «успешная женщина»?	
1) «иметь успешную карьеру».....	100
2) «быть замужем, иметь дружную семью, умных детей / быть счастливой / хорошей женой».....	68
3) «хорошо зарабатывать, быть богатой».....	21
4) «иметь хорошую работу».....	18
5) «добиваться поставленных целей».....	14
6) «быть сильной духом, решительной, целеустремлённой, независимой в суждениях».....	13
7) «иметь хорошее социальное положение / быть полезной для общества».....	12
8) «быть самостоятельной, независимой от мужчины».....	11
9) затруднились с ответом.....	–
2. Что значит быть успешной женщиной?	
1) «быть замужем, иметь дружную семью, хороших детей».....	29
2) «иметь хорошую работу / успешную карьеру».....	27
3) «иметь хороший заработок, быть богатой».....	21
4) «быть образованной, талантливой, воспитанной, с хорошими манерами».....	19
5) «иметь статус в обществе, авторитет».....	19
6) «добиваться поставленных целей».....	18
7) «быть самостоятельной, в т.ч. в суждениях».....	14
8) «уметь совмещать работу и семью».....	13
9) «быть независимой от мужчины».....	13
10) «быть сильной духом, не сдаваться перед трудностями».....	9
11) «быть работоспособной, много работать».....	6
12) «уважать родителей».....	2
13) затруднились с ответом.....	1
3. Как, по вашему мнению, должна выглядеть успешная женщина?	
1) «уверенная в себе, владеющая собой, сильная».....	81
2) «стройная, красивая, ухоженная, изысканная, стильная, изящная, по моде / хорошо одетая».....	74
3) «серьёзная, умная, хорошее образование, хорошие манеры».....	41
4) «деловая, профессиональная, внешне строгая (классический костюм)».....	35
5) «ласковая, тёплая».....	14
6) «зрелая, среднего возраста».....	10
7) «может выглядеть по-разному».....	7
8) затруднились с ответом.....	3
4. Какие качества успешной женщины вы назвали бы главными?	
1) качества внутреннего мира.....	70
2) качества внешнего вида.....	18
3) гармония внутреннего мира и внешнего вида.....	5
4) затруднились с ответом.....	30

Ответы на первый вопрос свидетельствуют, что для среднестатистического китайца самое главное качество, ассоциирующееся со словосочетанием «успешная женщина», это успешная карьера (ср. 100 ответов из 100 возможных [никто из респондентов не испытал затруднения при ответе на данный вопрос]). Следующим по значимости идёт утверждение о том, что успешная женщина обязательно должна быть замужем, иметь детей и быть счастливой (68 ответов из

100). Третью позицию, но уже с большим количественным отрывом от первых двух, занял ответ о «хорошем / богатом материальном положении» (21 из 100). Все остальные ответы на первый вопрос (см. ответы 4–8) ещё менее значительны в количественном отношении.

Итак, по данным китайских анкет *успешная – это сделавшая хорошую карьеру, замужняя, имеющая детей женщина, которая хорошо зарабатывает и, возможно, богатая.*

Здесь обращают на себя внимание три факта: 1) успешная карьера является обязательным признаком (характеристикой) успешной женщины; 2) для носителя китайской культуры большое значение имеет не просто семейное положение успешной женщины, но наличие у неё *дружной* семьи и *хороших, умных* детей, что не было отмечено ни одним из отвечающих в русском секторе анкетирования. Очевидно, что в китайской культуре понятие об успешности соотносится не столько с самим фактом наличия семьи и детей, сколько с наличием такой семьи и таких детей, которыми можно гордиться; 3) такое качество, как *способность добиваться поставленных целей*, для китайцев имеет меньшее значение (из 100 чел. только 14 указали это качество), чем *карьера и материальное положение*.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что и в России, и в Китае представления об успешной женщине неразрывно связаны (хотя и в разной степени у китайцев и русских) с её семейным статусом: богатая и сделавшая карьеру, но одинокая женщина не считается в этих странах успешной.

Обязательное «семейное положение» успешной женщины объясняет тот факт, что в ответах на второй вопрос утверждение о необходимости наличия дружной семьи и хороших детей поднялось на первое место (см. табл. 2). Но и здесь, в отличие от русских ответов, в центральной зоне концепта остаётся представление об обязательном наличии у женщины хорошей работы / успешной карьеры (2-е место среди ответов) и материального благосостояния (3-е место). Для сравнения: в русских ответах карьера женщины и высокий заработок находятся соответственно на 5-м и 10-м местах.

Интересно, что китайские ответы на третий вопрос распределились по значимости идентично с русскими ответами: в Китае среди важнейших характеристик успешной женщины также выделяют её *внутреннюю силу, внешнюю красоту и элегантность, изысканность в одежде* и, кроме того, *серьёзность* и *хорошее образование*. Однако степень значимости этих качеств у русских и китайцев разная. Так, в русских анкетах эти качества расположились следующим образом:

- 1) «стройность, красота, ухоженность»;
- 2) «строгость, элегантность в одежде»;
- 3) «серьёзность, ум, уверенность в себе».

А в китайских анкетах иначе:

- 1) «уверенность в себе, умение владеть собой, сила духа»;
- 2) «стройность, внешняя красота, ухоженность, умение стильно одеваться»;

3) «серьёзность, ум, хорошее образование, хорошие манеры».

Как видно, самыми важными качествами успешной женщины для китайцев, наряду с другими двумя, оказываются всё-таки воля, душевные силы, умение верить в себя и в свое дело.

Приведённые в таблицах результаты позволяют утверждать, что в ответах на последний вопрос между русскими и китайцами принципиальных различий в целом также не наблюдается, с той лишь оговоркой, что среди китайских респондентов 30 чел. затруднились ответить (в русском секторе опрошенных таких было всего 5 чел.), но оставшиеся 70 чел. так же, как и русские, отдали предпочтение характеристике внутреннего мира успешной женщины. При этом в качестве основных характеристик внутреннего мира названы: *целеустремлённость, активная жизненная позиция, сильная личность, властность, высокомерие, жизнерадостность, трудолюбие, работоспособность, смелость, доброта, женственность, стремление помочь другим* и т.п. Внешний мир успешной женщины, с точки зрения китайцев, определили такие качества, как *карьера, хорошее здоровье, семья и материнство, образованность, хороший заработок (богатство), друзья, наличие недвижимости и автомобиля* и др. Как видно, названные китайцами качества внешнего и внутреннего мира успешной женщины во многом повторяют те качества, которые были отмечены русскими респондентами. Тем не менее представление об успешной женщине в русской и китайской картинах мира складывается далеко не идентично.

По справедливому замечанию В. В. Воробьёва, концепт опирается на «лингвокультурологическое поле – иерархическую систему единиц, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры» [Воробьёв 1997: 60].

В. А. Маслова, В. В. Красных и Е. Г. Малышева в качестве такой культурно маркированной единицы предлагают считать *когнитивный стереотип*, под которым понимается «содержательная форма кодирования и хранения информации» [Красных 2002: 23; см. также: Маслова 2010: 109–110; Малышева 2011: 78–79]. Когнитивный стереотип неразрывно связан с концептом, входит в него как составная единица, формируя его смысловую структуру. Когнитивные стереотипы сознания, реализуясь в слове и поведении, отражают «коллективные привычки народа, проявляющиеся в выборе и предпочтительности употребления тех или иных коммуникативных стратегий и средств коммуникации, в результате чего и вырабатывается этнокультурный

стиль коммуникации» [Ларина 2012: 177], т.е. привычка (стереотип) думать о чём-либо и говорить об этом именно так, а не иначе. Формирующие концепт когнитивные стереотипы системно организованы: выделяются ядерные стереотипы и периферийные.

Изучение лингвокультурных концептов, по утверждению В. И. Карасика, «направлено на выявление характеристик языкового освоения действительности», а сам концепт представляет собой «квант переживаемого знания, соединяющий в себе индивидуально-личностные и культурно-групповые смыслы» [Карасик 2010: 121]. Иными словами, концепт рассматривается как отражение переживаемого знания о действительности и жизни. Связь концепта с духовной деятельностью отдельного человека и национального коллектива в целом обуславливает подвижность (динамичность) смысловой структуры как конкретного концепта, так и концептуальной системы языка. Именно социально-культурные изменения жизни последних десятилетий и формирование под их влиянием новых когнитивных стереотипов привели к появлению в когнитивном пространстве языка такого концепта, как *успешная женщина*, и «заложили основы» для его формирования и развития, причём не только в русском, но и в других языках, в частности китайском.

Понятия *концепт* и *языковая картина мира* находятся во взаимодействии друг с другом: *концепт*, с одной стороны, формирует, а с другой – отражает особенности *картины мира*. Рассмотрим, какова сложившаяся к сегодняшнему дню смысловая структура концепта *успешная женщина*, а именно какие когнитивные стереотипы наполняют эту структуру в русской и китайской картинах мира.

Систематизация полученных данных социолингвистического опроса привела к выводу о том, что формирование нового для современных жителей России и Китая концепта *успешная женщина* в настоящее время происходит в соответствии с традиционными этнокультурными представлениями об успехе и успешности, согласно которым путь к успеху предполагает большие временные, духовные и физические затраты (см. приведенные выше словарные толкования лексем *успех* / *успешность*).

Именно поэтому ядерную зону русского концепта *успешная женщина* структурируют два отчасти противоположных друг другу когнитивных стереотипа – «иметь семейное счастье / быть замужем» и «быть способной добиваться поставленных целей» (см. рисунок). Представляется, что в русской картине мира здесь (в центре концепта) объединились два устойчивых нацио-

нальных смысла: первый отражает стереотипное представление о женщине как матери и хранительнице семьи, второй – стереотипное представление о трудностях в достижении успеха.

Периферийная зона русского концепта включает в свой состав несколько когнитивных стереотипов, отражающих как устойчивые (традиционные) представления русских об успехе и женщине, так и такие, которые соответствуют современным (новым) представлениям об этих явлениях. Ср., с одной стороны, традиционные смыслы «быть серьёзной, умной», «обладать внутренней гармонией», «уметь владеть собой / быть сильной духом» и, с другой стороны, новые смыслы, диктуемые условиями современной жизни, «быть образованной, воспитанной», «иметь хорошую карьеру / работу», «иметь авторитет в обществе», «быть внешне привлекательной» (см. рисунок).

Рассмотрим смысловую структуру китайского концепта.

Ядерная зона китайского концепта включает в свой состав в два раза больше когнитивных стереотипов, чем русский концепт, ср.: «иметь семейное счастье / быть замужем», «иметь дружную семью / быть хорошей женой», «иметь хорошую карьеру / работу», «иметь хороших / умных детей», «хорошо зарабатывать». Еще одним отличием от ядерной зоны русского концепта является то, что здесь «сливаются» в единое целое как устойчивые национальные смыслы, так и современные, формирующиеся под воздействием новых условий жизни. С одной стороны, идущие с древних времен характеристики китайской женщины «иметь семейное счастье / быть замужем», «иметь дружную семью / быть хорошей женой», «иметь хороших / умных детей» и, с другой стороны, «приметы» сегодняшнего времени – «иметь хорошую карьеру / работу», «хорошо зарабатывать».

Периферийная зона китайского концепта *успешная женщина* осложнена большим количеством смыслов и содержательно является более богатой, чем периферийная зона русского концепта (см. рисунок). Смысловую плотность периферийной зоны китайского концепта мы объясняем наличием в исходном этническом концепте *успех* таких не зафиксированных русскими словарями значений, как: 1) завершить, закончить дело, 2) планируемый (задуманный) результат; 3) эффект; 4) подвиг; 5) победа; 6) урожай; 7) создать, учредить, основать; 8) воспитывать; 9) быть убедительным; 10) быть достойным, надежным человеком. В периферийную зону китайского концепта входят и традиционные когнитивные стереотипы, и новые.

Концепт «успешная женщина» в **русском сознании**

Концепт «успешная женщина» в **китайском сознании**

Когнитивные стереотипы русского и китайского концептов «успешная женщина»

Общим главным смыслом для русского и китайского концепта *успешная женщина* является смысл «иметь семейное счастье / быть замужем»; общими периферийными смыслами являются следующие четыре: «иметь авторитет в обществе», «быть серьёзной, умной», «обладать внутренней гармонией», «уметь владеть собой / быть сильной духом».

Неодинаковое формирование нового концепта в русском и китайском сознании определяется, конечно, совокупностью бытовых, социальных, политических, исторических и культурных особенностей жизни этих народов.

Подчеркнём, что данные, полученные в результате опроса *рядовых* носителей двух разных языковых картин мира, не являются в какой-то мере ущербными или поверхностными, ибо, как утверждает А. И. Байрамукова, роль обыденных (ненаучных) представлений о языке велика, поскольку эти представления занимают не периферийное положение в ментальной сфере языка, а, наоборот, составляют её ядерный компонент, отражая современную ситуацию и последние тенденции в языковых и духовных представлениях народа [Байрамукова 2012: 235].

Обобщая все сказанное, подчеркнём, что под влиянием стремительно меняющихся условий экономической жизни в России и Китае (в том числе в связи с появлением больших возможностей для женщин в сфере бизнеса и производственных отношений) в настоящее время как в русском, так и в китайском языках происходит формирование концепта *успешная женщина*. Этот процесс происходит неодинаково; ядерная и периферийная зоны концепта в китайском и русском языках не идентичны друг другу, что объясняется по-разному сложившимися в этих культурах представлениями о женщине, семье, благосостоянии и месте в жизни женщины карьеры, работы, общественно полезного дела.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-04-00575а.

² Отметим, что представления об урожае, основательности, убедительности, воспитании, достоинстве / достоинстве, надёжности все же, очевидно, и в русском сознании входят в орбиту концепта *успех*, но на правах смежных значений, располагающихся в периферийной зоне, указывающей на переход от концепта *успех* к другим концептам, таким, например, как *урожай*, *основательность* / *основательный*, *убедительный*, *воспитание* / *воспитанный*, *достойный* / *достойнство*, *надежный* / *надежность* и др. Однако

этот вопрос требует отдельного анализа и не входит в задачи настоящей статьи.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3–7.

Байрамукова А. И. Герменевтические принципы толкования слов и выражений в художественных текстах и «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля // Международный журнал «Стил». Белгород, 2012. №11. С. 229–240.

Воробьёв В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.

Караулов Ю. Н. Роль человеческого фактора в языке // Язык и картина мира / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Наука, 1989. 274 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Ларина Т. В. От стиля языка – к стилю коммуникации // Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 174–189.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. СПб.: Изд-во РАН-СЛЯ, 1993. №1. С. 3–9.

Мальшиева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 324 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. 3-е изд., испр. М.: Изд. центр «Академия», 2010. 208 с.

Сорокин Ю. А. Лингвокультурология, лакунология, соматология и их априорная взаимосвязь (попытка расширения понятийного аппарата) // Международный журнал «Стил». Белгород, 2012. №11. С. 99–105.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Хун Тао. Современное жаргонное слово и социально-культурная мода. Шанхай: Изд-во Шаньхай цышу чубаньшэ, 2004. 124 с. [黄涛. 流行语与社会时尚文化. 上海: 上海辞书出版社, 2004].

Чэ Гоань. Инновация и норматив языка новости // Форум Цзянхуэй. 2000. №3. С. 107–108. [车郭安. 新闻语言的时新性与规范性 // 江淮论坛 2000年, 第3期].

Шэнь Мэнин. Новые изменения грамматики китайского языка за последние 20 лет // Сборник Накинского педагогического университета, 2000

(5). С. 119–125. [沈孟瓌. 近20年来汉语语法的新变 // 南京师范大学学报, 2000 (5)].

Юй Миньлэ. Аномалия языка в газете // Строение языка. 2000, №11. С. 16–23. [喻名乐. 报纸上的语言失范 // 语文建设. 2000年, 第11期].

Юй Синь. Вопрос применения языка в прессе // Изучение китайского языка. 1995. №4. С. 50. [余心. 报刊语言运用问题浅析 // 汉语学习 1995年, 第4期].

Использованные словари

Большой русско-китайский словарь / сост. Хэйлуңцзяньский университет, факультет русского языка, Кабинет составителей русско-китайских словарей, 1985. 2737 с. [大俄汉词典 / 黑龙江大学俄语系词典编辑室编. 出版社: 商务印书馆. 1985年. 北京. 字数10, 610千].

Большой толковый словарь китайского языка / сост. Комитет составителя большого толкового китайского словаря: в 22 т. Шанхай: «Китайский язык», 1986. 47631 с. [汉语大词典 (全22册) / 汉语大词典编辑委员会编纂. 汉语大词典出版社出版. 上海. 1986年. 47631千字].

Истоки слов / сост. комитет Шаньюиньшугуань: в 2 т. Пекин: «Шанью иньшугуань», 1915. 3308 с. [辞源 / 商务印书馆出版. 全两册. 商务印书馆编辑部编. 北京. 1915年. 3308千字].

Комплексный словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук А. Н. Тихонова. М.: Рус. яз., 2005. Т. 4. 1230 с.

Словарь китайского языка Чжунхуа / под ред. Лю Гуошун, Ван Синь. Пекин: «Шанью иньшугуань», 2009. 1331 с. [三万词中华汉语词典 / 刘国顺, 王欣主编. 商务印书馆国际有限公司出版发行. 2009年. 1331千字].

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 4.

Словарь современного китайского языка / сост. Языковой институт китайской академии социальных наук, Кабинет составителей словарей. Пекин: Преподавание и исследование иностранных языков, 2002. 2698 с. [现代汉语词典 2002: 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 北京: 外语教学与研究出版社. 2002. – 2698].

Словарь современного русского литературного языка / под ред. Н. З. Котеловой, Н. М. Меделец. М.; Л.: Наука, 1964. 1611 с.

Словарь современного стандартного китайского языка / под ред. Ли Синцзянь. Пекин: Ки-

тайский язык, 2004. 1758 с. [现代汉语规范词典. / 李行健主编. 语文出版社. 北京 2004年. 1758千字].

Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Аванта+, 2007. 1135 с.

Современный фразеологический словарь русского языка / сост. А. В. Жуков, М. Е. Жукова. М.: АСТ, 2009. 444 с.

Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.vedu.ru/ExpDic/> (дата обращения: 07.04.2014).

Толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Вече, мир книги, 2001. Т. 3. 672 с.

Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 5-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2011. 336 с.

Reference

Arutjunova N. D. Vvedenije // Logicheskiy analiz jazyka. Mentalnyje dejstvija [Introduction // the Logical analysis of language. Mental actions]. Moscow: Nauka Publ., 1993. P. 3–7.

Bajramukova A. I. Germenevticheskije principy tolkovaniya slov i vyrazhenij v khudozhestvennykh tekstakh i “Tolkovom slovare zhivogo velikoruskogo jazyka” V. I. Dalja [Hermeneutical principles of interpretation of words and expressions in fiction and the “Explanatory dictionary of the living great Russian language” V. I. Dahl]. Mezhdunarodnyj zhurnal “Stil” [International journal “Steel”]. Belgorod, 2012. No 11. P. 229–240.

Vorobjov V. V. Lingvokulturologoja: teorija i metody [Cultural studies: theory and methods]. Moscow: PFUR Publ., 1997. 331 p.

Karasik V. I. Jazykovaja kristallizacija smysla [Language crystallization of sense.]. Moscow: Gnozis Publ., 2010. 351 p.

Karaulov Ju. N. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke [The role of the human factor in language] Jazyk i kartina mira [Language and picture of the world]. Ed. by Ju. N. Karaulov. Moscow: Nauka Publ., 1989. 274 p.

Krasnykh V. V. Ehtnopsikholingvistika i lingvokulturologija [Ethnopsycholinguistic and cultural studies]. Moscow: Gnozis Publ., 2002. 284 p.

Larina T. V. Ot stilja – k stilju kommunikacii [From the style of language to the style of communication]. Lingvistika rechi. Mediastilistika [the Linguistics of speech. Mediastinitis]. Moscow: FLINTA: Nauka Publ., 2012. P. 174–189.

Likhachov D. S. Konceptosfera russkogo jazyka [The conceptual sphere of the Russian language]. St. Petersburg: RAS Publ., 1993. No 1. P. 3–9.

Malysheva E. G. Russkij sportivnyj diskurs: lingvokognitivnoje issledovanije [English sports discourse: linguistic and cognitive research]. Omsk: Omsk State Univ. Publ., 2011. 324 p.

Maslova V. A. Lingvokulturologija: ucheb. posobie dlja studentov vysshikh uchebnykh zavededenij [Linguistic and cultural studies: textbook. book for students. the Supreme. the textbook. the institutions.]. Moscow: Akademija Publ., 2010. 208 p.

Sorokin Ju. A. Lingvokulturologija, lakunologija, somatologija i ikh apriornaja vzaimosvjaz (popytka racshirenija ponjatijnogo apparata) [Linguistic and cultural studies, econology, somatology and their a priori relationship (or attempt to expansion of the conceptual apparatus)]. *Mezhdunarodnyj zhurnal "Stil"*. [International journal "Steel"]. Belgorod, 2012. No 11. P. 99–105.

Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar russoj kultury [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow: Jazyki russoj kultury Publ. 1997. 824 p.

Hun Tao. Sovremennoje zhargonnoje slovo I socialno-kulturnaja moda [Modern slang and socio-

cultural fashion]. Shanhaj: Publishing house of Shanghai to zisu chubanshe. 2004. 124 p.

Cheh Goan. Innovacija I normative jazyka novosti [Innovation and standard language news]. *Forum Czjanhuehj*. [Forum Sanhua]. 2000. №3. P. 107–108.

Shehn Mehnin. Novyje izmenenija grammatiki kitajskogo jazyka za poslednije 20 let [New changes to the grammar of the Chinese language over the past 20 years]. *Sbornik Nakinskogo pedagogicheskogo universiteta* [Digest of Nakyn Pedagogical University], 2000 (5). P. 119–125.

Juj Minleh. Anomalija jazyka v gazette [Anomaly language in the newspaper]. *Strojenije jazyka* [the Structure of language]. 2000. No 11. P. 16–23.

Juj Sin. Vopros primenenija jazyka v processe [The issue of language use in the media]. *Izuchenije kitajskogo jazyka* [the Study of Chinese language], 1995. No 4. P. 50.

RUSSIAN AND CHINESE «SUCCESSFUL WOMAN»: CONTEMPORARIES' PERCEPTION AND INTERPRETATION

Nataliya V. Danilevskaya

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University

Hu Xiaoxue

Assistant in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

This article discusses the concept of a successful woman emerging in Russian and Chinese languages at the present time. It is shown how ideas of "woman" and "success" are represented in different Russian and Chinese language dictionaries. Results of sociolinguistic studies are analysed. Semes composing the concept "successful woman" in Russian and Chinese pictures of the world are described; the concept is regarded as a semantic field having central and peripheral meanings. The concept "successful woman" is considered through the concept of a cognitive stereotype. Traditional and new (modern) semantic components of the concept are identified. Comparative analysis of the concepts on the materials of Russian and Chinese languages is conducted. The following conclusions are drawn: 1) currently, the concept "successful woman" is forming in Russian and Chinese languages; 2) the emerging concept is being influenced by traditional culture and national stereotypes, on the one hand, and new realities and mass literature, on the other hand; 3) Russian and Chinese concepts have similarities and differences in both nuclear and peripheral zones of their semantic structures.

Key words: intercultural communication; conceptosphere; concept; picture of the world; peculiarities of perception of the world; cognitive stereotype; language features; success; successful; successful woman.

УДК 81'37[811.161.1+811.58]

ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КИТАЙСКИХ И РУССКИХ СТУДЕНТОВ

Наталья Александровна Костомарова

аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. kostomarova_n@mail.ru

В статье рассматриваются представления о человеке, выявленные в ментальном лексиконе китайских студентов. Материалом для исследования послужил словник на китайском языке, полученный в результате эксперимента по выявлению актуального лексикона от информантов-китайцев – студентов Наньчанского университета (КНР, пров. Цзянси). Для сравнения привлекается словник актуального лексикона русских студентов, описанный в статьях Е. В. Ерофеевой. По результатам исследования определены существенные различия представлений о человеке у русских и китайцев. В русской ментальности упор делается на индивидуальность человека, актуализируется важность личного пространства. Для китайцев значима включенность человека в систему общественных отношений: человек предстает как звено сложных межличностных связей.

Ключевые слова: представление; тематическая группа; человек; актуальный лексикон; ментальный лексикон.

Наше исследование посвящено изучению представлений о человеке, сформировавшихся в языковой картине мира китайских студентов, и сравнению их с данными, полученными от носителей русского языка.

Понятие «представление» заимствовано из психологии и определяется как психический процесс отражения предметов или явлений, которые в данный момент не воспринимаются, но воссоздаются на основе нашего предыдущего опыта. Психологи также отмечают, что представления возникают не сами по себе, а в результате нашей практической деятельности. Процессы восприятия, мышления, письменной речи всегда связаны с представлениями, так же как и память, которая хранит информацию и благодаря которой формируются представления [Маклаков 2001: 234–235].

Представления, хранящиеся в памяти человека, являются частью картины мира. В. Б. Касевичем отмечено, что картина мира – это «когнитивный конструкт, “заменяющий” в ментальных структурах и механизмах тот фрагмент мира, с которым так или иначе имеет дело человек» [Касевич 2013: 37]. Концептуальная модель мира складывается из групп и классов понятий. Формой ее выражения является языковая модель мира в виде семантических полей, классов слов и отношений между ними. В конечном счете кон-

цептуальная модель мира и представляет тот или иной уровень народного знания о внешнем мире [Герд 2001: 63]. Так, В. Б. Касевич считает, что языковая картина мира – это «совокупность языковых знаний, т.е. знаний, закодированных “опозициями словаря и грамматики”» [Касевич 2004: 183].

Современная лингвистика располагает различными методами изучения языковой картины мира, один из них основан на изучении ментального лексикона человека. Этот метод позволяет получить данные о лингвокультурологических особенностях, сформировавшихся у того или иного этноса.

Исследованию ментального лексикона посвящено множество работ как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [Доценко, Лещенко 2013; Ерофеева и др. 2012, 2013; Залевская 1977; Овчинникова 2009; Elman 2004; Jarema, Libben 2007 и др.]. В своей работе мы придерживаемся определения А. А. Залевской: «ментальный лексикон – чрезвычайно сложная система многоуровневых, многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению в деятельности разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира, об их свойствах и отношениях, об их оценке индивидом, как и о лин-

гвистических особенностях обозначающих их вербальных единиц» [Залевская 1977: 72–73].

Реализация картины мира у индивида происходит сквозь призму ментального лексикона, в результате чего он приобретает национальную окрашенность и становится своеобразным уникальным кодом для конкретной языковой группы. В данном исследовании нас интересует, каким образом в ментальном лексиконе реализуются представления о человеке.

Тематическая группа (далее – ТГ) «Человек» неоднократно исследовалась на материале коми-пермяцкого, татарского, македонского и русского языков [Ерофеева, Боронникова 2013; Ерофеева, Пепеляева 2011, 2013; Ерофеева, Худякова 2012; Ерофеева 2011]. В указанных работах рассматриваются ценностные установки этнических групп, структура семантического поля «Человек» и актуализация ТГ «Человек» во внутреннем лексиконе.

Как справедливо заметил В. Б. Касевич, «изучая язык, мы можем объяснить особенности той или иной культуры и, наоборот, ... изучая культуру, мы можем объяснить особенности того или иного языка» [Касевич 2013: 161]. Поэтому исследования такого плана позволяют получить представления о картине мира, сформировавшейся у конкретной этнической группы. Так, например, Е. В. Ерофеева и Е. А. Пепеляева отмечают, что «со словом “человек” у русскоязычных студентов ассоциируется, прежде всего, лексика, несущая личностную, оценочную нагрузку» [Ерофеева, Пепеляева 2011: 17]. Анализ лексико-семантической группы «Человек» в ментальном лексиконе русских и македонцев показывает, что «русские студенты больше ориентированы на личный, а также на социальный статус, в то время как македонские студенты ориентированы на более широкие социальные связи» [Ерофеева, Боронникова 2013: 23]. В сознании же студентов, принадлежащих к татарской этнической группе, человек предстает как «“телесный” и “биологический” человек, обязательно член группы (семьи, социума, народа), желательный – успешный, стоящий на вершине иерархической лестницы» [Ерофеева, Худякова 2012: 15] и т.д.

В настоящей статье мы обращаемся к исследованию представлений о человеке, сложившихся у китайцев. Прежде чем мы перейдем к анализу конкретного языкового материала, приведем высказывание, в котором с исторической точки зрения определено место человека в китайском обществе: «Понятие человека как самостоятельного деятеля в области, определяемой принципами морали, что выступает краеугольным кам-

нем западной этической мысли, в конфуцианских этических размышлениях отсутствует, человек как существо, обладающее свободой воли, не принимается во внимание. Такой подход не играет какой бы то ни было роли в понимании механизма социального взаимодействия. *Raison d'être* человека как члена общества полностью определяется отношениями в соответствующем обществе, которые, в свою очередь, подчиняются *ли* (где *ли* – закон, гарантирующий должное функционирование как Космоса, так и общества. – В. К.). <...> Человек как индивид вне сетки социальных и политических отношений нигде не фигурирует в конфуцианских этических представлениях» [Bao Zhiming 1990: 207; цит. по Касевич 2013: 169–170]. Таким образом, в конфуцианской китайской культуре преобладают уравнивательные тенденции и строго функциональный подход к оценке личности: личность есть не более чем социальная функция, «позиция» в социальном иерархическом устройстве.

Попытаемся выяснить, справедливо ли утверждение Bao Zhiming, опираясь на материалы эксперимента по выявлению актуального лексикона современных жителей Китая. Для исследования материала мы используем метод актуального лексикона, предложенный А. К. Агибаловым [Агибалов 1995].

Актуальный лексикон представляет собой корпус высокочастотной лексики внутреннего лексикона. Иными словами, актуальный лексикон – это базовая часть внутреннего лексикона человека, где отражается наиболее частотная лексика идеолексикона. Данные, приводимые психологами и лингвистами, свидетельствуют о том, что внутренний лексикон человека вероятно организован: наиболее субъективно важные элементы оцениваются человеком как более частотные, образуют большее количество связей с другими элементами, чаще активизируются в экспериментальных и естественных условиях. В силу своей организации актуальный лексикон включает наиболее важные для данного этноса представления [Ерофеева, Худякова 2012: 9].

В ходе эксперимента по выявлению актуального лексикона информантов просят записать 100 слов, которые, по их мнению, наиболее часто встречаются в их речи [Агибалов 1995]. Таким образом формируются словники актуальных лексиконов.

Материалом нашего исследования стал актуальный лексикон на китайском языке объемом 3 тыс. словоупотреблений, полученный от 30 информантов-китайцев – студентов, проживающих в г. Наньчан провинции Цзянси, КНР. Все информанты являются магистрантами первого года

обучения Наньчанского университета (Nanchang University) факультета экономики и менеджмента направления «Управление предприятием (по отраслям)». Возраст информантов варьируется от 22 до 25 лет, в эксперименте приняли участие 22 студента женского пола и 8 студентов мужского пола. Для сравнения мы привлекаем данные об актуальном лексиконе русских из статей Е. В. Ерофеевой. Этот лексикон содержит 2994 словоупотребления, полученные от 30 информантов – русских студентов филологического

факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, проживающих в г. Перми (подробное описание лексикона см. в: [Ерофеева, Худякова 2012]). В работе нами используется деление ТГ «Человек» на подгруппы, предложенное в указанном источнике, которое, в силу особенностей материала, дополнено делением на мини-подгруппы.

Рассмотрим сначала количественные характеристики словников информантов – китайцев и русских (табл. 1).

Таблица 1

Количественные характеристики словников

Параметр	Словник китайцев	Словник русских
Общий объем выборки, абс.	3000	2994
Общий объем словника, абс.	1406	1664
Плотность выборки	2,1	1,8
Объем ТГ «Человек», абс.	590	327
Доля ТГ «Человек» в выборке, %	20	11
Объем словника ТГ «Человек», абс.	234	118
Доля ТГ «Человек» в словнике, %	17	7
Плотность ТГ «Человек»	2,5	2,8

Как видно из табл. 1, при примерно равном объеме выборки по количеству разных единиц словник русских информантов опережает китайский – 1664 ед. и 1406 ед. соответственно, в связи с чем плотность китайского словника выше по сравнению с плотностью русского словника – 2,1 и 1,8.

Плотность – один из ключевых количественных показателей при исследовании актуального лексикона. Плотность рассчитывается как отношение объема выборки к объему словника и демонстрирует, насколько разнообразен исследуемый материал, т.е. чем выше плотность, тем менее разнообразен материал. В нашем случае, как уже было отмечено, русский материал представлен более разнообразной лексикой, в свою очередь, ответы китайских информантов более типичны, в них меньше разнообразия.

Заметно отличаются и доли ТГ «Человек» в исследуемом материале: объем лексикона этой группы у китайских студентов составил 590 ед. (20%), что на 9% больше, чем у русских, где он группы составил лишь 327 ед. (11%). Это гово-

рит о большей актуализированности лексем данной ТГ у китайских студентов, нежели у русских.

Данные табл. 1 также свидетельствуют о большей важности слов ТГ «Человек» для китайских студентов. Объем словника ТГ «Человек» у китайцев составил 234 ед., у русских студентов – 118 ед. Плотность ТГ «Человек» несколько выше в материале, собранном от русских студентов – 2,8, в китайском словнике – 2,5. Это говорит о том, что ответы русских информантов в отношении человека отличаются большим единообразием, напротив, лексика в ответах китайских студентов более разнообразна.

Итак, представленный анализ количественных показателей словников демонстрирует, что ТГ «Человек» в разной степени актуализирована в ментальном лексиконе русских и китайских студентов. Важно еще и то, как структурирована ТГ «Человек» в сознании носителей обоих языков, а также какое качественное наполнение она имеет, поэтому остановимся на этом подробнее.

Рассмотрим актуализацию единиц ТГ «Человек» в количественных показателях (см. табл. 2).

**Количество единиц в подгруппах
ТГ «Человек» в словниках разных информантов, абс.**

Подгруппы	Словник китайцев		Словник русских	
	всего	разных	всего	разных
Социальные отношения:	119	55	43	21
<i>профессиональная деятельность</i>	73	26	26	9
<i>социальный статус</i>	18	14	15	11
<i>социальная роль</i>	4	4	2	1
<i>принадлежность к группе</i>	24	11	0	0
Родственные отношения	219	50	74	15
Характеристика	112	61	13	11
Половозрастные признаки	17	11	43	12
Межличностные отношения	47	14	28	8
Национальность	0	0	1	1
Личные имена	8	8	28	25
Местоимения	19	8	72	9
Части тела	44	23	21	11
Человек/люди/народ	5	4	4	3
ВСЕГО	590	234	327	118

Наибольшей по объему в обоих словниках является подгруппа «Родственные отношения», однако для китайских студентов она более актуальна (219 ед. у китайцев, 74 ед. у русских). Другими частотными подгруппами в китайском лексиконе являются «Характеристика» (112 ед.) и «Социальные отношения» (119 ед.). В русском лексиконе частотными являются подгруппы «Социальные отношения» (43 ед.), «Местоимения» (72 ед., что всего на две единицы меньше, чем в подгруппе «Родственные отношения») и «Половозрастные признаки» (43 ед., что совпадает с частотностью подгруппы «Социальные отношения»).

С точки зрения разнообразия представленной внутри подгрупп лексикой в китайском словнике наибольшими по объему являются вышеназванные частотные подгруппы, за исключением того, что здесь наибольшей по объему оказывается подгруппа «Характеристика» (хотя, как мы уже отмечали выше, наиболее частотной является подгруппа «Родственные отношения»). В русском словнике наибольшее количество разных лексических единиц содержит подгруппа «Личные имена», далее следует подгруппа «Социальные отношения», уже ранее отмеченная нами как наиболее частотная.

Обращает на себя внимание и отсутствие в словниках лексикой некоторых подгрупп. Например, в русском словнике отсутствует лексика подгруппы «Принадлежность к группе», напротив, в китайском словнике эта подгруппа представлена немалым количеством единиц (объем – 24 ед., из них разных – 11 ед.). В китайском словнике отсутствует лексика подгруппы «На-

циональность», в русском словнике эта подгруппа представлена одной единицей.

Опираясь на количественные показатели, можно сделать предварительные выводы о сформировавшихся представлениях о человеке в языковой картине мира русских и китайцев. «Лидирующие» позиции подгруппы «Родственные отношения» указывают на то, что человек в менталитете обоих народов – это, прежде всего, член семьи, часть системы родственных отношений. Но в языковой картине мира китайцев представления о человеке как члене какой-либо группы не замыкаются на семье, а, напротив, распространяются на социальную и общественную сферы, на что указывает актуализация таких подгрупп, как «Социальные отношения», в частности «Принадлежность к группе». Что касается русского словника, то здесь актуализирована лексика, отражающая индивидуальные характеристики человека, его профессиональную деятельность, социальный статус и т. д. О представлении человека в русской ментальности именно как личности, индивидуальности также говорит актуализация таких подгрупп, как «Местоимения» и «Личные имена». Таким образом, анализ количественных показателей актуальных лексиконов обоих народов показал, что в языковой картине мира китайского народа человек – это часть коллектива, звено сложных межличностных отношений. Напротив, для русских человек значим как личность, индивидуальность, важно называть человека по имени.

Рассмотрим подробно лексическое наполнение наиболее актуализированных подгрупп лексиконов обоих народов.

Подгруппа «Родственные отношения» является самой объемной в обоих словниках, но в китайском лексиконе эта подгруппа представлена

значительно большим количеством лексических единиц (50 ед.) по сравнению с русским (15 ед.).

Словник китайцев¹

妈妈 ‘мама’
爸爸 ‘папа’
奶奶 ‘бабушка по отцовской линии’
姐姐 ‘старшая сестра’
爷爷 ‘дедушка по отцовской линии’
妹妹/妹子 ‘младшая сестра’
弟弟 ‘младший брат’
哥哥 ‘старший брат’
叔叔 ‘дядя, младший брат отца’
外公 ‘дедушка по материнской линии’
外婆 ‘бабушка по материнской линии’
阿姨 ‘тетя по материнской линии’
姑姑 ‘тетя по отцовской линии’
亲人 ‘родственник’
姥姥 ‘бабушка по материнской линии’
家人 ‘член семьи’
老婆 ‘жена’
老公 ‘муж’
舅舅 ‘дядя по материнской линии’
伯伯 ‘дядя по отцовской линии’
外甥 ‘племянник, сын сестры’
大哥 ‘старший из братьев’
大姐 ‘старшая из сестер’
女儿 ‘дочь’
姐妹 ‘старшие и младшие сестры’
婆婆 ‘свекровь’
婶婶 ‘тетя, жена младшего брата отца’

家庭 ‘семья’
公公 ‘свекор’
老爷 ‘дедушка по материнской линии’
表哥 ‘старший двоюродный брат по материнской линии’
表姐 ‘старшая двоюродная сестра по материнской линии’
亲戚 ‘родственники’
儿子 ‘сын’
兄弟 ‘младший брат’
伯母 ‘тетя, жена старшего брата отца’
堂哥 ‘старший двоюродный брат по материнской линии’
堂妹 ‘младшая двоюродная сестра по отцовской линии’
堂姐 ‘старшая двоюродная сестра по отцовской линии’
堂弟 ‘младший двоюродный брат по отцовской линии’
外甥女 ‘дочь сестры, племянница’
大妈 ‘тетя, жена старшего брата отца’
姨妈 ‘тетя по материнской линии’
新婚 ‘новобрачный’
父母 ‘родители’
舅妈 ‘тетя, жена брата матери’
表妹 ‘младшая двоюродная сестра по материнской линии’
表弟 ‘младший двоюродный брат по материнской линии’
侄女 ‘племянница, дочь брата’
侄子 ‘племянник’

Словник русских

бабушка
батя
брат
дедушка
дочь
дядя
мама
матушка
мать
папа
предки ‘родители’
родители
сестра
сын
тётя

Как видим, количественно подгруппы «Родственные отношения» у китайских и русских студентов значительно различаются. Если же посмотреть на русский и китайский словники с точки зрения значения единиц, то видно, что причина различия заключается в более сложной системе обозначения родственных отношений в китайском языке, где за каждым родственником закреплено определенное название-обращение. Приведем пример: представленному в русском словнике слову *бабушка* соответствуют три единицы из китайского словника – 奶奶 ‘бабушка по отцовской линии’; 外婆, 姥姥 ‘бабушка по материнской линии’ и т.д.² Разветвленная система названий родственников является важным социокультурным явлением, лишний раз подтвер-

ждающим ценность родственных отношений в менталитете китайцев: представленные лексемы не только указывают степень родства, но и употребляются в качестве обращений. Использование обращений, в свою очередь, не только является традиционным, но и подчеркивает тесные родственные отношения между членами семьи и, как следствие, является обязательным.

Русский лексикон монолингвов включает только обозначения ближайших членов семьи, причем в двух случаях – нелитературные (*батя, предки*), тогда как в китайском лексиконе такие единицы не встретились. В то же время в китайском лексиконе, наряду со словами, выражающими конкретные родственные отношения, присутствуют также обобщенные названия: 亲人

‘родственник’, 家人 ‘член семьи’, 家庭 ‘семья’, 亲戚 ‘родственники’, чего не отмечается в русском словнике.

Разница в составе обоих лексиконов также прослеживается в наличии/отсутствии слов, характерных для определенной сферы употребления.

Так, в русском лексиконе, наряду со словами *мама, матушка*, присутствует также слово *мать*, использующееся преимущественно в сфере официально-делового общения. В китайском словнике не встретилось лексем с оттенком официально-делового стиля. Отметим, что, в отличие от русского языка, китайский язык располагает разветвленной системой названий родственников, преимущественно использующихся в сфере официально-делового общения. Такие слова являются стилистическими синонимами названиям родственников, использующимся в бытовой речи; отличие заключается лишь в сфере употребления. Многие лексемы из нашего словника имеют такие синонимы, например, 母亲 ‘мать’ – 妈妈 ‘мама’, 父亲 ‘отец’ – 爸爸 ‘папа’, 妻子 ‘жена’, 太太 ‘жена’ – 老婆 ‘жена’, 丈夫 ‘муж’ – 老公 ‘муж’ и др. Но, как уже отмечалось, эти единицы не были актуализированы в нашем материале. Для китайской культуры очень важно различие этих понятий, т.к. слова 母亲 ‘мать’, 父亲 ‘отец’, 妻子 ‘жена’ и др. не могут быть использованы при обращении к родственнику или личном упоминании о нем, в противном случае это будет демонстрировать неприязнь со стороны говорящего и напряженные отношения между членами семьи.

Таким образом, анализ материала позволяет сделать вывод о важности родственных отношений как для русских, так и для китайцев. Но раз-

личие культур обоих народов дает и различное представление о человеке в системе родственных отношений. В китайском лексиконе семья представлена как многоуровневая сложная система родственных связей, где важнее личные отношения между членами, нежели формальное кровное родство, что подтверждается наличием лексики, использующейся в качестве обращений к родственникам, и отсутствием стилистических синонимов названий членов семьи, применяющихся в официально-деловой сфере. В сознании китайцев понятие семьи наиболее значимо по сравнению с другими ценностными установками, что отражается в языке в виде детализированной системы названий родственников и в закреплении за каждой единицей стилистического значения и сферы употребления. Поэтому анализ актуализированной лексики позволяет нам сделать вывод, что в системе представлений о человеке в сознании китайского народа наиболее важными являются семейные ценности, базирующиеся на хороших отношениях между членами семьи. Включенность человека в систему родственных отношений является базовым условием формирования представлений о нем в языковой картине мира китайцев. В сознании носителей русского языка семья также играет важную роль, но ограничивается лишь узким кругом самых близких родственников.

Рассмотрим следующие подгруппы. Подгруппа «Характеристика» в китайском словнике содержит 112 ед., из них разных – 61 ед., однако в русском словнике эта группа является далеко не самой многочисленной – 13 ед., из них разных – 11 ед.:

Китайский словник	Русский словник	
<p>Физические характеристики</p> <p>帅气 ‘привлекательный’ (о мужчине)</p> <p>佳人 ‘красавица, прекрасная дева’</p> <p>女神 ‘богиня’ (о женщине)</p> <p>帅哥 ‘красавчик’</p> <p>美女 ‘красавица’</p> <p>胖 ‘толстый’</p> <p>胖死 ‘очень толстый’</p> <p>苗条 ‘стройный’ (о женской фигуре)</p> <p>萝莉 ‘Лолита’ (о девушке или ее стиле)</p> <p>软妹子 <i>инт.-яз.</i> ‘девушка с красивыми глазами, мягким и нежным голосом’</p>	<p>Социальные характеристики</p> <p>土豪 <i>инт.-яз.</i> ‘богатый, но бескультурный человек, мот’</p> <p>孤单 ‘одинокий’</p> <p>屌丝 <i>инт.-яз.</i> ‘неудачник’</p> <p>拜金女 ‘девушка, которая преклоняется перед материальными ценностями’</p> <p>暴发户 ‘нувориш, богач-выскочка’</p> <p>白富美 ‘белокожая, богатая и красивая’ (об успешных девушках)</p> <p>白瘦美 ‘белокожая, худая и красивая’ (о девушках)</p> <p>败家子 ‘расточитель семейного состояния, сын-транжир’</p>	<p><i>гнида</i></p> <p><i>дурак (-и)</i></p> <p><i>козел</i></p> <p><i>лох</i></p> <p><i>молодец</i></p> <p><i>мучо (обыгрывание слова мачо)</i></p> <p><i>паразиты</i></p> <p><i>тормоз</i></p> <p><i>уроды</i></p> <p><i>шлюха</i></p>

Черты характера

专一 ‘сосредоточенный на одном, постоянный’
乐观 ‘оптимистичный, оптимист’
八卦 *сленг* ‘люди, сующие нос в чужие дела’
勤快 ‘трудолюбивый, работающий’
吃货 *инт.-яз.* ‘любитель поесть’
和蔼可亲 ‘радушный, приветливый’
大度 ‘великодушный’
开朗 ‘приветливый, открытый’
慈祥 ‘душевный, добродушный’
懒惰 ‘ленивый’
淑女 ‘скромная, добродетельная девушка’
温柔 ‘нежный, ласковый’
磨叽 ‘медлительный’
神仙 ‘беззаботный, беспечный человек’
耐心 ‘терпение, терпеливый’
自信 ‘быть уверенным в себе’
花心 ‘плейбой’
认真 ‘добросовестный’
豁达 ‘широкий взгляд, широко смотреть на вещи’
豪爽 ‘прямолинейный, прямодушный’
踏实 ‘основательный и добросовестный’
闷骚 *жарг.* ‘о человеке, который с виду очень спокоен и тих, а внутри полон бурных чувств, которые он просто не выражает или не умеет показывать; в тихом омуте черти водятся’
宅男 ‘домосед, домашний мальчик’

高富帅 ‘высокий, богатый, красивый’ (об идеальном мужчине)
月光族 ‘те, кто живут от зарплаты до зарплаты’
米虫 ‘дармоед’

Характеристики способностей

二货 *инт.-яз.* ‘глупенький’
人才 ‘талант, талантливый человек’
凤凰女 ‘девушка-феникс’ (о девушке, которая сумела выбиться в люди)
凤凰男 ‘парень-феникс’ (о молодом человеке из бедной семьи, выбившемся в люди)
大神 *инт.-яз.* ‘бог’ (о преуспевающем в какой-либо области человеке)
学霸 ‘голова, мозг’
干练 ‘дельный и опытный’
强悍 ‘дерзкий, лихой’
白痴 ‘идиот, кретин’
聪明 ‘умный, смысленный’
笨蛋 ‘болван’
傻逼 ‘грубое высказывание о глупой девушке’

Характеристики

эмоциональных состояний

疯子 ‘сумасшедший’
痴情 ‘страсть, ослепленный страстью’
累 ‘усталый’
郁闷 ‘подавленный, грустный, тоскующий’
放心 ‘успокоиться, быть спокойным’

В первую очередь следует сказать о методе отбора материала. Ввиду особенностей грамматики китайского языка в подгруппу «Характеристика» были включены как существительные, так и прилагательные, употребляющиеся исключительно для характеристики человека.

В китайском языке граница между частями речи очень условная. Часть речи можно определить лишь в контексте, где коммуникативная роль подчеркивается средствами грамматики (см.: [Горелов 1984]). Употребление слова в различных функциях в зависимости от его вхождения в то или иное синтаксическое образование

Ш. Балли назвал функциональной транспозицией [Балли 1955: 130]. Используя термины М. Мак-Люэна, можно сказать, что высказывания на языках типа китайского являются «холодными»: их нужно «разогреть» путем помещения в контекст, чтобы они стали восприниматься адекватно [Касевич 2013: 171].

В нашем случае это касается существительных с абстрактным значением. Они могут употребляться как в качестве прилагательного, так и в качестве существительного. В нашем материале подобные лексемы используются в основном для характеристики человека.

Также следует отметить особенности синонимии в китайском языке. Конечно, как и в любом другом языке, это явление здесь присутствует. Но, по сравнению с русским языком, синонимы в китайском языке достаточно условны. В случае полного совпадения лексического значения слов их грамматическое употребление часто бывает разным. Одинаковое лексическое значение слов, одинаковое их использование при построении фразы и одинаковая лексическая сочетаемость в китайском языке встречаются достаточно редко.

Эти два обстоятельства (явление транспозиции и особенности синонимии в китайском языке) дают нам право расширить подгруппу «Характеристика» путем включения единиц, употребляющихся преимущественно по отношению к человеку.

Перейдем к анализу лексики этой подгруппы. Лексический состав китайского словника представлен пятью мини-подгруппами, лексика которых описывает человека с разных сторон: «Физические характеристики», «Черты характера», «Социальные характеристики», «Характеристики способностей» и «Характеристики эмоциональных состояний». Как видим из примеров, лексический состав каждой из подгрупп включает разнообразные пласты лексики, например лексику интернет-языка, жаргон, разговорную лексику и др.

Особо следует остановиться на статусе интернет-языка. В связи со стремительным развитием китайской экономики и, как следствие, развитием интернет-торговли и использованием Интернета в качестве основного средства связи в последние десятилетия современный китайский язык обогатился новыми лексическими единицами, получившими статус интернет-языка, или интернет-сленга. Важно отметить, что этот язык используется не только в интернет-коммуникации, но также проникает в разговорную речь и активно применяется в других сферах, включая бытовое общение, телевизионные передачи, кино и т.д. Китайские исследователи традиционно выделяют две большие группы интернет-сленга: 1) профессиональный интернет-язык и 2) язык интерактивных чатов и блогов [施 2010: 71]. Детальному изучению подвергается последний тип, т.к. в нем лексические единицы появляются особенно быстро, а затем активно проникают в другие сферы общения. Далее мы еще раз вернемся к конкретным примерам интернет-сленга, но для начала рассмотрим каждую из мини-подгрупп.

Подгруппа «Физические характеристики» содержит лексику, описывающую физическое состояние человека, а также особенности его внешнего вида. Данная подгруппа представлена 10 ед., 5 из которых характеризуют лиц женского

пола, 2 ед. – лиц мужского пола, остальные могут относиться и к тем и к другим в равной степени. Отметим, что китайская лексика такого типа, как правило, гендерно ориентирована, в противном случае употребление лексики, описывающей лиц женского пола, в отношении мужчины и наоборот имеет отрицательную коннотацию (см.: [Чжан 2007]). Китайские информанты в основном называют физические характеристики с положительной коннотацией: 帅气 ‘привлекательный’ (о мужчине), 佳人 ‘красавица, прекрасная дева’ и т.д. Лишь только две однокоренные лексемы – 胖 ‘толстый’ и 胖死 ‘очень толстый’ – это единицы с отрицательной оценкой. Современная китайская молодежь считает полноту большим недостатком как для девушек, так и для мужчин, поэтому сейчас в Китае люди активно занимаются спортом и следят за своим здоровьем. Кроме того, во втором случае прилагательное употреблено с модификатором 死 ‘в высшей степени’, ‘до смерти’, ‘ужасно’, ‘очень’, который усиливает отрицательное оценочное значение.

Обращают на себя внимание такие лексемы, как 萝莉 ‘Лолита; девушка в стиле «Лолита»’ (о девушке или ее стиле) и 软妹子 *инт.-яз.* ‘девушка с красивыми глазами, мягким и нежным голосом’, характеризующие молодых девушек и пришедшие в китайский язык из японской субкультуры аниме. Лексема 萝莉 ‘Лолита’ (яп. ロリコン рорикон или лоликон) и используется для характеристики молодой миловидной девушки. Лексема 软妹子 характеризует природную красоту девушки, которая обладает мягким и нежным голосом, гармоничным телосложением и т. п.

Подгруппа «Черты характера» содержит лексемы, называющие психологические и поведенческие черты личности. В словник вошло 24 ед., среди которых есть единицы, обозначающие как положительные черты характера, так и отрицательные. В китайском лексиконе человек наделен в основном положительными чертами, такими как 和蔼可亲 ‘радушный, доброжелательный’, 豁达 ‘великодушный, открытый’ и т. д. Из отрицательных китайцы называют такие черты, как 八卦 *сленг.* ‘люди, сующие нос в чужие дела’, 懒惰 ‘ленивый’, 花心 ‘плейбой’ и т.д. Как и в предыдущей группе, лексем с положительной коннотацией значительно больше, чем лексем с отрицательной.

Следующая мини-подгруппа «Социальные характеристики» содержит лексику (всего 11 ед.), описывающую поведение человека в обще-

стве, его материальное благосостояние, а также межличностные отношения. В основном данная лексика отражает связь материального положения человека с его социокультурным поведением и внешним обликом. Проанализируем несколько примеров.

Интернет-сленг 土豪 указывает на человека очень богатого, но с низким уровнем культурного развития. Низкая культура поведения проявляется в демонстрировании своего материального благосостояния широкой аудитории путем огромных трат и презрительном отношении к людям с более низким доходом.

Лексемы 屌丝 ‘неудачник’ и 高富帅 ‘высокий, богатый, красивый’ (об идеальном мужчине), 白富美 ‘белокожая, богатая и красивая’ (об успешных девушках) являются антонимами, также пришедшими в современный китайский язык со страниц Интернета, и отражают представления о современном успешном человеке в китайской культуре. Сравним, лексема 屌丝 ‘неудачник’ указывает на низкорослого, бедного, внешне уродливого и толстого, глупого молодого человека, тогда как лексема 高富帅 – на внешне привлекательного обеспеченного молодого мужчину высокого роста, а лексема 白富美 обозначает красивую девушку с белой кожей и хорошим материальным положением. Стоит заметить, что характеристика успешного / неуспешного человека связана не только с уровнем образования, карьерными достижениями и материальным положением, но также и с внешними данными, что является отличительной чертой китайской культуры. А. О. Пак, исследовавшая концепт «красота» в русской и китайской культурах, отмечает, что «в русской культуре концепт “красота” сопряжен с образами внутренних проявлений человеческой эмоциональной природы, тогда как в китайской культуре в ... семантическое поле концепта “красота” входят концепты “благосостояние” и “развитие”, причем концепт “развитие” ... сопряжен с идеей внешности» [Пак 2009: 19].

Подгруппа «Характеристики способностей» представлена 12 ед., в основном противопоставленными по признаку наличия / отсутствия умственных способностей у человека, которого они называют: 学霸 ‘«голова», «мозг»’, 人才 ‘талант, талантливый человек’, 聪明 ‘умный, смывленный’ и 白痴 ‘идиот, кретин’, 笨蛋 ‘болван’, 傻逼 ‘грубое высказывание о глупой девушке’.

В списке присутствуют и лексемы, указывающие на выдающиеся способности: 凤凰女 ‘де-

вушка-феникс’ (о девушке, которая сумела выбиться в люди) и 凤凰男 ‘парень-феникс’ (парень из бедной деревенской семьи, выбившийся в люди).

Подгруппа «Характеристики эмоциональных состояний» содержит 5 ед., большая часть которых обозначает отрицательные эмоции: 疯子 ‘сумасшедший’, 痴情 ‘страсть, ослепленный страстью’, 郁闷 ‘подавленный, грустный, тоскующий’ и др.

Анализ единиц подгруппы «Характеристика» показал, что большая часть лексем описывает человека с хорошей стороны, демонстрирует его положительные качества, что отличает китайский словник от русского, где все представленные единицы (за исключением слова *молодец*) – слова с негативным значением. Также существенно различается и объем обоих словников, что свидетельствует о важности внешности, социального положения, присутствия положительных черт характера для китайцев, тогда как в словнике русских студентов эти качества не актуализированы. Итак, на основе анализа метального лексикона можно сделать вывод о том, что в сознании носителей китайского языка характеристика человека представлена несколькими оппозициями, такими как успешный / неуспешный, умный / глупый, красивый / некрасивый и т.д., причем характеристика личности в данном случае строится не только на внутренних качествах, но и на внешности человека. Человек в сознании китайских студентов должен обладать хорошими интеллектуальными способностями, привлекательной внешностью, силой воли для достижения поставленных целей и преодоления трудностей, быть материально обеспеченным и др. Отклонения от этих норм воспринимаются как существенные недостатки, на что указывает присутствие лексем с ярким отрицательным коннотативным значением.

Остановимся на очень важной как для русского, так и для китайского народов подгруппе «Социальные отношения». Как мы уже отмечали выше, эта подгруппа является весьма частотной в обоих словниках. Мы остановимся только на мини-подгруппах «Социальный статус» и «Принадлежность к группе», наиболее ярко демонстрирующих особенности представлений о человеке в китайской национальной культуре.

Китайский словарь

Русский словарь

Социальный статус

官员 ‘официальное лицо’
主任 ‘заведующий’
偶像 ‘кумир, идеал’
名人 ‘знаменитый человек’
明星 ‘звезда, знаменитость’
官二代 ‘чиновник во втором поколении; дети чиновников’
富二代 ‘богачи во втором поколении; золотая молодежь’
班主任 ‘классный руководитель’
班长 ‘староста класса, группы’
经理 ‘директор’
英雄 ‘герой’
辅导员 ‘руководитель, консультант’
有钱人 ‘состоятельный человек’
党员 ‘член партии’

Принадлежность к группе

学长 ‘студент старших курсов по сравнению с говорящим’
班级 ‘курс, группа’
人员 ‘персонал’
同事 ‘коллега’
同学 ‘однокурсник, одноклассник’
学妹 ‘студентка младших курсов по сравнению с говорящим’
学姐 ‘студентка старших курсов по сравнению с говорящим’
学弟 ‘студент младших курсов по сравнению с говорящим’
员工 ‘рабочие и служащие’
党员 ‘член партии’
小伙伴 ‘приятель-коллега’

Социальный статус

бомж
директор
домохозяйка
зав. отделения
заочники
классный руководи-
тель
мастер
президент
староста
террористы
шахидка

Подгруппа «Социальный статус» включает довольно разнородные единицы, поскольку под социальным статусом понимается «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [Карасик 2002: 5]. Вслед за Е. В. Ерофеевой и Е. С. Худяковой, мы считаем относящимися к данной группе все слова, которые называют постоянную социальную характеристику человека, не меняющуюся (в отличие от социальной роли) в зависимости от ситуации и предполагающую оппозицию иному статусу [Ерофеева, Худякова 2012: 14].

Общее количество лексем в русском и китайском словарях примерно одинаковое – 11 ед. и 14 ед., но словарный состав имеет существенные отличия. Русский лексикон студентов представлен двумя группами слов: в первом случае это слова, отражающие социальный статус ближайшего окружения (*директор, зав. отделения, заочники, староста*), во втором – слова, называющие лиц, опасных для общества, или лиц с низким социальным статусом (*террористы, шахидка, бомж*). В китайском словнике, напротив, присутствуют слова, называющие лиц, достигших высокого социального статуса: *明星* ‘звезда, знаменитость’, *英雄* ‘герой’, *有钱人* ‘состоятельный человек’, *党员* ‘член партии’ и др. Особого внимания заслуживают лексемы *官二代* ‘чиновник во втором поколении; дети чиновников’ и

富二代 ‘богачи во втором поколении; золотая молодежь’. Эти понятия возникли в 80-е гг. в связи с развитием китайской экономики и ростом благосостояния общества. Несмотря на то что эти лексемы также описывают лиц с высоким социальным статусом, в студенческой среде они имеют отрицательные коннотации, потому как описывают детей богатых и влиятельных родителей, которым деньги, успех, положение в обществе и карьера достаются без особых усилий.

Подгруппа «Принадлежность к группе» у китайцев содержит единицы, указывающие на принадлежность к той или иной группе самих информантов. Большую ее часть составляют слова, демонстрирующие иерархию в студенческой среде: *学长* ‘студент старших курсов по сравнению с говорящим’, *同学* ‘однокурсник, одноклассник’, *学妹* ‘студентка младших курсов по сравнению с говорящим’ и др. Также присутствуют единицы, отражающие принадлежность к социально значимым группам в китайском обществе: *同事* ‘коллега’, *党员* ‘член партии’. Характерной особенностью словаря является наличие слов не только со значением принадлежности лица к той или иной группе, но и наличие слов – обобщенных названий коллективов и групп: *人员* ‘персонал’, *员工* ‘рабочие и служащие’, *班级* ‘курс, группа’. Единицы подгруппы «Принадлежность к группе» у русских вообще не представлены, что говорит о важности отношения к

коллективу для китайского народа по сравнению с русским.

Проанализированные группы лексики подгруппы «Социальные отношения», как и в случае с подгруппой «Характеристика», также указывают на важность в сознании китайцев достижения человеком высокого социального статуса. Статусность, а вместе с тем и влияние, достигаются за счет улучшения материального положения, карьерного роста и вступления в партию. Социальный статус очень важен для китайцев, т. к. он помогает дальнейшему расширению связей, вхождению во влиятельные круги общества и гарантирует комфортные условия жизни человека. Отношения в китайском обществе можно представить как иерархическую структуру групп различной значимости, поэтому для китайцев особенно важно быть членом какого-либо коллектива, на что указывает проанализированная выше лексика подгруппы «Принадлежность к группе». Социальные отношения в русском сознании имеют несколько иную структуру, поэтому приведенная лексика подгруппы «Социальный статус» в основном ограничивается характеристиками ближайшего окружения студентов: в большинстве случаев представленные социальные статусы имеют прямое отношение к информантам и плохо отражают иерархическую структуру общества в целом.

Анализ наиболее частотных подгрупп обоих словарей выявил существенные отличия в представлениях о человеке в русской и китайской лингвокультурах. В ментальном лексиконе русских человек представлен как индивидуальность со своим личным пространством, которое чаще всего замкнуто на ближайшем окружении; что касается общественной оценки, то чаще всего она возникает по отношению к лицам с низким социальным статусом [Ерофеева, Худякова 2012].

Человек в китайской культуре представляет собой звено сложной системы межличностных отношений. Как показал анализ материала, несмотря на то что для китайцев, как и для русских, актуально личное пространство человека (друзья, семья и т.д.), наиболее важной составляющей представлений о человеке является включенность его в социальные отношения и актуализация успешности человека в общественной сфере: человек должен хорошо выглядеть и обладать способностями для движения по иерархической лестнице. Для китайского народа очень важна оценка, данная обществом, об этом свидетельствуют, например, возникшие в сети Интернет лексемы, которые описывают поведение той или иной социальной группы. Положительной характеристикой человека в китайском обществе

является его принадлежность к какой-либо группе или коллективу, напротив, к одинокому человеку возможно негативное отношение.

Примечания

¹ Перевод лексикона выполнен автором статьи с привлечением академических словарей (汉俄词典, БКРС) и при помощи информантов.

² В приведенном списке также присутствуют слова, имеющие разное иероглифическое начертание, но одинаковое значение. Например, 外婆 и 姥姥 ‘бабушка по материнской линии’; 外公 и 姥爷 ‘дедушка по материнской линии’. Разница между этими единицами заключается в ареале распространения: в первом случае употребление характерно больше для южных диалектов, во втором – для северных (регион проживания информанта также фиксировался при сборе материала).

Список источников

汉俄词典 – 汉俄词典 Китайско-русский словарь (修订本) / 主编夏仲毅. 北京: 商务印书馆. 2008. 1250 页.

БКРС – Большой китайско-русский словарь. URL: <http://bkrs.info> (дата обращения: 21.07.2014).

Список литературы

Агибалов А. К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 18 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 488 с.

Горелов В. И. Лексикология китайского языка: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1984. 216 с.

Доценко Т. И., Леценко Ю. Е. Универсальные структуры и их функции в ментальном лексиконе билингва // Труды СПИИРАН. 2013. №2(25). С. 371–384.

Ерофеева Е. В., Боронникова Н. В. Социальные, культурные и языковые особенности ментального лексикона русских и македонцев // Филологические заметки. 2013. Т. 2. С. 17–31.

Ерофеева Е. В., Пепеляева Е. А. Актуализация единиц лексико-семантического поля «Человек» в ситуативно ориентированных текстах // Наука и бизнес: пути развития. 2013. №4(22). С. 99–102.

Ерофеева Е. В., Пепеляева Е. С. Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка // Вестник Пермского

университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.1(13). С. 7–19.

Ерофеева Е. В., Худякова Е. С. Психолингвистическое исследование ценностных установок билингвов (на материале тематической группы «Человек») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2(18). С. 7–16.

Залевская А. А. Лексикон человека как функциональная самоорганизующаяся система // Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учеб. пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. С. 3–74.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.

Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 282 с.

Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки слав. культуры, 2013. 192 с.

Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001. 592 с.

Овчинникова И. Г. Еще раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психолингвистики. 2009. №10. С. 43–49.

Пак А. О. Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2009. 25 с.

Чжан Хун Лексико-тематическое представление внешнего облика человека в современном русском языке (на фоне китайского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 22 с.

Elman J. F. An alternative view of the mental lexicon // Trends in cognitive sciences. Vol. 8. Iss. 7. Cambridge: Elsevier, 2004. P. 301–306.

Jarema G., Libben G. The mental lexicon: core perspectives. Netherlands: Elsevier, 2007. 235 p.

施春宏.网络语言的语言价值和语言学价值 [на русский] // 语言文字应用 [на русский]. №3. 北京市, 2010. С. 70–80. где ссылка на нее?

References

Agibalov A. K. Verоятnostnaja organizacija vnutrennego leksikona cheloveka. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Probability structure of human mental lexicon. Thesis Synopsis of PhD philol. sci. Diss.]. St. Petersburg, 1995. 18 p.

Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka [General linguistics and French language questions]. Moscow: Inostrannaja literatura Publ., 1955. 416 p.

БКРС – Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' [перевод]. Available at: <http://bkrs.info> (accessed 21.07.2014).

Chzhan Hun Leksiko-tematicheskoe predstavlenie vneshnego oblika cheloveka v sovremennom russkom jazyke (na fone kitajskogo jazyka). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Lexical-thematic representation of human's appearance in modern Russian language (on Chinese language background). Thesis Synopsis of PhD philol. sci. Diss.]. St. Petersburg, 2007. 22 p.

Docenko T. I., Leshhenko Ju. E. Universal'nye struktury i ikh funkcii v mental'nom leksikone bilingva [Universal structures and their functions in the bilingual mental lexicon]. Trudy SPIIRAN [SPIIRAS Proceedings]. 2013. No 2(25). P. 371–384.

Elman J. F. An alternative view of the mental lexicon. Trends in cognitive sciences. 2004. Vol. 8. Iss. 7. P. 301–306.

Erofeeva E. V., Boronnikova N. V. Social'nye, kul'turnye i jazykovye osobennosti mental'nogo leksikona russkikh i makedoncev [Social, cultural and linguistic characteristics in the mental lexicons of Russians and Macedonians.]. Filologicheskie zametki [Philological notes]. 2013. Vol. 2. P. 17–31.

Erofeeva E. V., Khudjakova E. S. Psikholingvisticheskoe issledovanie cennostnykh ustanovok bilingvov (na materiale tematicheskoy gruppy «Chelovek») [The psycholinguistic research of the bilingual's system of values (on the data of the thematic group "Human")]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2012. Iss. 2(18). P. 7–16.

Erofeeva E. V., Pepeljaeva E. A. Aktualizacija edinic leksiko-semanticheskogo polja «Chelovek» v situativno orientirovannykh tekstakh [Relations of lexical-semantic field «Human» units in situation-oriented texts]. Nauka i biznes: puti razvitija [Science and business: ways of development]. 2013. No 4 (22). P. 99–102.

Erofeeva E. V., Pepeljaeva E. S. Struktura semanticheskogo polja «Chelovek» v soznanii nositelej russkogo jazyka [Structure of the semantic field «Human» in the mental lexicon of Russian native speakers]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2011. Iss. 1(13). P. 7–19.

Gerd A. S. Vvedenie v ehtnolingvistiku: kurs lekcij i khrestomatija [Introduction to ethnolinguistics: series of lectures and chrestomathy]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 2001. 488 p.

Gorelov V. I. Leksikologija kitajskogo jazyka: ucheb. posobie dlja studentov pedagogicheskikh in-

stitutov [Lexicology of Chinese language: textbook for students of pedagogical institutes]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1984. 216 p.

Jarema G., Libben G. The mental lexicon: core perspectives. Netherlands: Elsevier Publ., 2007. 235 p.

Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa [The language of social status]. Moscow: Gnozis Publ., 2002. 333 p.

Kasevich V. B. Buddizm. Kartina mira. Jazyk [Buddhism. Worldview. Language]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2004. 282 p.

Kasevich V. B. Kognitivnaja lingvistika: v poiskakh identichnosti [Cognitive linguistics: in search of identity]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2013. 192 p.

Maklakov A. G. Obshhaja psikhologija [General psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2001. 592 p.

Ovchinnikova I. G. Eshhe raz o modelirovanii mental'nogo leksikona bilingva [Once again about mental lexicon modeling of bilingual]. Voprosy psikholingvistiki [Journal of psycholinguistics]. 2009. Iss. 10. P. 43–49.

Pak A. O. Sopostavitel'noe issledovanie koncepta "krasota" v kitajskom i russkom jazykakh. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Comparative research of concept "Beauty" in Chinese and Russian languages. Thesis synopsis of PhD philol. sci. Diss.]. Dushanbe, 2009. 25 p.

Shi Chunhong 网络语言的语言价值和语言学价值 [Web Language as a Language Variety and a Linguistic Issue]. 语言文字应用 [Applied Linguistics]. 2010. Iss. 3. P. 70–80.

Zalevskaja A.A. Leksikon cheloveka kak funkcional'naja samoorganizujushhajasja sistema [The human lexicon as a functional self-organizing system]. Problemy organizacii vnutrennego leksikona cheloveka: ucheb. posobie [Problems of structure of internal human lexicon: textbook]. Kalinin: Kalinin State Univ. Publ., 1977. P. 3–74.

汉俄词典 – 汉俄词典 Kitajsko-russkij slovar' [Chinese-Russian Dictionary]. Beijing: Commercial Press Publ., 2008. 1250 p.

CONCEPTION OF A HUMAN IN CHINESE AND RUSSIAN STUDENTS' LINGUISTIC WORLD-IMAGE

Natalia A. Kostomarova

Postgraduate Student in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

The paper deals with conception of a human in Chinese's mental lexicon. Conception is a structure which a brain uses in order to denote a class of things. Mental lexicon is a complicated system of interactive fields that contain information regarding a word meaning. The basic part of mental lexicon is actual lexicon that is defined as the most frequently used vocabulary.

The material under research is a Chinese word list compiled as a result of an experiment with Chinese students from Nanchang University (China, Jiangxi province) and representing their actual lexicon. Russian actual lexicon described in some articles by linguist E. Erofeeva is used for comparative analysis.

The conception of a human in Chinese mental lexicon differs from the one in Russian mental lexicon. In Chinese culture a person is a part of a complicated system of interpersonal relationships. According to the research, concept of a human in Chinese society can be presented in several theses, which describe a social status, appearance and conditions for success. Firstly, a person has to be a member of a society to build relationships with another people. Secondly, a person has to be externally successful. Finally, it is very important to be good-looking and able to achieve success in career.

Key words: conception; thematic group; human; actual lexicon; mental lexicon.

УДК 81'24: 811.112

ИЗУЧЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ УСТНОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ

Астрид Нойман**доктор, профессор института немецкого языка
и литературы и методики их преподавания
университет Лейфана**

21335, Германия, Люнебург, Шарнхорштрассе, 1. astrid.neumann@uni.leuphana.de

Изабелла Малер**аспирант института немецкого языка
и литературы и методики их преподавания
университет Лейфана**

21335, Германия, Люнебург, Шарнхорштрассе, 1. isabelle.mahler@uni.leuphana.de

Статья посвящена актуальной проблеме развития навыков говорения и слушания в рамках уроков родного и иностранного языков. Отмечается необходимость развития коммуникативных компетенций учителей родного и иностранного языков, а также принципиальная важность речевого поведения учителя и учеников в ходе урока и взаимосвязь говорения и слушания в учебной коммуникации. Авторами предлагается введение в теоретические рамки аспектов качества преподавания и языка учителя и приводятся примеры из данной предметной области: школа, университет и публикации университета «Leuphana», г. Люнебург. Представлены результаты анализа практических занятий в университете по подготовке будущего преподавательского состава, а также анализа коммуникации на уроке немецкого языка в школе. Значительное внимание уделяется современным средствам аудио- и видеозаписи, позволяющим осуществлять анализ учебной коммуникации, а также развитию умения студентов проводить научные исследовательские работы.

Ключевые слова: дидактика немецкого языка; немецкий язык как родной; устность; коммуникация на занятии; язык учителя; эмпирические методы исследования; говорение и слушание; транскрипция; концепция семинара; работа в группах.

1. Введение

Говорение и слушание как компетенции около десяти лет переживают свой ренессанс в школьном и в последующем университетском образовании. До сих пор в сфере устной коммуникации при обучении родному языку внимание больше было обращено на говорение, нежели на слушание, которое – за исключением случаев нарушения слуха у человека – понималось как естественная компетенция человека. Однако в последнее время слушание как аспект обучения начинает осознаваться во всей его сложности и привлекает все большее внимание ученых. Отсюда вытекает центральная тема исследования и логична соответствующая постановка вопроса: какое значение имеет устная коммуникация в рамках университетской учебной практики при-

менительно к школе и для подготовки научных публикаций?

2. Теоретические основы

Дидактика занимается многими аспектами, касающимися урока. К ним относятся цели урока, которые учитывают формирование компетенций учеников с помощью ключевых содержательных компонентов учебного процесса, а также методы и средства преподавания, которые должны быть соблюдены с помощью правил и принципов организации при планировании и проведении урока [Helmke 2009]. Однако школа и учебные занятия преследуют слишком много различных целей, чтобы высказывания о качестве и соответствии стилей и методов проведения урока могли быть сделаны только относительно определенного аспекта анализа [см.: *ibid.*]. Соот-

ветственно, следует осуществить тематическую спецификацию, чтобы дифференцировать аспекты анализа, в том числе представленные ниже.

Институционально ограниченная сфера деятельности «урок», согласно Ройссеру и Паули [Reusser, Pauli 2010], определяется тремя вершинами дидактического треугольника: учитель, предмет и ученики (см. рис. 1). Между вершина-

ми треугольника находятся так называемые *поля качества*, из которых для данной работы релевантно нижнее поле культуры отношений и взаимной поддержки, описывающее критический анализ культуры взаимодействия и процессов коммуникации между учителями и учениками и между учениками на уроке.

Рис. 1. Дидактический треугольник [Reusser & Pauli 2010: 16]

Если во время урока ученикам и учителям удастся установить между собой контакт, то в этом случае говорят об успешном взаимодействии «учитель – ученик» [Hofer, Haimerl 2008]. Во время этой формы взаимодействия – да и в школе в целом – язык является самым важным средством передачи информации. По Велленройтеру, метанализы показывают, что «действительно хороший учитель <...>, прежде всего, компетентно и понятно для своих учеников может изложить информацию в письменной или устной форме» [Wellenreuther 2008: 167]. Этот четкий фокус на коммуникативно-языковых аспектах, таким образом, должен стать составляющей подготовки учителей, основанной на практическом опыте.

Чтобы (будущему) учителю дать ясное представление о том, что характеризует компетентное и понятное изложение информации в устной форме, необходимо теоретическое рассмотрение специфических черт коммуникации на уроке. При этом, помимо прочих вопросов, подробнее должны быть рассмотрены следующие:

- что характеризует устность;
- что понимается под учебной коммуникацией;
- какие эмпирические данные предоставляют исследования различных частных дисциплин в этой области.

В любом случае нужно учитывать, что ответы на эти вопросы всегда фокусируют внимание на

разных аспектах и указания к действию могут быть созданы только исходя из всеобъемлющего общего обзора данных аспектов.

2.1. Устная коммуникация

Чем именно является речь или что является ее отличительными чертами, будет рассмотрено ниже. Филер дает следующее определение: «Под устной коммуникацией подразумевается ... совокупность коммуникативных практик, в которых достигается взаимопонимание как минимум между двумя участниками коммуникации с помощью вербальной устной коммуникации, невербальной коммуникации (язык тела) или коммуникации на основе визуального восприятия и логических умозаключений» [Fiehler 2009: 26].

Модель коммуникативных практик, представленная Филером, делает необходимым различие относительно применения языковых форм. Признанную модель базовых модальностей / способов существования языка, устности и письменности разработали Кох и Остеррайхер [Koch, Österreicher 1994] (см. рис. 2). В основе модели лежит горизонтальная дихотомия, участки которой различаются фонически и графически, а также вертикальная протяженность, концептуальные параметры которой определяются как «более или менее» письменные или устные.

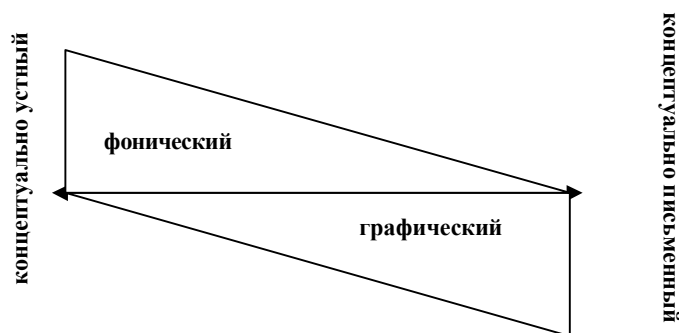

Рис. 2. Устность и письменность (изменено по: [Koch, Österreicher 1994: 588])

Существование общей речевой ситуации приводит к тому, что устное употребление языка обозначается так же, как язык общения на близком расстоянии / язык близкого общения. В качестве ключевых черт устности всегда приводят быстротечность / переменчивость, интерактивность в каком-либо общем временно-речевом пространстве и мультимодальность (например, [Vogt 2009; Quasthoff, Heller 2014]). Переменчивость при этом обусловлена быстрой сменой сред передачи звука. Однако вследствие технического прогресса представленная выше модель дихотомизации языковых модусов столкнулась с рядом новых проблем. Как в рамках этой модели классифицировать, например, сообщения на автоответчике, если существование общей речевой ситуации названо основополагающим критерием этой модели? В качестве пути решения данной проблемы было предпринято дальнейшее разделение – как на медиальном, так и на концептуальном уровне – на синхронную и асинхронную коммуникацию: временное «растяжение» коммуникации служит при этом классифицирующим признаком, по которому коммуникация в данный промежуток реального времени обозначается как синхронная, а коммуникация, осуществляемая с задержкой во времени, – как асинхронная [Surkamp 2010]. В области исследования преподавания иностранных языков в настоящее время можно отметить тенденцию исследования форм коммуникации в виртуальном пространстве. Однако на сегодняшний день даже в дидактике иностранных языков не существует признанной всеобъемлющей новой модели устности и письменности.

Но даже если представленная модель Коха и Остеррайхера не позволяет сделать точную классификацию современных форм коммуникации, в качестве основы для исследуемой нами формы коммуникации (разговор/общение на уроке) она представляется достаточной, так как:

– данные, анализируемые в этой области, могут быть медиально отнесены к фонической области;

– способ выражения ориентирован на условия устной речи, поэтому даже концептуально они близки к устной сфере.

Дети часто приходят в школу с уже относительно развитыми языковыми компетенциями в сфере повседневной диалогической деятельности-ориентированной речи и на основании этого должны овладеть литературной нормой языка [Portman-Tselikas 1996]. Эта двойная функция превращает предмет «немецкий язык» в особую учебную область, а учителя немецкого языка – в главного ответственного за использование языка в школе в рамках всех учебных дисциплин и в учебной повседневной жизни. В DESI-Studie было отмечено, что в школах, в которых учитель особое внимание обращает на осознанное использование языка, показатели успеваемости по предметам языкового цикла выше, чем в других школах [DESI-Konsortium 2008]. Это демонстрирует особую значимость проблематики данной работы.

2.2. Коммуникация на уроке

Сообщения, вне зависимости от того, в вербальной или невербальной форме они осуществляются и какие преследуют цели, должны соответствовать правилам, чтобы быть адекватными ситуации. Грайс предложил правила речевого поведения, согласно которым речевое сообщение должно быть сформулировано *релевантно, информативно, достоверно и понятно* [Grice 1975].

Учебная коммуникация в школе не аналогична свободному повседневному общению. В разговоре на уроке роли распределены иначе: здесь учитель принимает решение, хотя отчасти только косвенно, о смене говорящего [Becker-Mrotzek 2009].

В школе смена говорящего происходит по принципу *Turn-Vergabe*, осуществляемому учителем, или же он может инициировать смену участников разговора и наблюдать за ней.

Можно выделить три направления коммуникации на уроке:

1. Инициированная учителем коммуникация, когда ученик по просьбе педагога должен ответить на уроке.

2. Инициированная учителем и учеником коммуникация, когда учитель, к примеру, задает вопрос. Ученики могут попросить разрешение на ответ с помощью поднятой руки.

3. Инициированная учеником коммуникация, когда ученик хочет принять участие в учебной коммуникации и дает об этом знать учителю.

Сигнал о том, что ученик хочет принять участие в беседе на уроке, может быть подан путем поднятия руки. Кроме того, подобное невербальное правило снижает уровень шума в классе. В случае, когда ученик вступает в разговор без сигнала для учителя, его поведение рассматривается как нарушение данного правила коммуникации на уроке.

2.3. Развитие исследований языка на уроке

Языковые недостатки ведут, помимо всего прочего, к тому, что ученик может недостаточно хорошо усвоить материал на уроке и, как следствие, не может полностью реализовать свой учебный потенциал [Quasthoff 2009]. В учебном плане уроков немецкого языка говорение и слушание на данный момент представлены как самостоятельная область компетенций (см. Введение). Отсюда исходит необходимость обязательной поддержки языкового развития учеников [Ricart Brede 2010]. С целью эффективной помощи в этом требуются исследования черт культуры речи учителя, поскольку именно область орфоэпии (учение о норме произношения), в отличие, к примеру, от орфографии (учение о правильности написания слов), значительно менее строго регулируется [Ehlich 2009]. Целесообразность заново создать или же продолжить орфоэпическую традицию делает очевидной потребность в новых исследованиях. По Бекер-Мроцеку, постепенно акцент исследований снова сдвигается к этой проблеме и к тому же обнаруживается обращение к педагогическим аспектам [Becker-Mrotzek 2009].

Период времени с конца 60-х до начала 70-х гг. был обозначен как «коммуникативный поворот» [Schuster 1998]. Стало понятно, что простые коммуникативные модели, включающие в себя отправителя, получателя и канал передачи, не в состоянии охватить и описать человеческую коммуникацию во всей её сложности [Steinig, Huneke 2004]. Модель коммуникации на уроке должна, к примеру, отражать наличие отправителя (как правило, учителя) и множества получателей (учеников), которые по-разному понимают

и обрабатывают информацию – не в последнюю очередь из-за различного уровня уже имеющегося у учеников знания.

В 70-е гг. было эмпирически подтверждено положительное взаимодействие между речевым поведением (т.е. манерой говорить) учителя и успеваемостью учеников. Дубс предположил, что эта область в наибольшей степени может быть изучена с помощью различных исследований, например, исследований громкости звука и темпа речи или монотонности голоса [Dubs 2009].

Бэкер с 60-х и 70-х гг. прорабатывала, в свою очередь, степень изученности проблемы коммуникации «Учитель–ученик», чтобы описать картину, которую представляет собой коммуникация на уроке, прежде чем положить это направление исследования в основу десятилетней работы [Becker 2007]. Она, помимо прочего, отмечала, что на уроке редко звучали творческие (ориентированные на языковую игру) и этикетные высказывания и что только 20% высказываний учеников демонстрировали соответствие содержанию. Внедрение новых средств дает возможность зафиксировать устную речь, при необходимости учитывать невербальное поведение и соответствующим образом обрабатывать полученную информацию.

Многие данные исследований указывают на то, что учитель на уроке говорит в два раза больше, чем все ученики, вместе взятые. Хельмке и др. смогли зафиксировать в своем исследовании, основанном на видеозаписи урока английского языка, следующие данные: 51% урока составляет речь учителя, 23% – речь учеников, на 26% урока не приходится никакого речепорождения [Helmke et al. 2008].

Эти результаты показывают изменения технических возможностей, которые привели к тому, что переменчивость / быстротечность речи настолько возросла, что необходимо прибегать к видео- и аудиосредствам, чтобы зафиксировать язык и сделать этот речевой поток воспроизводимым.

3. Реализация на практике: три примера

С помощью трех областей, в которых «коммуникация» явно тематизирована и разработана, мы продемонстрируем, как могут быть использованы технические возможности. В университете коммуникация применительно к школе разрабатывается как теоретически, так и практически.

1. Подготовка будущего учителя немецкого языка как родного, а также немецкого как второго языка¹ с учетом коммуникативных аспектов проводится на семинарах, в ходе которых разра-

батывается конкретный практико-теоретический подход, который подробнее рассмотрим далее в контексте университета.

2. Второй аспект рассмотрения коммуникации на уроке – ситуация перехода студентов от семинаров к преподаванию в школе и выбора кураторов из числа преподавательского состава, которые согласовывают планы уроков, исходя из школьных требований.

3. Чтобы дополнить изображенный замкнутый цикл (см. рис. 3), следует упомянуть о роли публикаций, поскольку без научно задокументированного обзора нельзя осуществлять достоверный анализ аспектов коммуникации на уроке, так что здесь будет зафиксирована взаимосвязь таких областей, как университет, школа, и публикаций, которые составляют тематическое поле коммуникации на уроке.

Рис. 3. Области тематического поля коммуникации на уроке

3.1. Университет города Люнебург

В модуле «Ориентация на язык» студенты второго семестра впервые столкнулись с учебной дисциплиной «Профессия преподавателя немецкого языка» в научном рассмотрении языковых феноменов.

Чтобы продемонстрировать работу над коммуникативным содержанием во время обучения, остановимся на описании подготовки занятия по прагматике. Как известно, все семинары по своей организации мультилогичны и используют коммуникативные процессы внутри рабочих групп с

целью содержательного обучения. Рис. 4 наглядно демонстрирует, как может выглядеть конечный продукт подобного семинара. Приведенный в данной статье в качестве примера семинар создает пространство для деятельностно-ориентированного критического рассмотрения лингвистического содержания. Студенты после анализа базовых текстов получают перед началом семинара конверт с индивидуально выбранными (и потому свободно комбинируемыми) понятиями, которые они должны обоснованно систематизировать (см. возможное решение на рис. 4).

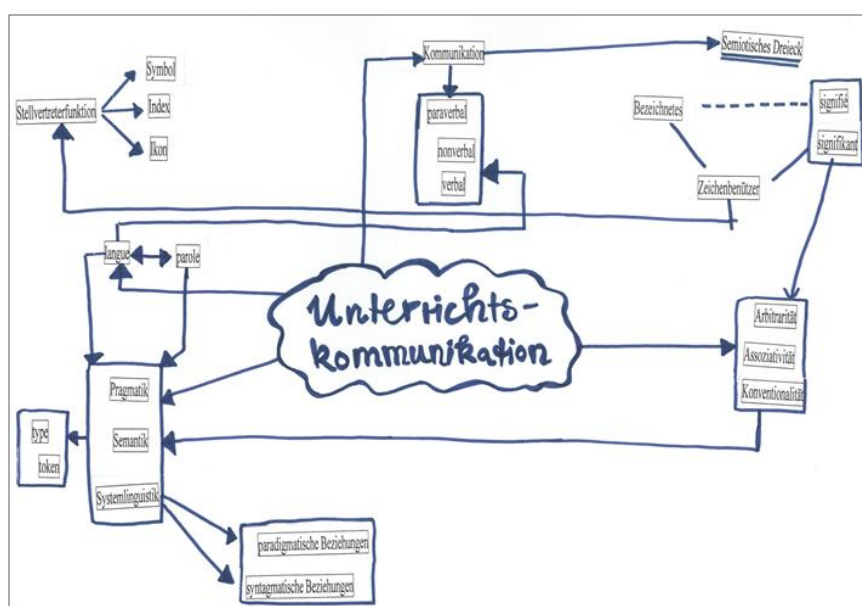

Рис. 4. Результат работы семинара по коммуникации на уроке в модуле «Ориентация на язык»

При этом важно отметить, что группы (преимущественно из четырех студентов) обменивались и объединяли свои знания и находили приемлемое для всех, понятное и обоснованное решение в ходе совместного обсуждения, всегда ориентированного на основную проблему коммуникации на уроке. Таким образом, был организован процесс, при котором понимание, равно как и непонимание, членов группы должно было быть вербализовано, с тем чтобы в дальнейшем можно было найти общее решение. Это помогало осуществить взаимодействие в рамках подробной дискуссии о лингвистическом феномене. Так, в ходе общего рассуждения были разъяснены, интерактивно разобраны и вновь систематизированы отношения между единичными аспектами, а также обнаружены их взаимосвязи. По окончании семинара приобретенные теоретически знания и совместная дискуссия должны были позволить учащимся совместно провести первую эмпирическую работу и сделать выводы в соответствии с аспектами речевого анализа.

3.2. Школа

За теоретической разработкой научных лингвистических аспектов последовала практическая работа. Во время педагогической практики студенты фиксировали (с помощью аудио- и видеозаписей) занятия в школе. Для объективной оценки все данные были анонимизированы, имена заменены буквами.

Соответствующие виды анализа коммуникации на уроке проводились по различным выявленным студентами основным направлениям, как, например, поддержка отстающих в изучении языка учеников, помощь в математическом обосновании, коммуникация между мальчиками и девочками, ролевое поведение и смена коммуникантов в групповом обсуждении, разрешение учителем или учениками кризисных ситуаций и мн. др. Таким образом студенты получали максимально приближенное к практике ознакомление с исследовательским процессом и языковым анализом (см. напр.: [Brandenburg, Buhrfeind 2014]).

В итоге должна состояться речевая аналитическая дискуссия, от этого существенно зависит закрепленная в образовательной программе область компетенций. Здесь речь идет об одной из четырех установленных областей компетенций дисциплины «немецкий язык» (см. рис. 5), которая обязательно должна быть разработана в школе. Направления образовательной программы служат ориентиром для педагогов и также определяют требования соответствующей области компетенций для каждого класса в качестве стандарта. Поэтому ожидается, что ученики в говорении и слушании приобретут такие навыки, как «ведение разговора», «общение с другими», «слушание с пониманием», «инсценирование» и «говорение в процессе обучения» [КМК 2004: 13].

Методы и техники работы разрабатываются с содержанием области компетенций		
Говорение и слушание других, с другими, о других, развитие навыков аудирования (слушания с пониманием) Методы и техники работы разрабатываются с содержанием области компетенций	Письмо Рефлексивное, коммуникативное, творческое Методы и техники работы разрабатываются с содержанием области компетенций	Чтение – работа с текстами и другими средствами обучения Чтение, понимание и использование текстов и носителей информации, получение знаний о литературе Методы и техники работы разрабатываются с содержанием области компетенций

Рис. 5. Области компетенций на занятии по немецкому языку в образовательном стандарте для начальной школы [КМК 2004]

Ученикам шестого класса было предложено ответить на вопрос «Почему нужно уметь хорошо слушать?» на разных уровнях. В ходе беседы выяснилось, что ученики имеют представление о понятиях и говорения, и слушания (ср.: [КМК 2004: 13]).

Высказывания учеников свидетельствуют о том, что, по их мнению, внимание к вербальным и невербальным высказываниям одинаково относится к слушанию.

Ученики хорошо осознают существенные аспекты слушания. Учитель может и должен опи-

раться на это знание в области школьной коммуникации и коммуникации на уроке.

3.3. Публикации

Помимо уже представленных здесь результатов по проведению уроков, для нас важны не только практический опыт студентов, но и адекватная письменная фиксация их собственного научного опыта. С этой целью с 2010 г. проводятся регулярные консультации. На данных консультациях студентов знакомят с четырьмя основами написания научных работ: а) постановка вопроса и исследование литературы; б) транскрипция; в) формальные требования к самостоятельной работе и г) написание и редаKTура.

Кроме того, результаты специально проведенной молодежной конференции были опубликованы в вышедшем в 2014 г. сборнике статей.

Взаимосвязь теории и практики, учителя и учеников, практики и исследований, представленная в сборнике, будет наиболее полезна для молодых исследователей и учителей.

4. Выводы

В данной статье представлен пример взаимодействия студентов первых курсов и исследователей коммуникации на уроке в институте немецкого языка и дидактики литературы университета Лейфана в городе Лüneбург. Авторы не ставили перед собой цели отразить общую картину, а лишь хотели дать повод для дискуссии в данной области.

Сильная взаимосвязь слушания и говорения существовала всегда. И даже если в настоящий момент по методологическим причинам огромное внимание обращается на слушание с пониманием (аудирование), говорение присутствует в системе школьного обучения. При этом школьно-речевая способность исследуется в институционально ограниченных рамках, хотя в данных специфических условиях и с различными целями необходимо как слушание, так и говорение. Поэтому вопрос «Как преподавать коммуникацию на уроке» предполагает ответ лишь в форме «как..., так и...» даже в том случае, когда отдельные аспекты учебного процесса рассматриваются изолированно.

Примечание

¹ Имеется в виду изучение языка в немецкоговорящей области.

Список литературы

Becker T. Mündliche Kommunikation [Speech Communication] // Lange G., Weinhold S. (Hrsg.). Grundlagen der Deutschdidaktik –

Mediendidaktik – Literaturdidaktik. 3. Auflage. Baltmannsweiler: Schneider, 2007. S. 55–72.

Becker-Mrotzek M. Unterrichtskommunikation als Mittel der Kompetenzentwicklung // Becker-Mrotzek M. (Hrsg.). Mündliche Kommunikation und Gesprächsdidaktik. Baltmannsweiler: Schneider, 2009. S. 103–115.

Brandenburg A., Buhrfeind I. Studentische Analyse von Unterrichts-kommunikation mit EXMARaLDA // Neumann A., Mahler I. (Hrsg.). Empirische Methoden der Deutschdidaktik: audio- und videografierende Unterrichtsforschung, Baltmannsweiler: Schneider, 2014, im Druck.

DESI-Konsortium (Hrsg.) Unterricht und Kompetenzerwerb in Deutsch und Englisch. Weinheim; Basel: Beltz, 2008.

Dubs R. Lehrerverhalten. Ein Beitrag zur Interaktion von Lehrenden und Lernenden im Unterricht. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009.

Ehlich K. Sprechen im Deutschunterricht – didaktische Denkanstöße // Krelle M., Spiegel C. (Hrsg.). Sprechen und Kommunizieren. Entwicklungsperspektiven, Diagnosemöglichkeiten und Lernszenarien. Baltmannsweiler: Schneider, 2009. S. 8–14.

Fiehler R. Mündliche Kommunikation // Becker-Mrotzek M. (Hrsg.), Mündliche Kommunikation und Gesprächsdidaktik. Baltmannsweiler: Schneider, 2009. S. 25–51.

Grice H. P. Logic and conversation // Cole P. et al (Hrsg.). Syntax and semantics. Speech acts. Volume 3. N.Y.: Academic, 1975. S. 41–58. URL: http://www.ifbl.tu-dres-den.de/die_tu_dresden/fakultaeten/philosophische_fakultaet/iph/thph/braeuer/lehre/grice_ss_2009/LogicAndConversation.pdf (дата обращения: 20.09.2011).

Helmke A. Unterrichtsqualität und Lehrerprofessionalität. Diagnose, Evaluation und Verbesserung des Unterrichts. Seelze-Velber: Klett/Kallmeyer, 2009.

Helmke T., Helmke A., Schrader F.-W., Wagner W., Nold G., Schröder K. Die Videostudie des Englischunterrichts // DESI-Konsortium. Unterricht und Kompetenzerwerb in Deutsch und Englisch. Ergebnisse der DESI-Studie. Weinheim und Basel: Beltz Verlag, 2008. S. 345–363.

Hofer M., Haimerl Ch. Lehrer-Schüler-Interaktion // Schneider W., Hasselhorn M. (Hrsg.). Handbuch der Pädagogischen Psychologie. Göttingen, Bern, Wien, Paris, Oxford, Prag: Hogrefe, 2008. S. 223–232.

KMK 2004. Bildungsstandards im Fach Deutsch für den Hauptschulabschluss (Jahrgangsstufe 9), 2004.

Koch P., Österreicher W. Schriftlichkeit und Sprache // Günther H., Ludwig O. (Hrsg.). Schrift und Schriftlichkeit. Ein interdisziplinäres Handbuch

internationaler Forschung. 1. Halbband. Berlin; N. Y.: De Gruyter, 1994. S. 587–604.

Portmann-Tselikas P. R. Sprachförderung im Unterricht. Handbuch für den Sach- und Sprachunterricht in mehrsprachigen Klassen. Zürich: Orell Füssli Verlag, 1996.

Quasthoff U., Heller V. Mündlichkeit und Schriftlichkeit aus sprachwissenschaftlicher und sprachdidaktischer Sicht: Grundlegende Ein- Ansichten und methodische Anregungen // *Neumann A. & Mahler I.* (Hrsg.). Empirische Methoden der Deutschdidaktik: audio- und videografierende Unterrichtsforschung, Baltmannsweiler: Schneider, 2014, im Druck.

Quasthoff U. Entwicklung der mündlichen Kommunikationskompetenz // *Becker-Mrotzek M.* (Hrsg.). Mündliche Kommunikation und Gesprächsdidaktik. Baltmannsweiler: Schneider, 2009. S. 84–100.

Reusser K., Pauli Ch. Unterrichtsgestaltung und Unterrichtsqualität – Ergebnisse einer internationalen und schweizerischen Videostudie zum Mathematikunterricht: Einleitung und Überblick // *Reusser K.; Pauli Ch., Waldis M.* (Hrsg.). Unterrichtsgestaltung und Unterrichtsqualität – Ergebnisse einer internationalen und schweizerischen Videostudie zum Mathematikunterricht. Münster: Waxmann, 2010. S. 9–32

Ricart Brede J., Knapp W., Gasteiger Klicpera B., Kucharz D. Lernumgebung in der vorschulischen Sprachförderung. Eine videobasierte Analyse von Aktivitäten, Sozialformen und sprachlichen Förderbereichen // *Knapp W., Rösch H.* (Hrsg.). Lernumgebungen und Lernszenarien im Deutschunterricht. Freiburg i. Br.: Fillibach, 2010. S. 25–40.

Schuster K. Mündlicher Sprachgebrauch im Deutschunterricht. Denken – Sprechen – Handeln. Theorie und Praxis. Baltmannsweiler: Schneider, 1998.

Steinig W., Huneke H.-W. Sprachdidaktik Deutsch. Eine Einführung. 2., überarbeitete und erweiterte Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2004.

Surkamp C. (Hrsg.) Metzler Lexikon Fremdsprachendidaktik. Ansätze – Methoden – Grundbegriffe. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2010.

Vogt R. Gesprächskompetenz – Vorschlag eines gesprächsanalytisch fundierten Konzepts // *Krelle M., Spiegel C.* (Hrsg.). Sprechen und Kommunizieren. Entwicklungsperspektiven, Diagnosemöglichkeiten und Lernszenarien. Baltmannsweiler: Schneider, 2009. S. 15–41.

Wellenreuther M. Lehren und Lernen – aber wie? Empirisch-experimentelle Forschungen zum Lehren und Lernen im Unterricht. Baltmannsweiler: Schneider, 2008.

References

Becker T. Mündliche Kommunikation [Oral communication]. In Lange G., Weinhold S. (Hrsg.). Grundlagen der Deutschdidaktik. Sprachdidaktik – Mediendidaktik – Literaturdidaktik [Principles of German didactics. Language didactics – mediendidactics – literature didactics]. 3. Auflage. Baltmannsweiler: Schneider Publ., 2007. P. 55–72.

Becker-Mrotzek M. Unterrichtskommunikation als Mittel der Kompetenzentwicklung [Communication in the classroom as a resource for competence development]. In Becker-Mrotzek M. (Hrsg.). Mündliche Kommunikation und Gesprächsdidaktik [Oral communication and conversation didactics]. Baltmannsweiler: Schneider Publ., 2009. P. 103–115.

Brandenburg A., Buhrfeind I. Studentische Analyse von Unterrichts-kommunikation mit EXMARaLDA [Students analysis of communication in the classroom with EXMARaLDA]. In Neumann A. & Mahler I. (Hrsg.). Empirische Methoden der Deutschdidaktik: audio- und videografierende Unterrichtsforschung [Empirical methods of German didactics: audio- and videotaped research of lesson], Baltmannsweiler: Schneider Publ., 2014, in print.

DESI-Konsortium (Hrsg.) Unterricht und Kompetenzerwerb in Deutsch und Englisch [Lesson and skills acquisition in German and English]. Weinheim/Basel: Beltz Publ., 2008.

Dubs R. Lehrerverhalten. Ein Beitrag zur Interaktion von Lehrenden und Lernenden im Unterricht [Teacher behaviour. A contribution in interaction between teachers and learners in the classroom]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag Publ., 2009.

Ehlich K. Sprechen im Deutschunterricht – didaktische Denkanstöße [Speech at the German lesson – didactic ideas]. In Krelle M., Spiegel C. (Hrsg.). Sprechen und Kommunizieren. Entwicklungsperspektiven, Diagnosemöglichkeiten und Lernszenarien [Speech and communication. Development prospects, diagnostics options and learning scenarios]. Baltmannsweiler: Schneider Publ., 2009. P. 8–14.

Fiehler R. Mündliche Kommunikation [Oral communication]. In: Becker-Mrotzek M. (Hrsg.), Mündliche Kommunikation und Gesprächsdidaktik [Oral communication and conversation didactics]. Baltmannsweiler: Schneider Publ., 2009. P. 25–51.

Grice H. P. Logic and conversation. In Cole P. et al (Hrsg.). Syntax and semantics. Speech acts. Vol. 3. N.Y.: Academic Publ., 1975. P. 41–58. Available at: http://www.ifbl.tu-dres-den.de/die_tu_dresden/fakultaeten/philosophische_fakultaet/iph/thph/braeuer/lehre/grice_ss_2009/LogicAndConversation.pdf (accessed 20.09.2011).

Helmke A. Unterrichtsqualität und Lehrerverprofessionalität. Diagnose, Evaluation und Verbesserung

des Unterrichts [The quality of lessons and the professionalism of teachers]. Seelze-Velber: Klett; Kallmeyer Publ., 2009.

Helmke T., Helmke A., Schrader F.-W., Wagner W., Nold G., Schröder K. Die Videostudie des Englischunterrichts. In DESI-Konsortium. Unterricht und Kompetenzerwerb in Deutsch und Englisch. Ergebnisse der DESI-Studie [Video study of English lesson. At DESI-Consortium. Lesson and skills acquisition in German and English]. Weinheim und Basel: Beltz Verlag Publ., 2008. P. 345–363.

Hofer M., Haimel Ch. Lehrer-Schüler-Interaktion [Teacher-Pupil-Interaction]. In Schneider W. & Hasselhorn M. (Hrsg.). Handbuch der Pädagogischen Psychologie [Handbook of educational psychology]. Göttingen, Bern, Wien, Paris, Oxford, Prag: Hogrefe Publ., 2008. P. 223–232.

KMK 2004. Bildungsstandards im Fach Deutsch für den Hauptschulabschluss (Jahrgangsstufe 9) [Education Standards for German as School Subject for the Certificate of Secondary Education Examination (Grade 9)], 2004.

Koch P., Österreicher W. Schriftlichkeit und Sprache [Written Language and Language]. In Günther H. & Ludwig O. (Hrsg.). Schrift und Schriftlichkeit. Ein interdisziplinäres Handbuch internationaler Forschung. 1. Halbband [Writing and Written Language. The Interdisciplinary Handbook of International Research. 1st Half-volume]. Berlin; New York: De Gruyter Publ., 1994. P. 587–604.

Portmann-Tselikas P. R. Sprachförderung im Unterricht. Handbuch für den Sach- und Sprachunterricht in mehrsprachigen Klassen [Language Skills' Development at the Lessons. Handbook of Subject and Language Lesson in Multilingual Classes]. Zürich: Orell Füssli Verlag Publ., 1996.

Quasthoff U., Heller V. Mündlichkeit und Schriftlichkeit aus sprachwissenschaftlicher und sprachdidaktischer Sicht: Grundlegende Ein-/Ansichten und methodische Anregungen [Spoken and Written Language in the Linguistic and Language Didactical View]. In Neumann A. & Mahler I. (Hrsg.). Empirische Methoden der Deutschdidaktik: audio- und videografierende Unterrichtsforschung [Empirical Methods of German Didactics: audio-and videotaped Lessons' Research], Baltmannsweiler: Schneider Publ., 2014, in print.

Quasthoff U. Entwicklung der mündlichen Kommunikationskompetenz. In Becker-Mrotzek M. (Hrsg.). Mündliche Kommunikation und Gesprächsdidaktik [Oral Communication and Conversation Didactics]. Baltmannsweiler: Schneider, 2009. P. 84–100.

Reusser K., Pauli Ch. Unterrichtsgestaltung und Unterrichtsqualität – Ergebnisse einer internationalen und schweizerischen Videostudie zum Mathema-

tikunterricht: Einleitung und Überblick [Lesson's Framework and Quality – Results of International and Swiss Video-Study of Mathematics Lesson: Introduction and Overview]. In Reusser K.; Pauli Ch. & Waldis M. (Hrsg.). Unterrichtsgestaltung und Unterrichtsqualität – Ergebnisse einer internationalen und schweizerischen Videostudie zum Mathematikunterricht [Lesson's Framework and Quality – Results of International and Swiss Video-Study of Mathematics Lesson]. Münster: Waxmann Publ., 2010. P. 9–32.

Ricart Brede J., Knapp W., Gasteiger Klicpera B., Kucharz D. Lernumgebung in der vorschulischen Sprachförderung. Eine videobasierte Analyse von Aktivitäten, Sozialformen und sprachlichen Förderbereichen [Learning Environment at the Preschool Language Development. A Video-based Analysis of Activities, Social Forms and Language Promotion Areas]. In Knapp, W. & Rösch, H. (Hrsg.). Lernumgebungen und Lernszenarien im Deutschunterricht [Learning Environments and Learning Scenarios in German Lesson]. Freiburg i. Br.: Fillibach Publ., 2010. P. 25–40.

Schuster K. Mündlicher Sprachgebrauch im Deutschunterricht. Denken – Sprechen – Handeln. Theorie und Praxis [Verbal Linguistic Usage in German Lesson. Thinking – Speaking – Action. Theory and Praxis]. Baltmannsweiler: Schneider Publ., 1998.

Steinig W., Huneke H.-W. Sprachdidaktik Deutsch. Eine Einführung [Language Didactics German. An Introduction]. 2., überarbeitete und erweiterte Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag Publ., 2004.

Surkamp C. (Hrsg.) Metzler Lexikon Fremdsprachendidaktik. Ansätze – Methoden – Grundbegriffe [Metzler Lexicon Second Language Didactics. Approaches – Methods – Basic Concepts]. Stuttgart und Weimar: Verlag J. B. Metzler Publ., 2010.

Vogt R. Gesprächskompetenz – Vorschlag eines gesprächsanalytisch fundierten Konzepts [Conversation Competence – Proposal on the Language-analysis-based Concepts]. In Krelle M. & Spiegel C. (Hrsg.). Sprechen und Kommunizieren. Entwicklungsperspektiven, Diagnosemöglichkeiten und Lernszenarien [Speech and Communication. Development Prospects, Diagnostics Options and Learning Scenarios]. Baltmannsweiler: Schneider Publ., 2009. P. 15–41.

Wellenreuther M. Lehren und Lernen – aber wie? Empirisch-experimentelle Forschungen zum Lehren und Lernen im Unterricht [Teaching and Learning – but how? Empirical-experimental Researches on the Teaching and Learning in Lessons]. Baltmannsweiler: Schneider Publ., 2008.

**ORAL COMMUNICATION COMPETENCE
OF NATIVE AND FOREIGN LANGUAGE TEACHERS**

Astrid Neumann

Professor in the Institute of German Language and Literature Didactics
Leuphana University

Isabelle Mahler

Postgraduate Student in the Institute of German Language and Literature Didactics
Leuphana University

Listening and speaking as oral communication skills are enjoying a renaissance in school and university's teaching contexts. Until now the oral language modus in teaching mother tongue has been dominated by speaking skills while listening abilities only played a minor role because of their implicitness in communication acts. That is the reason why the current focus on discussions in collaborative learning procedures requires new more balanced forms of communication in teaching and learning processes.

The following article presents an introduction into theoretical framework of empirically supported aspects of teaching quality and a teacher's language which are to improve in more competence oriented lessons meeting educational standards. An explanation of oral communication, particularly in teaching situations at schools, is given as well as some insights into history of researching into the issue. Finally, three examples of Leuphana University of Lüneburg's implementation of the proposed ideas at school, university and publication levels are presented. Although they don't claim to be exhaustive, the presented materials and ideas should encourage further discussions.

Key words: German language didactics; German as a native language; orality; teaching communication; teacher's language; empirical research methods; speaking and listening; transcription; seminar concept; group work.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТИПОВ СЛОВА В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (на материале корпусов АНК и БНК)

Светлана Юрьевна Мякотникова

старший преподаватель кафедры иностранных языков и связей с общественностью

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, Пермь, Комсомольский просп., 29. myakotnikova@yandex.ru

Согласно модели восприятия речи с опорой на лингвистические признаки, предложенной Санкт-Петербургской лингвистической школой, предполагается, что восприятие слов зависит от восприятия лингвистических признаков. Под лингвистическими признаками понимаются факторы, влияющие на восприятие речи. Они отражают природу лингвистических явлений разных языковых уровней: звукового, словесного и уровня предложений и текстов и имеют количественную и качественную природу. Набор экспериментально выявленных существенных лингвистических признаков (СЛП) может служить основанием для выделения фонетических типов слова и описания его строевых характеристик. Под фонетическим типом слова понимается группа слов, объединенных тем или иным существенным лингвистическим признаком. Целью настоящей работы является выявление сходства и различия фонетических типов английского слова в его британском и американском вариантах.

Ключевые слова: восприятие речи; АНК (Американский национальный корпус); БНК (Британский национальный корпус); существенные лингвистические признаки; фонетические типы слова.

Восприятие речи представляет собой сложный и многомерный психолингвистический процесс. «Изучение восприятия – это один из методов проникновения в объективные отношения, существующие в системе данного языка» [Зиндер 1979: 34].

В современной перцептивной лингвистике представлено большое количество теорий восприятия. «Все существующие теории восприятия речи могут быть классифицированы по двум важнейшим параметрам. Первый параметр – это моторный или сенсорный принцип восприятия. Второй – его активный или пассивный характер» [Леонтьев 1975: 84]. Наиболее известные теории – это «моторная теория» восприятия речи [Studdert-Kennedy, Liberman, Harris, Cooper 1977; Чистович и др. 1965], теория анализа через синтез [Kenneth N. Stevens 1998], теория «пословного распознавания» [Cole, Scott 1974], гипотеза «контекстуальных аллофонов» [Wickelgren 1976] и др. Классические теории подвергаются критике за «философский характер», отсутствие комплексного подхода и недостаток эмпирически выверенного материала: «...подав-

ляющее большинство ситуаций восприятия речи связано не с формированием нового перцептивного эталона, а с использованием эталона, уже сформированного; используемые признаки могут быть как моторными, так и сенсорными и вообще носят эвристический характер» [Леонтьев 1975: 130].

Вопрос об изучении процессов восприятия до настоящего времени вызывает многочисленные дискуссии. Так, например, вопрос о единицах восприятия до сих пор не получил однозначного ответа.

Долгое время считалось, что человек воспринимает речь пофонемно и лишь потом распознает в этой цепочке слоги, морфемы, слова и т.д., устанавливая между ними синтаксические связи и, в конечном счете, выявляя смысл высказывания. Л. А. Чистович с соавторами в числе первых высказываются против пофонемного восприятия речи [Чистович и др. 1965], утверждая, что наибольшая надежность восприятия обеспечивается при максимально крупных единицах – предложениях или синтагмах. При этом доказывается, что ни фразы, ни синтагмы, ни фонемы не могут

являться единицами восприятия по той причине, что, с одной стороны, человеку не может быть заранее известен весь набор существующих в языке предложений, а с другой – характеристики фонемы отличаются большой вариативностью. Поэтому в качестве единицы восприятия предлагается слог [Чистович и др. 1965].

Р. К. Потапова соглашается с утверждением о невозможности пофеномного восприятия речи и считает, что в зависимости от условий коммуникации человек способен избирать разные стратегии восприятия. По возможности он будет воспринимать информацию крупными отрезками как единое целое, при необходимости будет членить отрезок на столь мелкие участки, насколько это необходимо для понимания, вплоть до фонемного уровня. Значение будет иметь контекст, к которому обращается слушатель для понимания непонятных участков высказывания, подгоняя, таким образом, такой участок под общий смысл сообщения [Потапова 1997; Потапова, Панасюгина 2001].

Ш. Фланаган Дж., анализируя различные данные по восприятию речи, делает вывод, что «единицами восприятия могут быть такие категории, как слоги, слова, фразы, а иногда даже предложения» [Фланаган 1968: 310].

Исходя из своей теории «ментальных репрезентаций слов», В. Зендлмайер полагает, что носители языка накапливают множество ментальных репрезентаций фонетического уровня: слова, слоги, звуки и признаки звуков. Различные лингвистические уровни представлений одновременно доступны слушающему, он актуализирует уровень, наиболее эффективный в зависимости от задачи слушающего [Sendlmeier 1989].

В. Б. Касевич ставит под сомнение существование единицы восприятия, которая использовалась бы как универсальная опорная, оперативная единица восприятия. Человеку свойственна гибкая стратегия восприятия, и в зависимости от условий коммуникации – привычности или непривычности темы, ситуации общения, собеседника и т. п. – он избирает разные стратегии восприятия, используя разные единицы решения [Касевич 1977: 159].

Большой интерес представляет работа З. Н. Джапаридзе об эталонах и перцептивной базе языка [Джапаридзе 1985]. В представлениях Джапаридзе фонетическая система любого языка имеет свою систему средств восприятия – перцептивную базу языка. Перцептивная база языка понимается как единство хранящихся в памяти человека эталонов и правил сравнения с ними. Под термином «эталон» понимается удобное

обозначение тех единиц, которые хранятся в памяти человека и в результате сличения с которыми происходит восприятие сегментных и надсегментных единиц речевого потока – восприятие фонем и их сочетаний, ударения, интонации и т.д. Правила сравнения – это порядок, очередность операций сравнения, программа, по которой происходит сравнение с эталонами. Перцептивная база языка не поддается непосредственному наблюдению, сам акт восприятия звучания от нас скрыт, результат акта – воспринятое звучание – не требует выявления специальными методами. Для изучения перцептивной базы языка выявляются связи между физическими звуками (звуковыми волнами) и теми звучаниями, в которые их переводит перцептивная база языка [там же: 118].

В исследовании А. С. Штерн «Влияние лингвистических факторов на восприятие речи» [Штерн 1981] предлагается модель восприятия с опорой на лингвистические признаки. Многочисленные эксперименты по восприятию английского, русского, немецкого и французского слова подтверждают теоретическое и прикладное значение данной модели [Байбурова 2008; Кокорина, Чугаева 2002; Ощепкова 2004; Чугаева 2007, 2009]. Она позволяет выявить механизмы восприятия речевых отрезков разных лингвистических уровней. Под механизмом в данной модели понимается набор лингвистических признаков (факторов), влияющих на восприятие речи, иерархия факторов и их градаций. Лингвистические признаки описывают природу лингвистических явлений разных языковых уровней: звукового, словесного и уровня предложений и текстов. Среди факторов, влияющих на восприятие слова, называют *частотность слова, длину в слогах, ударную гласную, ритмическую структуру, длину в морфемах, консонантный коэффициент, начальный звук, часть речи*. Лингвистические признаки имеют градации и количественную и качественную природу. Так, например, фактор *часть речи* имеет градации «существительное», «прилагательное», «глагол». Существенность и иерархия признаков определяется конкретными условиями восприятия. «В разных условиях приема слушающие оперируют разным количеством оперативных единиц, их набором и порядком по значимости» [Штерн 1992: 187].

В экспериментах по восприятию британского слова [Чугаева 2004, 2007] была определена иерархия комплекса лингвистических признаков, самыми существенными из которых оказались *частотность, длина в слогах, ударная гласная, ритмическая структура и длина в морфемах*.

Было доказано, что комплекс экспериментально выявленных перцептивно значимых лингвистических признаков слова может служить основанием для выделения его фонетических типов и описания его строевых характеристик [Чугаева 2006]. Под фонетическим типом слова понимается группа слов, объединенных тем или иным СЛП (существенным лингвистическим признаком) [Чугаева 2007]. «Фонетические типы, т.е. группы слов, объединенные тем или иным признаком, характеризуются различными особенностями и вероятностными характеристиками в разных языках» [Чугаева 2009: 20].

Для выявления фонетических типов британского слова был проведен лингвостатистический анализ частотных страт Британского национального корпуса (БНК) pat-corp@oucs.ac.uk [Чугаева 2007, 2009]. Фонетические типы американского слова были описаны на материале Американского национального корпуса (АНК) <http://www.americannationalcorpus.org>. [Мякотникова 2012] по той же методике. Сравнительное изучение фонетических типов слов в разных частотных стратах британского и американского вариантов английского языка, по мнению Т. Н. Чугаевой, даст возможность проследить тенденции представленности этих фонетических типов в ядре языка и на периферии, а также позволит как описать сходные черты фонетического облика слова, так и определить своеобразие характеристик слова в разных вариантах языка [Чугаева 2009].

Перейдем к описанию сходств и различий фонетических типов слова в американском и британском вариантах английского языка.

Слова в обоих корпусах расположены по частоте встречаемости в речи – от наиболее частотных до самых редких. Для определения частотных слоев-страт был применен принцип частотной стратификации словаря по Л. В. Малаховскому. Словарь делился на 5 частотных страт: высокочастотная зона включает слова с 7-, 6- и 5-значными индексами частоты, частотная – с 4-значными, средняя – с 3-значными, редкая – 2-значными, очень редкая – 1-значными [Малаховский 1980]. Затем из каждой страты отбирались слова – знаменательные части речи: существительные, прилагательные, глаголы и их формы, наречия. Все слова содержали градации перечисленных признаков.

Высокочастотная группа (или сверхядро) обоих корпусов самая немногочисленная и насчитывает 187 словоформ в АНК и 961 словоформу в БНК; частотная (ядро) объединяет 2030

в АНК и 7027 словоформ в БНК; средняя исчисляется тысячами, а редкая – миллионами словоформ. Количество слов в высокочастотной и частотной стратах АНК меньше, чем в тех же частотных стратах БНК. Разницу можно объяснить тем, что работа над составлением АНК еще не закончена. В настоящее время весь корпус насчитывает 22 миллиона словоформ американских слов, он постоянно пополняется и по завершении работы эта цифра увеличится до 100 миллионов слов. Из высокочастотной страты АНК было отобрано и проанализировано 106 словоформ, а из частотной – 1787. Для БНК эти показатели составили 718 и 2079 словоформ соответственно.

Рассмотрим, как фонетические типы слов американского варианта отличаются от фонетических типов слов британского варианта по признаку *ударная гласная*.

Высокочастотная страта обоих корпусов сформирована в основном из односложных слов, среди которых чаще всего встречаются слова с краткими гласными переднего ряда: /e/ (/ɛ/ в АНК), /i/, /æ/. Слова с краткой гласной переднего ряда /ʌ/ часто встречаются только в АНК. В БНК самыми частотными оказались слова с кратким /e/ – 12,8%, долгим /i:/ – 6,5% и дифтонгами /ei/ – 9,2% и /ai/ – 6,5%. В АНК чаще всего встречаются слова с краткими /ɛ/ и /i/ – по 10% словоупотреблений из всего количества слов; долгой /i:/ – 7,7% и дифтонгами /ou/ – 8,8% и /ei/ – 7,7% словоупотреблений.

Высокочастотный слой АНК включает 68% слов с монофтонгами в ударной позиции (с краткой ударной – 56%, долгой – 12%) и 32% слов с дифтонгами. Высокочастотный слой БНК состоит из 71% слов с монофтонгами (с краткой – 46,3% и долгой – 24,3%) и 29% с дифтонгами в ударной позиции.

В частотной страте АНК количество слов с краткой ударной 54%, что в процентном отношении остается примерно равным количеству слов с краткой ударной в высокочастотной страте. При этом почти в два раза возрастает количество слов с долгой гласной в ударной позиции – 22%. Количество слов с дифтонгами несколько уменьшается: их 24% общего количества слов. В частотной страте БНК по-прежнему сохраняется тенденция серединного положения слов с ударными долгими гласными между краткими и дифтонгами, хотя картина несколько размыта (рис. 1).

**Мякотникова С. Ю. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТИПОВ СЛОВА
В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(на материале корпусов АНК и БНК)**

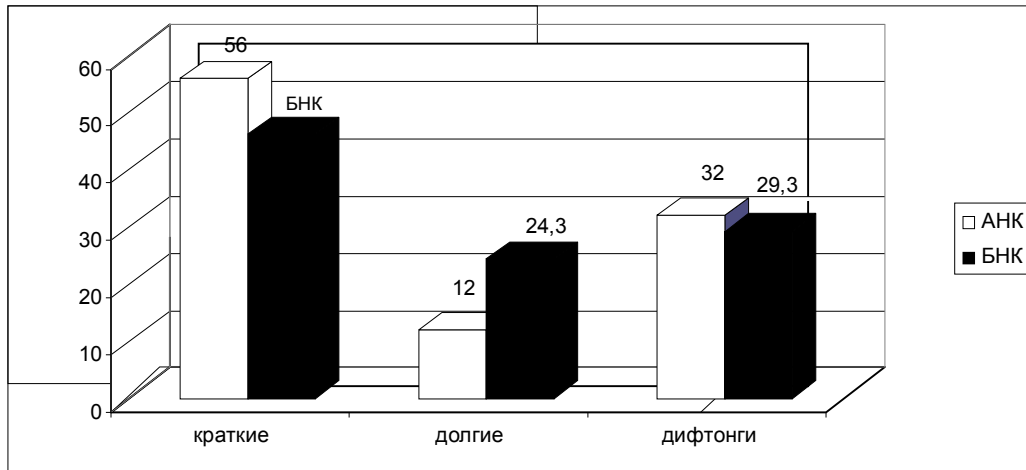

Рис. 1. Распределение слов в высокочастотной страте АНК и БНК по критерию ударная гласная

Анализ по признаку *ударная гласная* показал, что частотные страты обоих корпусов обнаруживают существование сходных тенденций: они содержат примерно одинаковое в процентном отношении количество слов с монофтонгами и дифтонгами. В обоих корпусах самыми частотными являются слова с гласными переднего ряда /e/, (/ɛ/ в АНК), /i:/ и дифтонгом /eɪ/. В то же время наблюдаются и различия: высокочастотная страта АНК включает на 10% больше слов с

краткими гласными и в 2 раза меньше слов с долгими гласными по сравнению с таковой БНК.

По признаку *ритмическая структура*, как видим на рис. 2, ядра обоих корпусов практически не отличаются по количеству ямбических и хореических структур. Все разногласия характерны для сверхъядра: АНК на 95% состоит из слов с ударением на первый слог; в БНК эта группа слов составляет 76,6%.

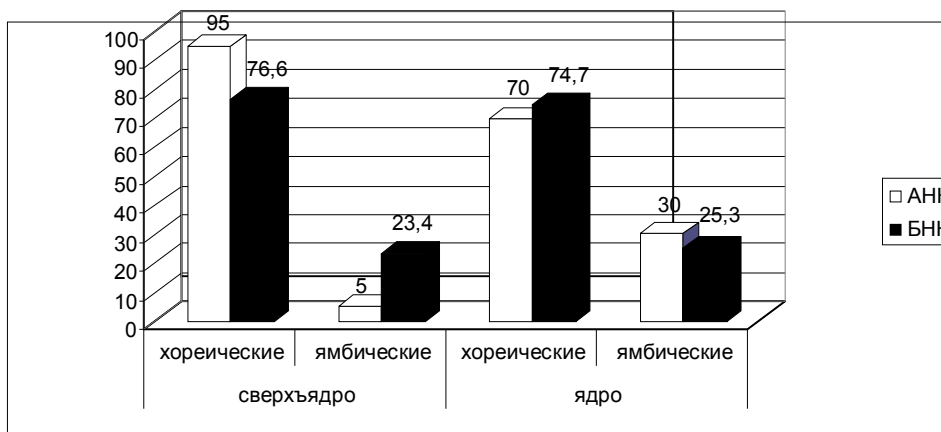

Рис. 2. Распределение двухсложных слов по признаку ритмическая структура

Соотношение градаций трехсложного высокочастотного и частотного слова сохраняется в общих чертах для обоих корпусов. Есть небольшая тенденция к увеличению количества срединноударных слов в частотной страте БНК и уменьшению их в этой же страте АНК. Практически все «длинные» слова обеих страт обоих корпусов являются начальноударными или сере-

динноударными. Среди слов высокочастотной страты АНК нет слов с основным ударением на последний слог, а в частотной страте их всего 5: *understand, Japanese, employees, overall, afternoon*. В сверхъядре БНК два конечноударных слова: *European, understand*; в ядре конечноударных слов в три раза больше, чем в ядре АНК (рис. 3).

**Мякотникова С. Ю. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТИПОВ СЛОВА
В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(на материале корпусов АНК и БНК)**

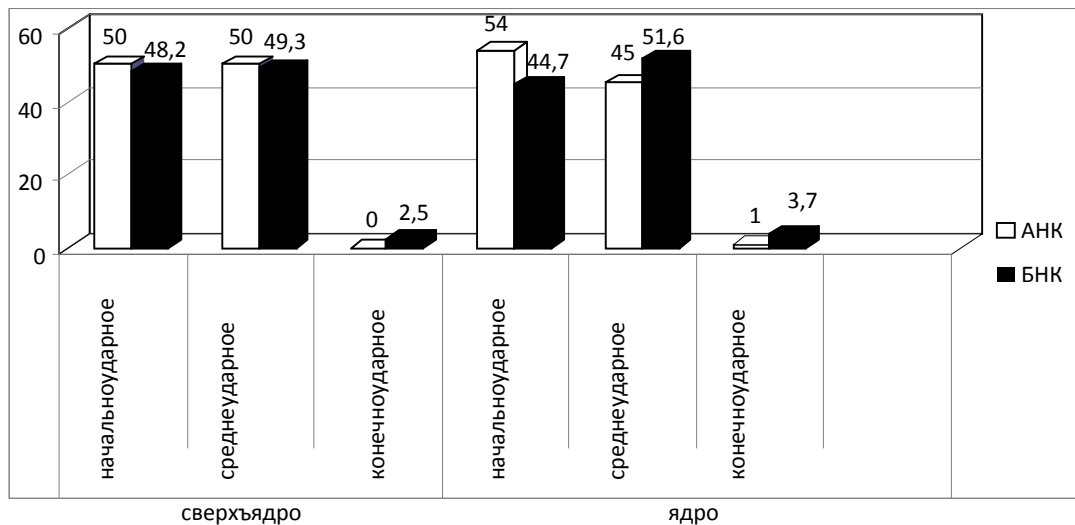

Рис. 3. Распределение трехсложных слов по признаку *ритмическая структура*

Итак, по признаку *ритмическая структура* частотные страты АНК и БНК содержат одинаковый процент хореических и ямбических структур; высокочастотные – одинаковый процент начальноударных и срединноударных трехсложных слов. При этом, однако, имеются и различия: соотношение хореических и ямбических структур двусложного слова в высокочастотной страте АНК 19:1, а БНК – 3,5:1; ядро БНК имеет большее количество срединноударных трехсложных слов.

Анализ по признаку *длина в слогах* показал, что сверхъядро АНК на 98% сформировано из «короткого» слова: односложных слов – 80% и двусложных – 18%. Доля трехсложных слов незначительна, всего 2%, а четырехсложные и пятисложные слова вовсе отсутствуют. В высокочастотной страте БНК больше половины всех слов односложные – 54,1% и треть слов двусложные – 33,7%. «Длинное слово» представлено: трехсложными – 9,4%, четырехсложными – 2,2% и пятисложными – 0,58% словами (рис. 4).

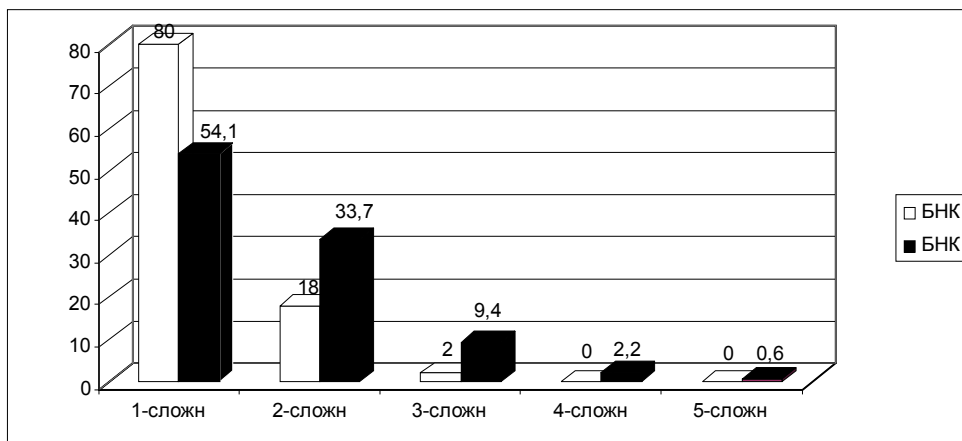

Рис. 4. Распределение слов в высокочастотной страте корпусов по критерию *длина в слогах*

В частотной страте АНК количество односложных слов уменьшается почти в два раза, а двусложных, наоборот, возрастает: в обеих группах примерно по 37%. В восемь раз возрастает количество трехсложных слов, их 16,9%. Появляются четырехсложные – 7% и пятисложные

слова – 1%. В частотной страте БНК количество односложных и двусложных слов примерно одинаковое: 30,3% vs 34,5%. Доля длинных слов увеличивается до 35,2%: на трехсложное слово приходится 24,8%, четырехсложное – 8,1%, а пятисложное – 2,3% (рис. 5).

**Мякотникова С. Ю. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТИПОВ СЛОВА
В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(на материале корпусов АНК и БНК)**

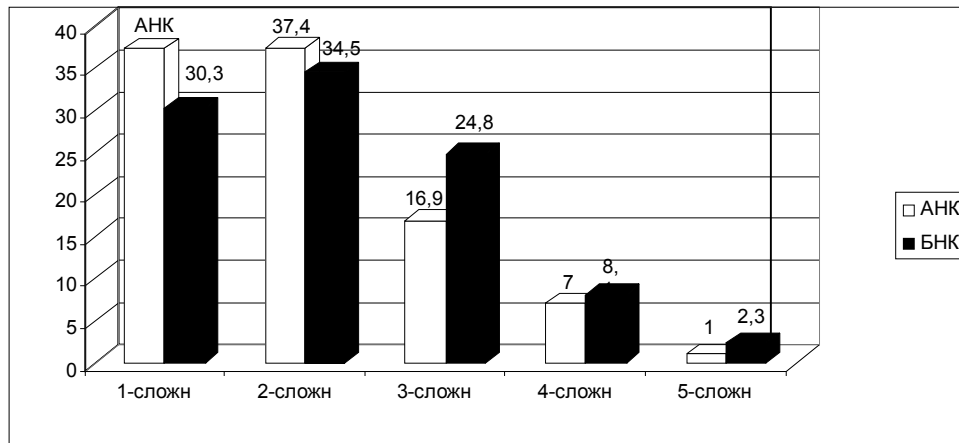

Рис. 5. Распределение слов в частотной страте корпусов по критерию *длина в слогах*

Сравнивая оба корпуса по данному признаку, можно сделать вывод об абсолютном преобладании «короткословной» лексики в обоих слоях обоих корпусов. Так, сверхъядро составлено на 98% в АНК и на 87,8% в БНК из одно-, двусложных слов; а ядро соответственно – на 74,7 и 64,8%. На долю длинного слова в высокочастотной страте приходится всего лишь 2% в АНК и 11,7% в БНК; в частотной страте 24,9% в АНК и 35,2% в БНК. Полученные по АНК данные подтверждают вывод, сделанный Т. Н. Чугаевой при описании БНК: односложное слово является основным фонетическим и перцептивным подтипом слова в английском языке. Преобладание односложной лексики в сверхчастотном и частотном ядре можно рассматривать как строевую особенность английского слова [Чугаева 2009].

Анализ слов по признаку *начальная фонема*, как и следовало ожидать, показал, что количество слов, начинающихся с согласного, в несколько раз больше (для АНК в 7 раз), чем количество слов, начинающихся с гласного, в сверхъядре и ядре обоих корпусов. В обоих корпусах наблюдается тенденция увеличения количества слов с начальным гласным при возрастании количества слогов в слове.

При анализе обоих корпусов было выявлено 13 самых распространенных консонантных типов. В высокочастотной страте АНК ими оказались: CVC – 42%, CV – 16%, CVCC – 11%, CVCV – 6%, VC – 3% словоупотреблений в общем количестве слов. Среди частотной страты самые распространенные типы – это CVC – 47%, CVCC – 24,4%, CCVC – 8,6%, CCVCC – 3,6%, CCV – 2,8%, VC – 2% в общем количестве словоупотреблений. Самыми представительными типами слогов в БНК были CVC, CVCC, CV, CCVC, CCV. Доминирующим типом слога высокочастотной страты БНК были CVC – 27,4%;

CVCC – 6,9%; CV – 6,3%. Очевидно, что в высокочастотной страте американского варианта в процентном отношении больше слов, оканчивающихся на гласный, чем в британском: 22% : 6,3%. Это объясняет разницу в значении консонантных коэффициентов.

Консонантный коэффициент, который определяется по формуле $k=C/V$ – отношение количества согласных к количеству гласных в слове, является одной из основных характеристик слова при восприятии. Для слов высокочастотной страты АНК этот коэффициент составил 1,54 в сравнении с БНК, где $k=2,43$. Таким образом, высокочастотное американское слово оказалось менее консонантно нагруженным, по сравнению с частотным английским словом.

Психолингвистические исследования показывают, что частотность слова оказывает ключевое влияние на многие процессы при восприятии речи. Лингвостатистический анализ частотных страт БНК и АНК, проведенный на основании существенных лингвистических признаков, позволил выявить черты сходства и различия фонетических типов слова в британском и американском вариантах английского языка. Сходные черты позволили описать облик частотного английского слова. Оно «короткое», одно-, двусложное, в котором ударными чаще всего являются гласные /e/ (/ɛ/ в АНК), /i/, /æ/. По ритмической структуре оно начальнударное, с доминирующим типом слога – CVC. Однако существуют и различия между фонетическими типами слов двух вариантов английского языка. Частотное американское слово, по сравнению с британским, чаще имеет тенденцию быть начальнударным, более коротким и менее консонантно нагруженным.

Полученные данные представляются перспективным и как с теоретической точки зрения –

**Мякотникова С. Ю. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТИПОВ СЛОВА
В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**
(на материале корпусов АНК и БНК)

изучения процессов восприятия акцентно окрашенной речи, так и в аспекте обучения американскому варианту английского языка.

Список литературы

Байбурова О. В. Механизмы восприятия разнотипных типов английского слова: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008. 223 с.

Джапаридзе З. Н. Перцептивная фонетика: основные вопросы. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 118 с.

Зиндер Л. Р., Штерн А. С. Факторы, влияющие на опознание слова // Материалы IV Все-союз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 30 мая – 2 июня 1972 г. / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1972. С. 100–108.

Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики М.: Наука, 1977. 177 с.

Кокорина Т. В., Чугаева Т. Н. Влияние контекста на восприятие английского слова // Ученые записки ПГТУ. Пермь, 2002. С. 61–67.

Леонтьев А.А. Психология восприятия и восприятие речи // Иностранные языки в школе. 1975. №1. С. 76–81.

Малаховский Л. В. Принципы частотной стратификации словарного состава языка // Статистика речи и автоматический анализ текста. Л., 1980. С. 99–105.

Мякотникова С. Ю. Перцептивные типы английских слов (на материале Американского национального корпуса) // Вестник ВятГГУ. 2012. №4(2). С. 43–52.

Ощепкова О. В. Влияние морфемной структуры на восприятие «длинного» английского слова в родном и неродном языках // Проблемы социо- и психолингвистики / отв. ред. Е. В. Ерофеева. Пермь, 2004. Вып. 5. С. 58–62.

Потапова Р. К. Речь. Коммуникация. Информатика. Кибернетика. М.: Радио и Связь, 1997. 528 с.

Потапова Р. К., Панасюгина Л. Е. К проблеме создания базы данных американского варианта английского языка для прикладных задач идентификации говорящего // Сб. трудов X сессии Рос. акуст. об-ва. М.: Рос. акуст. об-во, 2001. Т. 3. С. 99–103.

Фланаган Ш. Дж. Анализ, синтез, восприятие речи. М.: Наука, 1968. 396 с.

Чистович Л.А., Кожевников В.А., Алякринский В.В. и др. Речь: артикуляция и восприятие. М.; Л.: Наука, 1965. 241 с.

Чугаева Т. Н. Английское слово в перцептивном аспекте // Фонетические чтения в честь 100-

летия со дня рождения Л. Р. Зиндера. СПб., 2004. С. 202–207.

Чугаева Т. Н. Некоторые характеристики английского слова как предпосылки к описанию перцептивного строя английского языка // Материалы Междунар. филол. конф., С.-Петербург, 13–18 марта 2006 г. Секция фонетики / отв. ред. Л. В. Бондарко. Вып. 20, ч. 2. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. С. 30–36.

Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка. Пермь: УрО РАН, 2007. 246 с.

Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. 346 с.

Штерн А.С. Влияние лингвистических факторов на восприятие речи: афтореф. ... дис. канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1981. 24 с.

Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование). СПб., 1992. 236 с.

Cole Ronald A.; Scott B. Psychological Review, Vol. 81(4), Jul 1974, P. 348–374.

Sendlmeier Walter F. Perception and mental representation of speech. 1989. URL: http://www.kw.tu-berlin.de/fileadmin/a01311100/Sendlmeier_1989. (дата обращения: 04.03.2014).

Stevens Kenneth N. Acoustic Phonetics. MIT Press, 1998. 672 p.

Studdert-Kennedy M., Liberman A. M., Harris K. S., Cooper F. S. Motor theory of speech perception: A reply to Lane's critical review. Psychological Review, 1977. P. 234–249.

Wickelgren W. A. Phonetic coding and serial order // Handbook of Perception: Language and Speech. N. Y.: Academic Press, 1976. Vol. 7. P. 227–264.

References

Bajburova O. V. Mekhanizmy vosprijatija raznositelnykh tipov anglijskogo slova. Diss. ... kand. filol. nauk [Mechanisms of perception of multi-syllable English words. PhD philol. sci. diss.]. Perm, 2008. 223 p.

Dzhabaridze Z. N. Perceptivnaja fonetika: osnovnye voprosy [Perceptive phonetics: major issues]. Tbilisi: Mecniereba Publ., 1985. 118 p.

Zinder L. R., Shtern A. S. Faktory, vlijajushhie na opoznanie slova [Factors influencing word recognition]. Materialy IV Vsesojuz. simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii, Moskva, 30 maja – 2 ijunya 1972 g. [Material of IV All-Union symposium for psycholinguistics and communication theory]. USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow, 1972. P. 100–108.

Kasevich V. B. Ehlementy obshhej lingvistiki [Elements of General Linguistics] Moscow: Nauka Publ., 1977. 177 p.

Kokorina T. V., Chugaeva T. N. Vlijanie konteksta na vosprijatie anglijskogo slova [Influence of context on the perception of English words]. Uchenye zapiski PGU [Proceedings of PSTU]. Perm, 2002. P. 61–67.

Leontiev A. A. Psikhologija vosprijatija i vosprijatie rechi [The psychology of perception and the perception of speech]. Inostrannye jazyki v shkole [Foreign languages at school]. 1975. No 1. P. 76–81.

Malakhovskij L. V. Principy chastotnoj stratifikacii slovarnogo sostava jazyka [Principles of frequency stratification of the language]. Statistika rechi i avtomaticheskij analiz teksta [Statistics of speech and automatic text analysis]. Leningrad, 1980. P. 99–105.

Mjakotnikova S. Ju. «Perceptivnye tipy anglijskih slov (na materiale Amerikanskogo nacional'nogo korpusa)» [Perceptive types of the English words (on the American National Corpus)]. Vestnik Vjat-GGU [Vyatka State Univ. of Humanities Herald]. 2012. No 4(2). P. 43–52.

Oshhepkova O. V. Vlijanie morfemnoj struktury na vosprijatie «dlinnogo» anglijskogo slova v rodnom i nerodnom jazykakh [Influence of morphemic structure on perception of “long” English words in native and non-native languages]. Problemy socio- i psiholingvistiki [Problems of socio and psycholinguistics]. Ed. by E. V. Erofeeva. Perm, 2004. Iss. 5. P. 58–62.

Potapova R. K. Rech. Kommunikacija. Informacija. Kibernetika [Speech. Communication. Information. Cybernetics]. Moscow: Radio i Svjaz' Publ., 1997. 528 p.

Potapova R. K., Panasjugina L. E. K probleme sozdaniya bazy dannykh amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka dlja prikladnykh zadach identifikacii govornjashhego [The problem of creating a database of American English for speaker identification]. Sbornik trudov X sessii Rossijskogo Akusticheskogo Obshhestva [Works of X Russian Acoustic Society session]. Moscow: Rossijskoe Akusticheskoe Obshhestvo Publ., 2001. Vol. 3. P. 99–103.

Flanagan Sh. Dzh. Analiz, sintez, vosprijatie rechi [Analysis, synthesis, speech perception]. Moscow: Nauka Publ., 1968. 396 p.

Chistovich L. A., Kozhevnikov V. A., Aljakrinskij V. V. et al. Rech: artikuljacija i vosprijatie [Speech: articulation and perception]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1965. 241 p.

Chugaeva T. N. Anglijskoe slovo v perceptivnom aspekte [English word in perceptive aspect]. Foneticheskie chtenija v chest' 100-letija so dnja

rozhdenija L. R. Zindera [Phonetic readings on the occasion of 100th anniversary of the birth of L.R. Zinder]. St. Petersburg, 2004. P. 202–207.

Chugaeva T. N. Nekotorye kharakteristiki anglijskogo slova kak predposylki k opisaniju perceptivnogo stroja anglijskogo jazyka [Some characteristics of an English word as a prerequisite for the description of the English language perceptive system]. Materialy XXXV Mezhdunar. filol. konf., S.-Peterburg, 13–18 marta 2006 g. Sekcija fonetiki [Materials of the XXXV International philological conference. St. Petersburg, March 13–18 2006. Phonetics section]. Ed. by L. V. Bondarko. Iss. 20, part 2. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2006. P. 30–36.

Chugaeva T. N. Perceptivnyj aspekt zvukovogo stroja anglijskogo jazyka [Perceptive aspect of the sound system of the English language]. Perm: Ural Branch of Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 246 p.

Chugaeva T. N. Perceptivnyj aspekt zvukovogo stroja anglijskogo jazyka. Dis. ... d-ra filol. nauk [Perceptive aspect of the sound system of the English language. PhD philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 346 p.

Shtern A. S. Vlijanie lingvisticheskikh faktorov na vosprijatie rechi. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic factors influencing the perception of speech. Thesis synopsis of PhD philol. sci. diss.]. Leningrad: LSU, 1981. 24 p.

Shtern A. S. Perceptivnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti: ehksperimental'noe issledovanie. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Perceptive aspect of speech activity: an experimental study. Thesis synopsis of PhD philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1990. 28 p.

Cole Ronald A.; Scott B. Psychological Review. Vol. 81(4), Jul 1974, P. 348–374.

Sendlmeier Walter F. Perception and mental representation of speech. 1989. Available at: http://www.kw.tu-berlin.de/fileadmin/a01311100/Sendlmeier_1989. (accessed 04.03.2014).

Stevens Kenneth N. Acoustic Phonetics. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1998. 672 p.

Studdert-Kennedy M., Liberman A. M., Harris K. S., Cooper F. S. Motor theory of speech perception: A reply to Lane's critical review. Psychological Review, 1977. P. 234–249.

Wickelgren W. A. Phonetic coding and serial order. Handbook of Perception: Language and Speech. N. Y.: Academic Press, 1976. Vol. 7. P. 227–264.

**SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF THE PHONETIC TYPES OF WORDS
IN THE BRITISH AND AMERICAN VARIANTS OF THE ENGLISH LANGUAGE
(on the material of the American National Corpus and the British National Corpus)**

Svetlana Y. Myakotnikova

**Senior lecturer in the Department of Foreign Languages and PR
Perm National Research Polytechnic University**

The model of speech perception put forward by St. Petersburg linguistic school states that speech perception is based on the perception of essential linguistic features. Linguistic features are understood as factors that influence speech perception. They describe linguistic phenomena on different language levels: sounds, words, sentences and texts and have quantitative and qualitative characteristics. The set of essential linguistic features can be identified in experiments and lie in the basis of the phonetic types of words. Phonetic types are understood as groups of words united by one or another essential linguistic feature. The aim of the present research is to identify similarities and differences of phonetic types of English words from the frequency strata of the American National Corpus and British National Corpus.

Key words: speech perception; American National Corpus; British National Corpus; essential linguistic features; phonetic types of words.

УДК 81'271

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКИХ В ПОЛИЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ¹

Мария Геннадьевна Вершинина

ассистент кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. ver.m.g@yandex.ru

Представленная статья посвящена выявлению особенностей экспликации звуковой картины мира русских в полиязычной среде. Анализу подвергаются звукоподражательные единицы, зафиксированные в речи русских, проживающих на территории бывшего Коми-Пермяцкого округа. Тесное взаимодействие двух народов и языков оказывает влияние на ономастопозитическую систему русской диалектной речи и звуковую картину мира. Характер заимствований и особенности функционирования ономастопов (с одной стороны, в речи русских встречаются многочисленные коми-пермяцкие заимствования, с другой – некоторые ономастопы функционируют в обоих языках одновременно) обусловлены универсальностью звукоподражательной системы, которая основывается, в свою очередь, на наличие звуковой доминанты. Универсальный характер звукоподражательной системы находит отражение и в модели звуковой картины мира, в центре которой находится человек, а на периферии – все остальные звуковые среды (звучания растений, неживой природы, технические, сигнальные, музыкальные звуки).

Ключевые слова: звуковая картина мира; фоносфера; звукоподражание; ономастопея; полиязычная среда.

Пермский край относится к числу полиязычных регионов. На территории края проживают представители нескольких десятков национальностей, самые многочисленные из которых русские, татары, коми-пермяки, башкиры, удмурты, чуваша и др. В данной статье рассматривается русская диалектная речь жителей территории, на которой русскоязычное население непосредственно взаимодействует с коми-пермяками. «С одной стороны, речь, функционирующая в иноязычной среде, более устойчиво сохраняет некоторые архаические лексические, фонетические морфологические и синтаксические особенности, утрачивающиеся в говорах «континентальных». С другой, островные говоры в силу многообразия культурно-хозяйственных связей между соседними народами оказываются способны постепенно вбирать многие черты языка-соседа» [СРГКПО 2006: 21].

Предлагаемое исследование посвящено выявлению особенностей экспликации звуковой диалектной картины мира русских, проживающих на полиязычной территории. Анализу подвергаются ономастопы, функционирующие в речи русских, проживающих на территории бывшего Коми-Пермяцкого округа. Ономастопы были ото-

браны из словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа [СРГКПО²], а также собраны автором в этнолингвистических экспедициях (всего 216 единиц).

Наряду с термином «звуковая картина мира» [Стефановская 2009: 117–121] мы используем термин «фоносфера», которые соотносимы, но не тождественны друг другу. Под «фоносферой» мы понимаем звуковое окружение человека, «...некий звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (часто неосознаваемые человеком), техническими и культурно-семиотическими (осознаваемые человеком) звуковыми системами» [Шляхова 2005: 346]. Значимые для человека звучания фоносферы составляют звуковую картину мира, которая, будучи эксплицирована в языке, становится частью языковой картины мира. Анализ звукоподражательных единиц, составляющих базовый уровень звукоизобразительной системы языка, позволяет выявить наиболее значимые для человека сферы звучания реального мира. В том, какие именно звуки окружающего мира слышит человек, реа-

лизуется специфика менталитета той или иной языковой общности [Шляхова 2011; 2012а, б].

Автором статьи анализируются лексические единицы, содержащие сему 'звук' и имеющие оноματοпоэтическое происхождение. Они образуют семантические поля в соответствии с источниками происхождения имитируемого звука: биофоносфера (звуки естественного происхождения), социофоносфера (звуки искусственного происхождения) и антропофоносфера (звуки, производимые человеком).

К семантическому полю «антропофоносфера» относится 55,1% всех исследуемых единиц. Биофоносфера включает в себя поля «натурфоносфера» (5,1%), «фитофоносфера» (1,2%) и «зоофоносфера» (25,9%); социофоносфера – поля «технофоносфера» (4,3%), «сигналофоносфера» (5,1%), «музыкафоносфера» (0,5%) и поле «мифофоносфера» (2,8%), которое составляют единицы, фиксирующие нарушение связи между звуком и его источником, – такие звучания осмысляются диалектоносителем как проявления потустороннего мира. Таким образом, количественный анализ оноματοпов показывает, что наибольшее внимание диалектоносители уделяют звукам, производимым человеком. А наименее освоенные сферы звучания – фитофоносфера и музыкафоносфера.

Несмотря на то что растительный мир занимает важное место в картине мира носителей традиционной культуры [Вендина 1998: 223], звучания грибов и растений – периферийное семантическое поле в модели фоносферы, что естественно, так как звук не является их существенным признаком. В редких случаях встречаются номинации оноματοпоэтического происхождения: *скрипун, скрипунтрава* (*Скрипуну у нас не берут, это белый груздь, они как скрипят*) (222). Скрип в данном случае является важным свойством и мотивирующим признаком номинаций.

Малая разработанность поля «музыкафоносфера» (*Колька мало на гитаре бряньгат, а на гармошке уж никто не умеет* (55)) объясняется тем, что в русской культуре в целом и в традиции русских, проживающих в Пермском крае, в частности более распространены вокальные музыкальные жанры (единиц, характеризующих пение, отмечено больше). «Вокальные жанры музыкального фольклора у славян играют главенствующую роль», «инструментальная музыка по сравнению с вокальной занимает более скромное место в народной музыкальной культуре» [Пашина 2004: 322].

Особое семантическое поле «мифофоносфера» включает в себя единицы, фиксирующие звучания, которые не соотносятся с источником

звука. Естественная связь звука с источником – важный элемент семиотизации фоносферы, в случае нарушения данной связи (отсутствие источника, противоречие источника звука представлению о нем, неестественное время и место появления звука) звучанию приписывается магическое или мифическое происхождение или значение: *Одно время птицы или летяги, или как, на весь лес хохочут: Ооо-хо-хо! На весь лес!* (КА) Данный звук воспринимается как неестественный и, соответственно, опасный: *И вот мне кажется так, что все деревья до земли гнутся. И кто-то, короче говоря, ухает. Уууух! Господи спаси и сохрани! И кажется мне, что все деревья вот валяются. Вот знаете, когда дерево упадет... Уух! И вот это продолжалось до четырех часов утра. И потом всё, вот этот гул, он уходил куда-то всё на север. Утром смотрю – все деревья стоят* (КА). Такое звучание либо квалифицируется как предвещающее опасность (*Стали землю кидать на гроб, в могиле бень – забенькало, это не к добру* (47–48), либо приписывается некоему мифическому существу: чертям, домовому, лешему и пр. (*Раз все двери открыли – циркотня-циркотня, и убежали все, никого нету. Вот это шишаки [черти] и были* (256). Так, в традиционном сознании четко зафиксировано представление о связи звука с источником и характере данной связи.

«Натурфоносфера» включает в себя субполя «звуки метеорологических явлений» и «звуки стихий». Субполе «звуки стихий» включает оноματοпы, имитирующие звуковые особенности стихий, среди них единица *прозвизд* (звукоподр. *gvizd-: zvizd- [Фасмер I: 87]) как звуковое действие наиболее динамичной стихии – огня (*Лучина-то у нас домашна с прозвиздом горит*) (203). Метеорологические явления нередко сопровождают отчетливый звук (*Гыжнуло только, и нету дожджа-то; Такой ураган, только трескоток идёт!*) (241). Единица *гыжнуть* имеет коми-пермяцкое происхождение (*гыж-гыж* – подражание звукам, сопровождающим царапание [КПРС: 111]).

В данном поле преобладают единицы, обозначающие звуки грозы, что объясняется акустическими свойствами (повышенная громкость) звука-источника – грома: *горгать* (78), *вёргать* (60), *чургать* (262) (*Дождни, дожджик, как следует, чо так вёргашь; В Ильинску пятницу всё большинство гремело, чургало*). Единицу *горгать* можно объяснить как русским, так и коми-пермяцким происхождением. М. Фасмер приводит звукоподражательный глагол *горготать* в значении «громко смеяться, гоготать, ржать» [Фасмер I: 439], а в коми-пермяцком языке

функционирует *гор* – звук, звучание [КПРС: 101]. И в том и в другом случае реализуется семантика звучания. Подобная ситуация наблюдается и в отношении ономотопа *торгать* (ср.: *торкать* – праслав. *tǫrk-, *stǫrk-, по-видимому, звукоподр. [Фасмер IV: 83] и к.-п. *торгыны* – тараторить, *торгыны-визывтны* – течь с шумом [КПРС: 478]).

Говорить определенно о русском или коми-пермяцком происхождении данных ономотопов затруднительно. Однако нередко они функционируют в обоих языках, что может указывать на универсальность звукоподражательности в целом. Подобное соотношение звуковых значений единиц, функционирующих в диалектной речи и русских, и коми-пермяков, прослеживается и в других семантических полях.

В некоторых случаях этимологическое значение ономотопа по имеющимся источникам установить непросто, однако в коми-пермяцком языке функционирует подобное образование: *тургать* (ср. к.-п. *тургыны* – говорить полусшёпотом [там же: 494]), поэтому можно предположить коми-пермяцкое заимствование.

Анализ звукового состава ономотопов, имитирующих звук грома, позволяет выделить регулярно повторяющийся элемент (звукоизобразительную доминанту) – вибрант и звонкий взрывной, которые являются основным средством имитации раскатов грома (*бургать* (55), *вёргать* (60), *горгать* (78), *торгать* (239), *тургать* (242), *чургать*). Именно звукоизобразительная доминанта, по всей видимости, обеспечивает универсальность звукоподражательной лексики.

В количественном отношении с натурфоносферой (5,1%) соотносятся сигналфоносфера (5,1%) и технофоносфера (4,3%) (социофоносфера).

Звукоподражания, которые характеризуют звук-сигнал, относятся к семантическому полю «сигналофоносфера» (*Машина стиппкала, мя давай отворачивать с дороги*) (183).

Звуки-сигналы в народной культуре используются часто. Например, различаются пастушьи сигналы, адресованные животным и выступающие в качестве средства коммуникации с ними (*Барабан повешашь и тутто барабанишиша. Коровы барабан учуют, токо «му-му»; Писк на рябчика сам сделаешь из пера*) (46). Номинация *писк* употребляется в значении «свисток, манок на птицу» (в основе лежит, вероятно, звукоподр. *pī- [Фасмер III: 271], ср. к.-п. *пики-вики* – подражание писку, повизгиванию, пиликанию). Звуки-сигналы нередко имеют функцию предупреждения: *Если пожар, дак об рельсу тиньгают* (237) (ср. к.-п. *тиньгыны* – звенеть, зазвенеть, брэнчать, тренькать [КПРС: 474]).

Значимость звуков-сигналов для диалектоносителя подтверждается наличием в языке номинаций различных сигнальных приспособлений и устройств: *стукалка* (232), *колоколо*, *колоколко* (124) (по происхождению звукоподр., с удвоением корня *kol-kol- [Черных 1999: 413]), *колкочи* (123), *треньгунчик* (240) (*тренькать* – брэнчать, тихо наигрывать, болтать, звукоподр. [Фасмер IV: 98]; ср. к.-п. *тринь-бринь*, *трингём* – звон, звяканье, брэнчанье, треньканье, *трингётчыны* – прерывисто звенеть [КПРС: 490]), *прозвончик* (203) (*В ночью время стукалки носили по деревне. Возле каждого дома стукнешь, вроде, спите спокойно. Это от пожаров да от чудиков; Так-ту с треньгунчиками ездили, маленькой такой колокольчик*).

Поле «технофоносфера» включает ономотопы, имитирующие звуки артефактов: простых рукотворных предметов: *таргать* (КА³), *торгать* (239), *торкать* (230), *хрпать* (255), *хряпать* (КА), *чакать* (257) (*Бросила зеркало-то, испугалася, оно только сторкало; Тесины забрякали, зачакали*) и сложных устройств (*Выключи радио, а то одни брюньги*) (54)). В силу того что предметы преимущественно статичны, звук им приписывается нечасто. Предметы обычно звучат под воздействием внешней силы, чаще всего человека, однако такие звуки относятся к антропофоносфере, так как проявляются вследствие действия, совершаемого человеком. Ономотопы, которые передают звуки, издаваемые рукотворными предметами, обычно имитируют разного рода удары: *хрон* (*хрпать* – сильно стучать, *хрон* – межд., передающее стук, звукоподр. [Фасмер IV: 278]), *хряп* (*хряпать* – бить, ломать, *хряп!* – межд., передающее ломание, удар; вероятно, звукоподр. [там же: 281]), *торг* (ср. с *торкать* – толкать, колотить, *торк* – толчок, стук, *поторок* – удар [там же: 83]; к.-п. *торгыны* – тараторить [КПРС: 478]), *тарг* (ср. к.-п. *таргыны* – кудахтать, трещать, говорить без умолку [там же: 471]), *чак* (ср. к.-п. *чак керны* – цокать языком, стучать зубами; *чак лыйны* – выстрелить; *чак снимайтны* – щёлкнуть фотоаппаратом [там же: 525]). Фиксируется также существенный звуковой признак предмета (*Пасли пастуки барабаном. Дощечка такая, чтобы головная была, потом палочки такие тут повешат*) (76). Ср. к.-п. *гиль-голь*, *гиля-голя* – бряк, звяк [там же: 98], *голь-бряк* – подражание сильному стуку, грохоту [там же: 101], *гольган* – погремушка [там же: 101].

Наиболее значимая, внешняя по отношению к человеку сфера звучания – зоофоносфера: голосовые и неголосовые звуки, издаваемые животными, птицами и насекомыми. Звучания насеко-

мых распознаются реже, чем звуки животных и птиц: *По лесу ходили, бзыки не закусили?* (КА) (*бзык* – слепень; звукоподр. [Фасмер I: 164]).

Среди звукоподражаний, имитирующих голоса обитателей леса, преобладают ономотопы голосов птиц (*Птички в лесу гивиргают* (74)). Единица *гивиргать* указывает на восприятие голосов лесных птиц в качестве целостного и мелодичного звучания. В то же время распознаются стрекот сороки: *чик-чик* (КА) (*чикать* – бить; по-видимому, звукоподр. праслав. *čik-, *čьk- [Фасмер IV: 361]; ср. к.-п. *чикотны* – трещать (о дровах), бить [КПРС: 536]), карканье вороны: *выргать* (72) (ср. к.-п. *выргыны* – бормотать невразумительно [там же: 93]), голос кукушки: *коковать* (123) (*кокот* – петух; звукоподр. название [Фасмер II: 283]; ср. к.-п. *коковны* – клевать; долбить [КПРС: 173]) или *туткать* (242) (ср. к.-п. *туткыны* – бормотать, бурчать [там же: 496]), тетерева – *тюргать* (243) (ср. к.-п. *тюргыны* – свистеть, стрекотать [там же: 503]). В каждом отдельном случае наблюдается стремление передать характерный звук той или иной птицы (*Вороны выргают, дождь будет; Палёвки налетели, тюргают*).

Кроме голосов птиц, имитируется также звук, который сопровождает действие животного или птицы (*Глухарь пырк – полетел, я стрелил, да поздно* (206); *Лось <...> может хрястнуть сразу насмерть* (255)). *Пырк* в к.-п. значит «выпорхнуть» [там же: 391], а М. Фасмер приводит междометие *пыр, пырь!* в значений «бац» и звукоподр. *пырхать* – фыркать [Фасмер III: 420]. *Хрястнуть* – первонач. *xřęst-. Здесь предполагают звукоподр. [Фасмер IV: 281].

Наиболее развита система звуков, производимых домашними птицами и животными, о чем свидетельствует наличие первичных звукоподражаний и номинаций, мотивированных звучанием.

Что касается звуков домашних птиц, воспроизводятся традиционно звуки, издаваемые курицами: *кокать* (122), *локтать* (140), *тип* (КА), *пилька* (КА) (*Цыплёнок всё зерно скокал; Типов много было, дак которые умерли; Они маленькие, пильки-то, по двору бегают*). Номинация *тип* встречается в к.-п. языке в том же значении «цыплёнок, птенец» [КПРС: 474] (*типнуть* – легонько ударить; схватить; укусить, ущипнуть; вероятно, звукоподр. [Фасмер IV: 60]; ср. также подзывное *тип-типушки*). Глагол *локтать* восходит, по-видимому, к говорению [там же II: 514], а *кокать* воспроизводит, с одной стороны, звук удара клюва курицы (*кокать* – бить, *кокатся* – бить яйцо о яйцо [там же: 281]), с другой – характерный голос курицы (звукоподр. *ко-ко*).

Среди звуков домашних животных встречаются имитации голоса собак (*Я услышал, собаки нюзгают* (164), кошек: *каньгать* (116), *мявгать* (153), овец (*Овцы-то баргают, есть видно хотят* (46), свиней: *рэхать* (251), *рюхать* (214), *фыкать* (*Иная свинья бережная, придет, фыкат, а поросята разбегаются, а иная не срёхат и задавит* (251), лошадей: *ивгать* (110), коров: *мууо-буууо* (КА). В каждом отдельном случае наблюдается стремление воспроизвести голос конкретного животного: *каньгать* (ср. к.-п. *каньгыны* – хныкать, канючить, ныть, *кань* – кошка, кошачий [КПРС: 164]), *рэхать* (*рюхать* – реветь, хрюкать [Фасмер II: 534], *рэх* – хрюканье, храп; звукоподражательное; ср. к.-п. *рюк-рюк* – хрюхрю [КПРС: 414], *рёксом* – хрюканье [там же: 405]), *ивгать* (к.-п. *ивзыны* – ржать (о лошади) [там же: 152], ср. *и-го-го*).

Звуки действий домашних животных в основном соотносятся со звуками, производимыми живыми существами в целом, в том числе человеком. Часто это удары (*кырскать* (134), *будышкать* (56), *бутышкать* (56), *пичнуть* (185) или артикуляторные звучания (*Корова в конюшне ест, кырскат*), однако отмечаются также специфичные звуки действий конкретных животных (*Кони цокотят, у их подковы* (256)). Данные ономотопы также встречаются в коми-пермяцком языке. Так, ономотоп *пичнуть* имеет схожие образования в коми-пермяцком языке (ср. *пичик* – щелчок, подзатыльник; *пичикасьны* – играть в щелчки, давать подзатыльники [там же: 545]).

Особое внимание стоит уделить подзывным и отгонным словам. Характер происхождения данных единиц позволяет говорить об их звукоподражательной природе [Шляхова 2012б: 114–120].

В данной модели фоносферы подзывные и отгонные слова занимают промежуточный характер между зоофоносферой, антропофоносферой и сигналфоносферой, так как, с одной стороны, частично имитируют голоса или действия животных, с другой – используются человеком в целях коммуникации с животными и наделяются тем самым сигнальной функцией.

Звукоподражательная природа подзывных слов очевидна в случае обращения к домашней птице: *тип-типушки, тину-типу* (237), *куть-куть* (КА), *котю-котю* (КА) (ср. к.-п. *кот-кот-кот* – ко-ко-ко [КПРС: 188]), *тиги-тиги, тига-тига* (*Куть-куть, иди сюда, рыжая. Ко мне, ребята, детки, идите ко мне; Курицу надо звать куть-куть, гусей тиги-тиги, а козу юлю-юлю*). Подзывные слова для животных, употребляемые русскими, нередко соотносятся с подзываниями в коми-пермяцком языке или восходят к коми-

пермяцким названиям животных: подзывное слово для свиней *дзюд-дзюд* (87) восходит к к.-п. *дзуту-дзуту* [там же: 123]; для овец *баля* (45), *баль* – к к.-п. *баля* – овца [там же: 25] (*Баль-баль-баль, бали-бали, идите сюда*), для коз – *мась, маси* (КА) (*Мась-мась-мась, зову козочек*) – в к.-п. *масы-масы* [там же: 244] (М. Фасмер сравнивает его с удм. *mes* «ягненок» и коми *mež* «овца» [Фасмер III: 579]).

Подзывные слова для коровы встречаются нечасто (*Корову зову – пте-пте-пте, бежи сюда, Малюта* (205)). Чаще к корове обращаются по имени (*Да как зовем? Юли-юли говорю, они и бегут, телята-то. Ну, большие-то, конечно, по имени: Маня, Таня*). Возможно, в данном случае находит отражение особое традиционное уважительное отношение человека к корове.

Семантическое поле «антропофоносфера» включает в себя такие поля, как «голосовые звуки» и «неголосовые звуки» (звуки, издаваемые человеком вследствие совершаемого действия (звуки действий)), и звуки тела).

Среди звуков действий различаются удары по предмету *бенгать* (47), *бобать* (50), *речгать* (210) (ср. к.-п. *резгыны* – наотмашь ударить [КПРС: 402]), *чакаться* (257), *чубачить* (261), *чикать* (260) (*Вот целой день бенгат. Где дверь подправить, где че подколотить; В подвал полезли, все речгали там, все переломали*), по живому существу *баздахнуть* (45) (ср. к.-п. *базнитны* – ударить [КПРС: 24]), *бучкать* (56) (ср. к.-п. *бучкыны* – хлестануть, сильно ударить [там же: 46]), *жогнуть* (97) (ср. к.-п. *жогыны* – избивать [там же: 142]), *здануть* (107) (ср. *буздануть* – ударить с силой [Фасмер I: 232]), *кокнуть* (123), *кокшить*, *колотнуть* (124), *кочкать* (129), *кычкать* (134), *лупастить* (141), *маздахнуть* (144), *паздёрнуть* (176), *тоньгать* (238) (ср. к.-п. *тонгыны* – бить, звенеть [КПРС: 477]), *чирснуть* (260) (ср. к.-п. *чирсны* – обмолачивать, дробить, толочь [там же: 538]), *швахать* (160) (ср. к.-п. *швангыны* – стукнуть, ударить, шлёпнуть; *шват* – подражание стуку [там же: 555]; *шваткыны* – стукнуть [там же: 556]), *чакнуть* (*Их надо самих бучкать, милиционеров-то, они, кто попадёт, дак готовы убить; Кто хварат, того хлебной лопатой по заду нашивахают, чтоб не болел большие; Натоньгал соседа, а тот партейный, дак два года дали*).

Характер ономастов удара позволяет говорить о том, что звукоизобразительной доминантой выступает взрывной согласный (*бенгать* (47), *бобать* (50), *чубачить* (261), *баздахнуть* (45), *бучкать* (56), *жогнуть* (97), *здануть* (107), *маздахнуть* (144), *паздёрнуть* (176), *кокнуть* (123), *кочкать* (129), *кычкать* (134), *тоньгать* (238).

Помимо ударов различаются звуки трения (*Мало рашкат старый, ноги вот худо подымают* (210), скрипа *ергать* (94), *иргать* (114), *кажгать* (115), *скыркать* (222) (*Не иргай дверьми, закрой; Мальчишки-то опять скыркать начали*). Ср. к.-п. *рашкыны* – ходить, еле волоча ноги [КПРС: 401], *кажгаты* – к.-п. *каж* – подражание хрусту; *кажгыны* – хрустеть, грызть, есть с хрустом [там же: 162].

К звукам тела отнесены ономасты, имитирующие звучания различных частей человеческого тела и внутренних органов: стук сердца *бут-бут* (56) (к.-п. *бут* – хлоп [там же: 47]), шум в голове *бунчать* (55), урчание в животе *гургать* (81) (к.-п. *гур-гур* – подражание урчанию, тарактению, гудению [там же: 110]), скрип зубов *гырскать* (81) (к.-п. *гырс-гырс* – подражание скребущему звуку; *гырскыны* – грызть, разгрызть [там же: 113]), звук испражнения *чискать* (260) (*Брюхо от голода гургат; Не бегай на улицу, чискай давай в ведро, стужа*).

Наиболее развитой является система голосовых звуков: звуки говорения, пения и рефлекторные звуки. Поле «говорение» подразделяется на несколько субполей.

Говорение как таковое: *вохлить* (68), *колоколить* (124) (*Хорошая-то какая, весь концерт с нами вохлали; Маленько как вдам, вот и колоколю с ней!*).

Артикуляторные и акустические особенности говорения: неразборчивое, невнятное говорение: *бобкать*, *бобгать* (50) (к.-п. *бобгыны* – бормотать [там же: 34]), *боргать* (52) (к.-п. *боргыны* – бубнить, повторять [там же: 37]), *буркать* (55), *буторить* (56), *быргать* (57) (к.-п. *быр-быр* – подражание невянному бормотанию [там же: 50]), *гындосить* (81) (возм., от *гундосить*, ср. также к.-п. *гыны* – болтать, молоть чушь [там же: 112]), *иргать* (114), *лячкать* (144) (*лячкать* – жевать, болтать, пустословить; вероятно, звукоподр. [Фасмер II: 554]; ср. также к.-п. *лячкыны* – ударить (ладонью) по голому месту [там же: 240]), *мургать* (152) (к.-п. – *мургыны* – мурлыкать, тихо петь [там же: 258]), *туросить* (242) (ср. к.-п. *туру-туру* – тары-бары [там же: 495]); нарушения в артикуляции (*Кто заёкивается, слова есть, можно вылечить* (100)): *заёкиваться* (100), *сюськать* (235) (*сюсюка* – тот, кто пришептывает [Фасмер III: 823]); интонационные и акустические особенности: *боньгать* – говорить возмущаясь (51) (к.-п. *боньгыны* – ворчать [КПРС: 37]), *нюзгать* (164) (*Не нюзгай, надоело слушать*); скорость и продолжительность говорения: *трынгать* (241) (*трынгать* – дергать, ономастопозитическое [Фасмер V: 112]), *чемить*

(258), *джиргать* (87) (*Чемит и чемит, надоело уж, как точит*).

Говорение, сопровождаемое рефлексорными звуками: смехом: *быргать* (57), *згальничать* (107), *подфукивать* (191) (*Невеста пол метет, над ней быргают, снова бросают деньгами*), плачем, стоном: *турасить* (242) (*Не турась, надоело, деньги нету на конфетки*).

Говорение в значении «сообщение информации». Пустословить: *клочить* (121), *лѣпать* (238), *лѣпкать* (238), *лявгать* (143) (к.-п. *ляв-ляв* – гав-гав, *лявгыны* – лаять, браниться, кричать [КПРС: 238]), *лязгать* (143) (*Лязгают бабы, как не надоест*); передавать запретную информации: *телькнуть* (237) (*Я ему велю – ты только не телькни, ни-ни*); повторять: *натаривать* (159), *тороскать* (239) (*торить* – наставлять, внушать [Фасмер IV: 83]; ср. к.-п. *торгыны* – тараторить [там же: 478]).

Говорение как способ взаимодействия с адресатом и воздействия на него. Звать, привлекать внимание: *гаркать* (74) (*Я ее гаркаю, а она как не слышит, идёт и идёт*); взаимодействовать: *побаяться* (187) (*Когда язык прикусишь – побаяешься с кем-то или разругаешься*); интенсивно воздействовать: *аргаться* (44), *отчахать* (175), *дотунгать* (90) (*Отчахаю их хорошенько, а то всё бегают, Всё же-ки дотунгали мы начальство, денег стали больше платить*).

О повышенном внимании к данной сфере звучания свидетельствует также наличие номинаций человека, мотивированных особенностями речи человека (*Бургунья она у нас, всё не по ей, всё недовольна* (55)).

В поле «говорение» наиболее развиты группы, которые определяют говорение с точки зрения акустических или артикуляторных особенностей. Группы, в которых основной дифференциальной семой является «содержание», онома-топов отмечено значительно меньше.

К голосовым звукам также относятся «пение»: *выть* (72), *заухивать* (105), *мургать* (152), *каркать* (117) (*За столом посидят, наедятся, песен заухивашь, пляшешь; Я ведь только себе мургаю, так-ту не песельница*).

Наряду с голосовыми звуками, производимыми человеком, выделяются рефлексорные звуки. Наиболее развиты в данном субполе группы «дыхание» и «плач». Звук дыхания, несмотря на то что он является тихим, вполне ощутим и осознаваем человеком: *вдыхать* (59) (*Жарко беда, вдыхать нечем даже*), *ѣхать* (95), *обрѣхнуть* (166) (*Пока воду несла, обрѣхла*), *пропышкаться* (*Маленько пропышкаюсь, потом снова запою*), *пышкаться* (206). Звуковой состав единиц фонетически имитирует тяжелое дыхание человека (ср.

межд. *ох, пых*) (звукоизобразительная доминанта – глухой фрикативный). О значимости данной сферы свидетельствует наличие онома-топов *дых* (95), *сдых* (219) (*Посмотрели, а уеё уж сдыху нету, умерла*), *ухи-пыхи* (*Он вышел из бани, в предбаннике сидит – ухи-пыхи слышно* (КА)).

Единицы, характеризующих плач, всхлипы, имеют преимущественно звукоподражательное происхождение: *всклѣтывать* (69), *склѣтывать* (221) (*Больно было, но я только всклѣтывала, не редела, старалась терпеть*), *каньгать* (116) (см. подражание звукам кошки), *кавкать* (251) (*кавка* – лягушка, звукоподр. [Фасмер I: 153], ср. к.-п. *кав-кав* – гав-гав [КПРС: 161]), *керскасть* (*Че он и керскаст – видно, болит че-то*), *нявгать* (164) (ср. к.-п. *нявгыны* – ныть, хныкать [там же: 283]), *хавкать* (251) (*хавкать* – лаять, жадно есть, звукоподр. [Фасмер IV: 215]).

Кроме того, отмечены онома-топы крика: *заягать* (106), *кречкать* (*Ребенок закречкает: «Ы-ы-ы», надо вставить, кормить* (130)), *ужгать* (*Детвора-то уж больно ужгати* (245)), *чивизга* (ср. к.-п. *чива-люва кывны* – визжать [КПРС: 537]); звук, сопровождающий поглощение пищи и воды: *чамгать* (257), *чурснуть* (262) (к.-п. *чурскотны* – сосать чмокая, цедить [там же: 549]); кашель: *куликать* (132); смех: *гагара* (*Вот гагары-те – смеются над парнем* (74)).

Таким образом, можно говорить о том, что лучше всего человек слышит свой собственный голос, самого себя, затем – живых существ, которые его окружают. Остальные звуковые среды представляют меньший интерес, т. к. эксплицированы в языке меньшим количеством единиц (антропофоносфера – 55,1%, натурфоносфера – 5,1%, технофоносфера – 4,3%, музыкафоносфера – 0,5%). Модель звуковой картины мира, в центре которой находится человек, универсальна, так как исследования на материале русского литературного языка и других языков дают похожую картину [Мишанкина 2003: 10]. Различие заключается в особенностях экспликации фоно-сферы.

Эксплицированная в языке звуковая картина мира русских, проживающих на полиязычной территории, отражает процесс взаимодействия двух разных языков. С одной стороны, многие звукоподражательные единицы (*выргать*, *гыжнуть*, *гырскать*, *кажгать*) имеют коми-пермяцкое происхождение (в данной статье это единицы, для которых не было обнаружено аналогов в пермских говорах русских и этимологических словарях русского языка), с другой – некоторые онома-топы функционируют в обоих языках (*горгать*, *кавкать*, *ляккать*), так что достаточно сложно определить, кто и на каком этапе

заимствовал ту или иную единицу. Тем самым подтверждается тезис об универсальности ономастической системы (звукоподражательные единицы, даже если они заимствованы, воспринимаются как естественные, максимально приближенные к сфере окружающих человека звучаний), которая, в свою очередь, основывается на наличии звукоизобразительной доминанты – регулярно повторяющегося элемента, имитирующего значимый признак реального звука.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках грантов РГНФ «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)», проект №14-14-59005, ПСР-055П «Языковая коммуникация в условиях двуязычия».

² В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием страниц в круглых скобках.

³ КА – материал из картотеки автора.

Список литературы

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривошёкова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 624 с.

Мишанкина Н. А. Метафорические модели звучания в русской языковой картине мира // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина, Д. А. Катунин; отв. ред. З. И. Резанова. Воронеж, 2003. Ч. 1. С. 76–145.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Н. Ю. Копытов, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: Изд-во ПОНИИЦА, 2006. 276 с.

Пашина О. А. Музыка народная // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2004. С. 319–324.

Стефановская С. В. Звуковая картина мира // Вестник Иркутского гос. лингвистического университета. 2009. №4. С. 117–121.

Шляхова С. С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики. Пермь: Перм. гос. политехн. ун-т, 2005. 350 с.

Шляхова С. С. Исследование звукоизобразительности в пермских языках: проблемы и перспективы. Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. №3. С. 7–16.

Шляхова С. С. Исследование звукоизобразительности в пермских языках: проблемы и пер-

спективы. Статья третья // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012а. №1. С. 9–16.

Шляхова С. С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке / С. С. Шляхова, А. С. Лобанова; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2012б. 297 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. М.: Прогресс, 1986–1987.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. язык, 1999. Т. 1. 624 с.

References

KPRS – Komi-permjacko-russkij slovar' [Komi-Perm-Russian dictionary]. R. M. Batalova, A. S. Krivoshhjokova-Gantman. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1985. 624 p.

Vendina T. I. Russkaja jazykovaja kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovanija (makrokosm) [The Russian language picture of the world through the prism of word formation (the macrocosm)]. Moscow, Indrik Publ., 1998. 240 p.

Mishankina N. A. Metaforicheskie modeli zvuchanija v russkoj jazykovoj kartine mira [The metaphorical models of sound in the Russian language picture of the world]. Metaforicheskij fragment russkoj jazykovoj kartiny mira: kljuchevyje koncepty [The metaphorical piece of the Russian language picture of the world: the key concepts]. Z. I. Rezanova, N. A. Mishankina, D. A. Katunin. Ed. by Z. I. Rezanova. Voronezh, 2003. P. 1. P. 76–145.

SRGKPO – Slovar' russkikh govorov Komi-Permjackogo okruga [Dictionary of Russian dialects of the Permian Komi District]. N. Ju. Kopytov, I. A. Podjukov, A. V. Chernykh. Perm, PONIICA Publ., 2006.

Pashina O. A. Muzyka narodnaja [Folk music]. Slavjanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar': v 5 t. [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary: in 5 vol.]. Ed. by N. I. Tolstogo. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2004. P. 319–324.

Stefanovskaja S. V. Zvukovaja kartina mira [The sound picture of the world]. Vestnik irkutskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta [The Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University]. 2009. No 4. P. 117–121.

Shljahova S. S. «Drugoj» jazyk: Opyt marginal'noj lingvistiki [The “other” language: the experience of marginal linguistics]. Perm: Perm State Technical Univ. Publ., 2005. 350 p.

Shljahova S. S. Issledovanie zvukoizobrazitel'nosti v permskikh jazykakh: problemy i perspektivy. Statja pervaja [Research of sound iconicity in permic languages: problems and perspectives. Article one].

Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2011. Iss. 3. P. 7–16.

Shljahova S. S. Issledovanie zvukoizobrazitel'nosti v permskikh jazykakh: problemy i perspektivy. Statja tretja [Research of sound iconicity in permic languages: problems and perspectives. Article three]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2012a. Iss. 1. P. 9–16.

Shljahova S. S. Zvukoizobrazitel'nost' v komi-permjackom jazyke: monografija [Sound ikonizm in Permian Komi: Monograph]. S. S. Shljahova,

A. S. Lobanova; Perm State Humanitarian Pedagogical Univ. Perm, 2012b. 297 p.

Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vol.] Trans. from German and add. by O. N. Trubachev. Moscow: Progress Publ., 1986–1987.

Chernyh P. Ja. Istoriko-ehimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka [Historical and etymological dictionary of modern Russian]. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1999. Vol. 1. 624 p.

EXPLICATION OF THE SOUND PICTURE OF THE WORLD OF RUSSIAN PEOPLE IN MULTILINGUAL ENVIRONMENT

Mariya G. Vershinina

Assistant in the Department of General Linguistics
Perm State Humanitarian Pedagogical University

The present article is devoted to peculiarities of explication of the sound picture of the world of Russians in multilingual environment. The onomatopoeic units in speech of Russians living on the territory of former Komi-Permyak district are analysed. Close interaction of two peoples and languages has had an influence on the onomatopoeic system of Russian dialectal speech and the sound picture of the world. The nature of borrowings and the peculiarities of onomatops functioning (on the one hand, a great number of Komi-Permyak borrowings are found in speech of Russians, on the other hand, some onomatops function simultaneously in both languages) are conditioned by the onomatopoeic system universality, which is, in its turn, based on the existence of a sound dominant. The universal nature of the onomatopoeic system also finds its reflection in the model of the sound picture of the world with a man in the centre of it and all the rest sound environments (soundings of plants, of inanimate nature, technical, signal, musical sounds) – on the periphery.

Key words: sound picture of the world; phonosphere; onomatopoeia; multilingual environment.

УДК 81'282.2 (470.53)

О ФАНТОМАХ В ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Мария Владимировна Боброва

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bomaripgu@yandex.ru

Статья касается одного из направлений лингвистического источниковедения – лексикографической критики, оценивающей точность и верифицируемость словарных данных. Проведен краткий обзор работ, посвященных лексикографическим фантомам, – преимущественно трудов трех авторов (И. Г. Добродомова, А. Ф. Журавлева, В. В. Шаповала); рассмотрена единственная работа о фразеологических фантомах (на основе словарей литературного языка), принадлежащая А. В. Жукову. Выявлена актуальная терминология: «мнимое слово», «ложное слово», «слово-призрак», «темное слово», «лексикографические фантомы», «словарные фантомы» и др., а также «фразеологический фантом». Определены основные причины возникновения ошибок, имеющих как собственно лингвистическую, так и экстралингвистическую природу. Намечены пути преодоления неточностей и ошибок при описании лексических материалов в словарях, а также провозглашен основной принцип – тотальный контроль материалов на всех этапах работы с ними. Особое внимание привлечено к проблеме ложных фразеологических данных на диалектном материале. Представлена классификация основных типов фразеологических фантомов (заголовочных, грамматических, семантических) в региональных материалах (диалектных словарях Пермского края). С учетом имеющихся исследований и собственных наработок предложено широкое толкование термина «фразеологический фантом (фразеофантом, псевдофразеологизм)»: словосочетание или сочетание слов, ложно выделяемое как устойчивое либо фразеологизм с ложно определенным грамматическим значением, ошибочно толкуемой семантикой.

Ключевые слова: лексикографическая критика; фразеологический фантом; диалектная фразеография; пермские говоры.

Мы наблюдаем такое состояние лексикографической науки, когда накоплен и опубликован значительный по объему материал, уже издано и еще готовится большое количество словарей. Важна при этом оценка имеющихся источников: многими исследователями отмечается, что они весьма разнятся не только по подходам, но и, к сожалению, по качеству, указывается на необходимость тщательно проверять представленные в них данные. «Составление диалектных словарей обычно сопряжено с целым рядом трудностей, которые лексикографами не всегда удачно преодолеваются, поэтому вполне закономерны претензии критики к надежности словарного материала...» [Добродомов 2011: 183]. Ведется разработка проблем лингвистического источниковедения, в том числе лексикографической критики (ее теоретические аспекты см., например: [Шаповал 2009б]).

Одним из фактов справедливой критики становится проникновение в словарные статьи даже весьма авторитетных, академических изданий многочисленных «фантомов», а именно фиксаций не существующих в реальности языковых единиц. «Фантомы искажают целостную картину языковой действительности, в словарях они часто представляются синонимами действующих слов, они затемняют этимологию устойчивых сочетаний, внося смысловую несурязицу» [Попова 1998: 96]. Встречаются еще более резкие высказывания: «Апофеозом неполноты и противоречивости лексикографического описания является словарная статья, фиксирующая “мнимое слово”» [Шаповал 2009б: 235].

Для описания данного феномена используются термины «мнимое слово», «ложное слово», «слово-призрак» [Ахманова 1969: 222, 425], «призрачное слово» [Добродомов 1998, 1999,

2005, 2007], «темное слово» [Чернышев 1970], «лексикографический фантом» [Журавлев 1995, 1998, 2000, 2001a, 2001б, 2002a, 2002б], «словарный фантом» [Попова 1998; Шаповал 2001, 2002], «фантомы» [Шаповал 2009a], «фантомный диалектизм» [Шаповал 2010б], а также «несуществующее», «фантастическое» слово (И. Г. Добродомов), «слово-фантом» (А. Н. Шаламова), «мнимое слово» и «лексикографическая фикция» (А. М. Молдован), «псевдонеологизм», «псевдогапакс» (Л. Ю. Астахина) [см.: Крючкова 2009]. Существует также понятие «лексические фантомы», обозначающее лексемы с отсутствующим денотатом (предложен Б. Ю. Норманом), однако оно последовательно применяется его автором и другими лингвистами только в области политического дискурса (см., например: [Норман 1994]). Так, представитель одного из подходов (в узком понимании) считает, что: «Темные, часто бессмысленные слова являются следствием ошибочного чтения источников, неточной записи слышанного или искаженной еще до чтения передачи слов на письме и печати» [Чернышев 1970: 317].

Проблема «нереальных» слов, толкуемых в словарях, не нова и обратила на себя внимание не только отечественных лексикографов. Обнаруживаем, в частности, такое мнение: «Přesvědčil jsem se, že sbírky nářečních slov obsahují někdy i slova, kterým nelze věnovat důvěru» («Я убедился в том, что в собрания диалектных слов включают порой и слова, которым нельзя доверять») [Maček 1968: 7]. О. Н. Трубочев отмечал как перспективу развития лексикографии следующее: «Весьма полезно было бы получить в будущем для каждого языка объединенный в одном издании свод, который бы включал критически обработанные [выделено нами. – М. Б.] материалы по областной лексике, т. е. в первую очередь материал всех соответствующих публикаций, пополненных при возможности дополнительными изысканиями (ср., например, план, разработанный Ф. П. Филиным)» [Трубочев 1961: 203].

«Мнимые слова» обнаруживаются исследователями в разнообразных источниках: в словарях литературного языка (в том числе в семнадцатом издании «Словаря современного русского литературного языка»), словарях социальных и территориальных диалектов.

Высказываемая критика актуальна: «Для полноты и ясности словаря русского языка, как и всякого другого, необходимо прилагать значительные усилия к сокращению области слов и выражений, темных в отношении истории, этимологии и значения. Темные словоупотребления неприятны, как пятна на пестрой, яркой и выра-

зительной лексической ткани языка. Они портят тексты, затрудняют мышление, наталкивают говорящих и читающих на ложные идеи и заключения» [Чернышев 1970: 303].

И критика, безусловно, приносит свои результаты. Так, серия работ А. Ф. Журавлева по материалам «Словаря русских народных говоров» (выпуски 1–7 опубликованы, 8 и 9 находятся в печати) вызвала конструктивный отклик С. А. Мызникова [см.: Мызников 2006]. Но тем сложнее работа по выявлению «слов-призраков», что это, по сути, «уникальные случаи, которые не всегда или не вполне укладываются в схемы проверки данных, разработанные в традиционной текстологии и источниковедении» [Шаповал 2002].

Критерии поиска и причины обнаружения подобных фактов разнообразны. В качестве причин ошибок называют: трудности интерпретации однократно зафиксированного слова, изолированного с точки зрения словообразования; бедность иллюстративного материала; накопление неточностей при копировании рабочих записей даже ординарных слов в процессе лексикографической обработки или же по мере аккумуляции материала разных регионов в рукописи сводного словаря; визуальное смешение букв или их элементов при копировании записи диалектного слова [см.: Шаповал 2009в: 152]; неясность морфемного членения; отсутствие производных слов; наличие синонима с немотивированным отличием в записи [см.: Шаповал 2010а: 69]. «В ряде случаев можно предполагать, что автор словаря не располагал адекватным материалом для описания слова или понял этот материал неадекватно» [Шаповал 2009б: 235]. Положение усугубляется тем, что многие из перечисленных причин допускаемых ошибок выступают в комплексе.

Особенно остро ставится вопрос о «мнимости» («призрачности», «фантомности») заголовочных слов, представленных в словарях социальных и территориальных диалектов: «Специфика словаря как текста приводит к тому, что слово, стоящее “с правой стороны”, наиболее подвержено воздействию ошибок: во-первых, это зачастую малоизвестное слово, потому оно и является толкуемым, во-вторых, слово, поставленное в алфавитный ряд, скорее всего не встретится в словаре второй раз, то есть ошибка, раз возникнув, может быть исправлена только на основе внешних источников. Сам словарь не только не обладает ресурсами для исправления слова, но уже самим фактом помещения слова справа подтверждает выбранное написание слова и символически узаконивает его существование. Если мы говорим о периферии словарного состава

русского языка, то есть жаргонной и сниженной лексике, то указанные опасности заметно возрастают. Словари жаргона вообще ориентированы на отбор редких слов, а среди них и слов необычного вида. Кроме того, очевидно, что трудно представить себе эксперта, который одинаково глубоко вник в специфический и изменчивый неформальный словарь различных групп артистов, библиофилов, бизнесменов, воров, картежников, коллекционеров, компьютерщиков, кришнаитов, летчиков, милиционеров, моряков, наркоманов, политзаключенных, риэлторов, спортсменов, хиппи, школьников и т. д. Поэтому составителю словаря, как правило, требуется приложить немало целенаправленных усилий, чтобы преодолеть, так сказать, обаяние жаргонной экзотики и “презумпцию реальности” уникального слова, заявленного в источнике, даже если его описание вызывает законные сомнения» [Шаповал 2002].

Многочисленность примеров недостоверности лексических материалов подводит к мысли о том, что, «прежде чем ставить вопрос о границах распространения слова в определенном территориальном или социальном варианте русского языка, в том или ином его стилистическом пласте, необходимо решать несправедливый вопрос о реальности слова, представленного только в словарных источниках» [Шаповал 2001: 26].

Способы преодоления проблемы словарных фантомов не менее разнообразны, чем причины их появления, хотя «процедура проверки, особенно исправления такой словарной записи, представляется весьма непростой. При этом статус “ошибки” в каждом отдельном случае нуждается в тщательном уточнении: это может быть и реальное диалектное слово, не фиксировавшееся ранее по причине его малоупотребительности, и результат ослышки при фиксации или описки при копировании рабочей записи; иногда это оказывается неверной трансформацией общеизвестного слова, впервые встреченного неопытным собирателем диалектного материала именно в местной речи. В любом случае представляется важным следующий принцип: исправлять, т. е. менять, полевой диалектный материал, представленный в словаре, можно только на основе другого материала, сохраняя и исходную запись, которая должна быть помечена как ошибочная. При этом приходится признать, что абсолютно объективных критериев для сравнения доказательной силы различных иллюстративных примеров до сих пор не выработано» [Шаповал 2010а: 69].

«В исключительных случаях, когда тексты могут быть проверены по первоисточнику или вторяются в вариантах, решение сомнительных

чтений и толкование темных слов значительно облегчаются показаниями этих источников. В общем же и здесь, как и для других случаев выяснения темных русских слов, необходимы словари языка современного, старого и областного гораздо более полные, чем мы имеем» [Чернышев 1970: 317]. Исследователями подчеркивается, что «...возможности сплошного контроля материала по определенным формальным параметрам заметно облегчаются автоматическим поиском по электронной версии. В целом этот инструмент превосходит ручную выборку по надежности и оперативности и позволяет учитывать значительный объем материала» [Шаповал 2010б: 168]. Кроме того, «для значительного запаса темных слов русского языка нетрудно установить важнейшие группировки в зависимости от причин их происхождения» [Чернышев 1970: 303].

Автор настоящей публикации имеет непосредственное отношение к лексикографированию и не понаслышке знает о проблемах, так подробно развернутых выше. Наименее сложно в этом отношении составление учебных терминологических тезаурусов для самостоятельной работы студентов, осуществляемое с опорой на многочисленные источники. Но обработка материалов диалектологических экспедиций (расшифровка полевых записей, сделанных в сельских населенных пунктах Пермского края, формирование картотек проектируемых и находящихся в процессе создания словарей, электронная обработка данных), а затем описание диалектной лексики в ходе составления словарных статей для «Акчимского словаря» (выпуски 5, 6), «Словаря русских говоров севера Пермского края», для серии публикаций «Материалы к “Фразеологическому словарю русских говоров севера Пермского края”» [Боброва (Богачева) 2010; Богачева 2011] требует согласиться со всем сказанным нашими предшественниками.

Последние наши исследования связаны преимущественно с изучением местной фразеологии. К сожалению, и в области диалектной фразеологии мы неоднократно сталкивались с фактами недостоверности лексикографирования, но в первую очередь – с необходимостью преодолевать ее в процессе собственных изысканий. В отношении таких единиц, полагаем, уместно было бы использовать понятия «фразеологический фантом» (вслед за В. П. Жуковым) либо «фразеолофантом», «псевдофразеологизм».

Единственная работа, непосредственно связанная с интересующим нас вопросом, принадлежит В. П. Жукову и построена на фактах современного русского литературного языка. Ее автором вводится термин «фразеологический фантом», под которым предлагается понимать

«воспроизводимые словосочетания (сочетания слов), по некоторым формальным признакам напоминающие фразеологизмы, но в действительности ими не являющиеся» [Жуков 2009: 58].

В. П. Жуков оговаривает то, что им предприняты еще только первые шаги на подступах к данной проблематике и он «ограничился иллюстрацией наиболее характерных случаев мнимой фразеологичности» [там же: 60]; исследователь упоминает как предшественника лишь Д. Н. Овсянико-Куликовского: «Интересные замечания о *формальности, фиктивности и мнимости* в языке в связи с развитием грамматических категорий находим в «Синтаксисе русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского (СПб., 1912. С. XXXIII)» [там же: 60].

В работе В. П. Жукова выделено 4 группы псевдофразеологизмов: «Одна часть из них [1]² близко смыкается с периферийными фразеологическими явлениями (*в обнимку, с азов, без шуток* и под.), другая часть по воле отдельных исследователей и составителей словарей искусственно наделяется знаком фразеологичности по формальным [2] или фиктивным [3] основаниям (*/не/ пара, /не/ ровня, /не/ чета, /не/ авторитет; /не/ + x*, где *x* – любой глагольный фразеологизм и под.). Особое место в иллюзорном фразеологическом пространстве занимают [4] потенциальные фразеологизмы (*бежать от себя, взяться рука с рукой, запорошить глаза* и под.), которые, несмотря на свой вполне фразеологический облик, также остаются за порогом русской идиоматики» [там же: 60].

Как видим, в представленной публикации интересующая нас проблема рассматривается в особом аспекте: в частности, в силу специфики материала (данных литературного языка) здесь не так остро стоит вопрос о реальном бытии той или иной единицы в языковой системе, поскольку устойчивые обороты состоят из реально существующих лексем. Главный вопрос, касающийся мнимой фразеологии в литературном языке, – вопрос о статусе выделяемого оборота (как свободного либо связанного сочетания слов или словосочетания). Впрочем, этот аспект крайне актуален и для местных говоров.

Изучив специальную литературу, мы пришли к выводу, что в центре внимания критиков отечественной лексикографии оказывается преимущественно лишь один тип псевдолексем и псевдофразеологизмов – таких, которые мы называем «заголовочными». Изучив диалектные материалы, мы заключили, что фантомы несколько разнообразнее и формируют три группы: фантомы заголовочные, грамматические и семантические – в зависимости от того, достоверность какого плана (функционального, формального, содержательного) при отражении языковой единицы в

словаре вызывает сомнения. Можно при этом усомниться в справедливости употребления понятия «фантом» в отношении единиц с неверно определенными грамматическими характеристиками либо с неверно толкуемым значением, аргументировав это тем, что формально такие языковые факты выделены верно. Однако, с нашей точки зрения, применительно к данным типам «мнимых устойчивых выражений» использование термина также справедливо, поскольку оспариваться может не только факт существования чего-либо как такового, но и соответствие действительности приписываемых ему свойств. Точно так же нас заставит усомниться сообщение в СМИ о том, что обнаружен летающий слон с крыльями, слон, который умеет выполнять салто-мортале, слон, который залегает в спячку, соорудив предварительно берлогу, или что все слоны обладают способностью общаться телепатически. Вывод будет однозначен: «Газетная утка!», «Сказки!», «Вымысел!», в то время как сам факт существования слонов останется по-прежнему неоспоримым.

Имеющийся опыт позволяет нам предложить такую классификацию основных видов псевдофразеологизмов в диалектологических работах⁴.

1. Заголовочные фразефантомы:

1) обнаруживающие нарушения норм орфографии, например: *в б згодь* ‘очень пьяный’ [СПГ 1: 30] (часто фразеологичность приписывается наречным сочетаниям слов);

2) обнаруживающие ошибочную интерпретацию функции оборота речи, например: *как с лье* ‘о жестких, прямых волосах’ (*Были бы кудрявы да легки, а то как сильё, твердые, как у лошаде*) [Прокошева: 336]³ (нередко фразеологичность приписывается сравнительным оборотам, особенно часто – при глаголах движения);

3) обнаруживающие ложное наделение идиоматичностью и / или воспроизводимостью в речи, например: регулярно воспроизводимая конструкция *к слый об бок* ‘подберезовик, раскисший от дождя или от старости’ (*Кислы обабки я не беру: ни на чё они негодны*) [там же: 240], ср. *кислый* ‘мягкий, разбухший’ [СПГ 2: 390]; невоспроизводимая и неидиоматичная конструкция *сух я в блочка* ‘о стройной, худощавой женщине’ (*Во мордочка! Сбежалася, как сухая воблочка*) (из рукописи 5-го выпуска «Акчимского словаря»; по указанным соображениям из корпуса словаря оборот был исключен);

4) обнаруживающие неоправданное расширение сочетаний лексем за счет включения стержневых слов в словосочетание и последующее приписывание обороту фразеологичности, ср.: *в сердц x сойт съ* ‘по любви’ (*Катюшеньку каждую ночь провожал паренёк молодой, познако-*

мились и в сердцах сошлись, и решили друг друга любить) [СРГЮП 3: 148] (полагаем, что в данном случае указанное значение свойственно лишь наречной конструкции *в сердцах*);

5) обнаруживающие несоответствие компонентов заголовочного ФЕ иллюстративному материалу, например: *сквозь з бы (з бки)* ‘тихо, невнятно’, ‘надменно, свысока’, в то время как во всех цитатах встречаем *скРозь* [Прокошева: 141];

6) обнаруживающие неверное членение компонентов конструкции, например: *за подруки* ‘под руки’: *Меня к жениху-ту двое вывели, за подруки* [СРГКПО: 190], где мы предполагаем ошибочное переразложение двойного предлога *за-под*;

7) обнаруживающие неправильное прочтение рукописных материалов (смешение рукописных знаков), например: *сбить (сбив ть) с пахтей* ‘сбить с толку’ [Прокошева: 321] вместо *сбить (сбив ть) с пахней*.

2. Грамматические фразеофантомы:

1) обнаруживающие несоответствие грамматической формы толкования форме толкуемого фразеологизма, например: *в пёню ст вить* ‘упрекнуть в чем-либо, обидеть’ [там же: 357] (видовое несоответствие глаголов в ФЕ и в толковании), *в разб ге* ‘шататься будучи пьяным’ [СПГ 2: 258] (толкование наречного сочетания через глагольную конструкцию);

2) обнаруживающие неверное определение грамматического статуса оборота (в частности, неразличение фразеологических и наречных сочетаний, что нередко поддерживается неверным написанием наречий – раздельным вместо слитного), ср. выше: *в б згодь, в разб ге, за подруки*;

3) обнаруживающие неразличение частиц *не* и *ни*, например: *не за соб й не перед соб й* ‘совсем никого нет’ [Прокошева: 328], *не п сен не б сен не знать* ‘быть молчаливым, замкнутым’ [там же: 139].

3. Семантические фразеофантомы⁵:

1) обнаруживающие толкование, не соответствующее, а иногда противоречащее смыслу ФЕ, например: *бить др би* ‘заниматься счислением дробей’: *Я на печке на дошиэчке дробы бить училася. Я не знаю, почему измена получилася* [Богачева 2010: 161] (ср.: *бить др би* ‘танцевать, выстукивая ритм танца ногами’ [СРГСПК 1: 101]); *наговор ть нед лю с четверг (с четверг м)* ‘наговорить правду’ (*Придет, наговорит неделю с четвергом, верьте ему*) [СПГ 1: 544];

2) обнаруживающие следование за прямым значением или формой входящих в ФЕ компонентов, ср.: *друг-н другу зак жешиь* ‘запретишь’ [СПГ 1: 288] (в соответствии с цитатой более точной была бы, например, формулировка ‘больше не захочется’: *Возьми-ко у меня без спроса –*

так отчихвостью, друг-недругу закажешиь);

3) обнаруживающие сужение / расширение дефиниций, например: ср. *д нъги выпев ть* ‘исполнять величальные песни гостям свадьбы’ [СРГКПО: 71] и ‘исполняя свадебные величания, получать от гостей плату’ [ЭССТСП: 40]; *прогол сная п сня* ‘протяжная песня’ [СПГ 2: 95], ‘протяжная песня, исполняемая в несколько голосов’ [Прокошева: 269] и ‘длинная песня’ [СРГЮП 2: 317]; *язык затопт ть* ‘не начать вовремя говорить по какой-либо причине’ [СПГ 1: 312], ‘не начать говорить вовремя’ [Прокошева: 133] (иллюстрации подводят к мысли, что упущено принципиально важное указание на субъекта действия: так говорят исключительно о детях, которые начинают рано ходить; по народным наблюдениям, дети, развитые физически, обычно отстают в развитии речевом);

4) обнаруживающие неразличение прямых / образных (метафорических) номинаций, например: *крап ва ж лкая* ‘язвительный человек’ [там же: 182] и ‘о язвительном человеке’ [СПГ 1: 433]; *ш бный язык* ‘нев्यразительная речь’ [Прокошева: 430], ‘нев्यразительная, неправильная речь’ [СПГ 2: 571], ‘о дефектной речи, а также о человеке с какими-либо дефектами речи’ [АС 6: 260].

С критикой грамматической подачи фразеологизмов в диалектных словарях ранее выступала И. А. Кобелева. Фразеограф интересовал грамматический аспект русской диалектной фразеологии. Тем не менее и в этой работе (на наш взгляд, с неизбежностью) прозвучали некоторые критические замечания: в частности, отмечается, что «разрозненная подача видовых разновидностей фразеологических единиц, имеющих в составе глагольный компонент, может в некоторых случаях повлечь за собой и различия в толковании этих единиц» [Кобелева 2007: 25], указывается на случаи ошибочного выделения в качестве самостоятельных форм множественного числа именных сочетаний [там же: 27], на примеры несоотнесенности значений совершенного / несовершенного вида, переходности / непереходности, возвратности / невозвратности, личного / безличного значений в глагольных фразеологизмах [там же: 30–32]. Автор справедливо пишет: «Такое оформление глагольно-пропозициональной фразеологии затемняет реальные субъектно-объектные отношения между фразеологизмом и его словесным окружением» [там же: 32].

Замечания И. А. Кобелевой убеждают нас в верности излагаемых здесь построений и в логичности выделения в качестве особого вида – грамматических фразеофантомов.

Рассмотренные факты позволяют развести заголовочные, грамматические и семантические

фразеофантомы, а как следствие, – дать возможно более точное определение термина «фразеологический фантом (фразеофантом, псевдофразеологизм)»: это словосочетание или сочетание слов, ложно выделяемое как устойчивое, либо фразеологизм с ложно определенным грамматическим значением, ошибочно толкуемой семантикой.

Полагаем, можно также говорить о стилистических фразеофантамах (ср., например, *стра́шной б куль* ‘говорун’ [Прокошева: 16] и шутливо ‘об озорном, веселом человеке’ [СПГ 1: 17]). Однако сами мы являемся сторонниками отказа от коннотативно-стилистических помет в словарях, поскольку практика показывает, что точная идентификация стилистических характеристик языковых единиц де-факто невозможна. Они определяются непосредственно в речи, с учетом интонационного рисунка, многочисленных экстралингвистических факторов (жестов, мимики говорящего, социального контекста и др.), а между тем составитель словаря располагает, как правило, одними только картотечными материалами. В абсолютном большинстве случаев нет возможности восстановить контекст в полной мере, поэтому указанного рода пометы в словарях теперь уже обычно не даются во избежание их приблизительности, недостоверности и авторской предвзятости. И мы говорим о стилистических фразеофантамах лишь теоретически, задавая перспективы для других исследователей, располагающих большими возможностями. По этим же причинам данный тип псевдофразеологизмов проигнорирован в предложенном выше определении термина.

Итак, несмотря на то что количество авторов, поднимающих проблему достоверности лексикографических источников, невелико, даже в известных нам немногочисленных работах она звучит достаточно остро. К настоящему моменту в лексикографической критике выработана актуальная терминология, описывающая сложившуюся ситуацию, авторами обозначены пути преодоления неточностей и ошибок при описании лексических материалов в словарях.

Опыт работы с региональной фразеологией позволяет поставить вопрос об уместности критики фразеографии (прежде всего диалектной), выделить определенные типы псевдофразеологизмов (заголовочные, грамматические, семантические) и их виды.

Реализуя перспективы заявленной проблематики, в дальнейшем подробнее рассмотрим выявленные виды диалектных фразеологических фантомов. Как и в настоящей статье, в качестве материала для исследования мы намерены при-

влекать лексикографические источники одного региона, а именно те, в которых описываются русские говоры Пермского края.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-34-01043а1, 14-04-00437а).

² Вставки с порядковой нумерацией типов фразеологических фантомов наши. – М. Б.

³ В цитатах сохранена орфография и пунктуация, предложенные авторами словарей.

⁴ Подробнее см.: [Боброва 2014].

⁵ Рассматривая лексемы с неверно истолкованной семантикой исследователи обычно ограничиваются констатацией «ошибки», «ошибочности» элементов словника [Добродомов 1975; ср.: Крючкова 2009].

Список источников (с сокращениями)

АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6 вып. Пермь, 1984–2011.

Прокошева – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002.

СПГ – *Словарь* пермских говоров: в 2 т. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006.

СРГСПК – *Словарь* русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1: А–В.

СРГЮП – *Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010. Вып. I (Абалтус – Кычига).

ЭССТСП – *Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье; Соликамск; Березники; Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004.

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. 608 с.

Боброва М. В. Фразеофантомы в диалектных словарях Пермского края // Известия Уральского федерального университета. Екатеринбург, 2014. №2 (127). С. 157–171. (Сер. 2. Гуманитарные науки).

Боброва (Богачева) М. В. Материалы к «Фразеологическому словарю русских говоров севера Пермского края» II // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования. Пермь, 2011. Вып. 3. С. 224–239.

Богачева М. В. Материалы к «Фразеологическому словарю русских говоров севера Пермско-

го края» // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования. Пермь, 2010. Вып. 2. С. 153–180.

Добродомов И. Г. Арготические глаголы с маскировочным суффиксом *-ма-* в лексикографии // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. тр. Арзамас, 2011. С. 183–188.

Добродомов И. Г. Как появляются и живут «призрачные» слова // *Palaeoslavica*. VI. Cambridge; Massachusetts, 1998. P. 273–280.

Добродомов И. Г. О «призрачных» словах // Русская речь. 1999. №1. С. 101–106.

Добродомов И. Г. Проблемы филологической достоверности слова в словарях // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. М., 1975. Вып. 4. С. 29–327.

Добродомов И. Г., Шаповал В. В. О призрачных словах у лексикографов // *Ogrod nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2005. С. 147–154.

Добродомов И. Г., Шаповал В. В. Стрёма! (Из историко-лексикологических маргиналий к одному лексикографическому проекту) // Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность. СПб., 2007. С. 183–210; URL: <http://www.argotism.ru/works/dobrodomov-shapoval-07a.htm> (дата обращения: 27.09.2012).

Жуков А. В. Фразеологические фантомы в русском языке // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. №51. С. 57–60.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А-З // *Dialectologia slavica*: сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995. С. 183–193.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 2: СРНГ, И-К // Слово и культура: Памяти Н. И. Толстого. М., 1998. Т. 1. С. 93–104.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 3: СРНГ, Л-М // Слово во времени и пространстве (К 60-летию проф. В. М. Мокиенко). СПб., 2000. С. 265–282.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 4: СРНГ, Н-О // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001а. С. 265–281.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 5: СРНГ, О-П // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002а. С. 382–389.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 6: СРНГ, П // Известия Уральского государственного университета. 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. История, филология, искусствоведение. Екатеринбург, 2001б. С. 172–178.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 7: СРНГ, П // Исследования по славянской

диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002б. С. 120–131.

Кобелева И. А. Русская диалектная фразеология: грамматический аспект (на материале словарей говоров Русского Севера). СПб.: Наука, 2007. 200 с.

Крючкова Л. Л. К вопросу о филологической достоверности информации, содержащейся в словарях // Материалы 60-й науч.-практ. конф. преп. и студ. БГПУ. Благовещенск, 2009. Ч. II. С. 80–85; URL: http://www.arano.ru/system/files/work/k_voprosu_o_filologicheskoy_dostovernosti_i_nformacii_soderzhashcheysya_v_slovaryah.doc (дата обращения: 04.07.2013).

Мызников С. А. Проблема научной достоверности в диалектной лексикографии // *Ad fontes verborum*. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. М., 2006. С. 256–264.

Норман Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура: докл. Третьей междунар. конф. Киев, 1994. С. 53–60.

Попова Н. В. Словарные фантомы как следствие переразложения сложных предлогов // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: тез. докл. межвуз. науч. конф. Вологда, 1998. С. 96.

Трубачев О. Н. Задачи этимологических исследований в области славянских языков // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 33–34. Актуальные проблемы славяноведения. М., 1961. С. 202–210.

Чернышев В. И. Темные слова в русском языке // Чернышев В. И. Избр. труды. М., 1970. Т. 1. С. 303–317.

Шаповал В. В. Воронежские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров» (проблемы лексикографической достоверности) // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010а. №1. С. 66–69.

Шаповал В. В. Графические дублеты в словарях: приемы верификации // Русский язык в научном освещении. М., 2010б. №1(19). С. 158–168; URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/shapoval-10b.htm> (дата обращения: 21.09.2012).

Шаповал В. В. Источниковедение и лексикография жаргона. 2. «Словарные фантомы» // Шаповал В.В. Текст источника как объект анализа для историка и филолога. М., 2001. С. 13–37; URL: http://library.by/portalus/modules/linguistics/readme.php?subaction=showfull&id=1106659712&archive=&start_from=&ucat=4& (дата обращения: 21.09.2012).

Шаповал В. В. Новосибирские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров» (вып. 1–

41): проблемы лексикографической достоверности // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2009а. №4. С. 123–126.

Шаповал В. В. Словари жаргона как слепок эпохи. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Schap/04.php (дата обращения: 21.09.2012).

Шаповал В. В. Словарные фантомы. 2002. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=79304> (дата обращения: 21.09.2012).

Шаповал В. В. Словарь как гипертекст и аспекты лексикографической критики // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сб. науч. ст. Вып. 8, т. 1. М., 2009б. С. 233–237; URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/shapoval-09b.htm> (дата обращения: 21.09.2012).

Шаповал В. В. Челябинские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров» (вып. 1–41): проблемы лексикографической достоверности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009в. №35(173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 152–154.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha: Academia, 1968.

References

Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1969. 608 p.

Bobrova M. V. Frazeofantomy v dialektnykh slovarjakh Permskogo kraja [Phraseophantoms in the dialect dictionaries of Perm Krai]. Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta [Proceedings of the Ural Federal University]. Ekaterinburg, 2014. No 2 (127). P. 157–171. (Ser. 2. Humanitarian sciences).

Bobrova (Bogacheva) M. V. Materialy k "Frazeologicheskomu slovarju russkikh govorov Permskogo kraja" II [Materials for the Phraseological dictionary of Russian dialects of the north part of Perm Krai II]. Lingvokulturnoe prostranstvo Permskogo kraja: materialy i issledovanija [Lingvocultural space of Perm Krai: materials and scientific researches]. Perm, 2011. Part 3. P. 224–239.

Bogacheva M. V. Materialy k "Frazeologicheskomu slovarju russkikh govorov Permskogo kraja" [Materials for the Phraseological dictionary of Russian dialects of the north part of Perm Krai]. Lingvokulturnoe prostranstvo Permskogo kraja: materialy i issledovanija [Lingvocultural space of Perm Krai: materials and scientific researches]. Perm, 2010. Part 2. P. 153–180.

Dobrodomov I. G. Argoticheskie glagoly s maskirovochnym suffiksom *-ma-* v leksikografii [Argotic verbs with masking suffix *-ma-* in lexicog-

raphy]. I nezhnjy vkus rodimoj rechi...: Sbornik nauchnykh trudov, posvjashchennykh jubileju doctora filologicheskikh nauk, professora L. A. Klimkovej [And gentle taste of native language...: Collection of scientific articles dedicated to the anniversary of Doctor of Philology Science, Professor L. A. Klimkova]. Arzamas, 2011. P. 183–188.

Dobrodomov I. G. Kak pojavljajutsja i zhivut "prizrachnye" slova [How the "illusive" words appear and exist]. Palaeoslavica. VI. Cambridge, Massachusetts, 1998. P. 273–280.

Dobrodomov I. G. O "prizrachnykh" slovakh [About the "illusive" words]. Russkaya rech [Russian speech]. 1999. No 1. P. 101–106.

Dobrodomov I. G. Problemy filologicheskoy dostovernosti slova v slovarjakh [Problems of philological authenticity of the word in the dictionaries]. Problemy slavjanskoj istoricheskoy leksikologii i leksikografii [Problems of Slavic historical lexicology and lexicography]. Moscow, 1975. Part 4. P. 29–32.

Dobrodomov I. G., Shapoval V. V. O prizrachnykh slovakh u leksikografov [About the "illusive" words of the lexicographers]. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi "Ogrod nauk filologicznych" [The book dedicated to the anniversary of Professor Stanislav Kokhman "Garden of Philology Science"]. Opole, Opole Univ., 2005. P. 147–154.

Dobrodomov I. G., Shapoval V. V. Strjoma! (Iz istoriko-leksikologicheskikh marginalij k odnomu leksikograficheskomu proektu) [Strjoma! (From historical-lexicological marginalia to one of the lexicography project)]. Jedinym pis'men upotreblenijem pamjati podkrepljaetsja vechnost' [The uniform written use of memory supports eternity]. St. Petersburg, 2007. P. 183–210. Available at: <http://www.argotism.ru/works/dobrodomov-shapoval-07a.htm> (accessed 27.09.2012).

Zhukov A. V. Frazeologicheskie fantomy v russkom jazyke [Phraseological phantoms in Russian]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novgorod state university]. 2009. No 51. P. 57–60.

Zhuravlev A. F. Leksikograficheskie fantomy. 1: SRNG, A-Z [Lexicographic phantoms. 1: DRPD, A-Z]. Issledovanija po slavjanskoj dialektologii "Dialektologia slavica": Sbornik k 85-letiju S. B. Bernshtejna [Collected articles to the 85-th birthday of S. B. Bernshtein "Dialektologia slavica": Scientific researches of Slavic dialectology]. 4. Moscow, 1995. P. 183–193.

Zhuravlev A. F. Leksikograficheskie fantomy. 2: SRNG, I-K [Lexicographic phantoms. 2: DRPD, I-K]. Slovo i kul'tura: Pamjati Nikity Il'jicha Tolstogo ["Word and culture": Memories of Nikita Il'jich

Tolstoj]. Vol. 1. Moscow, 1998. P. 93–104.

Zhuravlev A. F. Leksikograficheskie fantomy. 3: SRNG, L-M [Lexicographic phantoms. 3: DRPD, L-M] // Slovo vo vremeni i prostranstve (K 60-letiju professora V.M.Mokienko) [Word in time and space (To the 60-th birthday of Professor V. M. Mokienko)]. St. Petersburg, 2000. P. 265–282.

Zhuravlev A. F. Leksikograficheskie fantomy. 4: SRNG, N-O [Lexicographic phantoms. 4: DRPD, N-O. Issledovanija po slavjanskoj dialektologii. 7. Slavjanskaja dialektnaja leksika i lingvogeografija [Scientific researches of Slavic dialectology. 7. Slavic dialect vocabulary and linguistic geography]. Moscow, 2001a. P. 265–281.

Zhuravlev A. F. Leksikograficheskie fantomy. 5: SRNG, O-P [Lexicographic phantoms. 5: DRPD, O-P]. Avanesovskij sbornik. K 100-letiju so dnja rozhdenija chlena-korrespondenta AN SSSR R. I. Avanesova [Avanesov's collected articles. To the 100-th birthday of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences R. I. Avanesov]. Moscow, 2002a. P. 382–389.

Zhuravlev A. F. Leksikograficheskie fantomy. 6: SRNG, P [Lexicographic phantoms. 6: DRPD, P]. Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Ural state university]. 20. Gumanitarnye nauki [Humanitarian sciences]. Vol. 4. Istorija, filologija, iskusstvovedenie [History, philology, study of art]. Yekaterinburg, 2001b. P. 172–178.

Zhuravlev A. F. Leksikograficheskie fantomy. 7: SRNG, P [Lexicographic phantoms. 7: DRPD, P]. Issledovanija po slavjanskoj dialektologii. 8. Vostochnoslavjanskaja dialektologija, lingvogeografija i slavjanskij kontekst [Scientific researches of Slavic dialectology. 8. East Slavic dialectology, linguistic geography and the Slavic context]. Moscow, 2002b. P. 120–131.

Kobeleva I. A. Russkaja dialektnaja frazeografija: grammaticheskij aspekt (na materiale slovaraj govorov Russkogo Severa) [Russian dialect phraseography: grammatical aspect (on the materials of the dictionaries of the Russian North dialects)]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 200 p.

Krjuchkova L. L. K voprosu o filologicheskoi dostovernosti informatsii, sodержashchejs'a v slovarjakh [To the question of the philological authenticity containing in dictionaries]. Materialy 60-j nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelej i studentov BGPU [Materials of the 60-th scientific and practical conference of the BGPU professors and students]. Blagoveshchensk, 2009. Part II. P. 80–85. Available at: http://www.arano.ru/system/files/work/k_voprosu_o_filologicheskoy_dostovernosti_informatsii_soderzhashchejsya_v_slovaryah.doc (accessed 4.06.2013).

Myznikov S. A. Problema nauchnoj dostovernosti v dialektnoj leksikografii [Problem of scientific au-

thenticity in the dialect lexicography]. “Ad fontes verborum”: Issledovanija po etimologii i istoricheskoj semantike. K 70-letiju Zh. Zh. Varbot [Scientific researches of etymology and historical semantics. By the 70-th birthday of Zh. Zh. Varbot “Ad fontes verborum”]. Moscow, 2006. P. 256–264.

Norman B. Yu. Leksicheskie fantomy s tochki zrenija lingvistiki i kul'turologii [Lexical phantoms from the point of view of linguistics and cultural studies]. Jazyk i kultura: Doklady Tret'ej mezhdunarodnoj konferentsii [Papers of the Third international conference “Language and culture”]. Kiev, 1994. P. 53–60.

Popova N. V. Slovarnye fantomy kak sledstvie pererazlozhenija slozhnykh predlogov [Dictionary phantoms as a result of re-expansion of complex prepositions]. Problemy russkoj leksikologii i leksikografii: Tezisy dokladov mezhvuzovskoj nauchnoj konferentsii 13–15 oktyabrya 1998 g. [Theses of the reports of the interuniversity scientist conference at 13–15 October 1998 “Problems of Russian lexicology and lexicography”]. Vologda, 1998. P. 96.

Trubachev O. N. Zadachi etimologicheskikh issledovanij v oblasti slavjanskih jazykov [Purposes of etymological researches in field of Slavic languages]. Kratkie soobshhenija Instituta slavjanovedenija AN SSSR [Brief reports of the Institute of Slavic studies of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 33–34. Aktual'nye problemy slavjanovedenija [Actual problems of the Slavic studies]. Moscow, 1961. Pp. 202–210.

Chernyshev V.I. Temnye slova v russkom jazyke [Obscure words in Russian] // Chernyshev V.I. Izbrannye trudy [Selected works]. Vol. 1. Moscow, 1970. P. 303–317.

Shapoval V. V. Voronezhskije dialektizmy v “Slovarе russkikh narodnykh govorov” (problemy leksikograficheskoi dostovernosti) [Voronezh dialecticisms in the “Dictionary of the Russian popular dialects” (problems of the lexicographic authenticity)]. Vestnik VGU. Serija: lingvistika i mezhkulturnaja kommunikatsija [Bulletin of VSU. Ser.: Linguistics and intercultural communication]. 2010a. No 1. P. 66–69.

Shapoval V. V. Graficheskie dublety v slovarjakh: priemy verifikatsii [Graphic duplicates in the dictionaries: methods of verification]. Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii [Russian language in scientific interpretation]. No 1(19). Moscow, 2010b. P. 158–168. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/shapoval-10b.htm> (accessed 21.09.2012).

Shapoval V. V. Istochnikovedenie i leksikografija zhargona. 2. “Slovarnye fantomy” [Source study and lexicography of jargon. 2. “The dictionary phantoms”]. Shapoval V.V. Tekst istochnika kak ob'ekt analiza dlja istorika i filologa [Text of the source as

an object of analysis for an historian and a philologist]. Moskow, 2001. P. 13–37. Available at: http://library.by/portalus/modules/linguistics/readme.php?subaction=showfull&id=1106659712&archive=&start_from=&ucat=4& (accessed 21.09.2012).

Shapoval V. V. Novosibirskie dialektizmy v “Slovare russkikh narodnykh govorov” (vyp. 1–41): problemy leksikograficheskoy dostovernosti [Novosibirsk dialecticisms in the “Dictionary of the Russian popular dialects” (Iss. 1–41): problems of the lexicographic authenticity]. Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanitarian sciences in Siberia]. Novosibirsk, 2009a. No 4. P. 123–126.

Shapoval V. V. Slovarei zhargona kak slepok epochi [The jargon dictionaries as an era cast]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Schap/04.php (accessed 21.09.2012).

Shapoval V. V. Slovarnye fantomy [The dictionary phantoms]. 2002. Available at: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=79304> (accessed 21.09.2012).

Shapoval V. V. Slovar’ kak gipertekst i aspekty leksikograficheskoy kritiki [A dictionary as a hypertext

and aspects of lexicographical critique]. Filologicheskie traditsii v sovremennom literaturnom i lingvisticheskom obrazovanii: Sbornik nauchnykh statej [Collection of scientific articles “Philological traditions in the modern literature and linguistic education”]. Part 8. Vol. 1. Moskow, 2009b. P. 233–237. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/shapoval-09b.htm> (accessed 21.09.2012).

Shapoval V. V. Cheljabinskie dialektizmy v “Slovare russkikh narodnykh govorov” (vyp. 1–41): problemy leksikograficheskoy dostovernosti [Cheljabinsk dialecticisms in the “Dictionary of the Russian popular dialects” (Iss. 1–41): problems of the lexicographic authenticity]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk state university]. 2009c. No 35 (173). Filologija. Iskusstvovedenie [Philology. Study of art]. Vol. 37. P. 152–154.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého [Etymological dictionary of Czech]. 2 edition, revised and augmented. Praha: Academia, 1968. 867 p.

ON PHANTOMS IN DIALECTAL PHRASEOGRAPHY: STATEMENT OF THE QUESTION

Mariya V. Bobrova

**Reader in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University**

The article deals with one of directions in linguistic source study, namely lexicographical criticism which evaluates accuracy and verifiability of the materials contained in dictionaries. A short review of the works devoted to lexicographical phantoms (mainly works by I. G. Dobrodomov, A. F. Zhuravlev, V. V. Shapoval) is presented; the only existing work on phraseological phantoms (the work by A. V. Zhukov written on the basis of literary language dictionaries) is discussed. Actual terminology is presented: an “imaginary word”, a “false word”, a “phantom word”, a “dark word”, “lexicographical phantoms”, “dictionary phantoms”, as well as a “phraseological phantom”. The main reasons for mistakes having both linguistic and extralinguistic nature are defined. Some ways of avoiding inaccuracies and mistakes when defining lexical materials in dictionaries are proposed; a total control on the materials at all stages of work with them is declared to be the basic principle.

Special attention is given to the problem of false phraseographical data, for the first time – to that studied on the basis of dialect material. Classification of the main types of phraseological phantoms (including title, grammatical, semantic phantoms) is presented on the local materials (namely on Perm Krai dialect dictionaries). Taking into account existing studies and the author’s own groundwork a broad interpretation of the term “phraseological phantom” (“phraseophantom”, pseudo-phraseological unit)” is proposed. According to the author it is a word combination or a sequence of words wrongly identified as a collocation or a phraseological units with wrongly identified grammatical meaning or wrongly interpreted semantics.

Key words: lexicographical criticism; phraseological phantom; dialectal phraseography; Perm dialects.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ НАУКИ И ЗАДАЧИ НА БУДУЩЕЕ ¹

Лилия Михайловна Пантелеева

к. филол. н., ст. преподаватель кафедры русской и зарубежной филологии

Соликамский государственный педагогический институт (филиал)

Пермского государственного национального исследовательского университета

618540, Соликамск, ул. Северная, 44. liliya_pant@mail.ru

В статье рассматривается история возникновения и развития лингвистического источниковедения как совершенно самостоятельной области языкознания. В периодизации данной науки выделяется два этапа: этап накопления материала и этап разработки теоретических основ новой научной области. На первом этапе, в XVIII–XIX вв., историками языка изучаются и издаются письменные памятники преимущественно древнерусской эпохи. Это обстоятельство позволяет заметить, что круг опубликованных материалов был ограничен в жанровом, графическом, территориальном и хронологическом отношении. На втором этапе, во II половине XX в., лингвистическое изучение внешнего вида и содержания памятников письменности с целью их научного издания стало предметом отдельной науки – лингвистического источниковедения, теоретическая база которой формировалась в рамках работы Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка ИРЯ АН СССР. Несмотря на то что основой лингвистического источниковедения в свое время послужило изучение памятников древнерусского языка, сегодня взгляд лингвистов-источниковедов не обращен исключительно в прошлое. Число и характер источников множатся каждый день, следовательно, главной целью лингвистического аспекта исследований должны стать выработка новых методов анализа лингвистической содержательности и лингвистической информативности памятников письменности и создание единой классификации, под которую могут быть подведены различные параметры древних и современных источников.

Ключевые слова: лингвистическое источниковедение; история русского языка; лингвистическая содержательность; лингвистическая информативность; письменный источник.

Лингвисты придерживаются мнения, что периодизация развития лингвистического источниковедения как отдельной области языкознания содержит два этапа:

1) *этап накопления материала*, связанный с появлением первых публикаций древнерусских памятников письменности и работ по истории русского языка, освещающих общие и частные вопросы развития языковой нормы;

2) *этап становления*, который соотносится с началом разработки теоретических основ новой науки сотрудниками Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка ИРЯ АН СССР [Котков 1980: 5; Копосов 2000: 3 и др.].

Традиция нераздельного изучения истории языка с исследованием древних памятников письменности, в которых этот язык отражается, складывается в отечественной лингвистике еще в XVIII в. Начало лингвистическому изучению

древних памятников письменности было положено М. В. Ломоносовым. При работе над текстом «Русской грамматики» (1755) им исследовались публично-правовые акты киевского и московского периода русского государства с целью сбора грамматического материала [Макеева 1961: 39].

В XIX в. к памятникам древнерусской письменности обращаются представители сравнительно-исторического метода языкознания, одним из основоположников которого был А. Х. Востоков. Глубокое знание языка древнерусских рукописей лежит в основе многих его работ (см., например, «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» (1842), «Словарь церковнославянского языка» (1858–1861), «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам» (1863) и др.). Но более всего важно для нас то, что им были подготовле-

ны к изданию тексты «Изборника великого князя Святослава Ярославича 1073 г.» и древнейшего датированного памятника – «Остромирова евангелия».

Продолжателем научного метода А. Х. Востокова стал И. И. Срезневский. Им издано огромное количество памятников старославянской и русской письменности, сопровождаемых палеографическим описанием и заметками о языке (например, «Древние славянские памятники юсого письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка» (1868), «Славяно-русская палеография XI–XIV вв.» (1885) и др.). К отдельным произведениям древней литературы И. И. Срезневский составлял словари. Позже материалы словарей памятников послужили лексической базой «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1893–1912) [Срезневский 1893: 2].

Изучением древнерусской рукописной литературы занимался русский филолог и искусствовед Ф. И. Буслаев. Ученый хорошо осознавал взаимовлияние «искусственной литературы» и народной словесности: в содержании текстов древних памятников угадывалась связь с особенностями народного быта и мышления [Ключевский 1959: 294]. Много усилий Ф. И. Буслаев прилагал к изданию древних рукописей. Историками языка высоко ценятся «Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из 15 рукописей Московской синодальной библиотеки» (1855), «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» (1861) и другие подготовленные им публикации памятников письменности.

Важные умозаключения в области исторической фонетики, морфологии и синтаксиса русского языка принадлежали А. А. Потебне. Свои высказывания о характере языкового состояния он подкреплял примерами из языка памятников Древней Руси, тем самым обнаруживая глубокие познания в области письменного наследия. По словам В. В. Виноградова, А. А. Потебня «выступил решительным сторонником органического слияния диалектологических изысканий с палеографическими наблюдениями над рукописными текстами» [цит. по: Котков 1974: 173], другими словами, увидел связь между палеографическими особенностями рукописного памятника и характером его языка (однако характер этой зависимости не был им теоретически обоснован).

Недостаточной обоснованностью отличаются и некоторые выводы акад. А. И. Соболевского о межъязыковых связях восточных славян с другими народами, основанные на материалах древних рукописей [Борковский, Кузнецов 1963: 8],

однако важность его работы в плане палеографического описания и издания переводных и оригинальных сочинений не может быть оспорена. Он продолжил работу И. И. Срезневского в области кириллической палеографии (см., например: «Палеографические снимки с рукописей XII–XVIII в.» (1901), «Славяно-русская палеография» (1908) и др.).

С критикой исследовательского метода А. И. Соболевского выступал его современник акад. А. А. Шахматов. Выясняя историю различных языковых явлений, он сравнивал данные памятников письменности с современным состоянием диалектов. Им заложены основы текстологического исследования летописей, определены время и источники создания известных летописных сводов (например: «Исследование о Несторовой летописи» (1890), «Древнейшие редакции Повести временных лет» (1897), «Киевско-Печерский патерик и Печерская летопись» (1897) и др.). По словам А. Е. Преснякова, «Русское летописание развевывалось перед исследовательской мыслью А. А. Шахматова как одно огромное вековое явление, изучить которое – значит распутать сложный клубок взаимоотношений и взаимодействий различных редакций и списков летописных сводов и восстановить историю их последовательного образования с начальных опытов XI века до обширных летописных итогов XVI столетия» [Пресняков 1922: 165].

В XX в. научный интерес к рукописному наследию все более возрастает. Изданием и описанием западнорусских памятников письменности занимается акад. Е. Ф. Карский, чье имя также стало известно в связи с разработкой теоретических основ палеографии. Среди известных работ Е. Ф. Карского – «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век» (1901), «Славянская кирилловская палеография» (1928), «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи» (1829) и др.

Продолжателем идей А. А. Шахматова по сопоставлению данных письменных памятников с фактами живой речи стал акад. В. В. Виноградов. Занимаясь проблемами истории русского литературного языка и его современного состояния, В. В. Виноградов изучил огромное количество рукописных текстов, о чем писал в одной из статей: «В лабиринте памятников я старался не выпускать из рук Ариадниной нити, которой служили для меня свидетельства живых современных говоров. Кроме того, я убежден, что только соединение интенсивного метода исследования памятников с экстенсивным может дать прочные результаты. Поэтому я стремился захватить в круг своего рассмотрения возможно большее

число памятников и старался исчерпать, по крайней мере, для себя каждую рукопись в интересующем меня отношении. Я не отбрасывал, как негодное средство, рукописи религиозно-церковного характера и пользовался ими рядом с оригинальными памятниками: грамотами, актами, летописями и т.п., хотя путь, которым я в том и другом случае шел к анализу живой речи писца, был различен» [Виноградов 1919: 155–156]. На основе наблюдений над языком памятников и живой речью В. В. Виноградов написал такие работы, как «Исследования в области фонетики северно-русского наречия» (1919), «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» (1834), «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка» (1958) и др.

Вопросам исторической фонетики и морфологии посвящены центральные исследования акад. С. П. Обнорского: «Именное склонение в современном русском языке» (1927–1931), «Очерки по морфологии русского глагола» (1953), созданию которых предшествовала работа по палеографическому описанию различных древнерусских памятников и их анализу на разных языковых уровнях. По мнению В. В. Виноградова, основной чертой исследовательской индивидуальности С. П. Обнорского является «стремление к глубоко реалистическому применению сравнительно-исторического метода, сопряженное с исчерпывающим подбором фактов по интересующему вопросу как из истории русского литературного языка – из памятников, так и из живых народно-бытовых говоров, и с методически четкой последовательной оценкой их значения показательности» [Виноградов 1958: 251–252].

Тщательный анализ рукописных текстов – одно из главных направлений деятельности П. Я. Черных. Такие принципы научной организации исследования, как «скрупулезный анализ текста на одном из уровней, соотнесение графических элементов с внутренней структурой рукописи» [Никитин], отразились во многих работах автора и прежде всего в известной статье «Рукописный сборник XVI–XVII столетий (из собрания духовной семинарии)» (1921) и монографии «Язык уложения 1649 года» (1953).

Исследованием памятников в различных аспектах занимались в свое время также И. В. Ягич, М. Д. Приселков, П. К. Симони, С. М. Кульбакич, В. М. Истрин, М. Н. Сперанский, А. М. Арциховский, М. Н. Тихомиров, Р. И. Аванесов, В. И. Борковский, Л. П. Жуковская, П. С. Кузнецов, Н. Б. Бахилина, М. А. Соколова, Я. С. Лурье² и многие другие ученые. Таким образом, к середине XX в. в области издания памятников письменности,

методики описания их внешнего вида и языка было накоплено достаточно большое количество материала. Однако, по замечаниям С. И. Коткова, круг опубликованных источников был ограничен в различных отношениях:

– жанровом (большинство изданных памятников представляли собой публично-правовые акты, летописи и произведения древнерусской литературы; в значительно меньшем количестве были изданы частные акты, письма, делопроизводственные документы);

– графическом (интерес историков языка в большей степени пробуждали памятники уставного и полууставного письма; скорописные же тексты введены в научный оборот в достаточно малом количестве);

– территориальном (к истории русского языка национального периода привлекались только данные памятников северно- и средневеликорусского происхождения; памятники южновеликорусского наречия не учитывались);

– хронологическом (публиковались, как правило, древнерусские источники и источники эпохи великорусской народности, и гораздо меньшее внимание уделялось памятникам эпохи национального развития русского языка и современности) [Котков 1980].

Расширение исследовательского пространства в указанных направлениях начинается с появления работ исследователей из Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка в ИРЯ под руководством С. И. Коткова (1958). Именно с этого времени и появляется название новой лингвистической дисциплины.

Другим направлением в работе Сектора являлась разработка теоретических вопросов источниковедческого аспекта истории русского языка. Обоснование лингвоисторического аспекта исследования памятников было изложено в главной работе С. И. Коткова «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» (1980). В основе нового лингвистического направления, по его мнению, должны лежать два понятия: *лингвистическая содержательность* и *лингвистическая информативность*, значение которых раскрывается ученым следующим образом: «Лингвистическая содержательность – это совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, определяемых его содержанием и отношением данного источника к определенному лингвистическому образованию (языку, наречию, говору), а также степенью познания последнего. Лингвистическая информативность представляет собой определяемую условиями образования источника степень прямой

и косвенной отраженности в нем лингвистической содержательности. Если лингвистическая содержательность – понятие собственно языковое, то лингвистическая информативность имеет отношение прежде всего к внешним средствам выражения языка и внешним условиям его существования (характер графики и орфографии, правописные навыки писцов, уровень и состояние звукозаписывающей техники и т.д.)» [Котков 1980: 10].

Установление центральных понятий лингвистического источниковедения определяется наличием существенной связи между внешними признаками документа и характером его особенностей на разных языковых уровнях в разных языковых аспектах. Другими словами, подчеркивается связь графики с функциональными разновидностями языка, жанровой принадлежностью текста, состоянием правописных норм эпохи, речевым укладом писцов, степенью их грамотности и проч. При этом указанная связь проявляется в виде взаимозависимости, при которой наличие графических особенностей в некоторой степени предполагает существование определенных языковых фактов и наоборот.

Удивительно, но понятия *лингвистической содержательности* и *лингвистической информативности*, впрочем, как и название самой науки, до настоящего времени не отражены в словарях лингвистических терминов [ср.: Ахманова 1966; Языкознание 2000]. На наш взгляд, это связано с тем, что данная наука носит относительно самостоятельный характер. Приемы лингвистического исследования памятников письменности в источниковедческом аспекте в большинстве своем заимствованы из разных наук: палеографии, археографии, исторического источниковедения, истории языка, диалектологии и текстологии. Отчасти, в этом видится результат общей тенденции развития научной работы по изданию и интерпретации памятников: «Все более и более стираются различия и перегородки между учеными, *добывающими* материал, и учеными, это материал *изучающими*» [выделено автором. – Лихачев 2001: 34].

Конечной целью лингвоисторического исследования, по признанию С. И. Коткова, является введение памятников в научный оборот [Котков 1980: 11]. С этих позиций четко осознается принадлежность данной науки к наукам, открывающим непосредственную данность, в противоположность наукам объясняющим [Лихачев 1999: 6].

Принципы и методы лингвистических изданий рукописных материалов разрабатывались сотрудниками Сектора лингвистического источ-

никоведения и исследования памятников языка и были ими опубликованы в 1961 г. в виде «Правил лингвистического издания памятников древнерусской письменности». Это издание не теряет своей актуальности и в настоящее время.

Работа Сектора не останавливалась с момента образования. Его сотрудниками подготовлено большое число лингвистических изданий древнерусских и скорописных текстов XV–XVIII вв.³, периодически издаются сборники статей, а с 1995 г. создается Корпус памятников русской письменности XI–XVIII вв. на электронных носителях.

Сегодня деятельность Сектора осуществляется в рамках Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН под руководством А. М. Молдована⁴. Таким образом, созданное С. И. Котковым научное подразделение до настоящего времени является ведущим в стране центром, осуществляющим систематические всесторонние исследования памятников письменности с целью введения их в научный оборот.

Сделаем немаловажное дополнение: начиная с 50-х гг. XX в. изданием и изучением памятников письменности занимаются не только московские лингвисты. Интерес к языку памятников региональной деловой письменности проявляют ученые из разных научных центров страны: Архангельский пединститут – И. А. Елизаровский, Пермский госуниверситет – Е. Н. Полякова, Вологодский пединститут – Ю. И. Чайкина, Смоленский госуниверситет – Е. Н. Борисова, Томский госуниверситет – В. В. Палагина и др.⁵ Деятельность этих лингвистов, по сути, положила начало формированию целых научных школ, активно функционирующих и в настоящее время.

Что касается современной географии исследований в русле лингвистического источниковедения, то следует признать, что она стала еще более распространенной – вряд ли можно перечислить всех представителей направления. Возросший интерес к лингвоисторическому источниковедению, на наш взгляд, во многом связан с появившейся возможностью доступа к документам в местных архивах. Лингвистов прежде всего привлекают те из них, которые отражают региональные варианты русского языка в разные периоды его истории. Так, вологодские памятники деловой письменности исследуются Л. Ф. Копосовым, И. А. Малышевой, пермские – Л. А. Беловой, Н. В. Логуновой, Л. Л. Мазитовой, тюменские – О. В. Трофимовой, О. И. Головановой, тобольские – М. С. Выхрыстюк, сибирские – Л. М. Гордиловой, А. П. Майоровым и др.⁶

Обращение современных лингвистов к региональным текстам разного времени, кроме того, совпадает с общей тенденцией развития отечественной и зарубежной гуманитарной науки, предметом которой в первую очередь должны стать события повседневности, жизнь провинции, экономические условия жизни различных социальных групп. Историко-философский анализ, например, с этой точки зрения должен быть направлен на осмысление факта как результата проявления не индивидуальной, а общей воли⁷.

Однако и при таком интересе к лингвистическому источниковедению темп развития данного направления на фоне других лингвистических областей все же представляется не очень высоким. Сегодня, когда работа в архивах стала доступнее, а также появилась возможность обращаться к оцифрованным версиям источников, остается нерешенной главная проблема диахронического направления филологических исследований – нехватка кадров [см.: Лихачев 1954: 433; Полякова 2009: 66]. Возникновение подобной ситуации продиктовано, безусловно, внешними факторами.

Внутреннее пространство лингвистического источниковедения тоже не лишено проблем, решение которых становится залогом будущего развития дисциплины. Таким образом, перед лингвистическим источниковедением, как и прежде, стоят следующие основные задачи:

1. Расширение круга источников.

Эта главная и постоянная задача лингвистического источниковедения. Несмотря на то что многие из памятников письменности уже введены в научный оборот, многие из них еще не систематизированы и не описаны архивными работниками. Это значит, что доступ к ним затруднен.

Со временем памятники ветшают и становятся непригодными для чтения, поэтому печатное издание и цифровая обработка письменных свидетельств древности должна производиться еще интенсивнее. Это же касается и современных источников, казалось бы, еще не получивших отпечаток времени: многие из них не предназначены для архивного хранения и могут стать недоступными для изучения в будущем.

Что касается сфер расширения источниковой базы прошлого и настоящего, то направления векторов этой работы могут быть разнообразными, главное, чтобы их длина была максимально большой.

2. Разработка классификации источников, основанной на их лингвистической оценке.

По словам В. Я. Проппа, «В любой науке классификация является основой или предпосылкой, из которой исходят при изучении мате-

риала по существу. Однако сама она есть результат очень длительного и детализированного предварительного исследования» [Пропп 1976: 34]. Необходимость разработки классификации источников, как и первая задача, была обозначена еще С. И. Котковым [Котков 1980: 12], но до сих пор не нашла оптимального решения, хотя исследования в этой области ведутся [см., например: Копосов 2012: 22]. Эта проблема очень важна сегодня, потому что типы источников изменяются и множатся.

3. Расширение аспектов изучения источников.

Как правило, лингвистическое описание текстов источников осуществляется только со стороны лексики (благодаря чему сегодня мы располагаем определенным корпусом словарей лексики памятников письменности), однако фонетика и грамматика памятников пока остаются описанными в гораздо меньшей степени [там же: 23].

4. Разработка новых методов обработки информации.

Поиск новых методов исследования сегодня, как нам видится, должен лежать в плоскости синтеза данных лингвистического источниковедения с данными других наук. Современная тенденция развития лингвистического источниковедения в указанном направлении в целом такова: гетерогенный характер, присущий дисциплине с момента появления, все более усложняется – дисциплина, выросшая на гуманитарной почве, начинает тесное сотрудничество с математикой. Результаты такого взаимодействия пока немногочисленны, но имеют большой потенциал. Например, с середины 1990-х создается уже упомянутый Корпус памятников русской письменности XI–XVIII вв. на электронных носителях, а с середины 2000-х формируются подкорпусы текстов XVIII и XIX вв. в составе Национального корпуса русского языка [см.: Савчук, Сичинава 2009; Оскольская 2009]. Безусловно, использование компьютерных программ по обработке текстовой информации источников – одно из приоритетных направлений развития лингвистического источниковедения.

5. Популяризация результатов исследования.

Выполнение этой задачи обеспечивает реализацию культурно-мировоззренческой функции. Речь идет о научно-популярной работе, важность которой осознавалась давно [Лихачев 1954: 432]. Тем не менее и сегодня это направление следует поддерживать, поскольку во многих случаях до сих пор так и не выстроена эффективная система обмена результатами научных исследований как между специалистами смежных и родственных областей знания, так и между учеными и учите-

лями, учеными и читателями, не занимающимися научной и образовательной деятельностью.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 12-34-01043, 14-04-00437, 14-14-59003.

² См., например: И. В. Ягич «Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями» (1883), «Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русской рукописи 1095–1097 гг.» (1886); М. Д. Приселков «Радзивилловская или Кенигсбергская летопись» (1902), «История русского летописания XI–XV вв.» (1996); П. К. Симони «Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий» (1907), «Памятники старинного русского языка и словесности XI–XVIII столетий» (1922); С. М. Кульбакич «Охридская рукопись Апостола конца XII века» (1907); В. М. Истрин «Александрия русских хронографов» (1893), «Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе» (1920); М. Н. Сперанский «Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности» (1922); А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров «Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1951 г.)» (1953); А. В. Арциховский «Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953–1954 гг.)» (1958); М. Н. Тихомиров «Русское летописание» (1979); Р. И. Аванесов, В. И. Борковский, Л. П. Жуковская, П. С. Кузнецов, Н. Б. Бахилина «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (1955); М. А. Соколова «Очерки по языку деловых памятников XVI в.» (1957); Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV–XV вв.» (1976) и др.

³ См., например: В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов «Изборник 1076» (1965); В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина «Синайский патерик» (1967); С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» (1968); Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова «Грамотки XVII – начала XVIII века» (1969); О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон «Успенский сборник XII–XIII вв.» (1971); Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина «Вести-куранты. 1600–1639 гг.» (1972); С. И. Котков, Н. С. Коткова «Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги» (1977); С. И. Котков, И. С. Филиппова «Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край» (1978); С. И. Котков, Л. Ю. Астахина, Л. А. Вла-

димирова, Н. П. Панкратова «Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край» (1978); С. И. Котков, Н. С. Коткова «Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги» (1982); С. И. Котков, Н. П. Панкратова «Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века» (1964) и др.

⁴ См., например: Г. С. Баранкова «Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция» (1998), Е. М. Верещагин «Из истории возникновения первого литературного языка славян» (1971–1972), И. А. Корнилова «Сперва азъ да буки: пособия по церковнославянскому языку для приходских библиотек» (2007), И. И. Макеева «“Сказание о трех воеводах” в русской письменности XII–XVII в.» (2011), Е. А. Мишина «Настоящее узусное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв.» (2002), А. М. Молдован «“Житие Андрея Юродивого” в славянской письменности» (2000), М. С. Мушинская «Адрианты Иоанна Златоуста в южнославянских и русских памятниках» (2003), А. А. Пичхадзе «Книга Иисуса Сирахова в Изборнике 1076 года» (2003), И. С. Юрьева «Конструкции имамъ, хоцю, начьноу с инфинитивом, или так называемое “сложное будущее I”, в Житии Андрея Юродивого и в древнерусских летописях старшего периода» (2006) и др.

⁵ См., например: И. А. Елизаровский «Лексика беломорских актов XVI–XVII вв.» (1958), Е. Н. Полякова «Шадринская рукопись 1687–1688 гг. как памятник делового языка XVII века» (1968), «Географические названия Вологодской области: Топоним, словарь» (1988), Е. Н. Борисова «Лексика Смоленского края по памятникам письменности» (1974), В. В. Палагина «Материалы для частотного словаря томских деловых документов XVII в.» (1976).

⁶ См., например: Л. Ф. Копосов «Северорусская деловая письменность XVII–XVIII вв.: Орфография, фонетика, морфология» (2000), И. А. Малышева «Явки по сибирским выписям в таможенных книгах XVIII в. как лингвистический источник» (2001), Л. А. Белова, Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова «А про то барону Строганову ведамо было... Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв.» (2006), О. В. Трофимова «Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг.» (2001), О. В. Трофимова, Е. Н. Коновалова «Топографические описания Западной Сибири XVIII века» (2013), О. И. Голованова «Тюменские следственные дела 1782–1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа» (2008), Л. А. Глинкина, М. С. Выхрыстюк «Тобольский лечебник XVII века» (2003), Л. М. Гордилова

«Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. и региональная историческая лексикография» (2004), А. П. Майоров «Региональный узус деловой письменности XVIII в.: по памятникам Забайкалья» (2006) и др.

⁷ Теоретические основы такого подхода были заложены еще в работах основателей Школы Анналов, а сегодня получают второе дыхание в исследовательской методике представителей Нового историзма и феноменологического направления истории.

Список литературы

Ахманова О. А. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 608 с.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 512 с.

Виноградов В. В. Исследования в области фонетики северно-русского наречия: (Очерки из истории звука ʒ в северно-русском наречии) // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1919. Пг., 1922. Т. XXIV, кн. 1. С. 150–245.

Виноградов В. В. Научная деятельность академика С. П. Обнорского: (К 70-летию со дня рождения) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XVII, вып. 3. С. 247–262.

Ключевский В. О. Ф. И. Буслаев как преподаватель и исследователь // Соч.: в 8 т. Т. 8. Исследования, рецензии, речи (1890–1905). М.: Изд-во социально-экон. лит., 1959. С. 288–294.

Копосов Л. Ф. Лингвистическое источниковедение: история и современное состояние // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2012. №3. С. 20–24.

Копосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М.: МПУ, 2000. 287 с.

Котков С. И. В. В. Виноградов о значении и методах исследования рукописных источников // Исследование по славянскому языкознанию: сб., посвящ. памяти акад. В. В. Виноградова / отв. ред. В. А. Белошапкина, Н. И. Толстой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 173–180.

Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980. 294 с.

Лихачев Д. С., Алексеев А. А., Бобров А. Г. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2001. 759 с.

Лихачев Д. С. Итоги и перспективы изучения древнерусской литературы в свете задач построения истории литературы // Известия АН

СССР. Отделение литературы и языка 1954. Т. 13, вып. 5. С. 414–433.

Лихачев Д. С. Что есть истина? // Очерки по философии художественного творчества / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Блиц, 1999. С. 5–8.

Макеева В. Н. История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 176 с.

Никитин О. В. Лингвистическое наследие проф. МГУ Павла Яковлевича Черных (1896–1970). URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43946.php> (дата обращения: 14.10.2013).

Оскольская С. А. Корпус письменных текстов XIX века: сферы употребления и жанровое разнообразие // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 46–51.

Полякова Е. Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 260 с.

Пресняков А. Е. А. А. Шахматов в изучении русских летописей // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1920. Пг., 1922. Т. XXV. С. 163–171.

Пропи В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Фольклор и действительность: избр. статьи. М.: Наука, 1976. С. 34–45.

Савчук С. О., Сичинава Д. В. Корпус русских текстов XVIII века в составе НКРЯ: проблемы и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 52–70.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / сост. И. И. Срезневский. СПб.: Тип. Императорской АН, 1893. Т. I. 1469 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая рос. энцикл., 1998. 685 с.

References

Akhmanova O. A. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Glossary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaja ehnciklopedija Publ., 1966. 608 p.

Borkovskij V. I., Kuznecov P. S. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka [Historical Grammar of the Russian language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 512 p.

Vinogradov V. V. Issledovanija v oblasti fonetiki severno-russkogo narechija: (Ocherki iz istorii zvuka ʒ v severno-russkom narechii) [Research in the field of phonetics north-Russian adverbs: (Sketches from the history of sound ʒ in north-Russian dialect)]. Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti

Rossijskoj Akademii Nauk [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Branch of Literature and Language]. 1919. Vol. XXIV, book 1. P. 150–245.

Vinogradov V. V. Nauchnaja dejatel'nost' akademika S. P. Obnorskogo: (K 70-letiju so dnja rozhenija) [Scientific activity of academician S. P. Obnorski: (To the 70th Anniversary)]. *Izvestija Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i jazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Branch of Literature and Language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. Vol. XVII. Iss. 3. P. 247–262.

Ključevskij V. O. F. I. Buslaev kak prepodavatel' i issledovatel'. Sočinenija: v 8 t. [F. I. Buslayev as a teacher and researcher. Works: in 8 vol.]. Vol. 8. *Issledovanija, recenzii, reči (1890–1905)* [Studies, reviews, speeches (1890–1905)]. Moscow: Publ. of social-economic literature, 1959. P. 288–294.

Koposov L. F. Lingvističeskoe istočnikovedenie: istorija i sovremennoe sostojanie [Linguistics study of sources: history and current status]. *Vestnik MGOU. Serija «Russkaja filologija»* [Herald of MSRU. Series «Russian Philology»]. No 3. 2012. P. 20–24.

Koposov L. F. Severnorusskaja delovaja pis'mennost' XVII–XVIII vv. (orfografija, fonetika, morfologija) [Northern Russian business writing XVII–XVIII centuries (spelling, phonetics, morphology)]. Moscow: Moscow Pedagogical Univ. Publ., 2000. 287 p.

Kotkov S. I. V. V. Vinogradov o značenii i metodakh issledovanija rukopisnykh istočnikov [V. V. Vinogradov on the meaning and methods of research manuscript sources]. *Issledovanie po slavjanskomu jazykoznaniju. Sbornik, posvjashhenyj pamjati akademika V. V. Vinogradova* [Study on Slavic linguistics. Collection dedicated to the memory of Academician of V. V. Vinogradov]. Ed. by V. A. Beloshapkova, N. I. Tolstoj. Moscow: Moscow Univ. Publ., 1974. P. 173–180.

Kotkov S. I. Lingvističeskoe istočnikovedenie i istorija russkogo jazyka [Linguistics study of sources and history of the Russian language]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 294 p.

Likhachev D. S., Alekseev A. A., Bobrov A. G. Tekstologija (na materiale russkoj literatury X–XVII vv.) [Textology (based on Russian literature X–XVII centuries)]. St. Petersburg: Aleteja Publ., 2001. 759 p.

Likhachev D. S. Itogi i perspektivy izučenija drevnerusskoj literatury v svete zadach postroenija istorii literatury [Results and prospects of the study of ancient Russian literature in the light of the challenges of establishing the history of literature]. *Izvestija AN SSSR. Otdelenie literatury i jazyka* [Pro-

ceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Branch of Literature and Language]. 1954. Vol. 13, iss. 5. P. 414–433.

Likhachev D. S. Chto est' istina? [What is truth?]. *Očerki po filosofii hudozhestvennogo tvorčestva* [Essays on the philosophy of art]. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom). St. Petersburg: Blic Publ., 1999. P. 5–8.

Makeeva V. N. Istorija sozdanija «Rossijskoj grammatiki» M. V. Lomonosova [History of the «Russian Grammar» of M. V. Lomonosov.]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 176 p.

Nikitin O. V. Lingvističeskoe nasledie prof. MGU Pavla Jakovleviča Černykh (1896–1970) [Linguistic heritage MSU professor Paul Yakovlevič Černykh (1896–1970)]. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43946.php> (accessed 14.10.2013).

Oskol'skaja S. A. Korpus pis'mennykh tekstov XIX veka: sfery upotreblenija i zhanrovoe raznoobrazie [Corpus of written texts of the XIX century: the sphere of use and variety of genres]. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New Results and Prospects]. St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2009, P. 46–51.

Poljakova E. N. Lingvokul'turnoe prostranstvo Verhnego i Srednego Prikamja: Materialy dlja samostojatel'noj raboty: učeбноje posobie [Linguistic and Cultural Space of Upper and Middle Kama: Materials for independent work: textbook]. Perm State Univ. Perm, 2009. 260 p.

Presnjakov A. E. A. A. Šakhmatov v izučenii russkikh letopisej [A. A. Šakhmatov in the study of Russian Chronicles]. *Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Rossijskoj Akademii Nauk* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences]. 1920. Vol. XXV. P. 163–171.

Propp V. Ja. Principy klassifikacii fol'klornykh zhanrov [Principles of classification of folklore genres]. *Fol'klor i dejstvitel'nost'. Izbrannye stat'i* [Folklore and reality. Featured articles]. Moscow: Nauka Publ., 1976. P. 34–45.

Savčuk S. O., Sichinava D. V. Korpus russkikh tekstov XVIII veka v sostave NKRJa: problemy i perspektivy [Corpus of the Russian texts XVIII century comprising RNC: Problems and Prospects]. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New Results and Prospects]. St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2009, P. 52–70.

Sreznevskij I. I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam [Materials for a dictionary of ancient language on

written monuments]. Comp. by I. I. Sreznevskij. St. Petersburg, 1893. Vol. I. 1469 s.

Jazykoznanie. Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar' [Linguistics. Encyclopedic Dictionary]. Ed.

by V. N. Jarceva. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja ehnciklopedija, 1998. 685 p.

LINGUISTIC SOURCE STUDY: PERIODIZATION AND AIMS FOR THE FUTURE

Liliya M. Panteleeva

Senior Lecturer in the Department of Russian and Foreign Philology
Solikamsk State Pedagogical Institute of Perm State University (branch)

The article discusses history and development of linguistic source study as a completely independent field of linguistics. In its periodization two stages are distinguished: accumulation of material and development of theoretical foundations of the new scientific field.

At the first stage, in the XVIII–XIXth centuries, historians specializing in languages studied and published written monuments of predominantly Kievan Rus' period, so the character of the published materials was confined in various respects: *genre* (most of the published monuments were public law acts, chronicles and works of Old Russian literature), *graphics* (records in uncial and semi-uncial writing were of the most interest to scholars), *territory* (only the monuments presenting northern and central dialects were regarded as those related to the Old Russian language history), *chronology* (the published monuments mainly belonged to the periods of the Old Russian and Great Russian languages).

At the second stage, since the middle of the XXth century linguistic study of external appearance and content of written records for the purpose of their scientific publication has become the subject of an independent science – linguistic source study, whose theoretical foundations were developed within the Department of linguistic sources and written records study of the Institute of Russian language of the Academy of Sciences of the USSR.

Although it was the study of Old Russian written monuments that laid the foundation for linguistic source study, today linguists don't deal exclusively with the past. The number of sources as well as the number of their types increases every day, so the main aim of linguistic source study should be development of new methods for the analysis of linguistic content richness and linguistic informativeness of written records as well as creation of a uniform classification adjusted for different characteristics of early and modern sources.

Key words: linguistic source study; history of Russian language; linguistic content richness; linguistic informativeness; written source.

УДК 811.161.1'367 (045)

ФОРМЫ ИМПЛИЦИТНОГО (СИНТАКСИЧЕСКОГО) ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Б. А. АХМАДУЛИНОЙ

Татьяна Викторовна Кузьмина

аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики

Удмуртский государственный университет

426008, Удмуртская Республика, Ижевск, ул. М. Горького, 68. takan87@yandex.ru

Предметом настоящего исследования являются имплицитные формы выражения времени в поэзии второго этапа творчества Б. А. Ахмадулиной – безглагольные синтаксические конструкции. Обосновывается идея о том, что синтаксическое время – это один из малоизученных до сих пор феноменов, хотя этой проблематики касались в своих трудах В. Г. Адмони, Ш. Балли, А. М. Пешковский и др. Данная статья – лишь часть большого исследования, посвященного изучению темпоральной системы, представленной в поэтическом творчестве Б. А. Ахмадулиной. Основным в работе является функционально-грамматический подход к анализу поэтического материала, который используется в работах А. В. Бондарко. Заметим, что время (темпоральность) в тексте может быть выражено не только глагольными формами (явно, эксплицитно), но и синтаксическими конструкциями, которые не содержат этих форм (неявно, имплицитно). Такие конструкции представляют собой безглагольные двусоставные и односоставные предложения. Целью статьи является анализ безглагольного синтаксиса поэтических текстов Б. А. Ахмадулиной, который имеет свои семантические и грамматические особенности. Безглагольные синтаксические конструкции могут образовывать именные группы, которые, в свою очередь, имеют пропозитивную семантику и являются смысловыми эквивалентами предложения, а предикация в них содержится в свернутом, сжатом виде. Автор статьи приходит к выводу, что в безглагольных синтаксических конструкциях нет конкретного обозначения действия. Это придает неопределенную многозначность подразумеваемой семантике.

Ключевые слова: безглагольная синтаксическая конструкция; поэтический текст; номинативный ряд; синтаксическое время; темпоральность; перцептор; настоящее время; имплицитные формы времени.

Категорию синтаксического времени следует отнести к числу малоизученных феноменов. Понятие синтаксического времени, введенное в отечественную русистику А. А. Шахматовым, в трудах В. В. Виноградова было положено в основу определения предикативности. Этому сложному языковому явлению посвящены многочисленные лингвистические исследования, которые относятся к разным направлениям синтаксической науки. В частности, изучением категории синтаксического времени занимались В. Г. Адмони, Ш. Балли, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова, Г. А. Золотова, С. Г. Ильенко, П. А. Лекант, И. А. Нагорный и др.

В работах А. В. Бондарко и его последователей реализован, прежде всего, подход функционально-семантический и функционально-грамматический, а синтаксические вопросы затрагиваются лишь в той мере, в какой они представляются существенными для изучения функционирования глагольных форм. Тем не менее, как от-

мечает Т. Е. Шаповалова [Шаповалова 2000], труды А. В. Бондарко оказываются в центре внимания синтаксистов, поскольку они определяют общетеоретические подходы к анализу очень важных компонентов предложения.

Данная статья является частью большого исследования, посвященного описанию темпоральной системы, представленной в поэтическом творчестве Б. Ахмадулиной. Поэтому для нас основным является функционально-грамматический подход к анализу фактического материала и методика описания темпоральных значений, использованные в работах А. В. Бондарко [Бондарко 1971а, Бондарко 1999] и «Теории функциональной грамматики» [Теория функциональной грамматики 1990]. В первую очередь наше внимание было сосредоточено на эксплицитно выраженных значениях времени: глагольных формах, существительных и наречиях, выражающих идею времени. Однако без учета имплицитных форм времени, которые используют-

ся в поэзии Б. Ахмадулиной не менее активно, чем эксплицитные, анализ материала оказался бы неполным и односторонним.

На основные случаи выражения темпоральных значений за пределами глагольных форм времени глагола А. В. Бондарко обратил внимание еще в работе «Грамматическая категория и контекст» [Бондарко 1971б], а затем вернулся к этому вопросу на страницах «ТФГ» [Теория функциональной грамматики 1990]. Однако и в той и другой работе оказались исследованными отнюдь не все случаи имплицитно представленных темпоральных значений, не все способы их реализации в контексте, которые, в частности, обнаруживаются в поэтических текстах Б. Ахмадулиной.

Итак, время (темпоральность) в тексте выражается не только глагольными формами (явно, эксплицитно), но и синтаксическими конструкциями, не содержащими этих форм (неявно, имплицитно). Темпоральность выражается посредством конструкций, представляющих собой безглагольные двусоставные и односоставные предложения. Такого рода конструкции рассматриваются Н. Ю. Шведовой. Ср., например, двусоставные предложения: *Отец учитель; Девочка умна; Отец дома* и односоставные предложения: *Ночь; Сколько цветов!; Ни души* [Шведова 1967: 17–24].

Во всех этих случаях значение времени выражено самой синтаксической структурой предложения независимо от того, имеется ли в них соотнесенность с прошедшим и будущим временем, выражаемым глаголом-связкой, или нет. Такого рода структурные типы в широком смысле можно назвать безглагольными [Бондарко 1971б: 38–39].

Данные конструкции выражают значение настоящего времени и соотносятся с конструкциями, включающими формы типа *был, будет*. К существенным особенностям данных конструкций А. В. Бондарко относит их способность передавать те же частные значения, которые выражаются конструкциями с глагольными формами настоящего времени [Теория функциональной грамматики 1990: 46–47].

В числе первых, кто осознал, что разница между высказываниями типа *Зима*, с одной стороны, и высказываниями типа *Была зима, Будет зима* – с другой, «исчерпывается формами времени», был В. В. Виноградов [Виноградов 1950: 114]. Как утверждает М. А. Ломов, Виноградов стоял у истоков широкого подхода к номинативности [Ломов 1994: 220].

На семантические и грамматические особенности безглагольного синтаксиса, широко представленного в поэзии, исследователи давно обра-

тили внимание, начиная с анализа знаменитого «номинативного» стихотворения А. Фета «Шёпот, робкое дыханье...» и заканчивая не менее знаменитым стихотворением А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...», в которых, несмотря на отсутствие глаголов, передаётся движение и изменение природы, воссоздаётся событийный ряд. В частности, о синтаксических особенностях фетовского стихотворения М. Л. Гаспаров пишет: «Все предложения простые, назывные, поэтому их соположение позволяет ощущать соотношения их длины очень четко. Если считать, что короткие фразы выражают большую напряженность, а длинные – большее спокойствие, то параллелизм с нарастанием эмоциональной наполненности будет несомненен» [Гаспаров 1997: 29].

Описывая номинативные (в терминологии автора – односоставные предметные) предложения, А. М. Ломов пронизательно отмечает важные для наших последующих рассуждений моменты, в частности, он пишет о формальной неэксплицированности хронотопа в этих типах предложений, который связан, по мнению исследователя, с тем, что время и место соответствующего «положения дел» не требуют упоминания, иногда они просто очевидны [Ломов 1994: 218]. Далее он поясняет (считаем оправданным привести довольно пространную цитату): «Легко заметить, что сплошь и рядом говорящие (пишущие) не имеют возможности преобразовать «исторические» структуры так, чтобы они оказались переориентированными на абсолютный временной план. Причины этого явления неоднозначны. Прежде всего, здесь даёт о себе знать эстетический фактор. Действительно, если бы мы попытались такого рода процедуру проделать с цепочкой предложений: *Шёпот. Робкое дыханье. Трели соловья*, – назойливо повторяющиеся слова *был, было, были* превратили бы стихотворение А. Фета в некое подобие инвентарной книги, скрупулёзно фиксирующей всё, что имеется на складе, над чем не без основания иронизировал в своё время М. И. Стеблин-Каменский» [там же: 219].

Коммуникативная грамматика по поводу примеров типа *За сценой шум и аплодисменты* (А. П. Чехов) отмечает, что в безглагольном предложении нет предикативного сопряжения между названиями действия и его агенса. Языку нет надобности его предикативно расчленять, потому что эти безглагольные модели не могут быть ответом на вопрос о том, каким видит и слышит воспринимающее лицо наблюдаемое им пространство. Будь это действия, звуки, состояния, наличествующие предметы, – они характеризуют обозначенное одной из локативных форм место или неназванное, но очевидное для адреса-

та речи пространство. Если сравнить выражение действия в глагольной модели и в безглагольной, можно заметить, что в отглагольном имени значение акциональности несколько ослабевает, поскольку имя не передает действия в его процессуально-временной локализованности, в многообразии его грамматически-семантических характеристик [Золотова 1998: 166–167].

В безглагольных синтаксических конструкциях нет конкретного обозначения действия, что придает неопределенную многозначность подразумеваемой семантике. Отсутствие глагола символизирует в поэтических текстах огромность, несоизмеримость выраженного действия – чувства – состояния с теми привычными смыслами, которые связаны с семантикой конкретного глагола [Ковтунова 2005: 282]. Приведем в качестве примера строки из стихотворения «Описание обеда»:

Не мил мне чистый снег на крышах,
Мне тяжело мое чело,
И все за тем, что вещей критик
не понял в этом ничего...
[Ахмадулина 1997: 143]

В них описывается с помощью двусоставных безглагольных конструкций (*не мил снег, тяжело чело*) состояние лирической героини. Полагаем, что время в данном отрывке можно отнести и к конкретному моменту речи, и к ситуации, которая длится неопределенный промежуток времени.

По сути, безглагольные синтаксические конструкции не характеризуют ситуацию «здесь и сейчас», они описывают некое типичное положение вещей, которое повторяется изо дня в день или было когда-то ранее, в прошлом (стихотворение «Биографическая справка»):

Бегом, в Тарусе, босиком, в росе,
без промаха – неоправимо мимо,
чтоб стать любимой менее, чем все,
чем все, что в этом мире нелюбимо...
[Ахмадулина 1997: 138]

В данном четверостишии можно обнаружить несколько безглагольных синтаксических конструкций. Здесь представлены и эллиптическое предложение (*бегом, в Тарусе, босиком, в росе, без промаха – неоправимо мимо*), и двусоставная безглагольная конструкция (*что в этом мире нелюбимо*).

«Присутствие» в наблюдаемом пространстве воспринимающего лица, перцептора, вербализуется авторизирующими средствами, преимущественно словами, называющими сенсорное вос-

приятие [Золотова 1998: 167] (стихотворение «Строка»):

Пластинки глупенькое чудо,
проигрыватель – вздор какой,
и слышно, как невесть откуда,
из недр стесненных, из-под спуда
корней, сопревших трав и хвой,
где закипает перегной,
вздывая пар до небосвода,
нет, глубже мыслимых глубин,
из пекла, где пекут рубин
и начинается природа, –
исторгнут, близится, и вот
донесся бас земли и вод...
[Ахмадулина 1997: 174]

Данный тип восприятия поддерживается словами, называющими музыкальные элементы, – *пластинки, проигрыватель*. Отметим также, что в данном контексте мы обнаруживаем однородные именные ряды (*из недр стесненных, из-под спуда корней... трав и хвой... из пекла*). Позиция в однородном ряду, член которого совпадает с ритмической единицей, обособляет синтаксическую группу, превращает ее в семантически самостоятельную единицу, обозначающую признак.

В приведенном отрывке вычленяется именная номинативная конструкция (*пластинки глупенькое чудо*), двусоставная безглагольная конструкция (*проигрыватель – вздор какой*), а также главная часть изъяснительной конструкции тоже с опущенным глаголом-связкой (*и слышно, как невесть откуда, из недр стесненных, из-под спуда корней, сопревших трав и хвой...*).

Интересно, что в данном стихотворении эксплицитно представленные формы времени *исторгнут, близится, донёсся* (бас), выраженные кратким страдательным причастием прошедшего времени, а также глаголами соответственно настоящего актуального и прошедшего перфектного времени как последовательность сменяющих друг друга ситуаций, одна из которых имеет растянутый процессный характер, предваряются целым рядом форм настоящего, выраженного синтаксически. При этом общее слуховое восприятие, выраженное предикативным наречием *слышно*, далее как бы разлагается на последовательные моменты, связанные с извлечением звука, его нарастающим звучанием и достижением звучности, ощущаемой для перцептора. Связь актуального настоящего, выраженного синтаксически (*глупенькое чудо пластинки, проигрыватель, слышно*), с настоящим, выраженным формами эксплицитного настоящего (*близится*) и прошедшего завершённого, не утратившего для

настоящего своей актуальности (*донёся*), при этом выглядит наиболее гармонично.

Еще В. В. Виноградов заметил, что перечисление в стихах А. С. Пушкина – это способ «объединения характерных признаков, средство сгущения мысли» [Виноградов 1941: 349].

Именные группы в составе членов предложения часто имеют пропозитивную семантику и являются смысловыми эквивалентами предложения. Предикация в них содержится в свернутом, сжатом виде. Имя существительное имеет значение качества или действия (образовано от прилагательного или глагола) [Ковтунова 2005: 289].

Рассмотрим следующий отрывок из стихотворения «Тоска по Лермонтову»:

Внизу так **чист**, так **мрачен** Мцхетский **храм**.
Души его **воинственна** **молитва**.
В ней **гром** мечей, и лошадиный **храп**,
И вечная за эту землю **битва**...
[Ахмадулина 1997: 115]

В приведенном четверостишии вычленяются двусоставные безглагольные конструкции (*так чист, так мрачен Мцхетский храм; воинственна молитва*), соседствующие с конструкциями, которые традиционно рассматриваются как двусоставные предложения, в них опущено сказуемое (*В ней гром мечей, и лошадиный храп, и вечная <...> битва*). Именно они образуют здесь однородный ряд. В этих конструкциях существительные образованы от глагола (гром – гроыхать, храп – храпеть, битва – биться). Многие исследователи подмечают даже эффект сохранения вида в таких существительных. Синтаксические потенции имён действия подробно обсуждаются в монографии В. П. Казакова «Синтаксис имён действия». «Имена действия занимают особое место в подклассе отвлечённых существительных благодаря сохранению в «скрытом» виде временных, аспектуальных и залоговых значений, генетически присущих глаголу» [Казаков 1994]. Исследователь отмечает, что имена действия, «выйдя» из глагола, но сохраняя частично его грамматические признаки и значение действия, оказываются внутренне противоречивым подклассом существительных, занимая как бы промежуточное положение между глаголом и существительным [там же]. Авторы «Коммуникативной грамматики» утверждают, что именно в таких случаях отглагольные существительные берут на себя функцию глагола.

Не менее интересен лексический состав однородных рядов безглагольных конструкций. Как считает О. Н. Панченко, в них входят обычно имена существительные, обозначающие время суток, стихийные явления природы, процессы и

результаты процессов восприятия, физические и психологические состояния человека [Панченко 1981]. Так, в приведенном выше отрывке из стихотворения «Тоска по Лермонтову» вычленяются существительные, обозначающие процесс слухового восприятия: *гром мечей, лошадиный храп*, – здесь то, что слышно перцептору. В приведенном контексте оба существительных могут быть подвергнуты субституции: *в ней гремят мечи, и лошади храпят, и идёт вечная за эту землю битва*, которая со всей очевидностью приводит именно к глаголу в настоящем времени. Интересные замечания по поводу конструкций, о которых идёт речь, находим у В. В. Бабайцевой. Исследовательница полагает, что если в односоставных номинативных предложениях главный член выражен отглагольным существительным, то в них сочетаются семантика акциональности и семантика бытийности [Бабайцева 2004: 80]. Такие конструкции, действительно, не могут быть резко отделены от ядра ФСП темпоральности и составляют, как это указано в [Теория функциональной грамматики 1990: 47], ближнюю его периферию.

Безглагольные синтаксические конструкции могут вклиниваться в описание какого-либо события, давать характеристику одному из действующих лиц (отрывок из стихотворения «Варфоломеевская ночь»):

В ту ночь, когда Святой Варфоломей
на пир созвал всех алчущих, как **тонок**
был плач того, **кто** между двух огней
еще **не гугенот** и **не католик**...
[Ахмадулина 1997: 150]

Мы видим здесь двусоставное предложение (*как тонок был плач того*), но глагольное, с именной частью, выраженной кратким прилагательным (*тонок был*). А уже следующая конструкция – это двусоставное безглагольное предложение (*кто не гугенот и не католик*). Примечательно, что сказуемых в этом случае – два (*не гугенот и не католик*), т. е. вроде бы сам субъект не назван, но описание его расширено за счет использования двух сказуемых. И действительно, здесь передается информация об одном событии (в данном случае – ночной пир), а также характеристика субъекта (*еще не гугенот и не католик*). Субъект, о котором идет речь, заметим, обозначен (есть указание на лицо) с помощью местоимения *кто*, но не назван, а потому трудноопределим. Безглагольное двусоставное предложение передает семантику неполной определенности субъекта. Имя в таком контексте – или действие, или качественный признак. В. В. Бабайцева относит такого типа предложе-

ния к логико-синтаксическому типу характеристики [Бабайцева 2004: 76]. В приведённом отрывке имя означает качественный признак, а прономинализация (неназывание) субъекта описания позволяет автору избежать нежелательной конкретности.

Если попытаться сравнить позиционное положение (ближе к ядру темпоральности – дальше от него) разных по смыслу (семантике) безглагольных синтаксических конструкций, встречающихся в поэтических текстах Б. Ахмадулиной, то можно предположить, что последняя из рассматриваемых конструкций – двусоставное безглагольное предложение *кто не гугенот и не католик* будет, очевидно, ближе по своим структурно-смысловым параметрам и возможностям выражения темпоральности к центральным, ядерным, так как, действительно, здесь соотносительность с морфологическими средствами (был/будет) налицо [Теория функциональной грамматики 1990: 47]. А вот конструкции, проанализированные ранее, *Пластинки глупенькое чудо, проигрыватель – вздор какой*, явно окажутся от центра несколько дальше, поскольку с трудом поддаются обозначенной в ТФГ трансформации. Представить себе конструкцию *Было/будет пластинки глупенькое чудо* или *Проигрыватель был/будет вздором* в нормальной речевой ситуации вряд ли возможно. Здесь оказывается важным не формально-структурное, а смысловое наполнение конструкции, о котором пишет Г. А. Золотова. Она утверждает, что семантическая структура предложения является такой же языковой реальностью, как и грамматическая структура. С точки зрения исследовательницы, важным элементом структуры синтаксической формы является категориально-семантическое значение слова [Золотова 1973].

Можно заметить, что иногда безглагольные синтаксические конструкции обозначают авторскую ремарку, как это обычно бывает в пьесе, в сценарии. Как правило, в текстах Б. А. Ахмадулиной ремарка состоит из разрозненных по содержанию именных номинативных предложений (стихотворение «В том времени, где и злодей...»):

Вступление: ломкий силуэт,
повинный в грациозном форсе.

Начало века. Младость лет.

Сырое лето в Гельсингфорсе...
[Ахмадулина 1997: 152]

В данном случае имплицитно представлено такое неактуальное настоящее, которое близко по своему значению к настоящему сценическому. А. В. Бондарко располагает его на периферии

настоящего неактуального, полагая, что такого типа темпоральные ситуации «в известном смысле нейтральны по отношению к признаку локализованности / нелокализованности действия в рамках настоящего». Как утверждает исследователь, сценическое настоящее «обозначает действие, одновременное не с моментом речи, а с одним из моментов «сценического времени» [Бондарко 1971а: 72]. В данном случае точка отсчёта не локализована, каждый читающий стихотворение воспринимает его в «своём» настоящем, актуализируя, локализуя эту точку отсчёта до своего ощущения «сейчас». Наши рассуждения, как представляется, звучат в унисон с тем, что отмечает и В. В. Бабайцева: «...Большая часть односоставных предложений совмещает в информативной семантике логико-понятийный смысл с наглядно-чувственной образностью, ориентированной на действительность» [Бабайцева 2004: 113]. Следует согласиться и с ее мнением в том, что каждый писатель стремится сделать читателя как бы соучастником событий, помочь увидеть и почувствовать то же, что и персонажи его произведений. В значительной мере этому способствуют односоставные предложения, краткость которых восполняется наглядно-чувственными образами, оживляющими картину [там же: 113].

Игра на актуальном и неактуальном настоящим, да ещё и представленном имплицитно, а значит, намеренно размытом, текущем настоящим, позволяет поэтессе соединить в восприятии композиционное начало (*вступление*) и начальный период времени (*начало века*). При этом сам век точно не обозначен, остаётся домысливать, что это век двадцатый, кроме того, точное обозначение времени (год, месяц) также отсутствует. Актуально только время года – лето, которое и обозначено. Такое восприятие настоящего обусловлено бытийным семантическим ключом.

Пытаясь уловить и правильно осмыслить многогранность значения того настоящего, которое незримо присутствует в приведённом стихотворении, невольно вспоминается высказывание о природе настоящего О. Есперсена в «Философии грамматики»: «Настоящий момент, «сейчас» – это только текущая граница между прошедшим и будущим, она все время движется «вправо» по линии, изображенной на схеме. Однако на практике «сейчас» означает промежуток времени со значительной длительностью, которая сильно меняется в зависимости от обстоятельств; ср. такие предложения, как: *He is hungry* «Он голоден», *He is ill* «Он болен», *He is dead* «Он мертв». Здесь наблюдается то же, что происходит с соответствующим пространственным словом *here*

«здесь», которое в зависимости от обстоятельств имеет самое различное значение («в этой комнате», «в этом доме», «в этом городе», «в этой стране», «в Европе», «в этом мире»)» [Есперсен 1958: 301].

Отдельному рассмотрению подлежит отрывок из стихотворения «Клянусь»:

Тем летним снимком: на крыльце чужом,
как виселица, криво и отдельно
поставленном, не приводящем в дом,
но выводящем из дому...
[Ахмадулина 1997: 141]

В приведенном отрывке из стихотворения «Клянусь» используются конструкции, по своему составу близкие к разговорному типу речи. В них можно обнаружить в скрытом виде неназываемый субъект – наблюдателя и его точку зрения. В данном отрывке перцептор отстраняется от происходящего и ведет рассказ о событиях со стороны. Отметим, что в данном случае описывается некий летний снимок, который был снят давно: об этом свидетельствует употребление указательного местоимения *тот*. Ср.: «Семантически местоимения *тот* и *этот* различаются тем, что *тот* указывает на предмет более отдаленный, уже упоминавшийся в речи, а *этот* – на предмет весьма близкий» [Валгина 2002]. Картина, представленная в данном предложении, предполагает восприятие.

Строка стихотворения «Тем летним снимком...» – это неполное предложение, которое мы вполне можем восстановить до полного с глаголом: «Клянусь тем летним снимком». Поэтический прием в данном случае заключается отнюдь не в употреблении безглагольной конструкции, а в том, что главный член – глагол как бы вынесен за пределы текста. Строку «Тем летним снимком...» с точки зрения выражения категории темпоральности, очевидно, следует отнести к дальней периферии. Здесь значение и семантика времени оказываются неопределенными и передаются определениями, характеризующими снимок – указательным местоимением *тем* и относительным прилагательным *летним*, позволяющим отнести *снимок* (фотографию/яркий образ, запечатленный в стихотворении) к одному из времён года – лету.

Подведем итоги. Безглагольные синтаксические конструкции в поэзии Б. А. Ахмадулиной описывают типичное положение вещей, поскольку в большинстве своем выражают значение настоящего неактуального времени. Подобного рода конструкции являются имплицитными формами выражения времени. Стоит уточнить, что такого рода конструкции с точки зрения их

смысловой и грамматической соотнесённости с эксплицитными конструкциями можно отнести или к ближней периферии категории темпоральности, или к дальней. К ближней периферии можно отнести однородные ряды безглагольных конструкций типа *гром мечей, лошадиный хrap, вечная битва*, представленные у Ахмадулиной и рассмотренные выше, или двусоставные безглагольные конструкции типа *кто не гугенот и не католик*. К дальней периферии, по нашему мнению, следует отнести конструкции типа *пластинки глупенькое чудо, проигрыватель – вздор какой*. Можно заключить также, что безглагольные синтаксические конструкции в поэзии Б. А. Ахмадулиной стремятся к тому, чтобы стать сущностными характеристиками создаваемого художественного мира поэта [Муратова 2014: 49]. Они представляют интерес с точки зрения изучения грамматического построения поэзии. Данные выводы подтверждают мнение других исследователей о том, что поэзия не только дает богатый материал для лингвистического анализа, но и помогает решить многие вопросы структурной организации текста, обогащая науку о языке в целом [Лыхина 2008: 91].

Список литературы

- Ахмадулина Белла. Сочинения. Т. 1. Стихотворения 1954–1979 гг., переводы из грузинской поэзии, рассказы. М.: КОРОНА-ПРИНТ, 1997. 632 с.
- Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004. 512 с.
- Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971а. 238 с.
- Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971б. 116 с.
- Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация времени. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 260 с.
- Валгина Н. С. Современный русский язык. М.: Логос, 2002. 528 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-087.htm> (дата обращения: 05.04.2014).
- Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. 620 с.
- Виноградов В. В. Синтаксис русского языка акад. А. А. Шахматова // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. 414 с.
- Гаспаров М. Л. Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова // Избр. труды. Т. II. О стихах. М., 1997. С. 21–32.
- Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой. М.: Иностран. лит., 1958. 400 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 351 с.

Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Оніпенко, М. Ю. Сидорова. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1998. 528 с.

Казаков В. П. Синтаксис имён действия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 149 с. URL: http://ksana-k.narod.ru/menu/slave/kazakov_1994.html (дата обращения: 13.06.2014).

Ковтунова И. И. Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. Т. 1 / отв. ред. И. И. Ковтунова, Н. А. Николина, Е. Красильникова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2005. 429 с.

Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. 280 с.

Лыхина Е. В. Синтаксическая организация стихотворной речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2008. Вып. 5(21). С. 91–95.

Муратова Е. Ю. Специфика функционирования причастия в поэтическом тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1(25). С. 48–51.

Панченко О. Н. Номинативные и инфинитивные ряды в стихотворной речи (синтаксическая структура, лексико-семантический состав и композиционные функции): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 15 с.

Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1990. 262 с.

Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000, 421 с. URL: http://www.dissland.com/catalog/kategoriya_sintaksicheskogo_vremeni_v_russkom_yazyke.html (дата обращения: 21.06.2014).

Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке: опыт типологии // Русский язык. Грамматические исследования: сб. статей. М.: Наука, 1967. С. 3–77.

References

Akhmadulina B. Sochinenija. T. 1. Stikhotvorenija 1954–1979 гг., perevody iz gruzinskoj poezii, rasskazy [Works. Vol. 1. Poems 1954–1979, translations of Georgian poetry, stories]. Moscow: KORONA-PRINT Publ., 1997. 632 p.

Babajceva V. V. Sistema odnosostavnyh predlozhenij v sovremennom russkom jazyke [System of member sentences in modern russian language]. Moscow: Drofa Publ., 2004. 512 p.

Bondarko A. V. Vid i vremja russkogo glagola (znachenie i upotreblenie) [Aspect and tense of rus-

sian verb (meaning and usage)]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1971a. 238 p.

Bondarko A. V. Grammaticheskaja kategorija i kontekst [Grammatical category and context]. Leningrad, 1971b. 116 p.

Bondarko A. V. Osnovy funkcional'noj grammatiki. Jazykovaja interpretacija vremeni [Basis of functional grammar. Linguistic interpretation of time]. St. Petesburg: St. Petesburg Univ. Publ., 1999. 260 p.

Valgina N. S. Sovremennij russkij jazyk [Modern russian language]. Moscow: Logos Publ., 2002. 528 p. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-087.htm> (accessed 05.04.2014).

Vinogradov V. V. Stil' Pushkina [Style of Pushkin]. Moscow: State Publ. House of imaginative literature, 1941. 620 p.

Vinogradov V. V. Sintaksis russkogo jazyka akad. A. A. Shahmatova [Russian language syntax of academician A. A. Shahmatov]. Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo jazyka [Questions of modern russian language syntax]. Moscow, 1950. 414 p.

Gasparov M. L. Fet bezglagol'nyj. Kompozicija prostranstva, chuvstva i slova [Verbless Fet. Composition of space, feelings and words]. Izbrannye trudy. T. II. O stihakh [Selected works. Vol. II. About poetry]. Moscow, 1997. P. 21–32.

Espersen O. Filosofija grammatiki [Philosophy of grammar]. Perevod s anglijskogo: V. V. Passeka, S. P. Safronova [Translation from English: V. V. Passeka, S. P. Safronova]. Moscow: Inostranaja literatura Publ., 1958. 400 p.

Zolotova G. A. Oчерк funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka [Essay of functional russian language syntax]. Moscow, 1973. 351 p.

Zolotova G. A. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka [Communicative grammar of russian language]. G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Ju. Sidorova. Moscow: Institute of Russian language named after V. V. Vinogradov Russian academy of sciences Publ., 1998. 528 p.

Kazakov V. P. Sintaksis imjon dejstvija [Syntax of actions name]. St. Petesburg: St. Petesburg Univ. Publ., 1994. 149 p. Available at: http://ksana-k.narod.ru/menu/slave/kazakov_1994.html (accessed 13.06.2014).

Kovtunova I. I. Sintaksis poehticheskogo teksta [The syntax of the poetic text]. Pohticheskaja grammatika. Tom 1 [Poetic grammar. Vol. 1]. Ed. by I. I. Kovtunova, N. A. Nikolina, E. Krasil'nikova. Moscow, Publ. center «Azbukovnik», 2005. 429 p.

Lomov A. M. Tipologija russkogo predlozhenija [Typology of russian sentence]. Voronezh: Voronezh State Univ. Publ., 1994. 280 p.

Lыхина Е. В. Синтаксическая организация стихотворной речи [Syntactical organization of poetic speech]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossi-

jskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2008. Iss. 5(21). P. 91–95.

Muratova E. Ju. Specifika funkcionirovanija prichastija v poehticheskom tekste [Specificity of functioning of a participle in a poetic text]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 1(25). P. 48–51.

Panchenko O. N. Nominativnye i infinitivnye rjady v stikhotvornoj rechi (sintaksicheskaja struktura, leksiko-semanticheskij sostav i kompozicionnye funkcii). Avtoref. diss. kand. fil. nauk [Nominative and infinitive series of poetic speech (syntactic structure, lexical and semantic structure, compositional functions). Thesis synopsis of PhD philol. sci. diss.]. Moscow, 1981. 15 p.

Teorija funkcional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost' [Theory of functional gram-

mar: Temporality. Modality]. A. V. Bondarko, E. I. Beljaeva, L. A. Birjulin. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 262 p.

Shapovalova T. E. Kategorija sintaksicheskogo vremeni v russskom jazyke. Diss. kand. fil. nauk [Syntactic category of tense in russian language. PhD philol. sci. diss.]. Moscow, 2000. 421 p. Available at: http://www.dissland.com/catalog/kategoriya_sintaksicheskogo_vremeni_v_russskom_yazyke.html (accessed 21.06.2014).

Shvedova N. Ju. Paradigmatika prostogo predlozhenija v sovremennom russskom jazyke: opyt tipologii [Paradigmatics of simple sentence in the modern russian language: experience of typology]. Russkij jazyk. Grammaticheskie issledovanija: sbornik statej [Russian language. The study of grammar: collection of articles]. Moscow: Nauka Publ., 1967. P. 3–77.

FORMS OF IMPLICIT (SYNTACTIC) EXPRESSION OF TENSE IN B. A. AKHMADULINA'S POETRY

Tatiana V. Kuzmina

Postgraduate Student in the Department of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics
Udmurt State University

The subject of this study are implicit forms of expression of tense in B.A. Akhmadulina's poetry belonging to the second period of her creative work – namely, verbless syntactic constructions. It is substantiated that syntactic tense is one of insufficiently studied grammatical phenomenon, though it was studied by many scholars, such as V. G. Admony, Ch. Bally, A. M. Peshkovsky, V. V. Vinogradov, N. D. Arutunova and others. The present article is only a part of a large research devoted to studying the temporal system represented in B. A. Akhmadulina's poetry. To analyse the poetic works and study their temporal system we use a functional grammar approach borrowed from A. V. Bondarko's works, which determine general and theoretical approaches to analysis of important constituents of a sentence. It is noticed that tense (temporality) in a text can be expressed not only by verb forms (obviously, explicitly) but also by verbless syntactic constructions (implicitly). These constructions are usually verbless binuclear or mononuclear sentences. The aim of the article is to analyse verbless syntax of B. A. Akhmadulina's poetic texts, which has some special grammatical and semantic features. As A. M. Lomov notices, in these sentences chronotope is not explicitly expressed since the time and place of the relevant "state of things" just don't need mentioning, in this case they are obvious. In a verbless sentence, there is not predicative linkage between names for the action and its agent. If we compare expression of action in a verb and verbless models, we notice that actionality slackens a little since a noun doesn't express action in its processual and temporal localization, in diversity of its grammatical and semantic characteristics. Verbless syntactic constructions can form noun groups, which have propositional semantics. Such noun groups are notional equivalents of a sentence. Predication is represented in these sentences in a compressed form. The author comes to the conclusion that verbless syntactic constructions don't provide designation of action, which generates indefinite polysemy. Besides, verbless syntactic constructions don't characterize the «here and now» situation. They describe typical state of things that stays the same day by day.

Key words: verbless syntactic construction; poetic text; nominative line; syntactic tense; temporality; perceptor; present tense; implicit tense forms.

УДК 816.111

САТИР ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» РОЧЕСТЕРА: ОРИГИНАЛЬНОСТЬ НА ФОНЕ АЛЛЮЗИЙ

Анна Владимировна Титова

ассистент кафедры германских языков и методики их преподавания

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46. ttvanna@rambler.ru

В данной статье предпринята попытка анализа оригинальности стихотворения «Сатир против человечества», написанного Джоном Уилмотом, вторым графом Рочестером, за несколько лет до смерти. Излагаются различные взгляды критиков на наличие в сатире аллюзий на произведения античных мыслителей, а также современников Рочестера. Подводятся некоторые итоги анализа оригинальности данного произведения. В качестве доказательства основной мысли автора статьи приводятся отрывки из произведений, сравниваемых со стихотворением Рочестера. В частности, «Сатир против человечества» Рочестера сравнивается с сатирами Никола Буало-Депрео. Кроме того, мысли, высказанные в произведении либертина, схожи с некоторыми положениями из «Опытов» Мишеля Монтеня, философских сочинений Томаса Гоббса и «Максима» Франсуа де Ларошфуко. Выделяются и описываются характерные особенности сатиры поэта-остроумца путем сравнения его стиля и замысла не только с таковыми предшественников и современников, но и последователей. Обосновывается мысль о том, что схожесть взглядов современников не обязательно предполагает заимствование, она может показывать общность взглядов и эрудицию данных авторов. Анализируя мнения исследователей по данному вопросу, можно сделать вывод, что стихотворение либертина оригинально и по форме, и по содержанию, хотя и содержит параллели с произведениями других поэтов.

Ключевые слова: Джон Рочестер; Мишель Монтень; Томас Гоббс; Франсуа де Ларошфуко; Никола Буало-Депрео.

Согласно комментариям, приведенным В. де Сола Пинто к собранию сочинений Рочестера, данная сатира была написана графом около 1675 г. Впервые она упоминалась в письме Джона Верни к сэру Ральфу Верни, датированном 23 марта 1675 г. Однако данное произведение существует в двух вариантах: сокращенной (173 строки) и полной версии (с добавлением еще 51 строки, иногда под заголовком «Постскрипtum»). Постскрипtum периодически печатается отдельно под названием «Дополнение к “Сатиру против человечества”». Названия самого стихотворения также менялись от «Сатира на Человечество» (“Satyr upon Man”), к «Сатиру» (“Satyr”) и, в конце концов, к финальному варианту «Сатир против Человечества» (“A Satyr against Mankind”) [Pinto 1953: 214–215].

Многие литературные критики, анализируя данное произведение с точки зрения его оригинальности, не сходятся во мнении о доле заимствований в нем, однако находят отсылки к нескольким литературным и философским источникам.

Говард Эрскин-Хилл в статье «Рочестер: типичный поэт неоклассического периода английского искусства, или исследователь» говорит о присутствующей в сатире Рочестера аллюзии на «Природу вещей» Тита Лукреция Кара [Erskine-Hill 1966: 54]. В поэме философа мы находим следующие строки:

Силою духа живой одержал он победу, и вышел
Он далеко за предел ограды огненной мира,
По безграничным пройдя своей мыслью и духом
пространствам.
[Лукреций 1958: 27]

В сатире Рочестера встречается тот же образ:

Reason, by whose aspiring influence,
We take a flight beyond material sense,
Dive into Mysteries, then soaring pierce,
The flaming limits of the Universe.
[Pinto 1953: 118]

Однако эта цитата – единственное, что роднит два произведения, так как Рочестер хотя и был

последователем философии Эпикура и Лукреция, но в данном произведении выступает с позиции скептицизма, особенно в вопросах космоса и вселенной и попытках рационального их осмысления.

Джон Гарольд Уилсон в статье «Придворные остроумцы эпохи Реставрации» высказывает мнение, что данная сатира перекликается с поэтическим трактатом Уичерли под названием «Upon the Impertinence of Knowledge, the Unreasonableness of Reason, and the Brutality of Humanity; proving the Animal Life the most Reasonable Life, since the most Natural, and the most Innocent» [Wilson 1967: 136]. Однако далее эта мысль не получила развития и представляется нам как общая тенденция ироничного обращения поэтов-либертинов к теме рационального осмысления мира.

По признанию Джона Гарольда Уилсона в вышеназванной статье, сатира Рочестера напоминает ему портрет автора с обезьянкой в каштановом венке, передающей хозяину вырванный из томика лист. По мнению критика, это может символизировать отношение Рочестера к современной ему поэзии. Похожий образ и настроение мы находим в начальных строках сатиры, где упоминается о трех животных: собаке, обезьянке и медведе:

Were I (who to my cost already am
One of those strange prodigious Creatures Man.)
A Spirit free, to choose for my own share,
What Case of Flesh, and Blood, I pleas'd to weare,
I'd be a Dog, a Monkey, or a Bear.
Or any thing but that vain Animal,
Who is so proud of being rational.
[Pinto 1953: 118]

Пол С. Дейвис в статье «Рочестер и Буало: новое рассмотрение» сравнивает стихотворения Рочестера с сатирами Буало [Davies 1969: 348–355]. В частности, приведенная выше цитата из произведения поэта-либертина перекликается с несколькими произведениями французского поэта-критика. Например, в его IV сатире мы находим следующие строки:

Гнев его похваляю; коли сказать внуже,
Из всей нашей худобы рассудок всех хуже,
Ибо страшит в той час, где веселье блистает,
Совесь угрызая, нам лежать воспрещает.
Он уж безмилосердно поступает с нами,
Будто учитель в школе, стоит за плечами,
Всегда нас журит, но мы о том мыслим мало,
Так как у пола время в казанье пропало.
Ей, всеу казнодей криком тем всечасным
Рассудок над чувством поставляют власным,
За божество на земле вмения, конечно;
Верят, что и в небо он преселит нас вечно,

Мыслят, что той едины добро всяко учит.
Хорош рассудок в книге, читать не наскучит,
И я тож держу: но как кто ни размышляет,
А невежда чаще всех доволен бывает.
[Кантемир]

Та же мысль прослеживается в восьмой сатире Буало, с которой большинство литературных критиков проводят параллель при анализе исследуемого произведения Рочестера:

Из тварей всех, в земле и на земле живущих,
И зрячих и слепых, безгласных и поющих,
Которые ползут и ходят на ногах,
Летают в воздухе и плавают в водах,
От Лимы до Москвы, от Темзы до Терека –
Нет твари ни одной глупее человека.
[Аксаков]

Кеннет Б. Мердок и Джон Ф. Мур спорят о том, является ли данное стихотворение адаптацией восьмой сатиры Буало [Fujimura 1958: 576]. По мнению Мердока, «Сатир против человечества» является «искусной адаптацией поэзии Буало» [цит. по: Moore 1943: 393].

Гарольд Брукс, анализируя стиль Рочестера, замечает: «Сатира является самой вольной из возможных имитаций. Рочестер берет за основу тему стихотворения Буало и не только облекает ее в новую форму, но и вдыхает в нее новую жизнь... одним словом, он имитировал Буало настолько, насколько Буало имитировал латинских сатириков» [цит. по: Davies 1969: 349]. Фактически критик признает, что оба автора, будучи эрудированными людьми, могли просто черпать вдохновение в древних образцах и прийти к одним и тем же выводам.

Несомненно, сравнивая произведения двух авторов, можно найти параллели. Например, в обоих произведениях присутствует уподобление человека животному, причем данное сопоставление происходит в пользу последнего. Однако, в отличие от идеализации, которую мы находим у Буало, Рочестер признает борьбу среди животных. У человека есть одно отличие: у него есть мотив, воля:

Birds, feed on Birds, Beasts, on each other prey,
But Savage Man alone, does Man, betray:
Prest by necessity, they Kill for Food,
Man, undoes Man, to do himself no good.
With Teeth, and Claws by Nature arm'd they hunt,
Natures allowances, to supply their want.
But Man, with smiles, embraces, Friendships, praise,
Unhumanely his Fellows life betrays;
With voluntary pains, works his distress,
Not through necessity, but wantonness.
[Pinto 1953: 121–122]

Ключевым словом в приведенных выше строках становится «предавать». Рочестер противопоставляет инстинктивную войну животного мира и порочную, лицемерную измену, свойственную человеку. В произведении поэта-либертина чувствуются отголоски гедонизма как основы этики направления и любви к философии Гоббса.

Пытаясь доказать, что сатиру Рочестера можно считать самостоятельным произведением, Джон Мур полагает, что оба поэта были знакомы с работами античных мыслителей, в частности Плутарха, и предполагает, что они заимствовали сравнение человека и животного у Менандра, любимого автора Плутарха. В доказательство он приводит цитату из сохранившегося фрагмента греческой комедии «Одержимая» («The Woman Possessed with Divinity»): «If some god should come up to me and say: “Crato, you, after your death, shall again have being anew and you shall be whatsoever you desire – a dog, a sheep, a goat, a man, a horse... Choose what you prefer.” Forthwith, methinks, I’d say: “Make me anything but human.”» [Menander 1921: 357]. Подобную идею Рочестер не мог найти у Буало. Однако Рочестер не полностью заимствует и идеи древнегреческого писателя. Менандр приходит к выводу, что человек, обладающий здравым смыслом, подобен пророку. Подтверждения этой мысли мы не находим у английского поэта-либертина.

Структурно и риторически две сатиры похожи, однако имеются и различия. Для Рочестера диалог как жанр имеет второстепенное значение. Представив оппонента в начале произведения, поэт не возвращается к нему, так как в большей степени заинтересован в идее, заложенной в стихотворении, чем в форме ее донесения. Однако последовательность имеет огромное значение, так как она постепенно ведет к кульминации: отказу от представления, что человек по природе своей разумен и благороден, и признанию того, что страх – основная мотивация всех людских поступков:

Whilst wretched Man, is still in Arms for fear;
For fear he armes, and is of Armes afraid,
By fear, to fear, successively betray’d
Base fear, the source whence his best passion came,
His boasted Honor, and his dear bought Fame.
That lust of Pow’r, to which he’s such a Slave,
And for the which alone he dares be brave:
To which his various Projects are design’d,
Which makes him gen’rous, affable, and kind.
[Pinto 1953: 122]

В стихотворении Рочестера, кроме того, имеются строки, которых не было у Буало, – это

строки об остроумии, рожденные исходя из личного опыта поэта-вольнодумца:

For Witts are treated just like common Whores,
First they’re enjoy’d, and then kickt out of Doores.
[Pinto 1953: 119]

В данных строках горькая ирония автора над самим собой и своими друзьями, придворными поэтами-вольнодумцами. Рочестер подчеркивает, что их больше боялись и ненавидели, чем восхищались.

Таким образом, мы видим, что оба поэта избрали сатиру как форму выражения философского содержания произведения. И хотя отношение двух авторов к одной и той же теме схоже в своем скептицизме, но оно не идентично – при всем многообразии похожих идей они по-разному расставляют акценты.

Говоря об оригинальности стихотворения Рочестера и возможных источниках для него, Крокер также замечает, что, помимо VIII сатиры Буало, поэт-либертин мог черпать идеи в «Максимах» Ларошфуко и в «Апологии Раймунда Сабундского» Монтеня [Davies 1969: 350].

В унисон с мыслью Ларошфуко о том, что «ум всегда в дураках у сердца» [Ларошфуко 2007: 37], Рочестер высмеивает любые попытки возвысить разум до уровня добродетели. Соглашаясь с мнением философа о том, что «...каждому человеку от рождения природа отмеряет предел его добродетелей и пороков» [там же: 48], поэт-либертин завершает свою сатиру следующими строками:

Whose pious life’s a proof he does believe,
Misterious truths, which no Man can conceive.
If upon Earth there dwell such God-like Men,
I’le here recant my Paradox to them.
Adore those Shrines of Virtue, Homage pay,
And with the Rabble World, their Laws obey.
If such there are, yet grant me this at least,
Man differs more – from Man, than Man from Beast.
[Pinto 1953: 124]

Пол С. Дейвис в статье «Рочестер и Буало: новое рассмотрение» делает допущение, что Буало и Ларошфуко могли сами писать в традиции Монтеня. С. Ф. Крокер, как уже было сказано ранее, убежден, что Рочестер заимствовал все идеи у Монтеня [Fujimura 1958: 576]. Он утверждает, что «у Рочестера едва ли найдется главная или второстепенная идея, которая не представлена у Монтеня» [цит. по: Davies 1969: 348]. Следует подчеркнуть, что Монтень оказал значительное влияние на мыслителей Англии XVII в.

Начало сатиры Рочестера перекликается с мнением философа, высказанным в «Апологии Раймунда Сабундского»: «Самомнение – наша прирожденная и естественная болезнь. Человек – самое злополучное и хрупкое создание и тем не менее самое высокомерное. Человек видит и чувствует, что он помещен среди грязи и нечистот мира, он прикован к худшей, самой тленной и испорченной части вселенной, находится на самой низкой ступени мироздания, наиболее удаленной от небосвода, вместе с животными наихудшего из трех видов, и, однако же, он мнит себя стоящим выше луны и попирающим небо» [Монтень 2009: 430].

В доказательство схожести воззрений Монтеня и Рочестера, но не обязательности их заимствования Джон Ф. Мур приводит конкретный пример. Он показывает, что цитату “Man differs more from Man, than Man from Beast”, которая Крокеру служит доказательством заимствования идей Монтеня, оба писателя могли заимствовать у Плутарха, так как в его “Gryllus” («Грилл, или о том, что животные обладают разумом») мы можем найти следующие строки: “For I do not believe that there is such difference between man and beast in reason and understanding and memory, as between man and man” [цит. по: Moore 1943: 394]. Из этой цитаты видно, что оба автора обращались к античным образцам.

Анализируя сатиру Рочестера, Пол С. Дейвис приходит к следующему выводу: «Там, где Монтень атакует разум во имя веры и где Буало атакует отказ от разума, “Я” в первой части стихотворения Рочестера атакует разум во имя либертинизма» [Davies 1969: 352]. Это является еще одним доказательством оригинальности идей поэта-вольнодумца. Подтверждая эту мысль, Дейвис приводит несколько отрывков из сатиры, которых мы не встретим у Монтеня или Буало, в частности:

And honesty’s against all common sense,
Men must be Knaves, ‘tis in their own defence.
[Pinto 1953: 122]

Однако данное двустишие, по мнению автора статьи, сближает идею сатиры Рочестера с воззрениями Гоббса.

Вильям Джон Куртоп замечает, что поэзия Джона Уилмота пронизана идеями Гоббса, однако Вивиан де Сола Пинто опровергает это мнение, заявляя, что своей атакой на разум он противоречит доктрине философов-вольнодумцев того времени [Fujimura 1958: 576–577]. Согласно В. де Сола Пинто стихотворение обладает «необузданной силой, которая заставляет аккурратно

спланированное искусство сатиры Буало казаться бесстрастным» [цит. по: Moore 1943: 393].

Томас Фуджимура в статье «“Сатир против человечества” Рочестера: анализ» проводит подробный анализ данного произведения и заключает, что обращение к теории Гоббса является самым вероятным источником, использованным поэтом в сатире. Опровергая теорию Пинто автор статьи замечает, что Рочестер отрицает не разум в целом, а только сухую теорию. Эмпирические же методы познания сатир полностью не отрицает. Таким образом, Рочестер в своем произведении вводит понятие *правильного разума*, т. е. прагматической способности разума воспринимать мир натуралистическим образом [Fujimura 1958: 578–579].

В содержательном плане литературные критики также интерпретируют данное произведение по-разному. Пинто и Крокер сходятся во мнении, что Рочестер критикует чрезмерно преувеличенную роль разума в жизни человека. Некоторые критики, включая Мердока, продолжая эту мысль, даже называют Рочестера сенсуалистом [Fujimura 1958: 577].

Следует отметить, что творчество Рочестера перекликается с философией его современника Гоббса. Автор «Левиафана» опирается на чувственный опыт, разум же используется исключительно с прагматической целью. Как и философ, Рочестер критикует пустые «теоретические» и «логические» размышления. «Правильный разум» для поэта – это одна из ступеней достижения счастья.

Говоря об остроумии, Гоббс замечает, что оно сопровождается «стремлением сравнивать между собой представляющиеся нам предметы. При этом сравнении люди любят открывать неожиданное сходство между вещами, на первый взгляд не имеющими друг с другом ничего общего. В способности к таким открытиям люди видят преимущество фантазии, порождающей те приятные подобию, метафоры и фигуры, которыми пользуются ораторы и поэты, для того чтобы сделать предметы приятными или неприятными, представить нам эти предметы в хорошем или дурном свете, смотря по тому, как им заблагорассудится» [Гоббс 1989: 553]. Следовательно своей фантазии является одним из основных эстетических принципов английского либертинизма, представителем которого являлся Рочестер.

Продолжая эту мысль, Рочестер с изрядной долей самоиронии пишет о придворных поэтах-остроумцах, к которым он сам относится, следующие строки:

And Wit, was his vain frivolous pretence,
Of pleasing others, at his own expence.
For Witts are treated just like common Whores,
First they're enjoy'd, and then kickt out of Doores:
The pleasure past, a threatning doubt remains,
That frights th' enjoyer, with succeeding pains:
Women and Men of Wit, are dang'rous Tools,
And ever fatal to admiring Fools.
[Pinto 1953: 119]

Кроме философских аллюзий, Пол С. Дейвис в статье «Рочестер и Буало: новое рассмотрение» проводит параллель между «Сатиром против человечества» Рочестера и «Сатиром против добродетели» Олдхэма. Памфлет Олдхэма является ироничной имитацией сатиры Рочестера, структурно повторяя произведение поэта-либертина. Однако содержательно мы не можем говорить о полной имитации произведения, так как из сатиры неясно отношение Олдхэма к Рочестеру: с одной стороны, он называет его «придворным Гектором», с другой – в его произведении чувствуется преклонение перед утонченностью стиля поэта-вольнодумца [Davies 1969: 352].

В. де Сола Пинто также считает, что это стихотворение является отражением нигилистических воззрений поэта-либертина. Джон Ф. Мур утверждает, что сатира является атакой на возможность человека быть от природы разумным и благородным [Fujimura 1958: 577].

Reba Wilcoxon в статье «Сексуальная политика Рочестера» замечает, что идея рационального выбора является центральной в описании сексуальных взаимоотношений между мужчиной и женщиной в творчестве данного поэта-либертина. Она считает, что «Сатир против Человечества» является философским подтверждением данного утверждения [Vieth 1988: 121–122] и в доказательство приводит следующую цитату Рочестера о разуме: «That bounds desires, with a reforming Will...». Подобные строки не удивительны, так как поэт-либертин славился бурной личной жизнью.

А. М. Бердичевский в статье «Трансформация пасторальной модальности в лирике английского либертина эпохи Реставрации Стюартов» высказывает следующую мысль: «В «Сатире против человечества» Рочестер обрушивается на ренессансную идею богоподобия человеческого существа. Главный объект критики – беспочвенность «абсолютистских» претензий разума, неспособного к надежному и достоверному познанию» [Бердичевский 2004: 25–26]. Для подкрепления своей мысли автор приводит цитату из Рочестера:

And before certain instinct, will preferr
Reason, which Fifty times for one does err.
Reason, an Ignis fatuus, in the Mind,
Which leaving light of Nature, sense behind;
Pathless and dang'rous wandring ways it takes,
Through errors, Fenny-Boggs, and Thorny Brakes;
Whilst the misguided follower, climbs with pain,
Mountains of Whimseys, heap'd in his own Brain.
[Pinto 1953: 118]

Продолжая анализ, Бердичевский утверждает, что «второй предмет сатиры – извращенность человеческой природы. Рочестер подвергает моралистическому суду гоббсовского «естественного человека», чьи лучшие качества лишь маскируют инстинкты власти и самосохранения. И поскольку претензии разума безосновательны, единственной реальностью человеческого существования остается извращенность природы, ставящая человека ниже «честных животных»... Поэтому этические принципы, желающие быть человеческими, должны опираться на единственный заслуживающий доверия инстинкт – инстинкт наслаждения. Отсюда – шокирующий эротизм лирики Рочестера: в контексте его рефлексии над «theou» он может рассматриваться как противостояние от суетности «мыслящей машины». Ведь следование инстинктам наслаждения по сути тождественно крайнему метафизическому смирению, так как возвращает человека к состоянию «честного зверя» и предохраняет от смертного греха интеллектуальной гордыни» [там же: 26]. Бердичевский справедливо замечает, что в сатире Рочестер воспекает наслаждение как основную цель жизни человека.

В статье «Дуализм придворных писателей в эпоху Реставрации» Джон Эмери приводит доводы в пользу двойственности природы Рочестера как в плане творчества, так и личной жизни [Emery 1966: 250–254]. С одной стороны, он был одним из главных распутников при дворе короля Карла II. С другой стороны, подобная жизнь усугубила пессимизм его философии и прибавила остроты его сатирам. Несмотря на то что Рочестер по праву считается одним из главных поэтов-остроумцев своей эпохи, в «Сатире против человечества» автор обрушивается с критикой на рациональный подход к действительности.

Личная жизнь Рочестера также двойственна. Доподлинно известно, что несколько актрис того времени были его любовницами, Элизабет Барри даже родила ему дочь. Однако письма Рочестера к жене показывают его неизменную любовь и привязанность к супруге и их детям.

Даже название стихотворения, относящее нас к древнегреческой мифологии, отражает двойст-

венность. Сатиры были охмелевшими от вина существами с козлиными ногами. «Сатиры наделялись качествами диких существ, обладающих животными качествами, мало задумывающихся о человеческих запретах и нормах морали» [Сатиры]. Этот животный образ человеческой жизни и воспевается Рочестером в данном произведении.

Однако мы можем найти не только аллюзии в самой сатире, но также отголоски влияния стихотворения на произведения английских авторов конца XVII – начала XVIII вв.

Говард Эрскин-Хилл в статье «Рочестер: типичный поэт неоклассического периода английского искусства, или исследователь» сравнивает «Сатира против человечества» Рочестера и «Опыт о человеке» А. Поупа [Erskine-Hill 1966: 52–54]. Сопоставляя данные произведения, критик замечает, что оба автора размышляют о месте человека в этом мире через призму его отношений с другими людьми. И это отражено в его эссе:

Say first, of God above, or man below
What can we reason, but from what we know?
Of man, what see we but his station here,
From which to reason, or to which refer?
[Pope]

У Рочестера же мы находим следующий отрывок:

But thoughts, are giv'n for Actions government,
Where Action ceases, thoughts impertinent:
Our Sphere of Action, is lifes happiness,
And he who thinks Beyond, thinks like an Ass.
[Pinto 1953: 121]

Казалось бы, авторы приходят к одним и тем же выводам. Однако существуют и различия. В своем эссе Поуп допускает существование контраста между рациональным восприятием знания и предполагаемой метафизической иерархией. В сатире Рочестера этот парадокс отсутствует из-за четкой позиции автора, который высмеивает человеческое тщеславие как таковое в целом и проявляет самоиронию в частности:

Perhaps my Muse, were fitter for this part,
For I profess, I can be very smart
On Wit, which I abhor with all my heart...
[Pinto 1953: 119]

У Шефтсбери в «Sensus Communis» мы находим мысль о том, что «...любовь к родине и любовь к человечеству – не что иное, как себялюбие. Великодушные и храбрость, без всякого сомнения, разновидности всемирного себялюбия!

Ибо храбрость, говорит наш современный философ, – это постоянный гнев. И все люди, говорит остроумный поэт, были бы трусами, если бы только отважились быть ими» [Шефтсбери 1974: 311]. Под «остроумным поэтом» подразумевается Рочестер. В его произведениях, в частности в «Сатире против человечества», прослеживается мысль о том, что гнев – основной двигатель человеческой деятельности.

Завершаем данное исследование цитатой из статьи Джона Ф. Мура «Оригинальность «Сатира против человечества» Рочестера»: «Один единственный источник содержания “Сатира против человечества” тяжело принять, если только мы не предположим, что Рочестер просто взял за основу идею одного автора и придал ему форму другого» [Moore 1943: 401]. Действительно, подобное предположение можно считать абсурдным, особенно по отношению к автору, которого считали главным остроумцем при королевском дворе. Несмотря на достаточно большое количество возможных аллюзий, «Сатир против человечества» остается оригинальным стихотворением и отражает независимую позицию автора. Данное произведение было написано в последние годы жизни поэта, вобрало в себя его личный опыт и отражает его философское и жизненное кредо. Факт возможного заимствования идей не только Рочестером из многих источников, но и последователей у него дает право считать «Сатира против человечества» оригинальным произведением, а его автора, несомненно, высокоэрудированным человеком, знакомым как с работами современников, так и с античными образцами литературы.

Список литературы

- Аксаков С. Т. 8-ая сатира Буало «На человека». URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0170.shtml#12 (дата обращения: 31.05.2014).
- Бердичевский А. М. Трансформация пасторальной модальности в лирике английского либертинажа эпохи Реставрации Стюартов // Пасторали над бездной: сб. науч. трудов / отв. ред. Т. В. Саськова. М.: Изд. дом «Таганка» МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2004. С. 22–27.
- Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 622 с.
- Кантемир А. Д. Сатира четвертая к господину аббату Баеру. Из Буало. URL: <http://www.chistylist.ru/stihotvorenje/satira-chetvertaya-k-gospodinu-abbatu-baeru-iz-bualo/kantemir-a-d> (дата обращения: 31.05.2014).
- Ларошфуко Ф. де. Максимы. Лабрюйер Жан де. Характеры, или Нравы ненешнего века. Сен-Дени де Сент-Эвремон Шарль де. Избранные

беседы. *Клапье де Вовенарг, Люк де*. Размышления и максимы. *Никола Шамфор, Себастьян-Рок*. Максимы и мысли / пер. с фр. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. 796 с.

Лукреций. О природе вещей. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 270 с.

Монтень М. Опыты. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. 1077 с.

Сатиры. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E0%F2%E8%F0%FB> (дата обращения: 31.05.2014).

Шефтсберу. Эстетические опыты / сост., пер., коммент. А. В. Михайлова; под общ. ред. М. Ф. Овсянникова. М.: Искусство, 1974. 543 с.

Davies Paul C. Rochester and Boileau: A Reconsideration // *Comparative Literature*. 1969. Vol. 21, №4. P. 348–355.

Emery John P. Restoration Dualism of the Court Writers. *Revue des Langues Vivantes*, 1966. Vol. 32, №3. P. 238–265.

Erskine-Hill Howard. Rochester: Augustan or Explorer? // *Renaissance and Modern Essays*. L., 1966. P. 51–64.

Fujimura, Thomas H. Rochester's "Satyr Against Mankind": An Analysis. *Studies in Philology*. 1958. Vol. 55. P. 576–90.

John Wilmot, earl of Rochesrt: *Critical Essays* / ed. by David M. Vieth. N.Y.; L.: Garland, 1988. VIII. 340 p.

Menander. The Principal Fragments / With an Engl. trans. by Francis G. Allinson. L.; N.Y., 1921. 540 p.

Moore John F. The Originality of Rochester's "Satyr Against Mankind" // *PMLA*. 1943. Vol. 58, №2. P. 393–401.

Poems by John Wilmot, Earl of Rochester / ed. by Vivian de Sola Pinto. L.: Routledge & Kegan Paul, 1953. 247 p.

Pope A. An Essay on Man. URL: <http://www.gutenberg.org/files/2428/2428-h/2428-h.htm> (дата обращения: 31.05.2014).

Wilson John H. The Court Wits of the Restoration: An Introduction. N.Y., 1967. 264 p.

References

Aksakov S. T. 8-aja satira Bualo «Na Cheloveka» [The 8th satire «Upon a Man» by Boileau]. Available at: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0170.shtml#12 (accessed 31.05.2014).

Berdichevskij A. M. Transformacija pastoral'noj modal'nosti v lirike anglijskogo libertinazha ehpkohi Restavracii Stjuartov [The Transformation of the Pastoral Modality in the Lyrics by English Libertinism in the Epoch of Stuart Dynasty Restoration]. *Pastorali nad bezdnoj: sbornik naychnykh trudov*

[Pastoral over Abysm: the collection of the scientific works]. Ed. by T. V. Sas'kova. Moscow: Taganka Publ. of MSOPU named after M. A. Sholokhov, 2004. P. 22–27.

Gobbs T. Sochinenija: v 2 t. T.1. [Works: in 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Mysl', 1989. 622 p.

Kantemir A. D. Satira chetvortaja k gospodinu abbatu Baeru. Iz Bualo [The 4th satire to Mr. Baer. From Boileau]. Available at: <http://www.chistylist.ru/stihotvorenije/satira-chetvertaya-k-gospodinu-abbatu-baeru-iz-bualo/kantemir-a-d> (accessed 31.05.2014).

Laroshfuko F. de. Maksimy [Maxims]. *Labrjujer Zhan de*. Kharaktery, ili Nravy nyneshnego veka [Characters, or Morals of this century]. *Sen-Deni de Sent-Ehvremon Sharl' de*. Izbrannye besedy [Selected talks]. *Klap'e de Vovenarg, Ljuk de*. Razmyshlenija i maksimy [Thoughts and Maxims]. *Nikola Shamfor, Sebast'en-Rok*. Maksimy i mysli [Maxims and Thoughts]. Trans. from french. Moscow: Pushkinskaja biblioteka Publ.; AST: AST MOSKVA Publ., 2007. 796 p.

Lukrecij. O prirode veshhej [De rerum natura]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. 270 p.

Monten' M. Opyty. Polnoe izdanie v odnom tome [Experiments. Unabridged edition in one volume]. Moscow: AL'FA-KNIGA Publ., 2009. 1077 p.

Сатиры [Satires]. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E0%F2%E8%F0%FB> (accessed 31.05.2014).

Sheftsberi. Ehsteticheskie opyty [Aesthetic experiences] / Comp., trans., comment. – Al. V. Mikhajlov. Ed. by M. F. Ovsjannikov. Moscow: Iskusstvo Publ., 1974. 543 p.

Davies Paul C. Rochester and Boileau: A Reconsideration. *Comparative Literature*. 1969. Vol. 21, No 4. P. 348–355.

Emery John P. Restoration Dualism of the Court Writers. *Revue des Langues Vivantes*, 1966. Vol. 32, №3. P. 238–265.

Erskine-Hill Howard. Rochester: Augustan or Explorer? *Renaissance and Modern Essays*. London, 1966. P. 51–64.

Fujimura, Thomas H. Rochester's "Satyr Against Mankind": An Analysis. *Studies in Philology*. 1958. Vol. 55. P. 576–90.

John Wilmot, earl of Rochesrt: *Critical Essays*. Ed. by David M. Vieth. New York; London: Garland, 1988. VIII. 340 p.

Menander. The Principal Fragments. With an Engl. trans. by Francis G. Allinson. London; New York, 1921. 540 p.

Moore John F. The Originality of Rochester's "Satyr Against Mankind". *PMLA*. 1943. Vol. 58, No 2. P. 393–401.

Poems by John Wilmot, Earl of Rochester. Ed. by Vivian de Sola Pinto. London: Routledge & Kegan Paul, 1953. 247 p.

Pope Alexander. An Essay on Man. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/2428/2428-h/2428-h.htm> (accessed 31.05.2014).

Wilson John Harold. The Court Wits of the Restoration: An Introduction. New York, 1967. 264 p.

ROCHESTER'S «A SATYR AGAINST AND MANKIND»: ORIGINALITY AGAINST ALLUSIONS

Anna V. Titova

Assistant Lecturer in the Department of Germanic Languages and Language Teaching Methods
Ryazan State University n. a. S. A. Esenin

In the present article attempts are made to analyse originality of a poem «A Satyr Against Mankind» by John Wilmot, second Earl of Rochester. This poem was written several years before the author's death. Different viewpoints of literary critics on the problem of presence of allusions to the works of ancient thinkers and Rochester's contemporaries in the satire are presented in this article. Some conclusions on the problem of originality of the poem are drawn. To support the main idea of the article some extracts from the works of the authors compared to Rochester are cited. Particularly, Rochester's «A Satyr Against Mankind» is compared to the satires by Nicolas Boileau-Despréaux. Besides, the ideas expressed in the libertine's work are similar to some statements from «The Essays» by Michel de Montaigne, some philosophical works by Thomas Hobbes and «The Maxims» by François de La Rochefoucauld. Characteristic features of the poet's satire are singled out and described by means of comparing Rochester's style and message not only with those of his predecessors and contemporaries, but also with his followers' ones. It is argued that similarity of ideas of authors who lived at the same time does not necessarily presuppose the process of borrowing. It may show the authors' unanimity of views and great erudition. Analysing some scholars' opinions on the issue it's possible to draw the conclusion that the poem by the libertine author is original in both form and content, though it may seem similar to the works of other poets.

Key words: John Rochester; Michel de Montaigne; Thomas Hobbes; François de La Rochefoucauld; Nicolas Boileau-Despréaux.

ИСТОРИЯ КАК «ОСТАНОВЛЕННОЕ» ВРЕМЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. СИЛСФИЛДА / К. ПОСТЛЯ И А. ШТИФТЕРА

Галина Александровна Лошакова

к. филол. н., доцент кафедры немецкого и французского языков

Ульяновский государственный университет

432063, Ульяновск, Университетская наб., корп. 1. lgalin7@mail.ru

История занимает немаловажное место в творчестве австрийских прозаиков первой половины XIX в. – Ч. Силсфилда / К. Постля и А. Штифтера. В романах Силсфилда создан образ поступательно развивающегося времени. Оно исторично и основано на реальных событиях недавнего прошлого Америки. Вместе с тем дискурс текстов австрийского прозаика соотносится с актуальными проблемами государственного устройства, политической и общественной жизни Австрии 30-х гг. XIX в.

А. Штифтер пытается найти идеал общественного устройства в становлении средневекового государства под управлением разумного правителя, способного защитить народ («Витико», “Witiko”, 1867). Произведение Штифтера не относится к жанру исторического романа в классическом для XIX в. осмыслении В. Скотта. Пытаясь рассказать о создании государства, в основе которого лежат справедливость и братство, Штифтер предлагает стилизованную под эпос утопию. Художественное время Штифтера обнаруживает тенденцию атемпоральности, остановки в некоем идеальном пространстве Дома и государства. Время «остановлено» и в романе Ч. Силсфилда «Юг и Север» (“Süden und Norden”, 1843). Здесь оно означает разочарование в ходе истории, в возможности существования идеального государства. Указанные произведения нельзя с полной уверенностью отнести к жанру исторического романа, события прошлого осмысляются в них исходя из общественного контекста своего времени (первой половины – середины XIX в.).

Ключевые слова: исторический роман; хронотоп дороги; пространственно-временной континуум; «остановленное» время; атемпоральность.

Немецкоязычная историческая проза начинает свое развитие в рамках романтизма. В. Менцель, подводя итог развития немецкоязычной литературы начала XIX в., отмечал в 1828 г., что «важнейшими и многочисленными новейшими романами» были исторические [Schröder 1970: 214]. Здесь следует вспомнить Г. фон Клейста («Михаэль Кольхаас», 1810), А. фон Арнима («Изабелла Египетская», 1812; «Хранители короны», 1817), В. Гауфа («Лихтенштейн», 1826). Подобно другим европейским культурам, культура Германии открывает в этот период свое национальное прошлое. Оно становится ближе, читателя привлекает исторический колорит, детали быта ушедших эпох. Опыт В. Скотта уже усвоен, чему можно найти подтверждение в романе, например, В. Гауфа «Лихтенштейн». В своем произведении он соединяет сюжетную линию вымышленного персонажа Георга Штурмфедера с изображением реально произошедших событий в Германии в 1519 г., войны герцога Ульриха фон Вюртемберга со Швабским союзом. История становится детализированным выражением ре-

альности, прошедшей действительности, вовлекающая читателя в свой мир. Однако позже, начиная с 30-х – 40-х гг., немецкоязычная читательская аудитория уже испытывает потребность в новом историческом романе, который показал бы действительность более глубоко и правдиво. Определенное отторжение немецкоязычных литераторов от исторического романа В. Скотта можно наблюдать еще до 1830 г. Так, Л. Тик отмечает в 20-х гг., что в романах В. Скотта отсутствует «большая идея» и нет «света высшего порядка» [Schröder 1970: 219]. Фр. Грильпарцер не находит в его творчестве «витающего, благородного, всеобъемлющего духа» [Schröder 1970: 219]¹.

Австрийский прозаик Ч. Силсфилд (Ch. Sealsfield / K. Postl, 1793–1864) также испытал воздействие В. Скотта². В отличие от писателей, названных выше, он восторженно относился к шотландскому автору исторических романов. В предисловии к произведению «Мортон, или большое путешествие» (“Morton oder die grosse Tour”, 1835) он констатирует, что в начале века появился «по-настоящему великий человек», ко-

торый придал роману именно «историческое звучание», соответствующее современности [Sealsfield 1982: 452]. Это «сэр» Вальтер Скотт. Не случайно «английская нация» объявляет его своим мощнейшим, прекрасным гением. Расцвет творчества английского романиста Силсфилд связывает с политической свободой слова, утвердившейся в Англии к началу XIX в. Скотт является, по утверждению Силсфилда, основателем «классического исторического романа» (des klassisch-geschichtlichen Romans). «Именно он (Скотт) поднял литературу на высокую ступень, именно он подарил книгу для чтения, отдыха и обучения лучшим, самым просвещенным, элите страны, а также и средним классам, менее образованным; тем самым он способствовал удовлетворению потребностей времени» [Sealsfield 1982: 461]. Для Силсфилда творчество В. Скотта, сумевшего создать исторический роман и в его рамках осмыслить историю, этнографию, нравственную сущность народа, является точкой отсчета развития новой художественной прозы.

Как и многие писатели его времени, Силсфилд не ограничился просто восторженным отношением к английскому романисту, а пытался реализовать принципы исторического романа, сложившиеся в творчестве великого шотландца, в своих произведениях. Однако своеобразие романов Силсфилда заключалось в том, что предметом рассмотрения он делает исторические процессы, происходящие на другом континенте, а именно в США [Лошакова 2013: 51]. Вместе с тем дискурс текстов австрийского прозаика был «привязан» к актуальным вопросам государственного устройства, политической и общественной жизни Австрии. А таковыми были в 20–30-е гг. XIX в. меттерниховская реакция, укрепившая монархический строй, наследственные привилегии аристократии и гнет католической церкви. Все эти темы и составили имплицитно выраженный уровень текстов Силсфилда.

В своих романах писатель изображает различные исторические события, но, как правило, они все связаны с недавним прошлым Северной Америки и Мексики. В романе «Легитимист и республиканцы» (1833) упомянуты события англо-американской войны 1812–1815 гг. Подзаголовок носит название «История из последней американо-английской войны» (“Der Legitime und die Republikaner. Eine Geschichte aus dem letzten amerikanisch-englischen Kriege”). В романе «Поездка за невестой Джорджа Говарда, эсквайра» (“Lebensbilder aus der westlichen Hemisphäre. George Howard' s Esq. Brautfahrt”, 1834) в сюжет вводятся эпизоды предвыборной кампании президента Эндрю Джексона в 1828 г. В романе

«Натан-скваттер, или первый американец в Техасе» (“Nathan, der Squatter-Regulator, oder der erste Amerikaner in Texas”, 1837) историческим фоном служат обстоятельства так называемой Луизианской покупки 1803–1804 гг., когда США приобрели у Франции ряд ее колониальных земель, в том числе и юго-западную часть Луизианы, Акадиану. В романе «Беседы в каюте, или национальные характеристики» (“Das Kajütenbuch oder Nationale Charakteristiken”, 1841) непосредственно изображается начало Техасской революции 1836 г., когда американское население поднимает восстание против Мексики, живущей по феодальным законам. Кроме того, сюжет одной из вставных новелл данного повествования вмещает события 1825 г. в Латинской Америке, некоторые этапы национально-освободительного движения против испанского господства. Роман, который может быть определен как полностью исторический, «Вице-король и аристократы, или Мехико в 1812 году» (“Der Virey und die Aristokraten oder Mexiko im Jahre 1812”, 1834), воспроизводит события мексиканской освободительной борьбы 1810–1812 гг. в Мехико. Наконец, в своем последнем романе «Юг и Север» (“Süden und Norden”, 1843) Силсфилд вновь эпизодически обращается к событиям освобождения колониальной Мексики, относящимся к 1824–1825 гг. Таким образом, основным элементом повествовательного дискурса в произведениях Силсфилда становится историческое время.

Исторические события воспроизводятся эпизодически в одном из лучших романов Силсфилда «Юг и Север». Он показывает последствия революции в Мексике (1821), с одной стороны, приведшей страну к освобождению от колониального владычества испанцев, с другой – разделившей людей политически и социально. Во все более усиливающимся антагонизме находятся представители западной цивилизации (в романе – американские путешественники) и коренное население, представляющее незнакомый, чуждый европейцам мир Юга Америки. Жанровая структура романа основывается на пространственном образе пути, предполагающем открытие мира и одновременно духовное становление или преобразование самого человека. Следует отметить, что, анализируя пространственно-временной континуум романа, мы обращаемся к классическим исследованиям М. М. Бахтина [Бахтин 1979, 1986], Ю. М. Лотмана [Лотман 1988, 2000], В. Н. Топорова [1983], посвященным указанному вопросу. М. М. Бахтин, как известно, выделял в структуре романа хронотоп («времяпространство»). «В хронотопе дороги единство пространственно-временных определений раскрывается

также с исключительной четкостью и ясностью. Значение хронотопа дороги в литературе огромно: редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги, а многие произведения прямо построены на хронотопе дороги и дорожных встреч и приключений» [Бахтин 1986: 135].

Завязка романа «Юг и Север» – это начало пути североамериканской экспедиции по мексиканской территории с так и не обозначенной автором целью. Внешним предлогом является добыча кокаинового сырья для его дальнейшей промышленной переработки. В романе «универсальным принципом организации» становится мотив дороги. Группа путешественников представляет экзотический вариант «национальных характеров», собранных автором в рамках пространственной модели «чужого» мира. Это рассказчик, достаточно образованный американец, выполняющий в повествовании прежде всего функции наблюдателя. Горячий кентуккиец Кокли, прагматичный Вайтли, явно преследующий свои собственные задачи, юный Гурни, мечтающий о любви, мексиканец Родригез, выполняющий задание правительства поймать дона Иксгухара, противостоящего революции, ученый немец господин Боне, погонщики мулов – все они объединены общей целью продвижения вперед в область Миштеки. Следовательно, опираясь на В. Н. Топорова, можно утверждать, что все они стоят перед вторжением в «новое пространство» [Топоров 1983: 250].

Чуждый мир показан, тем не менее, как прекрасное, райское место, наполненное светом, отгороженное горами, одна из которых является, по легендам индейцев, центром мира. Отсюда восклицание рассказчика «Прекраснее мир не предстал перед нами нигде и никогда!» [Sealsfield 2005: 54]. Описание Орисабы, в «своей блистающей снежной короне», «блистающего ночного неба со звездным войском», «бесконечного, сияющего зеркала океана» несет имплицитно семантику природного «рая». Силсфилд воспроизводит таким образом нигде и никогда не прерывающееся пространство, существующее вечно. Следует отметить, что в осмыслении и передаче пространственно-временного континуума он мог испытать также воздействие пражского философа Б. Больцано, который выдвигает идею о бесконечности времени и пространства в их совокупности, хотя предпочитает определять их как категории, не связанные с объективной реальностью. «Время и пространство представляют в высшей степени важный род бесконечно больших величин, которые также еще не принадлежат к области реального, хотя и могут опреде-

лять реальное. <...> Множество простых частей или точек, из которых состоит время и пространство, бесконечно» [Больцано 1911: 25]. Больцано обосновывает принцип бесконечного и «всесовершенного» как доказательство существования Бога [там же: 37]. Мир вечной, божественной красоты воспроизводит Силсфилд, изображая природу Мексики.

В текст романа введены также руссоистские мотивы естественного человека и разумно организованного общества. Однако оба мотива переосмысливаются Силсфилдом в сторону отрицания этих понятий, являющихся выражением просветительской идеи преобразования общественного устройства. Естественный человек в романе (это представители индейских племен) оказывается не просто физически сильным и красивым, но и готовым в любую минуту к коварству и лжи. Существование людей на лоне природы, на первый взгляд безоблачное и чистое, подчинено режиму и порядку, установленным жестоким аристократом доном Иксгухаром. Символическим выражением трагической разобщенности людей становится сюжетобразующая линия любви дочери испанского аристократа Марикиты и юного американца Гурни. Марикита – дочь испанского гранда и простой индианки. Уже с первого появления она символизирует некий загадочный край, который заманивает и не отпускает путников. Она юна и прекрасна, молодой американец Гурни теряет голову, покинув своих путников и преследуя по пятам Марикиту. Как уже указывалось, образ Марикиты является интертекстуальной аллюзией, восходящей к Миньоне И. В. Гете [Лошакова 2013: 123]. Вместе с тем Марикита символизирует свою страну, южный мир с его прагматизмом, чувственностью, способностью естественно лгать. В тексте звучит мотив трагической разобщенности людей различных культур и национальностей.

Трагизмом гибели (разрушение пространства и времени) отмечена символическая сцена бегства путешественников из Веракруза («Юг и Север»). Они с нетерпением ждут корабль, который доставил бы их в США. Однако корабль, которого они ожидают, приобретает призрачные черты, становится «Летучим голландцем», приводящим впоследствии к гибели всех собравшихся на нем. Полубезумный от пережитых трудностей рассказчик выкрикивает: «Это Летучий голландец. – Летучий голландец, и все, кто взойдут туда, все они погибли. – Гурни не должен садиться на корабль» [Sealsfield 2006: 335]. В ту же минуту все видят, как в «призрачном свете» поднимаются мачты, реи и парус корабля и он начинает скользить между темными и светлыми облаками.

Страной обетованной для автора являются США, где находит спасение рассказчик, однако на протяжении сюжета это семантическое значение не раз корректируется. Во-первых, американцы воспринимаются здесь уже не столь восторженно, как это имело место в более ранних путевых очерках «Соединенные Штаты Америки». Во-вторых, различие «национальных характеров» приобретает в сюжете драматический оттенок. С одной стороны, свободолюбивые и не боящиеся авантюры американцы и ученый немец, в целом принявший их образ мыслей и жизни. С другой – креолы и индейцы, воспитанные в преклонении перед испанскими грандами и не спешащие освободиться от их власти.

В тексте отчетливо звучит мотив трагической разобщенности людей различных культур и национальностей. Присутствует также мотив бренности человеческого существования, идущий от австрийского барокко. Отдельные отрывки из романа могут быть буквально проиллюстрированы выдержками из стихотворения А. Санта-Клары (1644–1709), в проповедях которого идея быстротечности жизни находит законченное выражение.

Der Mensch ist ein Blatt / das bald abfällt/
Und ein Thon / der bald verschallt.
Der Mensch ist ein Fluss / der bald abrinnt
Und ein Kertzen / die bald abbrinnt /
Der Mensch ist ein Glas / das bald zerbricht /
Und ein Traum / der haltet nicht.
Der Mensch ist ein Wachs / das bald erweicht.
Und ein Rosen / die bald erbleicht.
Der Mensch ist ein Fleisch / welches bald stinckt /
Und ein Schiff / das bald versinckt.
[Sankta Clara 2005: 127]³

Корабль из стихотворения Санта-Клары «Что есть человек» можно рассматривать как метафору романа «Юг и Север», повествующего о недостижимости мечты, бренности и тщете жизни. Время «остановлено», движение истории не ведет к нравственному возрождению человека – таков итог странствий героев. Изображено окончание пути, оказавшегося трагическим для многих персонажей. В эпилоге романа путь прекращается, оставшиеся в живых герои возвращаются домой, корабль идет ко дну.

Австрийский прозаик А. Штифтер (A. Stifter, 1805–1868) не писал романов, которые можно было бы определить как исторические в полном смысле этого слова. Однако, оценивая революцию 1848 г., он пытался предложить в произведении «Витико» (“Witiko” 1867) свою концепцию хода истории и места в ней мудрого правителя. Названный роман не относится к жанру истори-

ческого в классическом для XIX в. осмыслении В. Скотта. Следует отметить также, что нами не обнаружено и фактов воздействия английского романиста на творчество А. Штифтера. Пытаясь воссоздать образ государства, в основе которого лежат справедливость и братство, Штифтер предлагает читателю стилизованное под эпос произведение. В то же время необходимо подчеркнуть, что исторические знания являлись «наиболее важными» для художественного творчества Штифтера [Сейбель 2005: 99]. Стремясь найти идеал государственного устройства, прозаик обращается к событиям XII в. в Богемии и Чехии («Витико»).

Витико живет в Богемском лесу и ведет образ жизни простого крестьянина, являясь при этом представителем высшей знати [Stifter 1997]. Впоследствии он становится основателем известного рода Розенбергов. Время, которое автор пытается изобразить как историческое, становится в действительности циклическим, вписанным в модель круга. Движение времени так же итеративно, как и в романе Штифтера «Бабье лето». Из бесконечных повторений действий (походов и возвращений Витико) рождается образ прошлого, нашедшего свое завершение в утопическом равновесии человека, власти и государства. Как и в романе «Бабье лето», рамки времени в данном случае ограничены содержанием утопии. Это не модель идеального Дома, а выражение мечты о справедливом правлении и единении людей. В повествовании создается модель исторической инверсии. Сущность такой инверсии заключается в том, что мифологическое и художественное мышление «локализует в прошлом такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т. п.» [Бахтин 1986: 183].

Походы Витико построены по законам средневековой энциклики, т. е. их константой является постоянное возвращение к исходной точке. Протагонист начинает свой первый поход в 1138 г. из Оберплана через Пассау и Хауценберг в Богемию, в Прагу, где умирает старый герцог Богемии Собеслав. Власть по праву наследования должна быть передана его сыну Владиславу. Однако совет Праги избирает другого Владислава, сына предшественника Собеслава. Протагонист должен решить, какому из них он должен служить, и он возвращается в родной Оберплан. Происходит замедление, даже остановка движения. И это обстоятельство идет на пользу Витико: он начинает заниматься устройством родного селения, укрепляет взаимоотношения с соседями. Выбор Витико осложнен тем, что два прави-

теля с одинаковыми именами символизируют два пути. Один из них – верность присяге и народу (его воплощает теперешний герцог Владислав), а другой – путь предательства и измены. По нему идет Владислав, сын Собеслава, оскорбленный своим неизбранием на герцогский трон. Согласно авторской концепции именно этот персонаж, будучи несдержанным в проявлении своих чувств, будучи тщеславным и эгоистичным, нарушает нравственный закон бытия. Витико становится на сторону избранного герцога Владислава и снова спешит в Прагу, осажденную предателями законной власти во главе с Конрадом фон Цнаймом.

Как реальное продвижение исторического Витико превращается в тексте в условно эпическое, так и время можно определить как достаточно условное и отчасти абстрактное. Исторически оно названо очень точно и как таковое связано с определенными, имевшими место событиями. Границы романа заключены в рамки 1138 (болезнь старого герцога Богемии Собеслава) и 1184 гг. (проведение рейхстага Фридрихом Барбароссой). Однако для героя время словно останавливается, ограничивается его циклическим движением по кругам истории. Витико (и здесь его можно сопоставить с героем эпоса) будто бы не стареет, хотя участвует во многих очень тяжелых походах, принимает нелегкие решения, заводит семью. Автор не дает никакого намека на его возраст, на изменения в его внешности. Витико остается вечно молодым, приобретая, однако, опыт жизни и правления. К этому необходимо добавить также то обстоятельство, что уже за рамками 1184 г. называются походы Витико в Северную Италию под руководством Фридриха Барбароссы, кратко рассказывается о возникновении рода Витковичей, о закладке замка на берегу Влтавы потомками Витико. В данном случае границы времени словно бы расширяются, время, неторопливо двигаясь вперед, превращается в вечность, а протагонист повествования Штифтера становится легендарным эпическим героем.

Проанализировав структурирование художественного времени в творчестве Ч. Силсфилда и А. Штифтера, можно прийти к выводу, что изначально по содержанию это две различные модели. В романах Силсфилда в целом создается образ поступательно развивающегося времени. Оно исторично, так как основывается на реальных событиях недавнего прошлого, взятых в основном из жизни Америки. Художественное время Штифтера обнаруживает тенденцию атемпоральности, остановки в некоем идеальном пространстве Дома и государства. Оно также итера-

тивно, определенные явления и события обыденной жизни и истории повторяются, в этой повторяемости возникает идеализированный образ прошлого. Но время «остановлено» и в последнем по написанию романе Ч. Силсфилда «Юг и Север». Это связано с трагическими событиями гибели героев на затонувшем корабле. Однако это «остановленное» время означает и разочарование в ходе истории, в возможности идеального государства.

Примечания

¹ Автор данной статьи не ставит целью исследовать теорию, или жанровую специфику исторического романа В. Скотта, или полемику, ведущуюся и по сей день вокруг его творчества, имея в виду обширный пласт как классических исследований XX столетия, так и вышедших в XXI в. работ, посвященных новым вопросам изучения его произведений (см., например: [Орлов 1960; Реизов 1965; Лазарева 2010; Проскурнин 2012]).

² Называя имя Ч. Силсфилда / К. Постля (в этом году исполняется 150 лет со дня его смерти), мы хотели бы еще раз привлечь внимание как читателей, так и исследователей к творчеству этого, несомненно, выдающегося рассказчика (см.: [Лошакова 2014]).

³ «Человек – это лист, который быстро упадет, и он звук, который скоро стихнет. Человек – это река, которая быстро высохнет, и он свеча, которая быстро сгорит, человек – это стекло, которое быстро разобьется, и он – сон, который проходит. Человек – это воск, который скоро станет мягким. И он – роза, которая скоро увянет. Человек – это плоть, которая скоро издаст тлетворный запах. И он корабль, который скоро пойдет ко дну» (перевод наш. – Г. Л.).

Список литературы

Бахтин М. М. Время и пространство в произведениях Гете // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 204–236.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 121–290.

Большако Б. Парадоксы бесконечного / пер. И. В. Слешинского. Одесса: Матезис, 1911. 120 с.

Лазарева Т. Г. «Безумный» рыцарь: психология средневекового человека в романах Вальтера Скотта // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4(10). С. 105–110.

Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтич-

ского слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство, 2000. 703 с.

Лошакова Г. А. Немецкая классика и художественная проза бидермейера в Австрии. Ульяновск: УЛГУ, 2013. 239 с.

Лошакова Г. А. «Включенная наррация» в структуре романов Ч. Силсфилда / К. Постля // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1(25). С. 66–71.

Орлов С. А. Исторический роман Вальтера Скотта. Горький: Изд-во Горьков. ун-та, 1960. 480 с.

Проскурнин Б. М. Актуален ли Вальтер Скотт? // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3(15). С. 196–201.

Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта. М.; Л.: Худож. лит., 1965. 499 с.

Сейбель Н. Э. Эссе А. Штифтера «Über Schule und Familie» и роман «Der Nachsommer»: Педагогическая теория и художественная практика // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 2005. №4(38). С. 97–103.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

Sancta Clara A. Was ist der Mensch // Das Buch Österreich. Texte, die man kennen muss / Hrsg. von H. Rauscher. Wien: Ch. Brandstätter, 2005. S. 126–127.

Schröder R. Novelle und Novellentheorie in der frühen Biedermeierzeit. Tübingen: Niemeyer Verl., 1970. 242 S.

Sealsfield Ch. Zuschrift des Herausgebers an die Verleger der ersten Auflage // Sealsfield Ch. Das Kajütenbuch oder Nationale Charakteristiken / Hrsg. von A. Ritter. Stuttgart. 1982. S. 451–463.

Sealsfield Ch. Süden und Norden. Zwei Nächte in Tzapotekan / Einleitung von Prof. G. Schnitzler / 2 Bd.: Erster Band. München: Langen Müller, 2005. 368 S.

Sealsfield Ch. Süden und Norden. Mariquita / Einleitung von Prof. G. Schnitzler / 2 Bd.: Zweiter Band. München: Langen Müller, 2006. 383 S.

Stifter A. Witiko. Münch.: Winkler Verl., 1997. S. 315.

References

Bakhtin M. M. Vremia i prostranstvo v proizvedeniakh Gete [The time and the space in the work of Goethe]. Bachtin M. M. Ehstetika slovesnogo tvortchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. P. 204–236.

Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poehtike [The forms of the time and chronotope in the novel. Essays in the historical poetics]. Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie statji [Literary-critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura Publ., 1986. P. 121–190.

Bolzano B. Paradochsi beskonetchnogo [The paradox of the infinite]. Trans. by I. V. Sleshinskyi. Odessa: Matesis Publ., 1911. 120 p.

Lazareva T. G. “Bezumnyj” rycar’: psikhologija srednevekovogo cheloveka v romanakh Waltera Skotta [“Insane” knight’: middle age man’s psychology man in the Walter Scott’s novels]. Vestnik Permskogo univesiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 4(9). P. 105–110.

Lotman Y. M. Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja [The fictional space in the prose of Gogol]. Lotman Y. M. V shcole poehticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol [In the school of poetic: Pushkin, Lermontov, Gogol]. Moscow: Prosveshhenje Publ., 1988. 352 p.

Lotman Y. M. Semiosfera. Kul’tura i vzryv. Vnutri mysljashhikh mirov. Statji. Issledovanija. Zаметki [Semiosphere. The culture and the outbreak. Inside thinking worldes. Artikles, research workes, notes]. St. Petersburg: Iskusstvo, 2000. 703 p.

Loshakova G. A. Nemeckaja klassika i khudozhestvennaja prosa biedermeiera v Avstrii [The German literary classics and the fictinal prose of Biedermeier]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University Publ., 2013. 239 p.

Loshakova G. A. “Vkljuchennaja narracija” v structure romanov Ch. Silsfilda / K. Postla. [“Interpolated narration” in the structure of Ch. Sealsfield / K. Postl’s novels]. Vestnik Permskogo univesiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 1(25). P. 66–71.

Orlov S. A. Istoricheskij roman Waltera Skotta [Historical novel by Walter Scott]. Gorky: Gorky University Publ., 1960. 480 p.

Proskurnin B. M. Aktualen li Walter Scott? [Is Walter Scott acute today?]. Vestnik Permskogo univesiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and foreign Philology]. 2012. Iss. 3(15). P. 196–201.

Reizov B. G. Tvortchestvo Waltera Skotta [The Work of Walter Scott]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura Publ., 1965. 499 p.

Seibel N. E. Ehsse A. Stiftera «Über Schule und Familie» i roman «Der Nachsommer»: pedagogicheskaja teория u khudozhestvennaja praktika [The essay of A. Stifter «Über Schule und Familie» and the novel «Der Nachsommer»: Pedagogical the-

ory and artistic practice]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnij vipusk [The journal of the State University Samara. Humanitarian edition]. 2005. №4(38). P. 97–103.

Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [The space and the text]. Tekst: semantika i struktura [The Text: semantic and structure]. Moscow: Nauka Publ., 1983. P. 227–284.

Sancta Clara A. Was ist der Mensch [What is the man]. Das Buch Österreich. Texte, die man kennen muss [The book of Austria]. From H. Rauscher. Vienna: Ch. Brandstätter, 2005. P. 126–127.

Schröder R. Novelle und Novellentheorie in der frühen Biedermeierzeit [The story and the theory of story in the early Biedermeier epoche]. Tübingen: Niemeyer, 1970. 242 p.

Sealsfield Ch. Zuschrift des Herausgebers an die Verleger der ersten Auflage [The author's Foreword to the publishers of the first edition]. Sealsfield Ch. Das Kajütenbuch oder Nationale Charakteristiken [The conversations in the cabin or National characteristics]. Publ. A. Ritter. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1982. P. 451–463.

Sealsfield Ch. Süden und Norden. Zwei Nächte in Tzapotekan [South and North. Two nights in Tzapotekan]. Foreword Prof. G. Schnitzler. München: Langen Müller, 2005. 368 p.

Sealsfield Ch. Süden und Norden. Mariquita [South and North. Mariquita]. Foreword Prof. G. Schnitzler. München: Langen Müller, 2006. 383 p.

Stifter A. Witiko. München.: Winkler, 1997. 996 p.

HISTORY AS “STOPPED” TIME IN WORKS OF CH. SEALSFIELD / C. POSTL AND A. STIFTER

Galina A. Loshakova

Reader in the Department of German and French Languages
Ulyanovsk State University

History has an important place in works of Austrian writers of the first half of the XIXth century Ch. Sealsfield / C. Postl (1793–1864) and A. Stifter (1805–1868). Sealsfield was strongly influenced by W. Scott's experience of creating historical novels. Stifter created his own historical novel combining genre lines typical of the novel and the epic poem in his work “Witiko”.

In Sealsfield's novels progressively developing time is represented. The time is based on historicity and real events of America's recent past. In 1823 the writer had to emigrate to America for fear of persecution. However, discourse of his texts correlates with issues of the state system, political and public life of Austria in the 1830s. The Age of Metternich, hereditary privileges of the aristocracy and the oppression by the Catholic Church made up an implicitly expressed level of Sealsfield's texts.

Stifter tries to find an ideal model of social order in the model of a medieval state under rule of a sensible governor capable of protecting his people (“Witiko”, 1867). From this Austrian novelist's point of view, life of each person should be integrated into the context of history. Stifter's work does not belong to the historical novel genre in traditional understanding typical of the XIXth century (W. Scott's interpretation in particular). Meaning to tell readers about creation of a state based on justice and brotherhood Stifter creates a stylized epic utopia.

Stifter's artistic time continuum has a tendency to atemporality and “making a stop” in some ideal space of the home and state. The time is also “stopped” in Sealsfield's novel “South and North” (1843). Here the “stopped” time means disappointment with the course of history and the idea of an ideal state. Genre structure of novels by Ch. Sealsfield and A. Stifter is based on a spatial idea of the way. It involves discovering the world and concomitant spiritual formation or transformation of a man. This issue is considered in works of well-known researchers M. Bakhtin, Y. Lotman, V. Toporov.

Key words: historical novel; chronotope of the road; time-space continuum; “stopped” time; atemporality.

УДК 821.161.1.09“18”–31

ЮРОДИВЫЕ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Елена Павловна Гурова

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. eg555a@yandex.ru

В литературоведении сложилось неоднозначное отношение к образам юродивых, выведенных в романах Достоевского. В статье рассматривается воплощение писателем нескольких традиций (точнее, нескольких планов, уровней восприятия юродства как явления) в образах юродивых. Автор данного исследования отходит от предложенных в достоевковедении концепций юродства, в основном трактующих явление в рамках той или иной традиции его восприятия, и предлагает свою концепцию. По мысли автора, Ф. М. Достоевский создает уникальный, авторский образ юродивого, к которому неприменимы как таковые какие-либо каноны древнерусского, церковного или фольклорного понимания юродства. Образы юродивых в романах писателя определяются как полиобразы и в семантическом, и в структурном планах; отмечается их поликультурность. Художественная интерпретация юродивых во многом обуславливает понимание сюжетно-композиционной организации произведений, поэтики, роли и места остальных персонажей в системе образов, концепции произведения, а также более глубокое понимание самого явления юродства как такового.

Ключевые слова: юродивый; сюжетно-композиционная полисемия; полифоничность; литературная традиция; «память жанра».

Понятия «юродивый», «юродство», «юродствовать» занимают значительное место в художественном тексте Ф. М. Достоевского. При этом автору свойственно их широкое понимание и толкование. Так, юродство у Достоевского – это и «экстраординарное состояние духа человека, дерзающего сказать то, о чем другие молчат» [Сараскина 1990: 140]. Юродство также – «простодушие, бескорыстие, честность, доброта, кротость, совестливость» [там же].

Многочисленные нетрадиционные и потому неоднозначные образы юродивых, наполняющие романы Ф. М. Достоевского, параллели с Евангелием, переключаясь с карнавальными традициями привлекали внимание многих известных исследователей творчества Ф. М. Достоевского: М. М. Бахтина, Р. Я. Клейман, В. А. Михнюкевича и др. Однако большинство из них, на наш взгляд, рассматривают исключительно воспроизведение разных граней юродства и «юродствования» в романах Достоевского, не обращаясь к целостному анализу сущности юродства в художественном мире писателя.

Полифоничность, характерная для романов Ф. М. Достоевского, распространяется и на самих юродивых, что до настоящего времени не было отмечено в работах, затрагивающих тему юродства в художественной системе писателя.

Образы юродивых в романах глубоко диалектичны: и в культурном (сочетание нескольких традиций), и в содержательном, и в композиционном плане (сюжетно-композиционная полисемия). Данная диалектичность является, на наш взгляд, новаторской применительно к литературной традиции изображения юродивых.

Наиболее сложным нам представляется образ Марьи Тимофеевны Лебядкиной. Диалектичность образа прослеживается прежде всего в прототипах. При этом нельзя достоверно определить, кто является истинным прототипом образа. Так, М. С. Альтман считает, что вышедшая из монастыря Марья Тимофеевна – вариант реально существовавшей юродивой Марии Ивановны, «тоже хромой, взятой из богадельни» [Альтман 1932: 144]. Однако сходство исторического лица и художественного персонажа в данном случае ограничивается только именем и чертами физического облика. Ю. М. Лотман прямо соотносит сюжетную ситуацию брака Хромоножки со Ставрогиным с «повестью о бесноватой жене Соломонии»: «Если даже не считать, что Достоевский сознательно ориентировался ... на образ Соломонии, которая совершала грехопадения с бесами, порождала их и становилась их же жертвой, то нельзя не признать, что народная легенда во многом “предвосхитила” художественную

форму воплощения мысли о засилии зла, которую Достоевский избрал в «Бесах...» [Лотман 1974: 309–311]. Вместе с тем необходимо отметить, что эта концепция также не лишена противоречий. В данном случае имеет смысл говорить, скорее, о свойственной художественному миру писателя способности образов юродивых сочетать в своем сознании реальное и ирреальное, бывшее и небывшее.

Учитывая свойственное поэтике писателя пересечение сюжетных линий разных романов в одном композиционном узле, представляется, что можно говорить о связи образов Марьи Тимофеевны из романа «Бесы» и Лизаветы Смердящей из романа «Братья Карамазовы». Обеих героинь сопровождает мотив рождения ребенка (у Марьи Тимофеевны, возможно, только в воображении, у Лизаветы Смердящей – в реальности), причем ребенка, предположительно, именно демонического¹. Таким образом, вполне справедливо отметить, что оба исследуемых художественных персонажа (Лизавета Смердящая и Марья Тимофеевна) имеют в основе один и тот же прототип, а различие их обусловлено задачами, поставленными автором в романах. Данная гипотеза представляется нам наиболее верной.

Большую роль в содержательно-культурной наполненности исследуемого образа юродивой играет, на наш взгляд, пласт мифологический (в речи Хромоножки отражены основные особенности народного мировосприятия, народного сознания).

Обратим внимание на постоянные детали убранства комнаты Лебядкиной: свечка в железном подсвечнике, кроме нее маленькое деревенское зеркальце, старая колода карт, истрепанная книжка какого-то песенника. Нельзя не согласиться с В. А. Тунимановым: «Быт здесь тяготеет к “инобытию”, вещи из обыденного перемещаются в символический ряд» [Туниманов 1972: 148]. Нельзя не заметить, что подобная совокупность названных деталей убранства комнаты Лебядкиной (безусловно, символическая, значимая) прежде всего воспроизводит символику святочных обрядов; магическую, «ведовскую» символику, где каждая деталь многозначна.

При этом очевидно, что семантика святочного гадания в целом и семантика карт в частности не только не соответствуют сути образа юродивой, но и противоречат ему. Перечисленные детали являются в первую очередь мирской, суетной принадлежностью, свойственной ведуньям гораздо более, нежели юродивым. Однако в этом проявляется одна из основных особенностей юродства в художественном мире Достоевского, отчасти отражающая культурную ситуацию: юродивый в народном представлении входит в

один ряд, в одну семантическую параллель с дурачеством, шутовством и нечистой силой. По свидетельству Ф. И. Буслаева, в «народном сознании шутовство – игра – нечистая сила – юродство составляют один семантический ряд», по мнению Р. Я. Клейман, соотносимый с художественной системой Достоевского. Таким образом, можно заключить, что юродивый Достоевского не просто вмещает в себя миры сознаний других героев, но и является полиобразом, сочетающим в себе черты культурные и художественные различных персонажей. Именно этим объясняется размытость, неопределенность термина «юродивый» в исследованиях достоевсковедов.

Однако возможна и иная интерпретация данного эпизода. Значимо, с нашей точки зрения, своеобразие языка юродивой. На протяжении всего романа Марья Тимофеевна говорит фольклорными формулами: вспомним ее обращения к матери Ставрогина, к самому князю («Только мой – ясный сокол и князь, а ты – сыч и купчишка! Мой-то и Богу, захочет, поклонится, а захочет, и нет, а тебя Шатушка... по щекам отхлестал» (X, 219)² и т.д.). Поэтому закономерно предположить, что постоянные детали убранства ее комнаты – отчасти своеобразное пророчество на фольклорном уровне о Ставрогине, который стал сродни ее брату-лакею. Нельзя не согласиться в данном случае с замечанием Е. Г. Кабаковой: «...Неудивительно, что Хромоножка приобретает мирские, русские черты: в ее душе живут и отражаются народные представления о бесах и бесовстве. Злые силы здесь рафинированы, лишены темных чар, легко приняты, ибо они представлены в виде символических атрибутов зла (карты, свеча, зеркало и прочее), которые известны нам из фольклора» [Кабакова 1997: 97].

Такая особенность связана также с сюжетно-композиционной полисемией, свойственной текстовому пространству романа Ф. М. Достоевского. Образ Марьи Тимофеевны несет в себе точки пересечения многочисленных героев преданий и литературных произведений. Так, он содержит прямую аллюзию к сюжету группы славянских преданий, выделяемой А. Афанасьевым, «повествующих о любовных связях огненного змея и похищении им дев» [Афанасьев 1998: 576]. «Если очарует какую любовным обаянием – то зазноба ее неисцелима вовеки; зазнобу эту ни заговорить, ни отпоить нельзя. ...От его поцелуев горит красна девица румяной зарею, от его приветов цветет она красным солнышком. Без него красна девица сидит во тоске во кручине; без него она не глядит на божий свет, без него она сушит-сушит себя!» [там же: 273–274].

При обращении к тексту романа можно отметить некоторое соответствие образа Хромоножки приведенному отрывку: «мечтательница чрезвычайная; по восьми часов, по целому дню сидит на месте. Вот булка лежит, она ее, может, с утра только раз закусила, а докончит завтра» (X, 115). Она не видит Божьего света, целыми днями живя лишь своими мечтами и видениями, как зачарованная, замороженная; но тем не менее знает этот Божий свет, не видя, а провидя, заглядывая в души людей: «Странно мне на вас всех смотреть; не понимаю я, как это люди скучают. Тоска не скука. Мне весело» (X, 115); «Посмотрела я на вас тогда: все-то вы сердитесь, все-то вы перессорились; сойдутся и посмеяться по душе не умеют. Столько богатства и так мало веселья – гнусно мне это все» (X, 216–217). Она «сушит» себя, забывая о пище, о чем свидетельствует и ее фигура, болезненно-худощавая.

Однако та же семантика святочного гадания имеет прорыв в более широкий литературный контекст. Так, не ограничиваясь использованием автореминисценций, характерных для сюжетно-композиционной полисемии, Достоевский включает в текст «целый ряд скрытых “чужих” цитат на уровне мотивов. Чтобы выявить этот реминисцентный пласт значений, обратимся к развитию одного балладного сюжета, который условно может быть обозначен как “сюжет Леноры”» [Клейман 1985: 130]. В русскую литературу он вошел тремя версиями, вариациями на одну и ту же тему: «Людмила» (1808), «Светлана» (1812), «Ленора» (1831) (впоследствии был развит в катенинской «Ольге», «Женихе» А. С. Пушкина. Тот же сюжет присутствует в сне Татьяны Лариной из пушкинского «Евгения Онегина», в «Метели»). При этом они, по мнению Р. Я. Клейман, «составляют своеобразный триптих, демонстрирующий читателю амбивалентность мотива живого-мертвого. Во всех трех балладах можно выделить следующие устойчивые моменты: спящая-мертвая невеста; оборотень-мертвец жених; взаимопревращение обрядов свадьбы-похорон» [там же]. Этот мотив-эпизод дает иное освещение всей концепции и структуре романа. Необходимо при этом обратить внимание на то, что именно брак Ставрогина с Хромоножкой, его обнаружение (объявление) – момент, вокруг которого крутится центральное действие романа.

В связи с этим закономерно отметить полисемию как одну из особенностей поэтики романа Достоевского, выявленную М. М. Бахтиным, – «память жанра»: «жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития» [Бахтин 1972: 179]. Однако именно мотив брака / свадьбы Хромоножки

со Ставрогиным выявляет еще одно противоречие в образе Марьи Тимофеевны: юродивый по своей сути одиночка, он вне всякого социума и вне культуры; соответственно, брак противоречит сути юродского подвига. Тем не менее следует обратить внимание на этот мотив, поскольку и сам брак здесь не соответствует обычным о нем представлениям. По сути, это брак двух одиночек (но Ставрогин не юродивый), брак вне социума, против всех его законов. Кроме того, мотив брака в данном случае «ведет за собой» мотив мертвого жениха (жизнь Ставрогина прошла до начала романа, что отмечается многими исследователями, в том числе Н. Бердяевым) и, соответственно, мотив мертвой невесты, что хорошо прослеживается в образе Марьи Тимофеевны Лебядкиной («Теперь уж одна-одинешенька! Поздно мне третью жизнь начинать» (X, 217)): две жизни прошло, а третья не началась и поздно ее начинать.

Этот парадоксальный момент отчасти роднит Ставрогина и Лебядкину как представителей небытия. В связи с этим значимой является хромота Лебядкиной: в соответствии с фольклорными представлениями она может восприниматься как элемент «беснования». «И уже хромота знаменует ее тайную богоборческую вину – вину какой-то изначальной нецельности, какого-то исконного противления Жениху, ее покинувшему» [Иванов 1993: 337]. Еще более усиливает такое восприятие тот факт, что в тексте романа не указана причина хромоты Марьи Тимофеевны, она – «как бы от века», изначальна, неотъемлема от юродивой.

Немаловажно при этом, что один и тот же мотив переходит у Ф. М. Достоевского из одного романа в другой, «прикрепляясь» к совершенно разным по своей сути художественным образам. Так, мотив свадьбы-похорон в «Бесах», связываемый логически с литературно-фольклорной параллелью, переходит также и в роман «Братья Карамазовы», однако уже в ином качестве. Здесь он неразрывно связан не с юродивой и бесноватым. Литературный мотив свадьбы-похорон в данном случае косвенно реализуется в отношениях Дмитрия Карамазова и Грушеньки. Примечательно, что центральное действие романа, по сути, также заключается в рассматриваемом мотиве.

Однако невозможно поставить знак абсолютного равенства между интерпретацией данного мотива, предложенной Р. Я. Клейман, и мотивом брака-свадьбы в художественном пространстве романа. Брак Хромоножки со Ставрогиным фиктивный. Ставрогин не видит свою жену и, по сути, не нуждается в ее присутствии. Собственно, центральный в романном настоящем мотив брака

юродивой и бесноватого несет в себе ядро идеи юродства у Достоевского.

В романах писателя происходит практически прямое сопоставление-наложение образов Христа и юродивого. Юродивый приходит в мир не для того, чтобы обличать, а для того, чтобы искупить грехи людей на земле. Таким образом, проявляется почти евангельский сюжет: чужие грехи и чужое страдание юродивый, подобно Христу, призван искупить своим страданием (со-страданием). «Сострадание – вот единственный закон бытия человечества» (V, 65). Это образы людей, первоначально чистых духовно, несущих в общество забытые заповеди Христовы, не проповедуя, а воплощая их в своем существе; это человеческий идеал духовного совершенства. Это не сознательный подвиг, требующий лишения, а жизнь, от рождения принятая и прожитая как подвиг в сознании окружающих. Юродивый Достоевского не чувствует и не осознает каких-либо лишений, он жив «не хлебом единым». В связи с этим становится символическим рассматриваемый мотив брака-свадьбы юродивой и бесноватого.

Это закономерно, учитывая особенности поэтики писателя. Юродивый Достоевского всегда рядом с великим грешником, дабы ликом своим спасти его, остановить в нужный момент (хотя бы памятью о себе: вспомним разговор Ивана Карамазова с Алешей в трактире). В этом можно увидеть некоторое сходство с агиографическими образами юродивых. Значимо, что герои, совершившие грех, в романах Достоевского, как правило, на исповедь приходят именно к юродивому (не к священнику).

Кроме того, полифонизм, как важнейшая особенность поэтики Достоевского, движущая сила сюжета, предполагает изначальную неразрывную связь образов юродивого и бесноватого. В какой-то мере можно говорить о том, что юродивая представляет собой совесть, своеобразное второе «я» героя (другими словами, юродивый и бесноватый – одно целое). Таким образом, следует отметить глубокую трансформацию мотива свадьбы-похорон. Немаловажно при этом обратить внимание на то, что Достоевский не ориентировался осознанно на этот мотив и его воплощение в литературе. Тем не менее имеет смысл выделить его как составной компонент сюжетостроения (свидетельствующий отчасти о реализации культурной и литературной праямности).

Как отмечают многие исследователи-достоевсковеды, практически во всех героях Достоевского сочетаются «идеал мадоннский и идеал содомский», что и приводит к двойственности, точнее, раздвоению внутренней сущности образов героев. Это отчасти объясняет связь

юродивого и бесноватого как двух сторон одного целого. Юродивый приходит в мир, чтобы пострадать вместе с грешным и вместе спастись, воскреснуть (ибо грех в художественном мире Достоевского равняется духовной смерти). Грех, совершенный героем, парадоксальным образом ложится на плечи юродивого. Именно в связи с этим юродивый герой Достоевского несет в себе «порог», изначальную «нецельность». «Главный смысл, ради которого преодолевается порог, – это обретение новой онтологии, нового видения» [Карасев 1994: 106]. В связи с этим становится более понятным уход Мышкина в небытие, высказывание Марьи Тимофеевны о двух прожитых жизнях.

Ярко прослеживается связь юродивого и бесноватого на уровне мотива двойничества. Немаловажно, что двойники в романах есть не только у героев-грешников, но и у юродивых. Причем двойник юродивого не шут, а именно бесноватый герой. Так, в романе «Бесы» двойником Марьи Тимофеевны вполне правомерно назвать Лизу. Это проявляется и на семантическом, и на композиционном уровнях.

Значима в этом плане сцена последней встречи Лизы со Ставрогиным, описанная в части третьей, главе третьей «Законченный роман». По словам самой Лизы, уже вошедши накануне к Ставрогину, она отрекомендовалась мертвецом: «А помните, я вчера, входя, мертвецом отрекомендовалась? Вот это вы нашли нужным забыть. Забыть или не приметить...» (X, 398). Эта фраза прямо соотносится с высказыванием Марьи Тимофеевны также в последнюю ее встречу со Ставрогиным: «Теперь уж одна-одинешенька! Поздно мне третью жизнь начинать» (X, 217). Таким образом, встреча со Ставрогиным становится символом конца жизни («Я прожила мой час на свете и довольно. Я не хочу походить на Христофора Ивановича и сидеть весь день» (X, 398–399)). Вспомним, что сам Ставрогин, как и Марья Тимофеевна, предлагает Лизе куда-нибудь уехать вместе: «Куда нам ехать вместе сегодня же? Куда-нибудь опять “воскресать”? Нет, уж довольно проб...» (X, 399). Еще одной чертой, сближающей Лизу с Хромоножкой, становится жалость к себе: «Я ужасно люблю плакать “себя жалеючи”» (X, 401) (данная фраза вполне соотносима с выражением Хромоножки о том, что две жизни прожиты, третью начинать поздно; и теперь ей только себя одну жаль).

Важно, что отдаленно образ Ставрогина напоминает образ Аркадия Ивановича Свидригайлова в романе «Преступление и наказание». Подобно Марье Тимофеевне, Лиза видит внутреннюю сущность, мысли Ставрогина: «Мне всегда казалось, что вы заведете меня в какое-нибудь

место, где живет огромный злой паук в человеческий рост, и мы там всю жизнь будем на него глядеть и его бояться. В том и пройдет наша взаимная любовь» (X, 402). Другими словами, любовь, жизнь со Ставрогиным представляется как переход в иной мир, равный по своей сути восприятию Свидригайловым существования после смерти как банки с пауками.

Таким образом, смерть Лизы логически закономерна, неизбежна. Причем именно этот художественный персонаж в большей мере сближается с образом из «повести о бесноватой жене Соломонии», которая совершала грехопадения с бесами, порождала их и становилась их же жертвой.

Знаменательно восприятие пространства и времени в рассматриваемой сцене. Час становится мерой счастья и мерой жизни; час как жизнь, по прошествии которого нет ничего – ни жизни, ни счастья, все призрачно. Немаловажно, что часом перерождения, перехода в иной мир в обоих случаях становится час ночной (что мифологически достаточно значимо, поскольку полночь считается пограничным временем суток). Пространства нет, время останавливается (вспомним слова Лизы, стоящей у окна в доме Ставрогина; вполне правомерно именно этот дом назвать местом того самого паука в человеческий рост): «По календарю еще час тому должно светать, а почти как ночь... Все врут календари» (X, 398). Немаловажно поведение Лизы, когда она вышла из дома Ставрогина: она потеряла дорогу, ощущение места и времени; шла, сама не зная куда («Та не вырвала руки, но, кажется, была не при всем рассудке, еще не опомнилась. ...Лиза летела как птица, не зная куда» (X, 408, 410)). На основании этого можно говорить о возникающем мотиве проклятого места и проклятого героя (за свою надежду, мечту Ставрогин платит чужой жизнью, точнее, жизнями), который ведет за собой мотив жизни, разочтенной на час. При этом интересно отметить, что, как и у Марьи Тимофеевны, у Лизы словно открывается дар предвидения: она, подобно юродивой, видит свою и его судьбу («Разочтите и вы так свою [жизнь]... впрочем, вам не для чего; у вас так еще много будет разных “часов” и “мгновений”»).

Неоднозначность образа юродивой, ее связь с образами шута, бесноватого проявляется в характерной для романного пространства Ф. М. Достоевского проблеме родства. Так, родной брат Марьи Тимофеевны – шут, отставной капитан Лебядкин; муж (хотя и фиктивный) – бесноватый Ставрогин (вспомним его высказывание в разговоре с Дашей о маленьком насморочном бесенке из неудавшихся, который приходит к нему вечерами, – одной из сторон его собственного «я»); ее романский двойник – бесноватая Лиза. Подоб-

ный мотив родства с бесноватыми героями достигает апогея своего развития в романе «Братья Карамазовы».

Характерно, что Марья Тимофеевна – лейтмотивный персонаж Достоевского, стоящий в одном ряду с Соней из «Преступления и наказания», Зосимой и Алешей из «Братьев Карамазовых», почитающих землю. Идея поклонения земле – одна из самых заветных у Достоевского; земля для него – это «высшая реальность и одновременно тот мир, где протекает земная жизнь духа, достигшего состояния истинной свободы... Это третье царство – царство любви, а потому и полной свободы, царство вечной радости и веселья» [Энгельгардт 1924: 93]. Интересно, что практически все юродивые Достоевского несут как основную составляющую своих образов земное духовное начало. Любви к матери-земле научилась Лебядкина от старицы: «“...говорит, Богородица – великая мать-сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость”... Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор на молитве, творя земной поклон, каждый раз землю целовать, сама целую и плачу» (X, 116). Значимым является в данном случае мотив «целования» земли-матери: поцелуи как безмолвная молитва о прощении грехов и как перенесение своих страданий «на плечи» земли (разделение страданий с землей). В связи с этим немаловажно, на наш взгляд, отметить, что в комнате Лебядкиной есть только одна икона, именно икона Богородицы. Таким образом, у нее есть Бог – это сама природа, Богородица – мать-сыра земля, но нет сына Божия Иисуса Христа. Возможно, этим вызваны ее слова Ставрогину, противоречащие, как кажется первоначально, образу юродивой: «Мой-то и Богу захочет, поклонится, а захочет, и нет, а тебя Шатушка (милый он, родимый, голубчик мой!) по щекам отхлестал, мой Лебядкин рассказывал» (X, 219).

Думается, принципиально невозможно рассматривать этот образ в рамках какой-либо одной традиции. Так, образ Марьи Тимофеевны содержит в себе элементы фольклорных, православных представлений о юродстве, но не сводится ни к одному из них; по своей семантике он гораздо шире, насыщеннее, что во многом объясняется спецификой поэтики Достоевского. В этом образе ярко проявляется особенность творчества писателя и его мировоззрения. Юродивый Ф. М. Достоевского – философский герой, с чем связана и его полифоничность в семантическом, композиционном планах. Можно говорить о практически прямом сопоставлении-наложении как образов юродивого и Христа, так и образов юродивого и матери-сырой земли.

Земля у Ф. М. Достоевского – образ сложный, многозначный. С одной стороны, он по романной логике сопоставляется с образом матери-Богородицы: земля обожествлена и несет в себе великую христианскую идею. С другой стороны, образ Земли – это образ-идея человеческих истоков, образ прапамяти человеческой, культурной, литературной.

В этом плане, как нам представляется, закономерно, что образы юродивых у Достоевского неразрывно связаны с образом-мотивом ребенка. Следует отметить сравнения Марьи Тимофеевны, Алеши Карамазова с детьми. Такое сопоставление дает возможность трактовать данные образы двойко: с одной стороны, оно позволяет говорить об их нравственной и духовной чистоте, доброте, простодушии и, как естественном следствии, чудаковатости, странности, непохожести на других. С другой стороны, подобное сравнение является прямой аллюзией к образу Иисуса Христа. В ребенке, по Достоевскому, воплощен образ Божий. Таким образом, юродивый в романах есть образ и подобие младенца Христа, пришедшего на землю, дабы искупить грехи людские своим крестным страданием. Можно в какой-то мере сделать вывод о том, что именно ребенок представляет собой человеческие истоки – первоначально чистое, безгрешное существо. Таким образом, юродивый выступает как воплощение истоков. Развивая данную мысль, можно заметить, что юродивый Достоевского в какой-то мере отсылает нас к первосозданию мира: об этом, в частности, свидетельствует свойственное Марье Тимофеевне стремление к созданию собственного мира. Образ земли в исследуемых романах не является центральным (находится как бы в подтексте; это одна из составляющих явления), тем не менее представляется одним из важнейших для понимания юродства у Ф.М. Достоевского.

Следует отметить также большое влияние на образы юродивых у Ф. М. Достоевского византийской культуры, откуда пришло на Русь явление юродства, трансформировавшееся уже на русской почве. Значимо, что в Византии исцелившиеся бесноватые могли образовывать при церкви «особую группу зависимых людей. В их поведении присутствует элемент провокации, которая может преследовать религиозные цели и быть в той или иной мере санкционирована церковью. Юродивые, возможно, опираются и на эту традицию» [Иванов 1993: 46]. Другими словами, юродивые изначально сочетали в своем поведении несколько традиций, различных представлений о духовном подвиге. В силу специфики поэтики Достоевского эта черта юродства оказалась на поверхности романного простран-

ства. В этом плане можно также говорить о «памяти жанра», реализовавшейся отчасти в аллюзии к византийским житиям юродивых.

Описанная болезнь Хромоножки напоминает эпилепсию, или падучую, как называют ее в народе, однако этот в определенной мере бесовской признак (страдающих эпилепсией называли беснующимися) оценивается иначе народами Востока. «Древние называли падучую священной болезнью. Народы Востока видели в ней тоже “нечто мистическое”, связанное с даром пророчества и ясновидения, божеское или бесовское» [Мережковский 1995: 50]. По своей сути это явление очень сложное и в романах Достоевского принадлежит не одним только юродивым.

В какой-то мере припадки, падучая юродивых у Достоевского связаны прежде всего с фольклорным началом, уравнивающим явления юродства и беснования как воплощение антиповедения.

Нельзя не отметить, что образ Марьи Тимофеевны имеет и глубокий изначально древний христианский смысл (смысл юродского подвига). Она, согласно канонам юродства, мнимо безумна, одинока, вне культуры и, пожалуй, вне того времени (это «образ-прорыв» в инобытие), которое изображено в романе; для нее характерны всепрощение, сострадание, высокая сила предвидения, обличения.

Резко различается поведение Марьи Тимофеевны на людях (на паперти, в гостинной) и наедине со своими мечтами: в толпе она кажется безумной, странной, провоцируя неожиданную ситуацию, скандал («крепко набелена и нарумянена», с бумажной розой в волосах, «дама шла хоть и скромно опустив глаза, но в то же время весело и лукаво улыбаясь»), наедине с собой проявляется ее внутренняя гармония: «тихие ласковые, серые глаза ее были и теперь еще замечательны; что-то мечтательное и искреннее светилось в ее тихом, почти радостном взгляде» (X, 114). Важно, что и обличения, характерные для юродивой, звучат именно в сценах вдвоем (вспомним эпизод со Ставрогиним). Образ Хромоножки, оригинальный, авторский, не имеющий по своей природе, значению большого сходства с агиографическими образами. Тем не менее достаточно четко прослеживаются основные элементы юродства в древнерусском понимании. Так, на людях юродивый – лицедей, а именно наедине с собой он снимает дневную личину, становясь самим собой; именно в одиночестве молится.

Немаловажным нововведением Ф. М. Достоевского является также показ «сознания» юродивой (не самосознания, свойственного остальным героям). Это сознание, спутанное, полубредовое, наполненное «обрывками» мыслей, как нельзя

более соответствует сущности образа юродивой: как мы знаем, «бытие юродивого отражает чье-то другое бытие» [Бахтин 1975: 309], вмещает в себя миры чужих сознаний. Такое сознание можно назвать сознанием-перевертышем, средоточием мироздания. Немаловажна в этом смысле и существенная особенность образа юродивой: она как бы создает мир по-своему, в своем сознании. В Хромоножке мир впервые создается, пересоздается, преображается: «... Уж, наверно, переделала все по-своему и нас принимает уже за иных, чем мы есть» (X, 115). Беспорядочность проявления сознания юродивой отсылает к первоначальному хаосу, реализуя культурную прапамять. В какой-то мере это можно считать воплощением близкой Достоевскому идеи земли, почвенничества, обращения к своим истокам.

Два других образа юродивых в романе «Бесы» – Семен Яковлевич и Тихон – не обладают столь широкой культурной многогранностью. Тем не менее можно по аналогии с образом Хромоножки отметить их сущностную двуплановость. Так, семантика карнавального обрамления сцены у Семена Яковлевича так или иначе переводит этот образ на уровень несколько сниженный, что связано отчасти с относительно ироничным отношением автора. Примечательно при этом сохранение юродского зрелища и свойственных юродивым обличений и пророчеств.

Двуплановой является фигура старца Тихона. Характерно, что в его образе также прослеживаются черты бесноватого: страдает «по временам какими-то нервными судорогами» (XI, 6), что сближает его отчасти с Марьей Тимофеевной. В данном случае зрелищность, присущая юродскому подвигу, отсутствует, как, впрочем, и обличения, но именно в этом образе с большей силой прослеживается свойственное юродивым всепрощение, сострадание, высокая сила предвидения. Сближает его с Хромоножкой и характер убранства кельи, где «рядом с дубоватой старинною мебелью с протертою кожей стояли три-четыре изящные вещицы... Были гравюры «светского» содержания и из времен мифологических, а тут же, в углу, большой киот с сиявшими золотом и серебром иконами, из которых одна древнейших времен, с мощами... Рядом с сочинениями великих святителей и подвижников христианства находились сочинения театральные, “а может быть, еще и хуже”» (XI, 7). На наш взгляд, для характеристики образов юродивых Достоевского большое значение имеет характер убранства комнат. Интерьер выступает как одно из средств выражения «сознания» юродивого как бы изнутри. Другими словами, сознание юродивых (внутренний, противоположный зрелищному, план) выражается не прямо (не через само-

сознание героя), а через убранство жилища, юродское слово, отношение окружающих (общества). Таким образом, отчетливо прослеживается углубление в сущность юродства и сущность главного героя сквозь призму юродского сознания старца Тихона: именно в данной сцене раскрывается духовная сущность Ставрогина, до этого загадочного, сложного, замкнутого. Образ Тихона наиболее религиозно ориентирован (можно сказать, что в нем совмещаются черты старца, святого, юродивого), в нем реализуется глубинная суть юродства. Характерно, что если для Марьи Тимофеевны свойственна сюжетно-композиционная полисемия, выражающаяся в реминисценциях к ряду определенных литературных произведений, то в данном случае можно увидеть реминисценции к евангельским текстам (в частности, притче о блудном сыне).

Следует отметить, что именно Ф. М. Достоевский показывает воплощение нескольких традиций (точнее, нескольких планов, уровней восприятия юродства как явления) в образах юродивых. Именно в романе «Бесы» наиболее полно проявляются разные традиции юродства. В какой-то мере это можно назвать реализацией основных идей Достоевского. Три романских образа юродивых совместно воплощают пророчество о судьбе России.

На этом основании можно предположить, что образ Тихона, старца, несет в себе идею истинной глубокой веры, великого всепрощения, провидчества. Немаловажно, что именно этот образ в романе «Бесы» по своей семантике сопоставляется с образом Христа в легенде о «Великом Инквизиторе». Особенно значимым в данных сценах является взгляд героев, который своим прозрением тяготит грешников. Большое значение имеет в романах Достоевского «лик» юродивого. Следует напомнить, что слово «лик» употребляется по отношению к изображениям святых на иконе, поэтому подобный «портрет» обуславливает несколько иконописное, иконографическое восприятие юродивого.

Немаловажно, что портрет как описание внешности юродивого писатель приводит в обоих романах, тем не менее он не несет большой семантической нагрузки, не имеет существенного значения. Напротив, истинным портретом становится яркая, емкая деталь, слово или фраза, данные зачастую не в авторском тексте, а в репликах героев. Зосима лицо Алеши Карамазова называет ликом. В лице Тихона в романе «Бесы» и Христа в легенде о «Великом Инквизиторе» внимание акцентируется именно на глазах, взгляде, что также воссоздает семантику иконописного лика. Таким образом, во-первых, практически всех юродивых Достоевского выделяет

взгляд. Почти во всяком описании внимание акцентируется на взгляде юродивого; он имеет большое значение для автора. Именно взгляд Марьи Тимофеевны Лебядкиной дает возможность утверждать, что ее безумие мнимое. Вторых, подобный «иконописный» взгляд, с одной стороны, воплощает отчасти церковную традицию восприятия юродивых, а с другой – именно он позволяет практически визуально, физиологически показать связь юродивого с иномирным (бытийственным), вечным и единственно истинным.

Во многом фольклорный образ Марьи Тимофеевны несет в себе одну из главнейших идей Достоевского – о глубинной связи с народом, с почвой, своими истоками («Ваш брат говорил мне, что тот, кто теряет связи с своею землей, тот теряет и богов своих, то есть все свои цели» (X, 514)). При этом мотив «беснования» в данном случае выступает как мотив созидания (создания) мира, преображения его в сознании юродивого.

В большей степени мирским, воплощающим некое «сознание» общества, его мировосприятие, является, на наш взгляд, образ юродивого Семена Яковлевича.

Воплощение разных традиций восприятия юродства в образах юродивых Достоевского обусловлено прежде всего спецификой самих образов. В целом, образы юродивых в романах вполне правомерно назвать полиобразами и в семантическом, и в структурном плане: они вмещают в свое сознание, как уже говорилось выше, миры сознаний других героев; кроме того, эти образы поликультурны, вмещают в себя традиции разных культур, что, зачастую, обуславливает их некоторую противоречивость.

Романный юродивый – герой не абсолютно идеальный, герой ищущий. Несмотря на сохранение духовной сути юродства в художественном мире Ф. М. Достоевского, исследуемые нами образы несут в себе также некоторую долю надлома, изначальной «нецельности». Юродивый создает ситуацию «на пороге» в романах Достоевского, но в то же время уже в себе самом несет «порог». Интересно отметить, что тот же юродивый Алеша Карамазов, соотносимый при сопоставлении с черновыми записями с образом князя Мышкина, Князя-Христа, на протяжении романа только ищет свою веру и смысл существующего устройства мира. Знаменательно, что обретение веры происходит именно через призму образа мотива земли.

Именно с тем, что юродивый герой для Достоевского – в первую очередь герой философский, связано изображение юродства как бы «изнутри», которое реализуется посредством разде-

ления его зрелищного и внутреннего планов, проявлением «сознания» юродивого, особой ролью интерьерера в описаниях комнат-келий романтических юродивых.

По мысли М. М. Бахтина, основной особенностью романов Ф. М. Достоевского является «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов» [Бахтин 1972: 6–7]. С нашей точки зрения, сочетание неслиянных равноправных сознаний с их мирами возможно почти исключительно при концентрации писательского внимания на изображении пограничных состояний, состояний крайнего духовного напряжения, страдания. В этой связи в читательском восприятии создается устойчивое впечатление обнажения «последних» глубин личности. В этом плане представляется закономерным, вытекающим из особенностей поэтики писателя странное, «провокационное» поведение персонажей, чудачество, что, в свою очередь, типологически близко юродскому зрелищу, поведению шутов. Экспрессивность поэтики Достоевского «сталкивается» с провокационностью, «надрывом», «пороговостью», изначальной, исторически присущими юродивым. Их близость к смеховому миру позволяет создать обычный для произведений писателя «мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически не оправданных соотношений» [Лихачев, Панченко 1976: 3]. С нашей точки зрения, этим в большей степени обусловлена насыщенность романов писателя юродивыми, а также, по терминологии некоторых исследователей (Е. Г. Кабакова, Г. Померанц, В. В. Иванов и др.), «юродствующими».

По своей природе «бытие юродивого отражает чье-то другое бытие» [Бахтин 1975: 309]. В этой связи именно сквозь призму юродского зрелища или близкого таковому, посредством эпизодов с участием юродивых раскрывается истинная сущность остальных персонажей. Образы юродивых в романах Ф. М. Достоевского ключевые, эпизоды с их участием образуют сюжетно-композиционные узлы повествования. Художественная интерпретация исследуемых образов во многом определяет понимание сюжетно-композиционной организации произведений, поэтики, роли и места остальных персонажей в системе образов, концепции произведения, а также более глубокое понимание самого явления юродства как такового.

Изображение неслиянных сознаний с их мирами закономерно провоцирует также изображение юродского подвига как бы «изнутри». В этой связи значимо, что показано сознание юродивых, часто спутанное, несколько хаотичное, вмещающее в себя сознания, бытие других персонажей.

При этом возможным и закономерным становится сочетание нескольких традиций восприятия явления как предельное «обнажение» его истоков, глубинной сущности древнерусского подвига как такового.

Примечания

¹ Подробнее см.: [Гурова 2009].

² См.: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1972–1987. В дальнейшем ссылки на сочинения Ф. М. Достоевского даются по этому изданию с указанием тома и номера страницы в круглых скобках.

Список литературы

Альтман М. Иван Гаврилович Прыжов. Изд. политкаторжан. 1932. С. 143–144.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М.: Индрик, 1998. 684 с.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит., 1972. 470 с.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Гурова Е. П. Образы юродивых в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, 2009. С. 443–445.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1972–1990.

Иванов В. В. Безобразие красоты. Достоевский и русское юродство. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. университета, 1993. 151 с.

Кабакова Е. Г. Юродивые и «юродствующие» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. 1997. №1. С. 92–104.

Карасев Л. В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. №10. С. 90–111.

Клейман Р. Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе. Кишинев: Штиинца, 1985. 201 с.

Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.

Лотман Ю. М. Романы Достоевского и русская легенда // Реализм русской литературы 60-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1974. С. 129–141.

Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 623 с.

Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. 480 с.

Туниманов В. А. Рассказчик в «Бесах» Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике. Л.: Наука, 1972. С. 148.

Энгельгардт Б. Идеологический роман Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 2. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 71–109.

References

Altman M. Ivan Gavrilovich Pryzhov. Politkatorzhan Publ., 1932. P. 143–144.

Afanasjev A. N. Poeticheskie vovzrenija slavjan na prirodu [Poetic views on the nature of the Slavs]. Vol. 2. Moscow: Indrik Publ., 1998. 684 p.

Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura Publ., 1972. 470 p.

Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane: Oчерki po istoricheskoi poehtike [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on historical poetics]. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i ehstetiki [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura Publ., 1975. P. 234–407.

Gurova E. P. Obrazy jurodivykh v romane "Besy" F. M. Dostoevskogo [Images of fools in the novel "The Possessed" F. M. Dostoevsky]. Materialy XVI Mezhdunarodnoj konferencii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Lomonosov". Sekcija "Filologija" [Proceedings of the XVI International Conference of Students and Young Scientists "Lomonosov". Section "Philology"]. Moscow: MAKSPRESS Publ., 2009. P. 443–445.

Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. [A complete collection of works: 30 vol.]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1972–1990.

Ivanov V. V. Bezobrazie krasoty. Dostoevskij i russkoe jurodstvo [Ugliness of beauty. Dostoevsky and the Russian foolishness]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1993. 151 p.

Kabakova E. G. Jurodivye i "jurodstvujushhie" v romane F. M. Dostoevskogo "Besy" [Fools and "the foolishness" in the novel of Fyodor Dostoevsky "Demons"]. Vestnik Cheljabinskogo universiteta [Chelyabinsk University Herald]. Ser. 2. 1997. No 1. P. 92–104.

Karasev L. V. O simbolakh Dostoevskogo [About characters of Dostoevsky]. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. 1994. No 10. P. 90–111.

Klejman R. Jak. Skvoznje motivy tvorcestva Dostoevskogo v istoriko-kulturnoj perspective [Cross-cutting theme of Dostoevsky's work in historical and cultural perspective]. Kishinev: Shtiinca Publ., 1985. 201 p.

Likhachev D. S., Panchenko A. M. Smekhojvoj mir Drevnej Rusi [Comic world of Ancient Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1976. 204 p.

Lotman Ju. M. Romany Dostoevskogo i russkaja legenda [Dostoevsky's novels and Russian legend]. Realizm russkoj literatury 60-h gg. XIX v. [Realism of Russian literature of 60th. XIX century.]. Leningrad: Nauka Publ., 1974. P. 129–141.

Merezhkovskij D. L. Tolstoj i Dostoevskij. Vechnye sputniki [Tolstoy and Dostoyevsky. Eternal Companions]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 623 p.

Saraskina L. I. “Besy”: roman-preduprezhdenie [“Demons”: a novel warning]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 480 p.

Tunimanov V. A. Rasskazchik v “Besakh” Dostoevskogo [The narrator in “The Possessed” by Dostoevsky]. Issledovanija po poehtike i stilistike [Research on poetics and stylistics]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. P. 148.

Ehngelgardt B. Ideologicheskij roman Dostoevskogo [Ideological Dostoevsky's novel]. F. M. Dostoevskij. Statji i materialy [Fyodor Dostoyevsky. Articles and materials]. Iss. 2. Leningrad; Moscow: Mysl' Publ., 1924. P. 71–109.

HOLY FOOLS IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVELS

Elena P. Gurova

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature
Perm State University

Literary scholars have developed an ambiguous attitude to the images of holy fools depicted in Dostoevsky's novels. The article deals with several traditions (or rather several planes, levels of perception of holy foolishness as a phenomenon) that were embodied in these images by the writer. The concepts of holy foolishness proposed in Dostoevsky studies mainly deal with the phenomenon within a particular tradition of its perception. The author departs from these concepts and suggests their own vision. According to the author, F. M. Dostoevsky creates a unique image of the holy fool to which Old Russian, religious or folk canons of understanding of the holy foolishness are not applicable. The images of holy fools in the writer's novels are defined as *poliobrazy* (“polyimages”) at both semantic and structural levels; each image embodies traditions of different cultures. Artistic interpretation of the images determines largely the understanding of the works structure (their plot lines and contexture), poetics, the role and significance of other characters in the whole set of characters and images, the concept of the work, as well as better understanding of the phenomenon of holy foolishness as such.

Key words: holy fool; contexture polysemy; polyphony; literary tradition; «memory of the genre».

КОНЦЛАГЕРНАЯ ПРОЗА: ОТ ДОКУМЕНТА К РОМАНУ

Наталья Александровна Петрова

д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. natpetrova1@gmail.com

Ирина Александровна Подавылова

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. podavilova@mail.ru

В статье анализируются произведения концлагерной проблематики – «Гетто в огне» М. Эдельмана (1945), «Я пережила Освенцим» К. Живульской (1946), «Гибель города» (1946) или «Пианист. Варшавские дневники 1939–1945» В. Шпильмана (1998), «Завтра не наступит никогда» (1992) Т. Биргер в соавт. с Дж. Грином, «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» (2008) М. Э. Шеффер и Э. Бэрроуз – для обоснования термина «концлагерный роман» в качестве определения особой жанровой модификации, выделяемой на уровне не только проблематики, но и формы, предполагающей документальную основу, константную фабулу, метафорику «обратной инициации», единство топоса и типа повествователя. Путь от документальной хроники (Эдельман) к беллетризованной автобиографии (Живульская) и собственно роману (Шпильман) не завершает процесса эволюции. Все увеличивающееся количество произведений такого типа, нарастающая временная дистанция между рассказываемым событием и событием рассказывания и все меньшее количество очевидцев, с одной стороны, приводят к мелодраматизму и формульности, характерным для массовой литературы, с другой – размывают границы данной жанровой модификации, становящейся одной из составляющих синтетической романной целостности. «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» демонстрирует новый этап модификации структуры концлагерного романа. Он не содержит автобиографического компонента или отсылки к документам, но его фабульная составляющая воспроизводит топос концлагеря, все этапы ведущего туда пути, известные по документальным повествованиям, и все мотивы, характерные для романа такого типа.

Ключевые слова: концлагерный роман; жанровая модификация; топос; метафорика; «обратная инициация».

Соотношение fiction и non fiction повествования не одинаково в различные эпохи. «История литературы демонстрировала то возрастание, то спад интереса к факту. В зависимости от исторических предпосылок она то замыкалась в особых, подчеркнута эстетических формах, то сближалась с нелитературной словесностью» [Гинзбург 1977: 10–11]. А. Пушкин, откликаясь на замечание М. Орлова Н. Карамзину, зачем тот «в начале “Истории” не поместил... какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян», расценивает его как требование «романа в истории» [Пушкин 1977–1979, 8: 49–51]. «Ново и смело» – так характеризует Пушкин внедрение вымысла в документальный материал. В литературе второй половины XIX в. эстетический потенциал доку-

мента и его способность к интеграции с вымыслом уже осознаны и привычны.

«Сближение искусства с жизнью, вымысла – с действительностью» [Белинский 1948: 803] актуализируется в эпохи исторических потрясений. Катастрофические сдвиги в истории и культуре пришлось на XX в., но, вопреки широко известным словам Теодора Адорно о том, что после Освенцима стихов писать нельзя, означавшим отсутствие адекватного языка для описания событий, о которых невозможно говорить и в то же время преступно молчать, средства выражения нашлись. Их становление осуществлялось во взаимодействии документального и художественного начал.

В. Шаламов, одним из первых обратившийся к лагерной проблематике, противопоставляет документ роману: «Людам, прошедшим революции, войны и концентрационные лагеря, нет дела до романа... описание придуманной жизни... раздражает читателя, и он откладывает в сторону пухлый роман. <...> Сегодняшний читатель... убеждается только документом... Читатель не чувствует, что его обманули, как при чтении романа» [Шаламов 1998, 1: 357].

Шаламов, очевидно, не имеет в виду те документальные источники (приказы, рапорты, отчеты, заявления), которые обладают исторической, но отнюдь не эстетической ценностью. Эстетической ценности могут быть лишены и свидетельства очевидцев, способных лишь приводить неотрефлексированные факты. В. Шаламов говорит о документе иного характера, таком, что предполагает рассказ от первого лица, от очевидца и свидетеля, повествующего о времени и о себе. Повествование такого типа, свойственное автобиографиям, дневникам и мемуарам, обычно называется эго-документом – промежуточным звеном между фактографией и художественным произведением.

В основе любого текста концлагерной проблематики также лежат реальные события, и они всегда первичны по отношению к вымыслу. Фактическая составляющая этих книг одинакова, она базируется на исторических событиях. Воспроизводимые действия разворачиваются в специфической последовательности, диктуемой нацистскими представлениями о «порядке», в специфическом топосе концлагеря или гетто. Судьба повествователя образует становящуюся константной фабулу, но «различно сцепление и осмысление фактов. Субъективны связи между ними» [Банк 1978: 64–65], что определяет особенности сюжета. Переход от документа к роману совершается постепенно.

Примером документального произведения может служить книга Марека Эдельмана «Гетто в огне» (1945). По свидетельству С. Налковской, Эдельман принес рукопись со словами: «Я – не писатель. Это не литературные материалы, и не воспринимайте их как таковые» [Налковская 2009: 17]. Повествование Эдельмана представляет собой хронику образования, существования и уничтожения варшавского гетто, начиная с 1940 по 1943 г., с приведением текстов декретов и запретов, с фиксацией цен на еду, сообщением о действиях Бунда и других политических партий, сведениях о попытках организовать общественную жизнь гетто, о деятельности Сопротивления, о массовых расстрелах. Текст дополняется перечислением погибших участников Сопротивления и их фотографиями. Фамилия летописца восста-

ния в варшавском гетто упомянута один раз в перечислении бойцов, участвовавших в операции. Авторы подобных книг уже заголовком или подзаголовком акцентируют их достоверность¹. Заглавие М. Эдельмана может быть прочитано как в буквальном, так и в метафорическом смысле. Его воспоминания документальны и документированы, но вряд ли абсолютно объективны.

Реальные события, описанные Эдельманом, складываются в единую фабулу концлагерного романа (гетто – смерть; гетто – лагерь – смерть; арест – лагерь – смерть). Оценка эмоционального состояния загнанных в гетто евреев намечает сюжетную проблематику будущих произведений: состояние беспомощности и растерянности, паники и страха; стремление жить и готовность претерпеть страдания, выжить, для того чтобы сохранить память о погибших. Статистически преобладающий в реальности трагический конец – смерть – замещается чудесным спасением повествователя, должного поведать миру истину.

Способ изображения невозможной, фантастической реальности произошедшего может быть определен термином Дж. Э. Юнга как «документированный вымысел» Холокоста (documentary fiction) [Young 2004]. В случае с Эдельманом с его установкой на хронику этот вымысел, очевидно, минимален. Там, где основой оказываются такие промежуточные между non fiction и fiction жанры, как автобиография и мемуары, его функция возрастает.

Зарождение и становление установки на художественность можно проследить на примере двух книг воспоминаний о пребывании в оккупации, в гетто и в концлагере: «Я пережила Освенцим» Кристины Живульской (1946) и «Гибель города» (1946) или «Пианист. Варшавские дневники 1939–1945» Владислава Шпильмана в литературной обработке Е. Вальдорфа (1998). Два повествования представляют два варианта судьбы: В. Шпильман бежит из гетто и скрывается в развалинах Варшавы, К. Живульская попадает в Освенцим. Каждый из них проходит через узловые сюжетобразующие коллизии, становящиеся неотъемлемой составляющей последующего концлагерного романа.

Путь, который можно назвать (используя заглавие книги О. Волкова) «погружением во тьму» или «обратной инициацией» (с утратами и без обретений), складывается из определенных этапов. Первым становится непереносимое унижение и угроза насильственной смерти. Начиная воспоминания с первого дня в Освенциме, К. Живульская фиксирует момент утраты собственной идентичности татуировкой номера: «С этой минуты я перестала быть человеком. Перестала чувствовать, помнить. Умерла свобода, ма-

ма, друзья... Не было у меня ни фамилии, ни адреса. Я была заключенная номер 55 908. С каждым уколком иглы отпадала какая-то часть моей жизни». Концлагерь нивелирует людей и поглощает их. Остриженные наголо, переодетые в замызганные халаты не по размеру «все стали похожи одна на другую» [Живульская 1960: 13].

Первый день в Освенциме кажется невообразимым кошмаром. Но «проходит три недели, месяц – начинаешь жить жизнью лагеря». Место на тесных зловонных нарах уже через несколько дней становится «привычным и обжитым». Всякая перемена пугает, поскольку усложняет и делает непредсказуемыми обстоятельства существования. Постоянная забота о еде и одежде («Как достать (говорили: “организовать”) ложку... как “организовать” свитер, теплые штаны») перевешивает законы нравственности («Быть бы сытой. Это все. О свободе я перестала мечтать») [там же: 35, 42].

К концу войны, когда в печах сжигают по 20 тысяч человек в день, Кристине достается физически не тяжелая работа: сортировать вещи тех, кого гонят умирать. Она понимает, что «если хочешь жить», нельзя позволить себе сострадать и к крематориям «можно привыкнуть», если не сойдешь с ума в первый день. Она выживает благодаря собственной предприимчивости, взаимопомощи заключенных и песням, которые вдруг начинает писать, но остается «навсегда искалеченной» чувством вины, которую невозможно искупить.

Повествования Живульской – автобиография, Шпильмана – скорее, мемуары, хотя в позднем издании измененное название сопровождается жанровым определением «дневники»². Оба жанра подразумевают рассказ повествователя «о самом себе, о самовиденном и пережитом» [Елизаветина 1982: 273], но в автобиографии и мемуарах это «пережитое» уже дистанцировано воспоминанием и переосмыслением, чего нет в дневниковых записях.

Шпильман – музыкант из семьи польско-еврейских интеллигентов, не умеющих сражаться, чувствующих себя бессильными перед тотальным террором, привыкших «как всегда» полагаться на судьбу, тем более что они и «помыслить не могли, что (их) ждет». Они пытаются жить так, как будто ничего не изменилось, для того «чтобы держать себя в руках и создавать видимость нормальной жизни», сохранить достоинство в невыносимых обстоятельствах.

Унижение и страх наступают семью Шпильмана, когда они сталкиваются с жандармским патрулем, опознавшим в них евреев. Шпильман к началу Второй мировой войны был профессионально состоявшимся музыкантом. Известность спасла Шпильмана от смерти при встрече с патрулем: жандарм оказался музыкантом; она спасла

его (но не его семью) от лагеря Треблинки: узнавший пианиста полицейский буквально выдернул его из толпы загоняемых в вагоны евреев. В разбомбленной Варшаве его спасает немецкий офицер, для которого он «окостенелыми» пальцами играет Шопена.

Для Шпильмана оккупация и бомбежка Варшавы, уничтожение евреев, «предназначенных на убой» как «паразиты на здоровом теле арийской расы», – история раскола и распада мира, бесконечных утрат и обреченности человека на тотальное одиночество, «возврата к методам темного Средневековья» [Шпильман 2003: 39]. Свою личную историю он осмысляет как составляющую истории мировой цивилизации.

Так документ начинает обрастать рефлексией, в большей (у Шпильмана) или меньшей (у Живульской) степени, принимая форму романа – свободного, «не готового», «вторичного» жанра, способного вбирать в себя простые первичные жанры [Бахтин 1979: 239]. Этому способствуют беллетризирующие элементы (трогательная влюбленность заключенного в Кристину)³; метафорика и символика, проступающая в композиции повествования. Непритязательный биографический рассказ Живульской имеет кольцевое построение, он начинается прибытием в Освенцим в заколоченных вагонах-гробах и кончается под телегой с сеном, куда ей удастся спрятаться. Лагерь – инобытие, мир смерти, откуда мало кому удастся вернуться.

Повествование Живульской следует хронологии («Знакомство с Освенцимом», «Бжезинки», «Фронт приближается»). Части делятся на главы, каждая из которых описывает устройство концлагеря и заведенные в нем правила («Карантин», «Аусен», «Работа под крышей», «Ревир» и т.д.). Заголовки Шпильмана метафоричнее: «Пора детей и сумасшедших»; «Жест госпожи К.»; «Растревоженный муравейник»; «Эй, стрелки, вперед!..»; «Ноктюрн до-диез минор» и т.п., что дистанцирует повествователя от происходящего.

Повествователем в концлагерной документальной прозе выступает человек действующий и рассказывающий, две эти функции разделены временной дистанцией. В качестве рассказывающего он является очевидцем, свидетелем, носителем знания, которым он обязан поделиться, чтобы убитые не остались безвестными и неотомщенными. В качестве действующего – чудом спасшейся жертвой.

Двойной заголовок книги Шпильмана предполагает двуслойность конфликта и сюжета, мультиплицируемую говорящей фамилией автора (Spielmann – нем. музыкант). Таким образом, предполагается два действующих лица: В. Шпильман, оказавшийся в Варшавском гетто,

обреченный на пятилетние скитания и муки, и пианист – музыкант, обитающий в пограничной области между жизнью и искусством. Игра на расстроенном рояле, подтверждающая статус музыканта, отражает «расстройство» мироздания и муку потерянной души. Сама же музыка символизирует акт творения и противопоставлена разрушениям, чинимым нацистами. Образ пианиста наполняется метафизическим смыслом, обретая семантику поруганной чистоты и отвергнутой человечности. Рассказчик «Пианиста» не только констатирует происходящее, но на его основе выстраивает систему ценностей, которую не преступает в своем стремлении выжить и в желании осмыслить происходящее.

Можно ли считать концлагерным роман в таком виде, как он⁴ представлен, например, у Шпильмана, – вопрос актуальный и спорный. Указание на место действия свидетельствует о тематическом единстве, но особый хронотоп концлагеря, специфическая фабула, метафорика «обратной инициации» и тип повествователя складываются в сюжет, позволяющий рассматривать концлагерный роман как отдельную жанровую модификацию.

Путь от документальной хроники (Эдельман), к беллетризованной автобиографии (Живульская) и к собственно роману (Шпильман) не завершает процесса эволюции. Все увеличивающееся количество произведений такого типа, нарастающая временная дистанция между рассказываемым событием и событием рассказывания, которые «сливаются в единое событие художественного произведения» [Медведев 1928: 172–173], и все меньшее количество очевидцев, с одной стороны, приводят к мелодраматизму и формульности, характерным для массовой литературы, с другой – размывают границы данной жанровой модификации, становящейся одной из составляющих синтетической романной целостности.

Первый случай может быть представлен воспоминаниями Труды Биргер (в соавторстве с Дж. Грином) «Завтра не наступит никогда» (или «На завтрашнем пожарище», 1992).

Благополучные Биргеры (состоятельный и уважаемый отец, красавица-музыкантша мать, нарядные, красивые и воспитанные дети) стали «жертвами двух тоталитарных режимов», не сумев выбраться из оккупированной то русскими, то немецкими войсками Литвы. Далее фабула следует устоявшемуся канону. Семью Биргер, возвращающуюся с пикника, останавливает группа немецких солдат, которые разговаривают «с грязными евреями» «высокомерно и нагло» и если не бьют и не убивают их, то разве что потому, что они «недостойны были даже пули». «После этого случая, – констатирует Труды, – моя

жизнь уже никогда не была такой, как прежде» [Биргер 2003: 24–25]. При угрозе депортации в Сибирь семья скрывается в леднике. С этой имитации смерти (под землей, в могильном холоде) для них начинается Холокост – «конец всякой видимости нормальной жизни». Затем – гетто, обнесенное проволокой, конец детства. И, наконец, – лагерь, по сравнению с которым жизнь в гетто кажется вполне сносной.

Заглавие книги Биргер символическое, а названия глав – констатирующие, отмечающие этапы («От ледяного погреба к мосту», «От трудового лагеря до крематория»), преодолеть которые поможет только чудо. «Чудом» называет Труды женщина, видевшая, как та спасла от селекции свою мать. «Чудо» случается оттого, что Труды живет заботой о матери и «преисполнена верой в удачу»: именно ей помогает комендант лагеря, когда ее собираются бросить в топку крематория, именно она остается жива, когда снаряд попадает в ее больничную палату и т.п. Как в сказке, «чудеса» происходят троекратно, спасая Труды от стихий земли, огня и воды. «Чудеса» и «удачи» подкрепляются обращением к богу, который «позволил свершиться ужасным трагедиям», но поскольку молитвы не всегда доходят «по назначению», приходится применять сообразительность. «Чудеса», как и у Живульской и Шпильмана, персонифицируются, но в небывалых количествах. Сказочные формулы травестированы и вывернуты наоборот: Труды – «заколдованная принцесса», ставшая Золушкой и моющая солдатские туалеты, освободившись, вновь становится принцессой, которой она в любой ситуации не переставала себя чувствовать. Биргер, рассказавшая про «годы страха», почти через столетия после войны вспоминает их как достойно пережитое испытание. Написанная в 90-е гг., книга Биргер стала своего рода конденсатом концлагерного романа, и бывшие заключенные, решив рассказать свои истории, часто цитируют Биргер в качестве своего рода замены собственной истории, которую не умеют рассказать.

В эпистолярном романе Мэри Энн Шеффер и Энни Бэрроуз «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» (2008) действие происходит в Англии 1946 г. Начинающий писатель Джулиет Эштон получает письмо от некоего Доуси Адамса с острова Гернси, у которого случайно оказалась книга Ч. Лэма «Очерки Элии», когда-то принадлежавшая Джулиет. От Доуси Джулиет узнает о существовании клуба любителей книг и пирогов из картофельных очистков. По его просьбе участники клуба пишут Джулиет, каждый рассказывая свою историю. Все вместе они складывают мозаичную картину пережитого. Множество фабульных линий – отдельных судеб

– объединяются в общую судьбу как оккупированных, так и завоевателей.

Оккупация сначала не вносит в жизнь поселка особых изменений, если не считать эвакуации детей. Фашисты вначале старались «показать Британии, что немецкая оккупация – оккупация идеальная». Они «очень гордились, что отвоевали кусочек Англии». Но у солдат, идущих колонной, «глаза смотрели прямо перед собой, в пустоту. И этот взгляд был страшнее винтовок за плечами, страшнее ножей и гранат за голенищами. <...> Немецкое правосудие было настолько иррационально, что предугадать, какое наказание за каким преступлением последует, не представлялось возможным» [Шеффер, Бэрроуз 2010: 57–58].

Первое столкновение с немецким порядком происходит в той же ситуации, что и в предыдущих произведениях. Небольшая компания, засидевшись в гостях до комендантского часа, натывается на немецкий патруль. От гернейской тюрьмы или «кошмара из кошмаров» – концлагеря на континенте – их спасает только придумка несуществующего клуба любителей книги. Клуб приходится на всякий случай создать, и с его заседаниями «оккупация становилась терпимой».

Жители острова не заключенные, но они изолированы, лишены возможности передвижения и информации. В таком же положении находятся завоеватели, голодающие, как и местное население. Кроме того, на острове размещается концлагерь, куда «Гитлер прислал свыше шестнадцати тысяч заключенных»: «колонны живых скелетов в рваных штанах, очень часто без курток, дрожащих от холода, тело просвечивает сквозь дырки. Со всем мальчишки» [там же: 94]. Это «самое ужасное», что помнят жители о войне. А за пределами этого лагеря в лагере есть лагеря «на континенте». Так формируется классический топос острова – маленькой модели большого мира со своими освещенными, гонителями и праведниками.

Константная фабула концлагерного романа (концлагерь – смерть, концлагерь – освобождение) реализуется в жизни трех персонажей, два из которых задержаны по доносам соседей. Погибает одна из них – расстрелянная в Равенсбрюке Элизабет Маккенна. Случайно оказавшись на острове, она отказалась эвакуироваться, потому что ее подруга нуждалась в помощи. Элизабет попала в тюрьму за то, что прятала польского мальчика, пригнанного на остров для работы. Она погибла в концлагере, заступившись за избиваемую надзирательницей девочку.

Элизабет лишена функции рассказывания. За нее и о ней говорят другие, наперебой перечисляя те качества, которые они в ней ценили. Остров «не был ей родным домом, скорее, в сущности, местом заключения, но она ничего, приспособи-

лась» и не утратила способности сострадать. О поведении Элизабет в лагере рассказывает юная француженка Реми, освобожденная союзниками. Реми отправляет письмо на остров, зная, что «обязана донести... правду о жизни Элизабет».

Элизабет оказалась ключевой фигурой повествования, поскольку именно она придумала клуб, название которого объединяло нужды духовные и телесные, она свела вместе разных людей и, что важно, разные сюжетные пласты романа. Если один из них связан с историей оккупации, то второй – с организацией библиотеки.

Начав читать, члены клуба выбирают авторов себе по душе: Бронте, Карлейля, Шекспира, Сенеку, Марка Аврелия, Диккенса – «хорошие книги начисто отбивают охоту к плохим». Они открывают для себя «диспут» – «огромное развлечение». Читая, разговаривая, споря, они «с каждым разом становились ближе и дороже друг другу». К ним «постепенно присоединялись новые члены, и собрания сделались настолько яркими и оживленными», что люди «временами забывали об ужасах внешнего мира». Так «книжки влияют на... жизнь» [Шеффер, Бэрроуз 2010: 13, 25]. Каждый из читателей становится своего рода человеком-книгой. Многие персонажи романа – сироты в результате семейных трагедий (Элизабет, Доуси), или военных обстоятельств (вернувшийся из эвакуации Илая), или сразу того и другого (отец Реми умер до войны, мать – в Аушвице, как и Элизабет, «за укрывание врагов государства», братья пропали). Элизабет объединяет их в семью. Дочку Элизабет, после ее ареста и смерти, друзья передают из дома в дом, по замечанию недоброжелательницы, «берут... как библиотечную книгу – на несколько недель» [там же: 74].

Таким образом, соотносятся два пласта сюжета – реальный и иллюзорный. Связующим звеном между ними является Элизабет. Две дополнительные фабульные линии, обрастающие сюжетными мотивировками, основаны на сопоставлении Элизабет и Джулиет.

Элизабет полюбила доктора Кристиана Хеллмана – «обычного немца», только «умеющего сострадать». Оба они погибли, и ребенок остался на попечении ее друзей. Джулиет отвергла двух женихов (одного за нелюбовь к книгам, другого – за равнодушие к страданиям) и вышла замуж за Доуси, с которым ее свела книга Ч. Лэма, умеющего «гениально сострадать». Они удочерили ребенка Элизабет.

Второй объединяющий момент, является одновременно противопоставлением и сопоставлением: Элизабет – читатель, а Джулиет – писатель, ищущий сюжет для новой книги. Жители острова просят ее написать об оккупации, и она начинает

собирает материал для статьи. Но даже те, кто намеревался забыть о войне, вспоминают все новые и новые обстоятельства: «весь остров Гернси буквально пишет статью» за нее [Шеффер, Бэрроуз 2010: 37]. Джулиет еще только начинает понимать, что «здесь есть потенциал для книги», а эта книга уже пишет себя сама. Для того чтобы она не осталась еще одним сборником репортажей, «нужен центр повествования». Таким центром была Элизабет, и роман выстраивается вокруг ее судьбы. Эпистолярный роман не обязан придерживаться хронологии. Поведение Элизабет в разных ситуациях, описанное и оцененное с разных точек зрения, придает образу объемность и делает его жизненным. Джулиет видит Элизабет изнутри, поскольку они близки по натуре. Обе наделены способностью замечать светлые стороны темных вещей. Так, Джулиет избавилась от первого жениха, но потеряла свою библиотеку: если бы она позволила ему перенести книги в подвал, они бы не сгорели при бомбежке. Или: оккупация – зло, но, если бы не ее тяготы, жители острова «к книгам и не притронулись» [там же: 83].

Роман «Клуб любителей книг и пирогов с картофельными очистками» на первый взгляд трудно отнести к такой жанровой модификации, как концлагерный роман.

Константная фабула заключения в концлагерь и гибели (Элизабет) или чудесного спасения героя, обязующегося хранить память о погибших (Реми), воплощается в двух персонажах. Один из них не может свидетельствовать, потому что мертв. Другой призван свидетельствовать о том периоде жизни Элизабет, который неизвестен ни друзьям, ни хулителям. Свидетелями, но не всегда очевидцами, являются все жители деревни, дополняющие свои рассказы слухами и домыслами. Или, как говорит один из персонажей, он предпочитает «голые факты», но вынужден рассказывать о них «с прилагательными». Другой персонаж стирает с обложки своего дневника слово «размышления», поскольку собирается записывать только «факты», но эти факты он истолковывает прямо противоположно их действительному смыслу.

Единственным невымышленным фактом повествования в романе является факт оккупации острова Гернси и размещения там концлагеря. Вопрос о достоверности воспоминаний постоянно обсуждается в тексте, написанном авторами, которые свидетелями не могли быть, и в письмах действующих лиц. Иллюзорность воспроизводимых «фактов» дополняется «побегом от действительности» в иллюзорность художественных миров, что оказывается «благородным занятием», помогающим сохранить в себе человека.

«Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» демонстрирует новый этап модификации структуры концлагерного романа. Он не содержит автобиографического компонента или отсылки к документам, но его фабульная составляющая воспроизводит топос концлагеря, все этапы ведущего туда пути, известные по документальным повествованиям, и все мотивы, характерные для романа такого типа. Миру нацистского варварства противопоставляется мир культуры, представленный как пробудившейся страстью к чтению, так и множеством аллюзий. Название романа, очевидно, содержит отсылку к Рабле, к Панургу, который, оказываясь в новом для него месте, спрашивает, какие книги там читают и какие пироги едят. Псевдоним, под которым Джулиет пишет свои репортажи о войне, – Иззи Бикерштафф, он принадлежит Дж. Свифту (Бикерштафф означает палку для битья). Один из жителей, преданный друзьями и удалившийся на остров «растить капусту», напоминает о судьбе императора Диоклетиана. Повествование о страшных временах пронизано юмором, который есть «лучший способ перенести непереносимое». Этот юмор не срабатывает лишь тогда, когда арестовывают Элизабет. И это юмор торжествует, практически достигая состояния абсурда, когда у одной из жительниц острова обнаруживаются восемь писем Оскара Уайльда, адресованных им когда-то ее бабушке – тогда маленькой обиженной девочке. Попытка украсть письма вносит в повествование детективный элемент, противостояние добра и зла, культуры и варварства – притчевый, «благополучное обручение» (как у Джейн Остин) – сказочный, но, в отличие от литературных образцов, «сказка только начинается, и каждый день нас ждет новый поворот сюжета». Книга, которую берет в руки читатель, – это роман о том, как пишется роман, тот, что еще должен быть написан.

Примечания

¹ См., например: *В живых* остались только мы. Свидетельства и документы. Киев, 1999; *Вестник*. Люди остаются людьми. Свидетельства очевидцев. Вып. 1–6. Черновцы, 1991–1995; *Вольф Э.* Воспоминания бывших узников жмеринского гетто. Иерусалим, 2001. «*На перекрестках судеб*»: Из воспоминаний бывших узников гетто и Праведников Народов Мира. Минск, 2001; *Тамаркин В.* Это было не во сне. Воспоминания. М., 1998.

² В издание включены фрагменты военного дневника капитана немецкой армии Вильма Хозенфельда, одного из тех, кто спасал Шпильмана от смерти (умер в лагере военных под Сталин-

градом в 1952 г.). В аннотации текст Шпильмана представлен как книга воспоминаний.

³ Последняя книга М. Эдельмана называется «И была любовь в гетто».

⁴ См., например, обоснование жанра морского романа с особыми жанровыми модификациями [Струкова 1999] или постколониальной модификации жанра университетского романа [Анцыферова 2009].

Список литературы

Анцыферова О. И. Университетский роман Дж. М. Кутзее: постколониальная модификация жанра // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 1. С. 72–78.

Банк Н. Нить времени. Дневники и записные книжки советских писателей. Л.: Сов. писатель. 1978. 248 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Собр. соч.: в 3 т. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 3. С. 764–845.

Биргер Т. Завтра не наступит никогда. СПб.: Лимбус Пресс, 2003. 224 с.

Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Худ. лит., 1977. 924 с.

Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука, 1982. С. 235–263.

Живульская К. Я пережила Освенцим / пер. В. Раковской. М.: Иностр. лит., 1960 [Электронная книга]. 332 с.

Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. Л., 1928. 231 с.

Налковская С. М. Эдельман. Гетто в огне // The Warsaw Ghetto: The 45th Anniversary of the Uprising. Interpress Publishers, 2009. [Электронная книга]. Р. 17–39.

Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 8. С. 49–51.

Струкова Т. Г. Жанр морского романа и его модификации в английской литературе XIX–XX веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 1999. 38 с.

Шаламов В. Т. О прозе // Собр. соч.: в 4 т. / сост., подг. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худ. лит. ВАГРИУС, 1998. Т. 1. 619 с.

Шеффер М.Э., Бэрроуз Э. Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков / пер. М. Спивак. М.: Фантом Пресс, 2010. 320 с.

Шпильман В. Пианист. Варшавские дневники 1939–1945. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры, 2003. 73 с. [Электронная книга].

Эдельман М. Гетто в огне / пер. И. Хейфец, Э. Грайфер. М.: Текст, 2011. 67 с. [Электронная книга].

Young J.E. Holocaust Documentary Fiction: Novelist as Eyewitness // Literature of the Holocaust Philadelphia: Chelsea House Publishers, 2004 P. 75–90.

References

Antsyiferova O. I. Universitetskij roman Dzh. M. Kutzee: postkolonialnaya modifikatsiya zhanra [University Novel by J. M. Coetzee: Postcolonial Modification of Genre]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2009. Iss. 1. P. 72–78.

Bank N. Nit' vremeni. Dnevniki i zapisnye knizhki sovetskikh pisateley [Thread time. The diaries and notebooks of Soviet writers]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 1978. 248 p.

Bakhtin M. M. Problema rechevyyh zhanrov [The Problems of Speech Genres]. Ehstetika Slovesnogo Tvorchestva [Esthetics of Verbal Creativity]. Moskva: Iskusstvo Publ., 1979. P. 237–280.

Belinskiy V. G. Vzglyad na russkuyu literaturu 1847 goda [View of the Russian Literature 1847 y.]. Sobranije sochinenij: v 3 t. [Works: in 3 vol.] Moskva: OGIZ Publ., 1948. Vol. 3. P. 764–845.

Birger T. Zavtra ne nastupit nikogda [A Daughter's Gift of Love: A Holocaust Memoir]. Sankt-Peterburg: Limbus Press Publ., 2003. 224 p.

Ginzburg L. O psikhologicheskoy proze [Of Psychological Prose]. Leningrad: Khudozhestvennaja literatura Publ., 1977. 924 p.

Elizavetina G. G. Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov [The Formation of Autobiography and Memoirs Genres]. Russkij i zapadnoevropejskij klassicizm. Proza. [Russian and Western European Classicism. Prose]. Moscow: Nauka Publ., 1982. P. 235–263.

Medvedev P. N. Formalnyj metod v literaturovedenii [The Formal Method in Literary Classification]. Leningrad: Priboj Publ., 1928. 231 p.

Zywulska K. Ya perezhila Osventsim [I Survived Auschwitz] / per. V. Rakovskoy. Moskva: Inostrannaya literatura, 1960 [Elektronnaya kniga]. 332 p.

Nalkovskaja S. M. Edelman. Getto v ogne [The Ghetto Fights]. The Warsaw Ghetto: The 45th Anniversary of the Uprising [Varshavskoe getto: 45 godovschina vosstaniya]. Interpress Publishers. 2009. P. 17–39.

Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. [The Complete Works: in 10 vol.]. Leningrad: Nauka Publ., 1977–1979. Vol. 8. P. 49–51.

Strukova T. G. Zhanr morskogo romana i ego modifikacii v anglijskoj literature XIX–XX vekov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Genre Sea Novel and its Modifications in the English Literature XIX–

XX Centuries: Thesis Synopsis of PhD philol. sci. Diss.]. Moskva: MSU Publ., 1999. 38 p.

Shalamov V. T. O proze [Of Proze]. Sobr. soch.: v 4 t. [Works: in 4 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura; VAGRIUS Publ., 1998. Vol. 1. 619 p.

Shaffer M. A., Barrows A. Klub lyubiteley knig i pirogov iz kartofelnyih ochistkov [The Guernsey Literary and Potato Peel Pie]. Trans. by M. Spivak. Moscow: Fantom Press Publ., 2010. 320 p.

Szpilman K. Pianist. Varshavskie dnevniki 1939–1945. [The pianist. Warsaw diaries 1939–1945].

Ierusalim; Moscow: Gesharim; Mosty kultury, 2003. 73 p.

Edelman M. Getto v Ogne [The Getto Fights] / per. M. Spivak. Moskva: Fantom Press, 2011. 67 p. [Elektronnaya kniga].

Young J. E. Holocaust Documentary Fiction: Novelist as Eyewitness. Literature of the Holocaust Philadelphia: Chelsea House Publishers, 2004. P. 75–90.

THE CONCENTRATION CAMP PROSE: FROM A DOCUMENT TO A NOVEL

Nataliya A. Petrova

Professor in the Department of Russian and Foreign Literature
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Irina A. Podavylova

Postgraduate Student in the Department of Russian and Foreign Literature
Perm State Humanitarian Pedagogical University

The essay considers some works – «The Ghetto Fights» by M. Edelman (1945), «I survived Auschwitz» by K. Zywulskaya (1946), «The Death of a City» (1946) or «The Pianist. Warsaw Diaries 1939–1945» by W. Szpilman (1998, version edited by E. Valdorff), «A Daughter's Gift of Love: A Holocaust Memoir» by T. Birger (1992, in co-authorship with Jeffrey M. Green) and «The Guernsey Literary and Potato Peel Pie» by M. A. Shaffer and A. Barrows (2008) – as those representing transition from a document to a literary work, from non-fiction to fiction. This type of writing can be regarded as a new genre modification and can be called the concentration camp novel. As well as the subject, works of this type have common formal features: a true story as a basis; a constant plot (ghetto – camp – death), a metaphoric idea of «reverse initiation»; identity of the topos and the type of the narrator. The process of evolution does not finish with the transition from the documentary chronicles (Edelman) to the autobiography with elements of fiction (Zywulskaya) and then to the novel proper (Szpilman). An increasing number of literary works of this type, increasing temporal distance between the time of the event and the time of story-telling and a decreasing number of witnesses lead, on the one hand, to appearance of melodramatic notes and lines typical of the popular literature (e.g., an image of a “princess” who turned into “Cindirella” cleaning soldiers' toilets – Birger). On the other hand, all these lead to disappearance of borderlines between the new genre modification and the novel proper since the concentration camp novel becomes one of the components of the synthetic novel integrity. «The Guernsey Literary and Potato Peel Pie» represents a new stage in the concentration camp novel modification. It does not contain autobiographical component or references to any documents but it reproduces the topos of a concentration camp and describes all the stages on the way there known from non-fiction works.

Key words: concentration camp novel; genre modification; topos; metaphoric; «reverse initiation».

УДК 821(4).9–7

СТИХОТВОРЕНИЕ-ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ В ПОЭЗИИ Ж. ПРЕВЕРА, М. КАЛЕКО, Г. АЙХА И Р. ГЕРНХАРДТА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Татьяна Николаевна Андреюшкина

д. филол. н., профессор кафедры теории и практики перевода

Тольяттинский государственный университет

445667, Самарская обл., Тольятти, ул. Белорусская, 14. andr8757@mail.ru

В статье анализируются четыре стихотворения, относящиеся к дескриптивному жанру («инвентаризация») и отражающие поэтологические принципы авторов. Дескриптивность не исключает герметического характера стихотворений. Повтор особенно характерен для жанра инвентаризации. Он играет роль поэтического рефрена, поднимая отдельный предмет до уровня обобщения. Стихотворения написаны в свободной форме, на смену конечной рифме приходят аллитерации, ассонансы, анафоры. Стихотворения Жака Превера, Маши Калеко и Гюнтера Айха, носящие название «Инвентаризация», написаны под впечатлением войны и показывают поиски идентичности лирического героя в период крушения истории. Все стихотворения написаны в минималистском стиле, который станет позднее приметой конкретной поэзии. Стихотворение Роберта Гернхардта «Инвентаризация 1996, или я показываю Айху свое царство» создано в наши дни и является литературной пародией на крипто-сонет Айха, эпохальное произведение немецкой поэзии второй половины XX в.

Ключевые слова: инвентаризация; дескриптивный жанр; симультанный стиль; поиски идентичности; претекст; поэтологическое стихотворение; криптограммный сонет; герметическая поэзия; минималистский стиль; конкретная поэзия; литературная пародия.

«Инвентаризация» – таково название стихотворений Ж. Превера, М. Калеко, Г. Айха и Р. Гернхардта и таков принцип организации материала в них. Так названа антология поэзии второй половины XX в. Н. Нимана и Э. Ратгеба [Niemann, Rathgeb: 2003], поставивших себе целью включить стихотворения не именитых авторов, а те художественные произведения, которые повлияли на дальнейшее развитие немецкой лирики.

По жанру стихотворения-инвентаризации восходят к завещаниям, примеры которых можно найти у Франсуа Вийона. В них лирический герой то ли в шутку, то ли всерьез перечисляет завещаемые им ценности своим друзьям и недругам. В стихотворениях поэтов XX в. речь идет не о завещаниях, но о вещах и культурных ценностях, которыми они владеют изначально, либо приобретенных ими в течение своей жизни, либо важного периода их жизни.

Начнем со стихотворения Жака Превера (1900–1977). Оно опубликовано в первой книге стихов Превера «Слова» («Paroles») в 1946 г., т. е. в одно время со стихотворением Айха, но, по всей вероятности, возникло до войны. Сбор-

ник вызвал сенсацию и часто переиздавался, найдя путь к сердцам как утонченных знатоков, так и «массовой публики».

Оно в большей степени связано с эстетикой модерна, приемами монтажа и коллажа, широко применяемыми в художественных произведениях этого периода. Важное значение для формирования стиля Превера сыграла его продолжительная работа для кино как автора диалогов и сценариста. «Взаимодействие между строем его поэзии и кинематографом обнаружило одну из существенных особенностей манеры Превера – установку на яркий, запоминающийся образ» [Балашова 1982: 310]. Налицо симультанный стиль, в котором все перечисляемое не имеет иерархии, словно свалено в кучу, как на складе истории. Неопределенный артикль и количественные числительные, большое количество назывных предложений, перечисления, отсутствие пунктуации усиливают это впечатление.

Нагромождение фактов, предметов, событий без их ценностной иерархии, хронологии свидетельствует о серийной подаче материала, в которой снижается значение принятых классификаций, дат, исторических событий. Употребле-

ние единственного числа не говорит о ценности явления, как и наличие вещей в нескольких экземплярах, напротив, оно умалает их значение. Сюрреалистические картинки, вроде «17 слонов судья-следователь на каникулах в одном кресле-качалке» (здесь и далее перевод мой. – Т.А.) [Museum 2002: 494] сменяются перечислением бытовых предметов, вроде «сифон с сельтерской водой / шорле-морле» [ibid.]. Последнее могло бы стать символом смешения фактов, предметов, явлений в голове студента в день экзамена или туриста, объехавшего несколько стран, но становится показательным для европейца середины XX в.

Некоторые строки варьируются: «маленький мальчик, с плачем входящий в школу / маленький мальчик, со смехом покидающий школу» [ibid.]. Этот мальчик словно является героем стихотворения, в голову которого прилежные учителя пытаются вложить как можно больше разрозненных сведений из различных областей наук: истории, биологии, географии, религии, литературы и т.д. – и голова которого переполнена впечатлениями реальной жизни: муравей, перчатка, корова, дядя с Кипра, сад, оса и т.д. Перечисления или отдельные ситуации у Превера не лишены юмора – в этом проявляется его причастность к французскому национальному духу, в этом он является наследником Вийона. Часто смешное, как и у Вийона, у него соседствует с трагическим.

У Превера, хранящего верность сюжетному стихотворению (об этом свидетельствуют названия сборников «Истории» (1946), «Истории и другие истории» (1963), даже в «Инвентаризации» всплывают фрагменты отдельных разрушенных сюжетов). Превер в «Инвентаризации» словно конкурирует не только с предметностью живописи, но и со СМИ, объявлением, афишей, рекламой, плакатом, включая максимум наглядной информации. В послевоенной поэзии, помимо короткого рассказа, важны звуковая игра (ассоциации и каламбуры, неологизмы и контаминации слов и выражений) и принцип кадрирования сюжета. Содержание события не столько рассказывается, сколько показывается – чередой ярких снимков. Это качество усилено в современной поэзии влиянием кино, в ней значимо визуальное начало, образы тяготеют к зрительным. В манере Превера соединять живописность, игру словами, понятиями и различные виды повтора.

Превер не комментировал своих стихотворений и не писал поэтических манифестов, но размышлениями об искусстве и о художнике проникнуты многие его стихотворения. В поэтике

Превера совместились разноплановые тенденции своего времени: предпочтение свободному стиху, перенос функции рифм на ассонансы, внутренние рифмы, игру слов, анафоры и рефренные повторы, взаимодействие языков других видов искусств в поэзии: звукового, визуального, архитектурного.

Он расширил поэтический язык пластом разговорной речи, языка повседневности. Отличаясь разными техническими, формальными секретами, например, автоматического письма сюрреализма, даже «игровые» элементы стиха обладают смысловой насыщенностью и направляют поэзию к каждодневной жизни, к политической реальности, к герою с его повседневными заботами. Поэзия Превера дает голос разным героям, его современникам. Поэт не относится ни к философскому, ни к структуралистскому крылу в литературе, он ориентируется на читательскую аудиторию, такую же разнообразную, как его герои.

В структуре стихотворения прослеживается некоторое развитие с кульминацией. Стихотворение начинается двумя строками по шесть строк, затем следует строфа с тридцатью строками, кульминация происходит в четвертой строфе с тридцатью четырьмя строками и завершается стихотворение строфой с четырнадцатью строками. Это большого объема стихотворение, состоящее из неравных пяти строф с варьирующимся рефреном, что и навело нас на мысль о его родстве с завещанием-балладой. Речь в нем идет о вещах и предметах, которыми владеет человек середины XX в.

В стихотворении упоминаются художественные ценности (Ника Самофракийская), европейские ноу-хау (голландский соус, французские духи, английский сад), Наполеон и Аустерлиц, мальчик-с-пальчик, крестный ход, 12 апостолов. Помимо этого даются заведомо ложные сведения: пять направлений света, шесть частей света, железные легкие. Встречаются принятые измерения: пол-пинты; понятия сакрального содержания, подвергающиеся осмеянию. История Франции с несколькими королями в связи с предметами и цифрами показывает ничтожность царствовавших особ: «каблук Луи XV», «один поклон Анри II», «два поклона Анри III», «три поклона Анри IV» [Museum 2002: 494]. Возрастание иронично указывает на «возрастание» лишь галантных придворных традиций.

Таким образом, с одной стороны, это модернистское дескриптивное стихотворение, перечисляющее большое количество накопленных в истории человечества предметов, фактов, явлений, с

другой – поэтологическое стихотворение, демонстрирующее поэтические принципы автора.

Четырехчастное стихотворение Маши Калеко (1907–1975) «Инвентаризация» воспроизводит четыре этапа жизни эмигранта. Первый – ситуация на родине: бомбежки, голод, потеря крова, потеря смысла существования. Второй – ситуация изгнания: без опоры, без помощи, бегство без оглядки, без обуви, без усталости, без цели. Третий – ситуация на чужбине: настоящий дом так и не обретен, новые друзья так и не найдены, чужой язык так и не стал родным, чужой лес так и не обрел аромата родины. Четвертый – возвращение на родину: дома больше нет, ребенка тоже, слова остались произнесенными, цели недостижимы. Стихотворение написано в минималистском стиле, напоминающем стихотворения авторов конкретной поэзии, популярной после войны, для которой были характерны краткость, лаконизм высказывания, экономия выразительных средств, такие приемы, как пермутация, констелляция, контаминация и др.

Стихотворение М. Калеко экономно в средствах: в нем используются с повтором несколько существительных, которые образуют разные комбинации при наличии одного предлога. Все существительные употребляются в единственном числе, что придает даже конкретным существительным обобщающий характер. Своим лаконизмом и сухой констатацией фактов, обращением к объективной действительности и естественной «вещности», иронией и скепсисом стихотворение вписывается в стилистику поэзии «новой деловитости», популярной в немецкой поэзии в период между двумя войнами. В. Д. Седельник относит творчество М. Калеко к «Gebrauchslyrik» («лирике для внутреннего употребления») [Седельник 2012: 202], предназначенной для «маленьких» людей и говорящей об их повседневных страхах и заботах, о жизни в большом городе. «Ее манеру отличали доверительная интонация, разговорный, чуть приземленный язык» [там же]; вместе с тем «ее искренние, глубоко прочувствованные стихи затрагивали глубинные, экзистенциальные проблемы человеческого языка» [там же: 205].

Первый поэтический сборник М. Калеко вышел в 1933 г., второй – в 1934 г., принес ей заслуженную славу, а в 1935 г. ее книги были запрещены и она отправилась в эмиграцию вместе с мужем и сыном. Двадцать лет она жила в Нью-Йорке, где практически не публиковалась, а в 1960 г. вместе с семьей переехала в Иерусалим, где ее ждала полная изоляция. В конце своей жизни она утратила веру в слово, что отражается и в анализируемом стихотворении. Тем не

менее это стихотворение также является поэтологическим, поскольку говорит о слове, главном поэтическом средстве высказывания, и об изменяющемся отношении к нему автора на протяжении своего творчества.

1

Haus ohne Dach
Kind ohne Bett
Tisch ohne Brot
Stern ohne Licht.

2

Fluß ohne Steg
Berg ohne Seil
Fuß ohne Schuh
Flucht ohne Ziel.

3

Dach ohne Haus
Stadt ohne Freund
Mund ohne Wort
Wald ohne Duft.

4

Brot ohne Tisch
Bett ohne Kind
Wort ohne Mund
Ziel ohne Flucht. [Lyrik 1985: 159]

1 Дом без крыши / Ребенок без кровати / Стол без хлеба / Звезда без света. // 2 Река без причала / Гора без веревки / Ноги без обуви / Бегство без цели // 3 Крыша без дома / Город без друга / Рот без слов / Лес без благоухания. // 4 Хлеб без стола / Кровать без ребенка / Слова без рта / Цель без бегства. (Перевод мой. – Т.А.).

Стихотворение Г. Айха (1907–1972) «Инвентаризация» было написано в последний год войны, хотя опубликовано позже, и сразу стало хрестоматийным по нескольким причинам. Айх, принимавший участие в войне и оказавшийся после войны в американском лагере, с одной стороны, выступает в роли типичного лирического героя, который совершает расчет с прежней солдатской жизнью и проводит инвентаризацию того, с чем он выходит в новую, мирную жизнь, поэтому Й. Фогт называет «Инвентаризацию» «лагерным стихотворением» [Vogt 2014: 91]. С другой стороны, Айх, участник «Группы 47», стал представителем новой литературы, а его стихотворение, которое Г. Кайзер относит к «поэтологическим стихотворениям» [Kaiser 2003: 285], явилось стилеобразующим для нового поколения поэтов.

Dies ist meine Mütze,
dies ist mein Mantel,
hier mein Rasierzeug
im Beutel aus Leinen.

Konservbüchse:
Mein Teller, mein Becher,
ich hab in das Weißblech
den Namen geritzt.

Geritzt hier mit diesem
kostbaren Nagel,
den vor begehrliehen
Augen ich berge.

Im Brotbeutel sind
ein Paar wollene Socken
und einiges, was ich
niemand verrate,

so dient es als Kissen
nachts meinem Kopf.
Die Pappe hier liegt
zwischen mir und der Erde.

Die Bleistiftsmine
lieb ich am meisten:
Tags schreibt sie mir Verse,
die nachts ich erdacht.

Dies ist mein Notizbuch,
dies meine Zeltbahn,
dies ist mein Handtuch,
die ist mein Zwirn.
[Eich 1991: 35–36]

Вот моя шапка, / А это – шинель. / Прибор для
бритья / В холщевом мешочке. // Консервная банка – /
Стакан и тарелка. / Я имя мое / Нацарапал на жести. //
Нацарапал вот этой / Драгоценной иголкой, / Которую
прячу / От завистливых глаз. // В сумке для хлеба /
Шерстяные носки / И еще кое-что, / А что – не скажу.
// По ночам эта сумка / Мне служит подушкой, / А
клеенку стелю я / Между землею и мной. // Больше
всего / Я люблю карандаш: / Днем он пишет стихи, /
Что я ночью придумал. // Вот мой блокнот. / Вот мои
нитки. / Вот мой плащ-палатка. / Вот мое полотенце.
(Перевод И. Фрадкина [История литературы ФРГ
1980: 46]).

Стихотворение Айха уловило дух послевоенной литературы, которая в период разрухи и поражения должна была помочь возвращающимся с войны солдатам обрести опору в жизни, чтобы начать жить сначала. Не случайно Й. Фогт сравнивает «Инвентаризацию» Айха с «Фугой смерти» Целана и определяет его не только как стихотворение «после Освенцима» (Т. Адорно), но и как стихотворение «после Сталинграда» [Vogt 2014: 87–88]. Тем, кто потерял в войну почти все и возвращается в материальную и духовную пустоту, хотелось схватиться, как тонущему за соломинку, за те оставшиеся простые предметы, дорогие сердцу человека. Поэтому это сухое пе-

речисление основных вещей ежедневного обихода называло то, что могло обеспечить изначально скудное существование. «В новой дефиниции повседневных вещей, которая предполагает автономию субъекта, проявляется новая функция – обретение индивидуальности, которая была утрачена на войне» [Hoffmann 1998: 257–258]. Это проявляется в определениях, содержащих оценку: «драгоценная иголка», которой владеет лирический герой, царапая свое имя на банке, и «завистливые глаза» людей, процесс идентификации которым еще предстоит.

Особое место занимают слова, имеющие отношение к процессу письма. Лирическим героем выделяется «карандаш-мина», композитум, усиливающее словосочетание «драгоценная иголка». Иголка позволяет пометить личные вещи, которые перечисляются в начале стихотворения; карандаш, действенность которого подчеркнута компонентом «мина», позволяет не только выразить свои мысли и чувства, служащие для общей ориентации героя в окружающем мире, но и записать стихи, придуманные ночью (поэтому и слово «записная книжка» стоит в последней строфе на первом месте). Отдельные, перекликающиеся между собой слова первой и последней строф, образующие раму стихотворения, имеют расширительное значение: слово «нитки» может содержать значение как скрепы, так и нити Ариадны, которая помогла Тезею выбраться из лабиринта.

Творчество Айха, представителя герметической поэзии, широко использующего мифологические мотивы и библейскую метафорику, допускает метафорическое толкование анализируемого стихотворения [Андреюшкина 2008: 234–235]. Тот факт, что разбитое на краткие строки 28-строчное стихотворение на самом деле может быть 14-строчным сонетом, подтверждает факт герметичности его формы и содержания [Андреюшкина 2006: 130–132]. Г. Дрюг видит в стихотворении парадигму сапфической оды [Drügh 2007: 355], Й. Ценке считает его эквивалентом нибелунговой строфы (цит. по: [Vogt 2014: 99], Й. Фогт определяет его жанр как «крипто-сонет» [ibid.: 101]. Айх, перу которого принадлежит не один сонет, своим текстом, претендующим на простоту и непритязательность, создал стихотворение, отличающееся совершенством и отточенностью художественной формы, что обеспечило ему продолжительную жизнь. Не случайно «Инвентаризация» Айха послужила претекстом для стихотворений многих авторов (Г. М. Энценсбергер, Д. Петерсдорф, Р. Гернхардт и др.).

«Инвентаризация 1996, или я показываю Айху свое царство» Р. Гернхардта – литературная пародия на стихотворение Айха, которая совсем не иронизирует по поводу содержания или формы оригинала. В то время как лирика Превера, Айха и Калеко порождена войной, лирика Гернхардта связана с мирным настоящим. В стихотворении Гернхардта – другое время, другие вещи, а форма стихотворения передана почти без изменения. Скорее, Гернхардт слегка иронизирует по поводу новой ситуации, когда поэт связан с новыми технологиями и на место карандаша и записной книжки пришли компьютер, принтер, телефон с автоответчиком и другие удобства коммуникации.

Dies ist mein Schreibtisch,
dies ist mein Drehstuhl,
hier mein Computer,
darunter der Drucker.

Telefonanlage:
Mein Hörer, mein Sprecher.
After the beep
you can leave the message.

Sie können die Nachricht
natürlich auch faxen.
Ich ruf sie so bald wie
möglich zurück.

Im Hängeschrank sind
die Korrespondenzen
und einiges, was ich
niemand verrate,

sonst kostet dies Wissen
noch mal meinen Kopf.
Der Kelim hier liegt
zwischen mir und den Dielen.

Das Kopiergerät dort
ist mir am liebsten:
Tags kopiert er die Texte,
die ich nachts getippt.

Dies ist mein Notizbuch,
dies sind meine Tagebücher,
dies ist meine Bibliothek,
dies ist mein Reich.
[Gernhardt 2005: 89]

Это мой письменный стол, / это вращающееся кресло, / здесь компьютер, / под ним – принтер. // Телефон с автоответчиком: / Запись, ответ: / «После гудка / Вы можете оставить свое сообщение. / Вы можете, конечно, / послать сообщение и факсом. / Я перезвоню Вам сразу, / как только смогу. // В подвесном шкафчике – / корреспонденция / и нечто, о чем я / никому не скажу, // иначе это снова / может стоять

мне головы. / Коврик лежит / между мной и полом. // Тот копировальный аппарат / я люблю больше всего: / днем я копирую на нем тексты, / которые ночью набираю на клавиатуре. // Это моя записная книжка, / это – дневники, / это моя библиотека, / это мое царство. (Перевод мой. – Т.А.).

В этом стихотворении все упоминаемые предметы связаны с деятельностью писателя. Они удобнее и комфортнее, чем в стихотворении Айха, но и здесь есть некие тайные вещи, о которых автор лишь кратко упоминает: приватная корреспонденция не для всех ушей и записная книжка, дневники и библиотека – необходимые компоненты для творчества писателя.

Подытожим некоторые наблюдения. Айх мог знать стихотворение Превера, потому что многие из стихотворений французского поэта печатались в журналах. То, что могло привлечь Айха в стихотворении Превера, – это отсутствие лирической исповедальности (не случайно последующие сборники Превера называются «Всякая всячина» (1966), «Вещи и прочее» (1972). В 70-е гг. в Германии тенденция к описанию повседневности в поэзии нашла свое выражение в «новой субъективности», которая уходит корнями в предвоенную поэзию «новой деловитости». «Заостряя эту черту, некоторые французские критики утверждали, что Превер ввел в поэзию «он» вместо «я», занял позицию наблюдателя – ироничного, пронизательного, сопрягающего разноречивые факты не для того, чтобы выразить свои ощущения, а просто чтобы «отстраненно» показать: вот что происходит с вами» [Балашова 1982: 310–311]. Такая позиция просматривается и в стихотворении М. Калеко, где нет героя, есть только вещи и явления во взаимосвязи с этими вещами, что не мешает автору создать потрясающую по проникновенности картину жизни эмигранта.

Айх, в отличие от Превера и Калеко, с одной стороны, продолжает жанр криптограммного сонета, подключаясь к классической жанровой традиции, с другой стороны, он, как и Калеко, использует скупые средства, характерные как для поэзии «новой деловитости», так и для других экспериментальных направлений – дадаизма и конкретной поэзии.

Для поэзии Превера в целом и для «Инвентаризации» в частности (так же, как для Айха, Калеко и Гернхардта) характерно широкое использование анафоры, аллитерации, ассонанса вместо отсутствующих рифм. Строки начинаются одним словом, меняется лишь финал строки, и с каждой новой единицей нарастает сила гиперболы.

Повтор особенно характерен для жанра «инвентаризация». Он играет роль своеобразного поэтического рефрена, проигрывая исходный мотив как бы в ином регистре, усиливая его звучание, обнажая внутренний драматизм и поднимая отдельный предмет, случай или ситуацию до уровня обобщения.

Четыре проанализированных стихотворения, при определенном сходстве, которое им обеспечивает принадлежность к одному жанру, являются уникальными даже в творчестве каждого из поэтов. Они написаны в «пограничной ситуации», когда авторы искали новых способов выражения, нового, лаконичного языка, завуалированно опираясь на существующие поэтические формы. Таким образом, объединяющей чертой, помимо дескриптивности, явилось своеобразное выражение отношения каждого из авторов к слову, к поэтическому ремеслу, что относит все анализируемые стихотворения к жанру поэтологического стихотворения. Особое место среди проанализированных стихотворений занимает «Инвентаризация» Айха, по праву названная Й. Фогтом «эпохальным стихотворением» [Vogt: 87].

Список литературы

Андреюшкина Т. Н. Немецкоязычный сонет: эволюция жанра. Тольятти: ТГУ, 2008. 378 с.

Андреюшкина Т. Н. Этапы развития немецкого сонета. М.: МПГУ, 2006. 256 с.

Балашова Т. В. «Игровая техника» сатирической инвективы: Жак Превер // Балашова Т. В. Французская поэзия XX века. М.: Наука, 1982. С. 306–333.

История литературы ФРГ / отв. ред. И. М. Фрадкин. М.: Наука, 1980. 687 с.

Седельник В. Д. «Веселая меланхолия» поэзии Маши Калеко // «Поэзия и правда». Немецкоязычная женская поэзия: сб. эссе / под ред. Т. Н. Андреюшкиной. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. С. 200–212.

Drügh H. Ästhetik der Beschreibung. Poetische und kulturelle Energie deskriptiver Texte (1700–2000). Tübingen: Francke, 2007. S. 354–371.

Eich G. Gesammelte Werke: In 4 Bd. / hg. v. A. Viereg. Frankfurt a. M.: Fischer, 1991. Bd 1. S. 35–36.

Gernhardt R. Gesammelte Gedichte 1954–2004. Frankfurt a. M.: Fischer, 2005. 674 S.

Hoffmann D. Arbeitsbuch: Deutschsprachige Lyrik seit 1945. Tübingen: Francke, 1998. 414 S.

Kaiser G. Günter Eich: Inventur. Poetologie am Nullpunkt // Poetologische Lyrik von Klopstock bis Grünbein / hg. v. O. Hildebrand. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2003. S. 269–285.

Lyrik des Exils / hg. von W. Emmerich und S. Heil. Stuttgart: Reclam, 1985. 437 S.

Museum der modernen Poesie: Mehrsprachige Anthologie / eingerichtet von H. M. Enzensberger. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2002. 867 S.

Niemann N., Rathgeb E. Inventur: Deutsche Lesebuch 1945–2003. Bonn: Hanser, 2003. 409 S.

Vogt J. Ein Minimalprogramm der Poesie? Überlegungen, auch didaktischer Art, zu Günter Eichs Epochengedicht „Inventur“ // Vogt J. Erinnerung, Schuld und Neubeginn. Weltkrieg und Holocaust. Oxford: Lang, 2014. S. 87–102.

References

Andrejushkina T. N. Nemeckojazychnyj sonet: Ehvolucija zhanra [German sonnet: Evolution of genre]. Togliatti: Togliatti St. Univ. Publ., 2010. 378 p.

Andrejushkina T. N. Ehtapy razvitija nemeckogo soneta [Stages of development of German sonnet]. Moscow: Moscow Pedagogical State Univ. Publ., 2006. 256 p.

Balashova T. V. «Igrovaia tekhnika» satiricheskoi invektivy: Jaque Prevert [«Play technique» of satirical invective: Jaque Prevert]. Balashova T. V. Francuzskaja poehzija XX veka [French poetry of XX century]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 306–333 p.

Istorija literatury FRG [History of literature of FRG]. Ed. by I. M. Fradkin. Moscow: Nauka Publ., 1980. 687 p.

Sedelnik V. D. «Vesjolaja melancholija» poezii Mashi Kaleko [«Merry melancholy» of poetry of Masha Kaleko]. «Poehzija i pravda». Nemeckojazychnaja zhenskaja poehzija: sbornik ehse [«Poetry and truth». German women poetry: Collection of essays]. Ed. by T. N. Andrejushkina. Togliatti: Togliatti State Univ. Publ., 2012. P. 200–212.

Drügh H. Ästhetik der Beschreibung. Poetische und kulturelle Energie deskriptiver Texte (1700–2000) [Esthetic of description. Poetical and cultural energy of descriptive texts (1700–2000)]. Tübingen: Francke Publ., 2007. P. 354–371.

Eich G. Gesammelte Werke: 4 Bd. [A complete collection of works: 4 Vol.]. Ed. by A. Viereg. Frankfurt a. M.: Fischer Publ., 1991. 4 Bd. [Vol. 1.] P. 35–36.

Gernhardt R. Gesammelte Gedichte 1954–2004 [A complete collection of poems 1954–2004]. Frankfurt a. M.: Fischer Publ., 2005. 674 p.

Hoffmann D. Arbeitsbuch: Deutschsprachige Lyrik seit 1945 [Workbook: German Poetry from 1945]. Tübingen: Francke Publ., 1998. 414 p.

Kaiser G. Günter Eich: Inventur. Poetologie am Nullpunkt [Günter Eich: Inventory: Poetology at the Zeropoint]. Poetologische Lyrik von Klopstock bis Grünbein [Poetological Poetry from Klopstock to

Grünbein J. Ed. by O. Hildebrand. Köln: Böhlau Publ., 2003. P. 269–285.

Lyrik des Exils [Poetry of Emigration]. Ed. by W. Emmerich and S. Heil. Stuttgart: Reclam Publ, 1985. 437 p.

Museum der modernen Poesie: Mehrsprachige Anthologie [Museum of the modern Poetry: Anthology in many languages]. Ed. by H. M. Enzensberger. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Publ, 2002. 867 p.

Niemann N.; Rathgeb E. *Inventur: Deutsche Lesebuch 1945–2003* [Inventory: German Readbook 1945–2003]. Bonn: Hanser Publ, 2003. 409 p.

Vogt J. Ein Minimalprogramm der Poesie? Überlegungen, auch didaktischer Art, zu Günter Eichs Epochengedicht „Inventur“ [A minimal programme of poetry? Thoughts, of didactic sort too, about Époque poem «Inventory» of Günter Eich]. Vogt J. *Erinnerung, Schuld und Neubeginn: Weltkrieg und Holocaust* [Memory, blame and newbeginning: World war and holocaust]. Oxford: Lang Publ., 2014. P. 87–102.

THE POEM-INVENTORY IN THE POETRY OF J. PRÉVERT, M. KALÉKO, G. EICH AND R. GERNHARDT: COMPARATIVE ANALYSIS

Tatiana N. Andreyushkina

Professor in the Department of Theory and Practice of Translation
Togliatti State University

The article analyses four poems belonging to the descriptive genre («inventory») and reflecting their authors' poetological principles. The inventory is close to the literary testament genre that involves describing values which an author leaves the next generation. The descriptiveness doesn't eliminate hermetic features of the poems. Repetition is especially typical of the «inventory» as a genre. It plays a role of a poetical refrain which brings a represented object to generalization. The poems are written in a free verse form, the end rhyme is replaced by alliterations, assonances and anaphoras.

Three poems – «Inventaire» by Jack Prévert., «Inventur» by Mascha Kaléko and «Inventur» by Günter Eich – were created under the impression of the war and show how a lyrical hero seeks for their identity in the period of destruction of the history. All the poems were written in minimalist style, which would later become the main feature of the concrete poetry.

Prévert's poem was created under the influence of modernism aesthetics, which was connected with cinematographic methods of montage and collage. It is an example of the simultaneous style implying no hierarchy of cultural and social values and no plot.

Kaléko's poem represents problems faced by emigrants after the war and shows four periods of an emigrant's life: bombing, fleeing, living in a strange country, painful returning. The poem is laconic (it consists of four strophes), emphatic and autobiographic (Mascha Kaléko left Nazi Germany and lived in America and Israel until her death).

«Inventur» by Eich is a «camp poem» (Vogt): after the war, as a soldier Eich spent 2,5 months in an American camp. It is a «poetological poem» (Kaiser): it has different features of an ode, a sonnet, old German rhymes, etc. It is a hermetic poem: its metaphors have different meanings. It is a praetext for many poems of contemporary authors (H. M. Enzensberger, D. Petersdorff, R. Gernhardt etc.).

«Inventur» by Robert Gernhardt, which is a literary parody of Eich's crypto-sonnet, became an epochal work in German poetry of the second half of the XXth century.

Key words: inventory; descriptive genre; simultaneous style; identity; praetext; poetological poem; crypto-sonnet; hermetic poetry; minimalistic style; concrete poetry; literary parody.

УДК 821.161.1“2000/2013”

ТОПОС ШКОЛЫ В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ 2000-Х ГОДОВ**Ольга Анатольевна Мокрушина**

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. mokrushina87@gmail.com

Статья посвящена женскому взгляду на постсоветскую школьную действительность. На примере романов «Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы» О. Камаевой и «Училка» Н. Терентьевой выявляется, как «наследство» социалистических времен сочетается в современной школе с проблемами, порожденными переходным периодом. В ходе анализа образов главных героинь двух романов обнаруживаются и акцентируются черты, которые, с одной стороны, позволяют говорить о нетипичности этих образов для современного «школьного текста», с другой же – дают полное право называть их традиционными для женской прозы. Отмечается присутствие проблемно-тематического комплекса, свойственного женской прозе: темы отношений женщины и мужчины, женской эмансипации и самореализации, воспитания своих и чужих детей. Показывается, как в обоих произведениях происходит объединение черт дамского романа и школьной повести, что соответствует общей тенденции литературы последних десятилетий к жанровому синтезу.

Устанавливается, что в целом картина современной школы, увиденная женским взглядом, не противоречит той, что представлена в произведениях авторов-мужчин. Проблемы, порожденные новым временем: социальное расслоение, утрата доверия к учителю, падение общей культуры, размытая система ценностей, идеологический вакуум, – соединяются с пороками, доставшимися в наследство от советской системы. Все это стало в обоих романах предметом обсуждения и нашло отражение в изображенных художественных коллизиях.

Ключевые слова: школа; переходный период; женская проза; тоpos; образ; мотив.

Среди многообразных школьных проблем последнее место занимает гендерная: у отечественной педагогики преимущественно женское лицо. Крайняя немногочисленность учителей-мужчин – не просто очевидный факт, объясняющийся тем, что воспитание детей издревле считалось женской обязанностью, но и одна из болевых точек современной школы.

В произведениях о школе эта ситуация отразилась весьма своеобразно: в большинстве знаковых текстов, созданных в разные годы, главными героями становятся именно учителя мужчины (чеховский «человек в футляре» Беликов, автобиографический рассказчик «Педагогической поэмы» Макаренко, Викниксор из «Республики Шкид», героический Олесь Мороз из повести В. Быкова «Обелиск», Мельников из киноповести Полонского «Доживем до понедельника», герой романа А. Иванова «Географ глобус пропил» Служкин и др.), нередко, хотя и не всегда, показанные в непростом диалоге с женским учительским окружением. Эта тенденция сохраняется и в литературе последнего десятилетия. Как пишет М.А. Черняк, «заслуживает внимания, что при

страшном дефиците в школе учителей мужчин, именно они становятся героями произведений современных писателей» [Черняк 2010: 12].

Недостаточный интерес отечественной литературы к школе как к пространству для женской самореализации можно объяснить по-разному. Думается, определенную роль здесь играет традиция. М. П. Абашева и Н. В. Воробьева отмечают, что «западные феминистки борются за выход из приватного женского мира в широкий социальный мир. Российские же писательницы, имея опыт советского женского равноправия, наоборот, устремляются от социального / идеологического (образ советской труженицы и матери) к интимному / телесному / биологическому женскому, подавленному в официальном советском дискурсе» [Абашева 2007: 156]. Школа как раз и есть тот официальный, публичный мир, который представительницы женской прозы игнорируют как не подходящий для репрезентации женского начала.

Однако и женский взгляд на школьную действительность получил реализацию в ряде произведений, не всегда художественно совершенных,

но во многих отношениях показательных для культурной ситуации 2000-х гг. и поэтому заслуживающих исследовательского внимания. Это романы «Крошки Цахес» Е. Чижовой (2010), «Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы» О. Камаевой (2012), «Училка» Н. Терентьевой (2013), повести «Из жизни учительницы литературы» С. Сороки (2009), «Эй, рыбка» И. Понорницкой (2011) и др. Мы сосредоточим внимание лишь на тех текстах, где представлена школа постсоветского периода, оставляя «за скобками» произведения, повествующие о реалиях советского времени. Оговоримся также, что в данном случае мы отождествляем понятия «женский взгляд» и «женское авторство», рассматривая только те тексты, где, по словам одной из наиболее серьезных исследовательниц феномена женской прозы И. Савкиной, есть «образ женщины, женского начала, увиденный, осмысленный и воссозданный самой женщиной» [Савкина 1993: 393].

В романе О. Камаевой «Ёлка» (2012), ставшем лауреатом премии «Рукопись года», переходность изображаемого времени подчеркивается настойчиво, порой нарочито и прямолинейно. По признанию автора, книга была задумана в 1998 г., однако замысел получил реализацию лишь двенадцать лет спустя, таким образом, «Ёлку» можно рассматривать в контексте как 1990-х, так и 2000-х гг. «Сейчас в школе вообще непонятно что творится» [Камаева 2013: 89], – говорит начинающей учительнице Лене по прозвищу Ёлка (образованному от имени Елена Константиновна) ее возлюбленный. И это «непонятно что творится» отражает происходящее за стенами учебного заведения: болезненный переход общества из одного состояния в другое, смену ценностных ориентиров, соединение противоположностей, не увенчавшийся пока успехом поиск новой национальной идеи (см. подробнее: [Бурыкина 2009; Комаровский 1994: 39]).

Переходность периода, когда старое еще не совсем ушло, а новое не до конца утвердило свои позиции, ярко проявляется в том, как показано в книге отношение учителей к введенному новыми властями празднику «День народного единства» (4 ноября), призванному заменить привычный поколениям советских людей, а ныне идеологически дискредитированный День 7 ноября. Педагоги не находят слов для того, чтобы объяснить ученикам необходимость появления в календаре новой праздничной даты: «Вчера срочно всех собрали и дали задание перед каникулами провести классные часы на тему Дня единства. Из горно прислали дежурные справки об истории ополчения: большинство учителей о Смуте и Минине с Пожарским последний раз слышали

еще в школе. <...> – Напридумывают, а ты возись... – Не скрывала Лиля своего недовольства. – Раньше два пункта в параграфе, и вдруг – государственный праздник» [Камаева 2013: 67].

С одной стороны, идеологическое содержание нового российского праздника коренным образом отличается от старого, советского: День 7 ноября призван был напомнить о непримиримой классовой борьбе, 4 ноября, напротив, – о единстве нации, советский праздник знаменовал разрыв с дореволюционной традицией, российский – возвращение к ней. С другой стороны, оба праздника, антиномичные по своей сути, живут в сознании большинства людей в неразрывной «связке». Кроме того, стилистика общения руководителей органов народного образования со школой осталась прежней, авторитарной, мало изменилась и реакция учителей на приходящие из горно указания: скепсис педагогов не мешает им выполнять предписания вышестоящих инстанций.

Разобраться в происходящем главной героине особенно важно, потому что она преподаватель истории, следовательно, сама специальность налагает на нее обязанность мыслить концептуально, видеть незавершенное настоящее в контексте большого исторического времени, объяснять ученикам сущность происходящих процессов. То, что автор романа выбрала в качестве центрального персонажа именно историка, обусловлено, прежде всего, биографическим фактором – сама писательница преподавала историю в школе и рассказывает о том, что ей хорошо знакомо. Вместе с тем специальность героини позволяет автору выйти за пределы традиционных школьных ситуаций и укрупнить проблематику книги. Интерес к истории, попытки объяснить суть современных событий через обращение к отдаленному и недавнему прошлому вообще характерны для литературы последних десятилетий. Как пишет Лев Данилкин, «ревизия истории была, без преувеличения, одним из самых существенных внутренних импульсов для отечественной литературы нулевых <...>. Даже постмодернизм здесь был в большей степени связан с историческим, чем с литературным дискурсом, – в том смысле, что в качестве “подкидной доски” для нового текста использовалась история, а не другие тексты (и тут следовало бы вспомнить Шарова, Крусанова, Юзефовича, Терехова, Акунина, Кунгурцеву)» [Данилкин 2010: 149–150]. Другой вопрос, что проблемы, связанные с исторической судьбой России, ставятся и решаются в романе Камаевой упрощенно, что можно отчасти оправдать юностью и наивностью героини-рассказчицы.

У героини Камаевой как учителя-историка есть яркие литературные и кинематографические предшественники, среди которых можно назвать Илью Семеновича Мельникова из киноповести Г. Полонского «Доживем до понедельника». Но в отличие от интеллектуала Мельникова, мыслящего широкими историческими аналогиями, знающего, что и как сказать детям, вчерашняя выпускница педагогического вуза Лена находится в растерянности, она сама не определилась с оценкой происходящего, не может найти нужных аргументов, чтобы обосновать то, что интуитивно чувствует.

Так, после напряженного разговора со старым другом семьи дядей Витей, представившим достаточно традиционный набор доказательств в пользу преимуществ советской системы, героиня испытывает смятение: «Еще пару часов назад безоговорочно уверенная в своей правоте, сейчас я разрывалась между тем, что знала, и тем, что узнала. Почти физически ощущала, как убеждения мои, за студенческие годы утрамбованные в плотный, до состояния камня, клубок, теперь тяжело, с невероятным усилием раздирались» [Камаева 2013: 152]. Недоумение вызывает у героини и состояние современной школы: «... чем дольше работаю, тем меньше понимаю, что происходит. И совсем не понимаю, почему умные, образованные люди при званиях и должностях допускают то, что творится в школе» [там же: 124].

Безусловно, героиня Камаевой несоизмерима с Мельниковым по масштабу личности, но дело не только в этом: здесь сказывается и ее эмоциональность, и то, что сама становящаяся действительность ускользает от однозначных определений. Изменились и ученики: они уже не внимают наставнику с доверием, не ждут от него откровений, а испытывают на прочность и цинично вымогают оценки, зная, что начальство не похвалит учителя за плохой процент успеваемости. Как пишет О. Лебедушкина, может быть, несколько сгущая краски, учитель – «давно уже никакой не наставник, не гуру, не носитель истины, а маргинал, стоящий на самом краю общества, собственно, на дне» [Лебедушкина 2009: 196]. Одна из наиболее острых конфликтных ситуаций в романе связана с наглым сыном богатого и влиятельного человека, который не сомневается, что Лена, выполняя указания начальства, поставит нужную оценку, однако героиня с юношеским максимализмом не идет ни на какие компромиссы.

В книге Камаевой добросовестно, хотя и достаточно механистично, собраны воедино почти все проблемы школы переходного периода, отчасти доставшиеся от советских времен, отчасти порожденные новой эпохой: утрата авторитета

учителя в глазах родителей и учеников, бюрократизм, формализм, процентомания, социальное расслоение в классе, нездоровая атмосфера в учительском коллективе. Специфическим проявлением формализма, свойственного современной школе, становится повальное увлечение тестированием, отучающее детей самостоятельно мыслить и аргументировать свою позицию. Знатока школьных проблем выдает в авторе и рассказ об учительских уловках во время проверки олимпиадных работ. Выбранная форма дневника учительницы позволяет Камаевой свободно рассуждать на эти темы, не заботясь о премудростях сюжетосложения, однако нередко страницы романа начинают напоминать популярную газетную статью, что вряд ли можно считать достоинством книги.

Стараясь выстроить отношения с учениками, родителями, коллегами и начальством и испытывая при этом неизбежные трудности, Лена пытается апеллировать к авторитетам. Интересно, что одним из интертекстов в романе становится «Педагогическая поэма» Макаренко, произведение, которое считалось советской классикой, но в годы перестройки утратило свой ценностный статус. Книга Макаренко не просто упоминается, но и часто цитируется Камаевой, героиня ищет у педагога 1920-х гг. рецепты для решения современных проблем. Жизнь показывает Лене, что в начале XXI в. найти выход из кризисных ситуаций, опираясь на специфический опыт Макаренко, вряд ли возможно, но в целом имя выдающегося педагога советской эпохи имеет в тексте положительную коннотацию, его авторитет не подвергается сомнению, что в немалой степени характеризует главную героиню, глазами которой в книге увиден мир.

Нужно сказать, что образ главной героини романа Камаевой, идеалистки и максималистки, увлеченной своим делом, нетипичен для современной литературы – в большинстве произведений персонажей приводит в школу неблагоприятное стечение обстоятельств, а совсем не желание отдавать знания на благо воспитания подрастающего поколения. Так происходит, например, в романах Н. Курчатовой и К. Венглинской «Лето по Данилу Андреевичу» и А. Иванова «Географ глобус пропил», а также повести Е. Георгиевской «Место для шага вперед».

О. Камаева, по-видимому, понимает, что чрезмерную наивность героини и ее романтические представления о труде педагога нужно как-то дополнительно мотивировать и обосновывает (несколько искусственно) это тем, что в детстве Лена много болела и была практически незнакома с реалиями школьного мира.

Героиня «Ёлки» позиционируется автором как почти святая, и мелодраматический финал лишней раз подчеркивает это. Неожиданная трагическая развязка рассказанной истории (смерть Лены от болезни сердца или, как сказано в книге, «по совокупности обстоятельств») шокирует читателя и вызывает желание упрекнуть автора в отсутствии чувства меры, однако у предложенного Камаевой финала, к которому сходятся все сюжетные нити книги, есть своя, может быть несколько тенденциозная, логика.

Русская литература знает немало примеров, демонстрирующих, что романтическое мироощущение героя не выдерживает испытания суровой действительностью (достаточно вспомнить рассуждения Пушкина в шестой главе «Евгения Онегина» о том, какие варианты судьбы были уготованы романтику Ленскому). Так происходит и с героиней «Ёлки». Камаева показывает, что школа в буквальном смысле убивает юную учительницу-идеалистку: «совокупность обстоятельств» включает в себя и конфликт с начальством из-за отказа ставить незаслуженную «пятерку» сыну депутата, и сплетни злорадной коллеги, и переживания за любимого ученика, опасно раненного пьяными хулиганами, и потрясение от предательства (на самом деле оказавшегося мнимым) любимого человека.

Любовная линия, традиционно присутствующая в произведениях женской прозы, в «Ёлке» поначалу представляется необязательным довеском к «школьной» части романа, тем более что характер возлюбленного Лены, Сергея, бледен и условен. Однако в итоге «ружье все-таки стреляет», концы с концами, пусть механистично, но сходятся: ехидные комментарии неприятной во всех отношениях учительницы по прозвищу Вобла, которая увидела избранника Лены в обществе их общей коллеги, наносят главной героине тяжелую душевную травму и способствуют, наряду с уже упомянутыми нами обстоятельствами, ее безвременному уходу из жизни.

Многие произведения о школе, особенно те, где жизнь показана в кругозоре героя-учителя, строятся по сходной сюжетной схеме: главный герой (героиня) волею обстоятельств или по собственной инициативе оказывается в должности учителя, познает тайные глубины школьной жизни, попутно открывая новые грани собственной личности, вызывает интерес наиболее неординарных учеников, но при этом наживает врагов, чаще всего в лице завуча-ретрограда, и в итоге покидает школу, не выдержав несовершенств школьного мира, изображенных, в зависимости от творческой индивидуальности автора книги, с разной степенью сгущения красок. Дей-

ствие, как правило, длится в течение одного учебного года.

«Ёлка» вполне могла бы вписаться в эту сюжетную парадигму. В конце романа Лена чувствует свое бессилие что-то изменить, разочарованность в педагогике и какую-то экзистенциальную тоску: «Не покидает ощущение, будто нити – тонкие, невидимые, ощутимые не телом или разумом, а чем-то бессознательным и соединявшие меня с каждым, – одна за другой то ли рвутся, то ли незаметно разрезаются другим, куда более ловким кукловодом, у которого, похоже, и я сама подвешена на толстой прочной леске. И невыносимо больно душе. И кругом – пустота» [Камаева 2013: 267]. Однако она не была бы по-настоящему положительной героиней, если бы принятое в порыве отчаяния решение уйти из школы было доведено до конца, последняя дневниковая запись юной учительницы полна решимости: «Из школы никуда не уйду <...>. Ведь говорят же: что нас не убивает, то делает сильнее. Значит, я стану очень-очень сильной» [там же: 272].

Камаева выбирает жесткий вариант финала, подчеркивая серьезность изображенного конфликта (слово «убивает», думается, прозвучало неслучайно), при этом последние страницы книги окрашены в сентиментальные тона: возлюбленный, несправедливо заподозренный в измене, через всю страну спешит на похороны из командировки, «ни на секунду не заснув ни в душной кабине дальнобойной фуры, ни в салоне самолета, билет на который достал каким-то чудом» [там же: 277] и появляется в последний момент с огромным букетом темно-бордовых роз. А самый верный ученик Лены, Илья, ничего не зная о произошедшей трагедии, мечтает в больничной палате о том, как поступит на исторический факультет и пойдет по стопам любимого учителя, формулируя свои мысли в стилистике, более свойственной литературным героям 1930–50-х гг., нежели современным подросткам: «Он не подведет и обязательно поступит, будет хорошо учиться, станет таким же умным и справедливым, как она – Ёлка, Ёлочка... В школе все зависит от учителя, значит, он должен стать очень хорошим учителем» [там же: 285]. Традиционный мотив ученика, продолжающего дело учителя, вносит в финал оптимистическую ноту и создает ощущение его открытости, однако в целом диагноз, поставленный автором современной школе, остается неутешительным.

Топос школы становится центром вышедшего в 2013 г. в московском издательстве «АСТ» романа Н. Терентьевой «Училка», напоминающего «Ёлку» многими сюжетными ситуациями, но вы-

годно отличающегося от произведения Камаевой выразительностью языка.

В «Училке» можно увидеть традиционный проблемно-тематический комплекс, свойственный женской прозе: темы отношений женщины и мужчины, женской эмансипации и самореализации, воспитания своих и чужих детей. Изображение личной жизни героини, сорокадвухлетней Анны, решившей попробовать себя в роли учительницы литературы одной из московских школ, занимает в книге не менее важное место, чем рассказ о ее преподавательской деятельности и связанных с этим коллизиях. Более того, педагогические неудачи Ани частично объясняются в книге именно с гендерной точки зрения. Опытная и успешная завуч Роза, знакомая Анне со времен их общего пионерского детства, так объясняет главной героине причину неприязненного отношения к ней учеников-мальчиков: «Потому что ты презираешь мужчин. Ты – главная женщина» [Терентьева 2013: 166]. Таким образом повествование о непростых отношениях Анны с нелюбимым отцом ее детей Игоряшей, которому она не может простить отсутствие в характере подлинно мужских качеств, коррелирует с историей ее работы в школе.

Как и подобает героине женской прозы, Анна остро реагирует на изменение стереотипов мужского и женского поведения, смену «гендерных полюсов» и объясняет эти явления спецификой переходного времени. Например, после кратковременного общения с не понравившимся ей учителем географии, который первый протягивает руку для пожатия, Анна рассуждает: «Смена гендерных полюсов. Так не положено. Но того мира, где не было положено, уже нет» [там же: 107]. Об этом же она думает, стараясь оценить расстановку сил в классе: «Надо же, какая удивительная тенденция – <...> практически в каждом классе есть яркая и сильная девочка – интеллектуальный и социальный лидер. Это о чем говорит? О слабости мужчин? О грядущей смене гендерных полюсов на Земле?» [там же: 86].

Конечно, гендерным аспектом изображение школьных проблем не исчерпывается. Анна не вписывается в школьное пространство, потому что она другая, чужая, ей трудно постичь и принять законы этого мира, кажущиеся жестокими, несправедливыми, а порой просто непонятными.

Как и героиня Камаевой, Анна, несмотря на свой уже вовсе не юный возраст, – новый человек в школе. То, к чему другие уже притерпелись, представляется ей диким, возмутительным, не имеющим права на существование. Такое положение начинающих учительниц в педагогическом коллективе обеспечивает в обеих книгах двойной взгляд на школьные реалии: изнутри и

со стороны. Почти одинаковыми словами говорят Лена в «Ёлке» и Анна в «Училке» о царящей в школе лжи, воспринимаемой многими как норма жизни. Героиня Терентьевой, слушая речи на педсовете, недоумевает: «Я смотрела на спокойные, даже равнодушные лица учителей. Они привыкли к вранью, иначе в школе не продержишься» [там же: 98]. Об этом же пишет героиня Камаевой в своем дневнике: «<...> большинство молчит <...> Не хочет видеть, что происходит в себе и вокруг <...> Давно живем в формате 4D: говорим одно, делаем другое, в отчетах пишем третье, думаем, разумеется, четвертое» [Камаева 2013: 260].

Доставшаяся в наследство от социалистических времен привычка к двойным стандартам сочетается в современной школе с проблемами, порожденными переходным периодом. Они обсуждаются в диалогах Анны с коллегами и братом Андреем, становятся предметом рефлексии во внутренних монологах героини, дают о себе знать в изображенных в романе конфликтных ситуациях.

Воспитанная советской школой Анна, начав учительствовать, сталкивается с другой реальностью, что заставляет ее проводить постоянные мысленные параллели: *тогда – сейчас, я – они* (в данном случае ее неоднократно упоминающийся в романе возраст – сорок два года – становится важной деталью, многое объясняющей в ее восприятии школьной жизни). Она всматривается в своих учеников с любопытством, удивлением, недоверием, порой даже враждебностью: «Я стояла и смотрела на этих странных детей. Они хихикали, переговаривались, они быстро, за пару минут поняли, что я не представляю для них опасности. Нет, я даже не думала, на что подписываюсь, идя в школу» [Терентьева 2013: 63]. Современные ученики не привыкли читать (как говорит одна из изображенных в романе учительниц, «это нечитающее поколение. Они не могут сосредоточиться. У них мозги уже по-другому устроены. Не могут, не то что не хотят!» [там же: 126]), а когда все-таки берут в руки книгу, не в состоянии адекватно понять ее содержание (Анна в недоумении сетует: «Я не могла себе представить, чтобы дети до такой степени ничего не понимали в прочитанном, не умели анализировать, не находили обычных слов для выражения одной-двух мыслей, не имели этих мыслей вообще» [там же: 102]). Зато нынешние школьники, живущие в новом информационном пространстве, знают то, о чем не имели представления их сверстники в годы Анниного детства, но это рассматривается главной героиней не как достижение, а как обратная сторона свободы и технического прогресса: «Все, что человечество

прятало от своих же собственных глаз, теперь можно посмотреть в любое время, в любом месте, в любом возрасте» [Терентьева 2013: 38].

Терентьева постоянно повторяет мысль, что Анна и ее ученики принадлежат разным мирам, между которыми трудно найти точки соприкосновения, в этом с горечью признается учительница: «Нет, не понимаю, не умею, другой мир, другой язык, другие ценности. Не читали те книги, которые читала я, и никогда их не прочитают» [там же: 231]. Об этом же с вызовом говорит ученик в ответ на просьбу вспомнить фильм «Служили два товарища»: «Мы таких артистов не знаем, понимаете? Вы остались там, а мы пришли сюда, где их уже нет. Другой мир. И мы другие» [там же: 65].

В связи с тем что главная героиня преподает литературу, в книге неоднократно цитируются, комментируются или просто упоминаются в разных контекстах многие художественные произведения, что создает насыщенный интертекстуальный фон и характеризует ее внутренний мир. В книге достаточно подробно воссоздан фрагмент урока по «Недорослю», в процессе которого Анна пытается убедить ребят в том, что эта пьеса не утратила своей актуальности (вообще выявление параллелей между классикой и современностью – любимый методический прием героини). Думается, текст выбран не случайно: многие персонажи-ученики, выведенные в романе, заставляют вспомнить Митрофана, а созданные Терентьевой образы самоуверенных родителей убеждают, что тип госпожи Простаковой не канул в вечность, а, напротив, актуализировался на рубеже XX–XXI вв.

Психологическое несовпадение Анны с учениками принимает характер откровенной вражды с частью из них, писательница дает понять, насколько опасным и жестким может быть это противостояние. Завуч предупреждает бывшую подругу детства: «Я хочу, <...> чтобы тебя не разорвали, не сплющили, не истоптали» [там же: 50].

Казалось бы, у героини есть все данные для того, чтобы завоевать авторитет среди школьников, стать любимым Учителем, властителем дум. Она талантливая, творческая, внутренне раскрепощенная личность с сильным, независимым характером, кроме того, она по-женски привлекательна, что показывает отношение к ней окружающих мужчин.

Отечественная литература знает немало образов свободно мыслящих учителей, не нашедших понимания с начальством, вступивших в конфликт с системой, но ставших кумиром учеников. Таков, например, в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» Виктор Юльевич Шенгели, уроки которого стали для школьников послевоенных

лет истинным откровением; именно он перевернул представление главных героев романа о мире и сформировал их личность. Поначалу Виктор Юльевич и его ученики говорят на разных языках и исповедуют разные ценности («Сразу стало ясно, что Виктор Юльевич литературу любит, а войну – нет. Странный человек! В то время все юное мужское население, не успевшее пострелять фашистов, войну обожало» [Улицкая 2012: 44]), но странность его речей не отталкивает, а, наоборот, завораживает ребят, вызывает интерес и желание подражать учителю.

В «Училке» такого не происходит – времена изменились. Конечно, в каждом классе есть несколько детей, слушающих Анну с интересом и относящихся к ней с уважением, но никто из них, даже тонкая, умная Катя Бельская, которую Анна особо выделяет из общей массы, не стал для главной героини настоящим другом, учеником в глубоком смысле этого слова.

Думается, дело здесь не только в веяниях времени, но и в самой героине, представляющей собой психологический тип, характерный для переходной эпохи. На протяжении почти всей книги мы видим, что Анна находится в состоянии неопределенности, и это касается всех сфер ее существования. Она не хочет создавать классическую семью с отцом своих детей Игоряшей, но и не спешит разорвать с ним отношения, поэтому не может однозначно ответить директору школы на банальный вопрос, замужем она или нет. Имея за плечами разнообразный профессиональный опыт, героиня приходит в школу, но не уверена, что задержится там надолго.

С. Вечтомова упрекает автора книги в нетипичности главной героини, рассматривая этот факт как один из недостатков романа: «Удивляться, пожалуй, можно лишь нетипичности новоявленной учительницы и ее личных обстоятельств. <...> Но, наверное, для книги о школе как явлении хотелось бы чуть большей, скажем так, типичности» [Вечтомова 2013]. Думается, что этот упрек несправедлив: Терентьева намеренно показывает нетипичную учительницу, которая сама ощущает свою чужеродность школьному миру, стилистически не совпадает с ним, и пренебрежительное слово «училка» характеризует не только восприятие школьниками педагога, но и определенную иронию героини по отношению к собственной миссии. В книге есть образы других учителей, в совокупности создающие достаточно узнаваемый образ школы, что, кстати, признает и автор процитированной рецензии.

К наиболее интересным моментам книги можно отнести изображение отношений Анны и ее психологической антагонистки – завуча Розы, которую Анна знала во времена детства, что вно-

сит в общение бывших подруг характер легкой неформальности, но не играет определяющей роли. Противопоставление двух типов учителей (условно говоря, прогрессиста и консерватора) – устойчивый элемент сюжетной конструкции произведений о школе. Традицию создания такого рода антитезы заложил еще А. П. Чехов, противопоставив «человека в футляре» Беликова ненавидящему всякую мертвечину Коваленко. В этом же контексте можно рассмотреть оппозицию Мельникова и Светланы Михайловны («Доживем до понедельника» Г. Полонского), Служкина и Розы Борисовны («Географ глобус пропил» А. Иванова).

Чеховскую реминисценцию можно увидеть даже в том, как характеризует Розу главная героиня: «Не скажет она искренне ничего. Она в кожухе, в футляре, в чехле и очень давно» [Терентьева 2013: 110]. Однако Роза совсем не Беликов, Анна вынуждена признать, что бывшая подруга с легкостью решает педагогические проблемы, кажущиеся главной героине неразрешимыми, а ее дочь в восторге от внешнего вида Розы Александровны, ее королевской стати и величия. И дело здесь не только в страхе, который нагоняет завуч на своих подопечных, но и в педагогическом чутье, и в отношении к своему делу, и в присущей ей харизме. В «Училке» к многочисленным определениям, характеризующим сложившееся ещё у русских классиков отношение к школе (ад, тюрьма, полицейский участок, суд, дом)¹, добавляется еще одно, достаточно неоднозначное: с точки зрения Розы, школа – это театр. «Во-первых, посмотри на себя, – учит она Аню, – ты небрежно одета. <...> А надо одеваться, как в театр. Школа – это театр, понимаешь? Ты на сцене, на тебя смотрят сотни глаз, а ты в джинсах и в невнятном свитере ходишь. Поглоти их внимание собой!» [там же: 166]. В высказывании Розы есть доля истины, однако эстетика, за которую ратует завуч, чужда Анне, театральности она предпочитает естественность.

Повествование ведется в книге от первого лица, это обеспечивает свойственную женской прозе исповедальную интонацию и провоцирует нас на отождествление героини и ее создателя. Нет сомнения в том, что Терентьева вкладывает в уста Ани многие собственные мысли, однако определенная дистанция между автором и героиней все-таки существует. Это подтверждается хотя бы тем, что сама писательница литературу в школе никогда не преподавала. Сюжет романа показывает, что героиня не всегда права в своих выводах, это заставляет отнести к ее категоричным оценкам современной школы не как к истине в последней инстанции, а как к эмоциональной реакции на увиденное неглупого, но не всегда

объективного человека. Так один из наиболее неприятных Анне учеников, Кирилл Селиверстов, спасает жизнь ее сына, проявляя при этом подлинный героизм, что заставляет учительницу усомниться в своих поспешных первоначальных оценках.

По мере развития сюжета в романе Терентьевой все больше актуализируются жанровые модели, свойственные массовой литературе, а изображение школы постепенно отходит на второй план. Установка на занимательность повествования проявилась уже в изображении конфликта Анны с наглым, уверенным в своей безнаказанности одиннадцатиклассником Ильей Громовским. Сюжетная линия, связанная с Громовским и его матерью, вобрала в себя такие традиционные для массовой литературы мотивы, как похищение ребенка, шантаж, чудесное спасение. История с Громовскими имеет в романе счастливую, но условную развязку: все разрешается благодаря вмешательству всемогущего брата героини, выступающего в функции, аналогичной волшебному помощнику в сказке².

В соответствии со сказочной поэтикой выстроен и финал: героиня обретает принца – знаменитого дирижера, настоящего мужчину, воплощение своей мечты, однако к «школьной» части романа этот финал никакого отношения не имеет, поставленные вопросы так и остаются без ответа.

Таким образом, несмотря на то что ни «Ёлка» Камаевой, ни «Училка» Терентьевой не стали выдающимися художественными событиями, оба произведения органично вписались в современный литературный процесс. В обеих книгах мы можем видеть объединение черт дамского романа (повести) и школьной повести, что соответствует общей тенденции литературы последних десятилетий к жанровому синтезу. С точки зрения поэтики и представленных проблемно-тематических комплексов роман Терентьевой – более характерное для современной женской прозы явление, чем книга Камаевой. В «Ёлке» присутствие женского начала проявляется в повышенной эмоциональности героини-рассказчицы и ее растерянности перед меняющейся на глазах действительностью.

В целом, картина современной школы, увиденная женским взглядом, не противоречит тому, что представлено в произведениях авторов-мужчин. Проблемы, порожденные новым временем (социальное расслоение, утрата доверия к учителю, падение общей культуры, размытая система ценностей, идеологический вакуум), соединяются с пороками, доставшимися в наследство от советской системы (двойные стандарты, процентомания). Все это стало в обоих романах

предметом обсуждения и нашло отражение в изображенных художественных коллизиях.

В то же время в обоих произведениях отмечается тенденция внести в достаточно пессимистичную картину светлые краски (трудно сказать, связано это с женской психологией авторов или установкой на каноны массовой литературы). В первую очередь это проявляется в образах центральных героинь, каждой из которых присуще обостренное чувство справедливости и вера в высокую миссию учителя. Особенно отчетливо установка на создание образа положительной героини обнаруживается в романе Камаевой; образ учительницы, созданный Терентьевой, более сложный, неоднозначный, а следовательно, более интересный.

Пессимистическое звучание финала романа Камаевой ослабляется за счет введения традиционного (если не сказать банального) мотива ученика, продолжающего дело учителя. В финале «Училки» актуализируются жанровые модели массовой литературы, школьная тема отходит на второй план. Это придает роману в целом оптимистическое звучание, но подчеркивает неразрешимость поднятых писательницей школьных проблем.

Примечания

¹ Подробнее о семантическом ряде, раскрывающем суть отношения русских классиков к школе, см.: [Бурдина, Мокрушина 2014: 99–108].

² О значимости интерпретации сказочных мотивов и сюжетов в женской прозе см.: [Барашкова, Желобцова 2009: 101; Улыбина 2004: 539].

Список литературы

Абашева М. П., Воробьева Н. В. Русская женская проза на рубеже XX–XXI веков: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 2007. 176 с.

Барашкова С. Н., Желобцова С. Ф. Особенности поэтики современной женской прозы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2009. Т. 6, №2. С. 98–102.

Бурдина С. В., Мокрушина О. А. Изображение школы в русской литературе XIX века: основные тенденции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2(26). С. 99–108.

Бурыкина Н. Переходная эпоха и рефлексия исторического процесса: философско-культурологический аспект // Вестник Волгоградского университета. Сер. 7. Философия. 2009. №2. С. 38–46.

Вечтомова С. О времена, о нравы? // Питерbook, 27.12.2013. URL: <http://www.krupaspb.ru/piterbook/recenzii.html?nn=1589> (дата обращения: 17.01.2014).

Данилкин Л. Клуб. Как литература «нулевых» стала тем, чем не должна была стать ни при каких обстоятельствах // Новый мир. 2010. №1. С. 135–154.

Камаева О. Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы. М.: АСТ; СПб.: Астрель – СПб, 2013. 285 с.

Комаровский В. Переходное сознание переходного периода // Общественные науки и современность. 1994. №1. С. 39–46.

Лебедушкина О. Возвращение лужера. О любимчиках и пасынках «нового производственного романа» – 2 // Дружба народов. 2009. №11. С. 188–197.

Савкина И. Л. «Да, женская душа должна в тени светиться...» // Жена, которая умела летать: Проза русских и финских писательниц. Петрозаводск: ИНКА, 1993. 430 с.

Терентьева Н. Училка. М.: Изд-во АСТ, 2013. 480 с.

Улицкая Л. Зеленый шатер. М.: Астрель, 2012. 637 с.

Улыбина Е. В. Субъект в пространстве женского романа // Пространства жизни субъекта: Единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции. М.: Наука, 2004. С. 538–555.

Черняк М. А. Школа как диагноз: опыт современной прозы / Детская литература сегодня: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 7–18.

References

Abasheva M. P., Vorobjova N. V. Russkaja zhen'skaja proza na rubezhe XX–XXI vekov: ucheb. posobiye po spetskursu [Russian women's prose at the turn of the XX–XXI centuries]. Perm, 2007. 176 p.

Barashkova S. N., Zhelobtsova S. F. Osobennosti poetiki sovremennoy zhenskoy prozy [Peculiarities of poetics of contemporary women's prose]. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova [North-Eastern Federal University Ammosova Herald]. 2009. Vol. 6. No 2. P. 98–102.

Burdina S. V., Mokrushina O. A. Izobrazheniye shkoly v russkoy literature XIX veka: osnovnyje tendencii [Image of School in Russian literature of the XIX century: main trends]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 2(26). P. 99–108

Burykina N. Perekhodnaja epokha i refleksija istoricheskogo processa: filosofsko-kul'turologicheskij aspekt [Transitional era and reflection of the historical process: the philosophical and cultural aspect]. Vestnik Volgogradskogo universiteta [Volgo-

grad University Herald]. Ser. 7. Filosofija. 2009. №2. P. 38–46.

Vechtomova S. O vremena, o nrawy? [Oh times, oh morals?]. Piterbook, 27.12.2013. Available at: <http://www.krupaspb.ru/piterbook/recenzii.html?nn=1589> (accessed 17.01.2014).

Danilkin L. Kludzh. Kak literatura «nulevykh» stala tem, chem ne dolzhna byla stat' ni pri kakikh obstoyatel'stvakh [Kludge. How literature of the “zero” became what should not be under any circumstances] // *Novyy mir* [New World]. 2010. No 1. P. 135–154.

Kamaeva O. Jolka. Iz shkoly s lyubovju ili Dnevnik uchitel'nicy [Fir-tree. From school with love or Teacher's diary]. Moscow: AST Publ.; St. Petersburg: Astrel' – SPb Publ., 2013. 285 p.

Komarovskij V. Perekhodnoje soznanie perekhodnogo perioda [Transitional consciousness of transitional period]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1994. No 1. P. 39–46.

Lebjodushkina O. Vozvrashhenie luzera. O ljubimchikakh i pasynkakh «novogo proizvodstvennogo romana» – 2 [Return of a loser. About pets and stepsons of a “new production novel” – 2]. *Druzhba*

narodov [Friendship of Nations]. 2009. No 11. P. 188–197.

Savkina I. L. «Da, zhenskaja dusha dolzhna v teni svetit'sja...» [“Yes, women's soul must shine in the shade ...”]. *Zhena, kotoraja umela letat'*: Proza russkikh i finskikh pisatel'nits [Wife who was able to fly: Prose Russian and Finnish writers]. Petrozavodsk: INKA Publ., 1993. 430 p.

Terentjeva N. Uchilka [The teacher]. Moscow: AST Publ., 2013. 480 p.

Ulitskaya L. Zelenyj shater [Green tent]. Moscow: Astrel' Publ., 2012. 637 p.

Ulybina Ye. V. Subjekt v prostranstve zhenskogo romana [Subject in a space of women's novel] / *Prostranstva zhizni subjekta: Yedinstvo i mnogomernost' subjektnoobrazujushhej social'noj ehvoljucii*. [Living spaces of subject: Unity and the multidimensionality of subject-forming social evolution] Moscow: Nauka Publ., 2004. P. 538–555.

Chernjak M. A. Shkola kak diagnoz: opyt sovremennoj prozy [School as a diagnosis: the experience of modern prose]. *Detskaja literatura segodnja: Sbornik nauchnykh statej* [Children's Literature Today: Collected articles]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical Univ., 2010. P. 7–18.

THE TOPOS OF SCHOOL IN WOMEN'S PROSE OF 2000s

Olga A. Mokrushina

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature
Perm State University

The article presents women's view on school-life in the post-Soviet period. Novels “*Iolka. Iz shkoly s lyubovju, ili Dnevnik uchitel'nicy*” (“A fir tree. From school with love, or a teacher's Diary”) by O. Kameneva and “*Uchilka*” (“A teacher”) by N. Terentieva show the way the Soviet era heritage and problems caused by the transition period are interweaved in today's school. Analysis of the main female characters in both novels reveals that, on the one hand, they are untypical of contemporary “school text”, and on the other hand, they are typical of women's prose. The novels reflect such problems characteristic of women's prose as relationship between men and women, women's emancipation, self-realization and bringing up children. It is shown that features of a women's novel and a school story blend in both novels, which fits the last decades tendency to genre fusion.

Representation of school in women's prose is similar to that in novels by male authors. Problems of post-Soviet life, such as social inequality, mistrust of a teacher, low culture, deterioration in values and ideological vacuum are mingling with problems inherited from the Soviet society. That is the object of discussion in both novels.

Key words: school; transition period; women's prose; topos; image; motif.